

A woman with long dark hair, wearing a red dress, is captured in a dynamic dance pose. She is leaning forward with her arms raised, one hand near her head. The background is a deep blue with soft, white, cloud-like shapes. The overall mood is artistic and expressive.

Дана Голдзон

Пуржестранка

Виктор Марин

chadome.ru

Annotation

Это сага, которая завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Это сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера - любви, которой не страшны пространство и время. Это сага о женщине, которая, оказавшись в совершенно непостижимой ситуации, нашла в себе силы и мужество противостоять обстоятельствам. Люди исчезают. Исчезают значительно чаще, чем вы думаете. Многих потом находят живыми или мертвыми. И обычно всему имеется объяснение. Обычно - но не всегда. 1945 год. Клэр Рэндолл, четыре года прослужившая медсестрой на фронте, возвращается к мирной жизни и воссоединяется со своим мужем Фрэнком. Они уезжают в Шотландию, чтобы отпраздновать свой второй медовый месяц и отыскать сведения о предках Фрэнка. Но одно мимолетное прикосновение к камню из древнего святилища - и Клэр необъяснимым образом переносится из XX века в 1743 год, в то время, когда Шотландию раздирала кровавая междоусобная война. То, что произойдет потом в этой варварской для человека из XX века стране, не только поставит под угрозу жизнь Клэр, но и разобьет ее сердце, ведь здесь, в Шотландии, она встретит мужчину своей мечты.

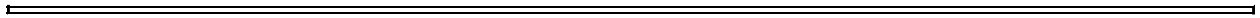
- [Диана Гэблдон](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)

Диана Гэблдон

Чужестранка. Книга 1

*Памяти моей матери
Жаклин Сайке Гейблдон,
которая научила меня читать.*

Часть первая
ИНВЕРНЕСС, 1945

Глава 1

НОВОЕ НАЧАЛО

Это было не слишком подходящее место для исчезновений — во всяком случае, на первый взгляд. Меблированные комнаты миссис Бэйрд не отличались от тысячи других таких же пансионов с завтраком в горной Шотландии 1945 года, чистеньких и тихих: обои в цветочках, полы натерты до блеска, в туалетной комнате надо опустить монетку, чтобы потекла горячая вода. Сама миссис Бэйрд была маленькая, толстенькая и очень подвижная; ее ничуть не беспокоило, что Фрэнк разбрасывает множество своих книжек и газет, без которых для него немыслима никакая поездка, по ее крошечной — обои в розочках — гостиной.

Я встретила миссис Бэйрд в передней, собираясь уходить. Она ухватила меня за рукав одной своей пухлой ручкой, а другую протянула к моим волосам.

— Миссис Рэндолл, это просто невозможно — выходить на люди с такой головой! Подождите, я немного поправлю, вот так. Уже лучше. Моя кузина говорила мне, что сделала перманент по новому способу, выглядит великолепно и держится — прямо мечта. Может, и вам стоит в следующий раз попробовать...

У меня не хватило храбрости сказать ей, что мои непослушные каштановые кудряшки — всего-навсего ошибки природы, а не результат небрежности искусников от перманента. Туго и аккуратно уложенные волны на голове миссис Бэйрд свидетельствовали, что к ее прическе отнеслись со всем тщанием.

— Я непременно так и поступлю, миссис Бэйрд, — соврала я. — Я иду вниз в деревню, мы договорились встретиться там с Фрэнком. Вернемся к чаю.

Я выскочила за дверь и быстро зашагала по дорожке, пока она не успела углядеть в моей наружности еще какие-нибудь дефекты. Я четыре года прослужила медсестрой в Королевской армии и, радуясь избавлению от форменной одежды, носила светлые легкие бумажные платья, совершенно непригодные для прогулок по вересковым пустошам.

Нельзя сказать, чтобы я загодя планировала много таких прогулок; мечты мои устремлялись совсем к другому; спать подольше по утрам, а по вечерам побольше времени проводить в постели с Фрэнком, но уже не спать. Однако поддерживать соответствующее томно-романическое

настроение оказалось не слишком легко из-за рвения и постоянства, с каким миссис Бэйрд орудовала пылесосом поблизости от нашей двери.

— Должно быть, это самый грязный ковер во всей Шотландии, — к такому заключению пришел Фрэнк нынче утром, когда мы с ним еще лежали в постели, а в прихожей неистово ревел пылесос.

— Почти такой же грязный, как воображение нашей хозяйки, — согласилась я. — Может, нам стоило бы перебраться в Брайтон.

Мы получили возможность отдохнуть перед тем, как Фрэнк приступит к своим обязанностям профессора истории в Оксфорде, и выбрали Шотландию из-за того, что ее меньше, чем другие области Британии, коснулись ужасы войны, а неистовые веселости, послевоенного времени не поразили ее в той степени, как многие другие курортные места.

Кроме того — хоть мы этого и не обсуждали, — для нас обеих горы Шотландии имели некое символическое значение, если иметь в виду восстановление нашей супружеской жизни; мы поженились семь лет назад и успели провести именно в Шотландии всего два дня нашего медового месяца, перед тем как разразилась война. Мирное прибежище, где мы вновь обретем друг друга, — так мы думали, несколько упустив из виду, что если гольф и рыбная ловля — наиболее популярные местные виды спорта на вольном воздухе, то излюбленным спортом для закрытых помещений здесь являются сплетни и пересуды. Поскольку в Шотландии часто идут дожди, люди проводят в закрытых помещениях достаточно много времени.

— Ты куда собираешься? — спросила я, когда Фрэнк спустил ноги с кровати.

— Ужасно не хочется разочаровывать старушку, — ответил он и, сидя на краю древней кровати, принялся раскачиваться взад-вперед.

Кровать пронзительно скрипела. Пылесос в прихожей внезапно умолк. Покачавшись минуту или две, Фрэнк испустил громкий театральный стон и с маху откинулся назад, так что пружины матраса возмущенно зазвенели. Я захихикала и уткнулась в подушку, чтобы не спугнуть затаившую дыхание слушательницу за дверью.

Фрэнк зверски нахмурил брови.

— Ты должна стонать в экстазе, а не хихикать, — прошипел он. — Иначе она решит, что я никуда не годный любовник.

— Тебе следовало бы заниматься этим подольше, чтобы услышать экстатические стоны. Две минуты только хихиканья и заслуживают.

— Шлюшка бессердечная! Прошу не забывать, что я сюда приехал на отдых.

— Ты самый настоящий лентяй! Если не будешь усердно трудиться, на твоём генеалогическом древе никогда не вырастет новая ветвь!

Кстати, страсть Фрэнка к генеалогии была ещё одной причиной, которая привела нас в Шотландию. Если верить некоему грязному клочку бумаги — Фрэнк повсюду таскал его с собой, — то один из его занудных предков имел какое-то отношение к чему-то в этом районе то ли в восемнадцатом, то ли даже в семнадцатом веке.

— Если я превращусь в засохший бесплодный сучок на моём фамильном древе, то повинна в этом будет наша неутомимая хозяйка. Ведь мы женаты почитай что восемь лет. Маленький Фрэнк-младший может быть зачат на вполне законных основаниях без присутствия свидетелей.

— Если он вообще будет зачат, — пессимистически добавила я, вспомнив о разочаровании, которое мы пережили за неделю до отъезда в горы.

— При таком бодрящем воздухе и здоровой диете? Чем ещё мы могли бы этому помочь?

Позавчера на обед подавали жареную сельдь. Вчера на второй завтрак — сельдь соленую, а сегодня на первый завтрак, судя по запаху, который доносился снизу, нам должны были подать сельдь копченую.

— Если ты не хочешь дать миссис Бэйрд ещё один повод для нотации, — сказала я, — то тебе, пожалуй, пора одеваться. Ты ведь, кажется, должен встретиться с пастором в десять?

Достопочтенный доктор Реджиналд Уэйкфилд, викарий местного прихода, должен был предоставить Фрэнку возможность изучить неотразимо привлекательные записи о крещениях, не говоря уже о блестящей перспективе откопать какие-нибудь ветхие офицерские списки или хотя бы упоминание о пресловутом предке.

— А как звали твоего прапрапрадедушку, который крутился где-то в этих краях во время одного из восстаний? — спросила я. — То ли Уилли, то ли Уолтер, не могу вспомнить.

— На самом деле его звали Джонатан.

Фрэнк, в общем, мирно относился к тому, что я не проявляю никакого интереса к истории его семьи, но постоянно был на страже, готовый воспользоваться малейшим проявлением любознательности с моей стороны как поводом для сообщения фактов о прошлом Рэндоллов и об их генеалогических связях. Он застегивал рубашку, а в глазах уже вспыхнул неистовый блеск лектора-фанатика.

— Джонатан Уолвертон Рэндолл — Уолвертоном его называли в честь дяди по матери, второго по старшинству сына рыцаря из Сассекса. Но он

был гораздо более известен под лихим прозвищем Черный Джек, которое заслужил в армии, думаю, как раз во время пребывания в этих местах.

Я плюхнулась ничком на постель и притворно захрапела. Фрэнк, не обращая на меня внимания, продолжал свои научные толкования:

— Он приобрел патент на офицерский чин в середине тридцатых годов, я имею в виду тысяча семьсот тридцатых, и был драгунским капитаном. Судя по этим вот старым письмам, знаешь, которые мне прислала кузина Мэй, в армии он служил хорошо. Недурной вариант для второго сына; его младший брат, в соответствии с традицией, стал священником, но о нем мне пока что ничего не довелось узнать. Во всяком случае, Джек Рэндолл получил похвалу от герцога Сандрингэма за свои действия накануне и во время событий сорок пятого года, то есть второго якобит-ского восстания. — И добавил, обращаясь к равнодушной аудитории: — Ну ты же знаешь, Красивый Принц Чарли и тому подобное^[1].

— Я не уверена, что шотландцы поняли, кого они потеряли, — заметила я, усаживаясь на постели и пытаясь привести в порядок волосы. — Вчера в пабе я слышала, что бармен называл нас словечком «сэ-синак».

— А почему бы и нет? — благодушно отозвался Фрэнк. — Это всего-навсего означает «англичанин» или на худой конец «чужак», а мы и есть чужаки.

— Я знаю, что это означает. Мне его тон не понравился.

Фрэнк перегнулся через письменный стол за своим брючным ремнем.

— Он просто обиделся. Я сказал, что эль у них слабый. И еще прибавил, что в бочку с настоящим шотландским пивом полагается бросить для крепости старый башмак, а готовый продукт процедить через изрядно изношенную тряпку от нижнего белья.

— Ах, так вот что повлияло на сумму счета!

— Я выразился столь тактично потому, что в гэльском языке^[2] нет слова, которое обозначало бы штаны или подштанники.

Я потянулась за собственными трусиками, несколько заинтригованная.

— А почему нет? Разве шотландцы в старину не носили нижнего белья?

Фрэнк покосился в мою сторону.

— А ты никогда не слышала песенку о том, что носит шотландец под своей юбкой^[3]?

— Надеюсь, что не панталончики до колен, как у истых

джентльменов, — сухо заметила я. — Может, мне, пока ты будешь резвиться с викарием, пойти поискать местного любителя национальной одежды и спросить у него?

— Пожалуйста, только постарайся, чтобы тебя не арестовали, Клэр, декану колледжа Святого Гилберта это наверняка не понравилось бы.

Я не встретила ни одного шотландца в юбке, который слонялся бы по городской площади или охранял окружавшие ее магазины. Но народу там было порядочно, главным образом хранительниц домашнего очага типа миссис Бэйрд, совершавших покупки. Они были весьма говорливы и явно любили посплетничать; их солидные, облаченные в платья из набивного ситца фигуры делали атмосферу в магазинах какой-то особенно уютной и теплой — в противоположность холодной утренней измороси на улице.

Я не занималась хозяйством, и покупать мне было почти нечего, но мне нравилось разглядывать товары, вновь в изобилии появившиеся на полках, меня это обилие радовало. Слишком уж долго все выдавалось по карточкам, к тому же приходилось отказывать себе даже в таких обыкновенных вещах, как мыло или яйца, а уж о малейшей роскоши вроде одеколона «Голубой час» говорить нечего.

Я задержалась у витрины с предметами домашнего обихода: там были вышитые чайные скатерти и салфетки, кувшины и стаканы, стопка форм для пирогов и набор из трех ваз.

Ваз у меня в жизни не было. Во время войны я жила, естественно, в казармах для медсестер, сначала в госпитале Пемброк, позднее — в полевом госпитале во Франции. А до войны мы нигде не жили подолгу и потому ничем подобным не обзаводились. Купи я себе какую-никакую вазочку, дядя Лэм натолкал бы в нее своих археологических черепков задолго до того, как я собралась бы поставить в нее хотя бы букетик маргариток.

Квентин Лэмберт Бошан. Кью — для студентов-археологов и для друзей, доктор Бошан — в ученых кругах, в которых он вращался, преподавал, вообще существовал. Но для меня всегда только дядя Лэм.

Единственный брат моего отца и мой единственный живой родственник, он поселился со мной, пятилетней девочкой, после того, как мои родители погибли в автомобильной катастрофе. В то время он как раз обдумывал и планировал путешествие на Средний Восток, но его приготовления были надолго отложены из-за похорон, необходимости распорядиться наследством моих родителей, а меня поместить в хорошую школу-интернат для девочек. «Помещаться» в эту школу я отказалась наотрез.

Дядя Лэм ненавидел личные конфликты любого рода; столкнувшись с необходимостью отдирать мои пухлые пальчики от дверной ручки машины и насильно волочить меня по ступенькам лестницы ко входу в школу, он вздохнул в отчаянии, пожал плечами и выбросил из окна машины свои благие намерения вместе с моей новой круглой соломенной шляпкой.

— Гадость, — пробормотал он, глядя в зеркало заднего вида, как шляпка весело катится по дороге, в то время как мы на большой скорости уезжаем в противоположном направлении. — Всю жизнь ненавидел дамские шляпки. Любые. — Суровым взглядом он приковал меня к месту и произнес не менее суровым тоном: — Запомни одно: ты не будешь играть в куклы моими персидскими резными статуэтками. Все что угодно, только не это. Поняла?

Я кивнула, полностью удовлетворенная. Я поехала с ним на Средний Восток, потом в Южную Америку, а потом еще в десятки разных городов по всему миру. Я научилась читать и писать по заголовкам журнальных статей, научилась рыть уборные, кипятить воду и делать еще множество вещей, совершенно не подходящих для девицы хорошего происхождения, и делала все это, пока не встретила красивого темноволосого историка, который приехал к дяде проконсультироваться по поводу связей французской философии с египетскими религиозными обрядами.

Но и после того, как мы с Фрэнком поженились, мы вели кочевой образ жизни, свойственный молодым представителям науки, которым приходится обитать либо в гостиницах во время научных конференций, либо во временных наемных квартирах. Потом разразилась война, Фрэнк попал в офицерскую школу и затем в разведгруппу в МИ-6, а я поступила в школу медсестер. И хотя мы и в самом деле женаты почти восемь лет, нашим первым собственным домом будет новый дом в Оксфорде.

Крепко зажав сумку под мышкой, я вошла в магазин и купила вазы.

Я встретила Фрэнка на Хай-стрит, у поворота на Джирисайд-роуд, по которой мы и пошли дальше вместе. Увидев мои покупки, он удивленно приподнял брови.

— Вазы? — Он улыбнулся. — Замечательно. Наконец-то перестанешь вкладывать цветы в мои книжки.

— Это вовсе не цветы, это образчики, нечто вроде гербария. Ты же сам хотел, чтобы я занялась ботаникой. Чем-то же надо заполнять мозги, раз уж я больше не медсестра.

— Верно. — Он одобрительно кивнул. — Но я как-то не имел в виду, что каждый раз, едва я раскрою справочник, мне на колени высыпается сушеная зелень. Что это за труха, которую ты поместила в Таскама и

Бэнкса?

— Гороц перечный. Помогает при геморрое.

— Готовишься к моей близкой старости? Как это предусмотрительно с твоей стороны, Клэр!

Смеясь, мы вошли через калитку во двор, и Фрэнк остановился, чтобы пропустить, меня вперед по узкой лесенке ко входу.

Внезапно он схватил меня за руку.

— Постой! Не наступи в это.

Я остановилась, приподняв ногу над темнеющим на ступеньке большим коричнево-красным пятном.

— Странно, — сказала я. — Миссис Бэйрд скоблит и моет эти ступеньки каждое утро, я это видела. Как ты думаешь, что это такое?

Фрэнк наклонился пониже и осторожно принялся.

— В общем-то, я бы сказал, что это кровь.

— Кровь! — Я отступила на шаг. — Чья? — Я с беспокойством заглянула в дом. — Ты полагаешь, что с миссис Бэйрд произошел несчастный случай?

Я не могла себе представить, чтобы наша безупречно чистоплотная хозяйка могла оставить кровавые пятна сохнуть на ступеньках возле двери. Если не произошло, конечно, нечто чрезвычайное. На минуту я представила себе, что гостиной завладел маньяк-убийца с топором в руках и что он сию минуту набросится на нас.

Фрэнк покачал головой. Приподнявшись на цыпочки, он заглянул через забор в соседний дворик.

— Я бы этого не сказал. Вон у Коллинзов на пороге точно такое же пятно.

— Правда?

Я подошла к Фрэнку — во-первых, мне и самой хотелось посмотреть через забор а во-вторых, я нуждалась в моральной поддержке..

Мне трудно было представить себе Шотландию в качестве арены массовых убийств, но я тут же подумала, что преступники такого сорта вряд ли руководствуются логическими критериями при выборе места действия.

— Это все как-то... неприятно, — заметила я. На соседнем участке тоже не было никаких признаков жизни. — Как ты думаешь, что случилось?

Фрэнк сдвинул брови и задумался. Потом его вдруг осенило, и он с размаху шлепнул себя ладонью по ноге.

— Кажется, я понял, в чем дело! Подожди здесь немного. — Он

ринулся к калитке и рысью выбежал на дорогу, оставив меня в полном недоумении возле лестницы.

Вернулся он очень скоро, сияя благорасположением.

— Да, пожалуй, я прав, так оно и должно быть. Точно такие пятна возле каждого дома на нашей улице.

— Ну и что это значит? Визит убийцы-маньяка? Я говорила несколько резковато, нервы были еще не совсем в порядке после того, как меня оставили одну во дворе наедине с большим пятном крови. Фрэнк засмеялся.

— Нет, это ритуальная жертва.

Он опустился на четвереньки в траву и уставился на пятно с большим интересом.

Это звучало ничуть не лучше, нежели «убийца-маньяк». Я присела на корточки рядом с Фрэнком и понюхала пятно. Для мух было еще рано, но два больших шотландских комара сидели возле высыхающей лужи крови.

— Что ты имеешь в виду со своей ритуальной жертвой? — спросила я. — Миссис Бэйрд аккуратно посещает церковь, ее соседи тоже. Здесь как-никак не жертвенный холм друидов^[4].

Фрэнк поднялся и отряхнул брюки от стебельков травы.

— Все-то ты знаешь, девочка моя. А между, прочим, нет другого места на земле, где суеверия и колдовство так тесно входили бы в обыденную жизнь, как здесь, в горной Шотландии. Церковь церковью, но миссис Бэйрд все равно верит в Старинный Народ, и все ее соседи тоже.

Кончиком до блеска начищенного ботинка он показал на пятно.

— Это кровь черного петуха, — пояснил он. — Дома совершенно новые. Сборные, фабричного производства.

Я посмотрела на него весьма холодно.

— Если ты воображаешь, что все объяснил, то это заблуждение. Подумай еще раз. Какая разница, старые это дома или новые? И куда все люди подевались?

— Думаю, собрались в пабе. Пошли посмотрим? Фрэнк взял меня за руку и повел к калитке, а потом вниз по Джирисайд-роуд.

— В старые времена, — говорил он по дороге, — впрочем, не так уж давно, при закладке дома по обычаю убивали какое-нибудь живое существо и закапывали под фундаментом как искупительную жертву местным духам земли. Обычай древний, как эти холмы. «И зароет он первенца своего в основании дома, а младшего сына под воротами».

Меня просто передернуло от этой цитаты.

— Слава Богу, что в наше время они отдают дань современности и

прогрессу и приносят в жертву всего лишь петухов. Ты имеешь в виду, что, поскольку дома новые и при постройке никто ничего под ними не закапывал, их обитатели теперь исправили ошибку?

— Совершенно верно. — Фрэнк, явно довольный моей понятливостью, похлопал меня по спине. — По словам викария, многие из здешних жителей верят, что война была послана в наказание за то, что люди отвернулись от старинных обычаев, забыли о своих корнях, перестали, к примеру, закапывать жертвы под фундаментом и сжигать рыбьи кости в камине, за исключением костей пикши. — Он так и сиял, углубившись в любезную сердцу тему. — Кости пикши сжигать ни в коем случае нельзя, понятно тебе? В противном случае ты больше никогда ни одной не поймашь. Кости пикши нужно закапывать в землю.

— Я сохранию это в памяти, — пообещала я. — Скажи мне, что следует сделать, чтобы больше не увидеть селедку, и я это немедленно совершу.

Он покачал головой, погруженный в глубины памяти, весь во власти научного экстаза и магии сведений, полученных из множества источников, — в такие минуты он совершенно терял связь с окружающей реальностью.

— Насчет селедки не знаю, — ответил он с отсутствующим выражением лица. — Против мышей надо повесить пучки травы под названием «дрожащий джок» и произнести заклинание: «Дрожащий джок повесим тут, и мыши в доме пропадут». Кажется, так. А что касается жертв, зарытых под фундаментом, то отсюда идут все легенды о призраках. Ты помнишь. большой, дом в конце Хай-стрит? Он называется «Маунтджералд». Так вот, в нем обитает призрак одного из рабочих, которые строили этот дом. Рабочего будто бы зарыли под домом в качестве ритуальной жертвы. В восемнадцатом веке, это же совсем не так давно. — Фрэнк немного помолчал, задумавшись, потом продолжал: — Говорят, что по приказу владельца дома одну из стен возводили первой, а потом сбросили сверху каменный блок на голову рабочему, скорее всего, парню, который всем докучал и потому был избран в жертвы. Его похоронили на том месте, а потом над ним возвели весь дом. Он появляется в чулане, под полом которого его зарыли, но только в годовщину своей смерти или в один из четырех Старых Дней.

— Старых Дней?

— Это старинные праздники, — объяснил Фрэнк, все еще блуждая в глубинах сознания. — Хогманей, то есть канун Нового года, Иванов день, потом Белтеин, или Праздник кельтских костров, и День всех святых. Друиды, древние пикты, вообще все древние народы Британии отмечали

праздники Солнца и Огня. В праздничные дни призраки получают свободу бродить где хотят и творить зло или добрые дела, как им заблагорассудится. — Он в задумчивости потер подбородок. — Белтейн как раз на носу, он отмечается незадолго до весеннего равноденствия. Когда попадешь в следующий раз в церковный двор, открой глаза пошире.

Глаза у Фрэнка весело заблестели, и я поняла, что он вышел из транса. Я рассмеялась:

— И много здесь знаменитых местных призраков?

Фрэнк пожал плечами:— Право, не знаю. Давай спросим викария, когда увидимся с ним в следующий раз, согласна?

Викария мы увидели очень скоро. Он, как и большинство его прихожан, сидел в пабе и попивал легкое светлое пиво по случаю нового освящения домов.

Он казался несколько смущенным: его застукали на том, что он смотрит сквозь пальцы на проявления язычества. Впрочем, он тут же свел это к наблюдению за интереснейшими местными обычаями исторического характера и почувствовал себя вполне свободно.

— Это просто зачаровывает, — доверительно сообщил он, и я с глубоким внутренним вздохом распознала песенку ученого, столь же знакомую, как «терр-уит!» лесного дрозда. Распознал зов родственной души и Фрэнк, подсел к нему, и оба тотчас по самую шейку погрузились в архетипы и параллели между древними верованиями и современной религией. Я пожала плечами, протолкалась сквозь толпу к бару и вернулась назад с двумя большими рюмками бренди с водой.

Зная по опыту, насколько трудно отвлечь внимание Фрэнка от подобного сорта дискуссии, я просто взяла его за руку, обернула его пальцы вокруг ножки рюмки и предоставила его самому себе.

Я нашла миссис Бэйрд на широкой скамейке у окна, где она распивала пинту горького пива в обществе и при участии немолодого мужчины, который был мне представлен как мистер Крук.

— Я говорила вам о нем, миссис Рэндолл, — заявила она, причем глаза у нее так и блестели от возбуждения: и оттого, что она немного выпила, и от присутствия мистера Крука. — Это тот самый, который знает все растения. Миссис Рэндолл ужас как интересуется растениями, — немедленно поведала она своему компаньону, наклонившему голову поближе к ней отчасти в знак вежливости, отчасти потому, что неважно слышал. — Она их засовывает в книжки и сушит.

— В самом деле? — произнес мистер Крук и приподнял косматую правую бровь, совершенно белую. — У меня есть специальные гербарные

сетки, предназначенные для засушивания растений. Остались после того, как мой племянник, он в университете учится, приезжал сюда на каникулы! Он привез их мне, а у меня не хватило духу сказать ему, что я такими вещами не пользуюсь. Травы надо сушить в пучках на весу либо на раме, а потом их следует хранить в марлевых мешочках или в кувшинах. Зачем расплющивать эти маленькие создания, ей-богу, не понимаю.

— Но, быть может, — мягко вмешалась миссис Бэйрд, — миссис Рэндолл хочет сделать из засушенных мальвочек или фиалок красивые картинки, чтобы повесить их на стену в рамке.

— Ммм-ф-мм... — По морщинистому лицу мистера Крука нельзя было догадаться, как он отнесся к этому сообщению. — Ладно, миссис, ежели эти сетки вам нужны, вы их можете получить, добро пожаловать. Выбрасывать их мне бы не хотелось, но мне от них никакого проку.

Я заверила мистера Крука, что с удовольствием воспользуюсь его любезным предложением, но была бы еще больше обрадована, если бы он мне показал, где здесь растут некоторые редкие растения. Несколько секунд он пристально изучал меня взглядом, склонив голову набок, словно повидавшая виды пустельга, но, придя наконец к выводу, что интерес мой самый обычный, без подвоха, назначил мне встречу утром, чтобы мы вместе прошли по кустарникам. Фрэнк, насколько я знала, собирался в Инвернесс на целый день, чтобы посмотреть какие-то записи в городской ратуше, и я была рада предлогу не ездить вместе с ним. Для меня все эти записи ничем не отличались одна от другой.

Вскоре Фрэнк наконец-то отклеился от викария, и мы отправились домой в обществе миссис Бэйрд. Я постеснялась заговорить с ней о пятне крови на крыльце; что касается Фрэнка, то он подобной застенчивости не проявил и с пристрастием расспрашивал о происхождении этого обычая.

— Он, наверное, очень древний, не так ли? — спросил он, со свистом нахлестывая прутом по траве на обочинах.

Желтенькие примулы-барашки уже распустились, цвели и первые анемоны, а почки на раkitнике набухли; еще неделя — и появятся сережки.

— О да, — откликнулась миссис Бэйрд, бойко шагая рядом с нами вперевалочку. — Никто и не знает точно, с какого времени он существует. Наверное, даже раньше, чем появились великаны.

— Великаны? — удивилась я.

— Да, великаны, Фьонн и Фейн, разве вы не знаете?

— Это герои гэльских народных сказок, — оживился Фрэнк. — Вероятно, скандинавского происхождения. Скандинавское влияние здесь можно обнаружить повсюду, по всему побережью к западу. Даже названия

некоторых мест скандинавские, а не гэльские.

Я округлила глаза, опасаясь вспышки праведного гнева со стороны миссис Бэйрд, но она только мило улыбнулась и охотно согласилась с Фрэнком: да, совершенно верно, она сама, когда ездила на север, видела камень, который называется Два Брата. Он ведь скандинавский, правильно?

— Скандинавы периодически появлялись в этих краях в течение сотен лет, примерно с пятисотого года от Рождества Христова и до тысяча трехсотого, — сказал Фрэнк, мечтательно глядя на облака на горизонте, словно их очертания напоминали ему похожие на драконов корабли викингов.

— Викинги! Они принесли с собой множество мифов, которые пали здесь на благодатную почву. В этом краю будто видишь начало вещей.

Этому я могла поверить. Спускались сумерки, и вместе с ними надвигалась гроза. Какой-то неземной, загадочный свет разливался под облаками, и даже совершенно новые дома вдоль дороги казались такими же древними и мрачными, как источенный непогодами пиктский столб в сотне футов от нас, вот уже тысячу лет обозначающий перекресток. В такой вечер лучше всего сидеть дома при закрытых ставнях.

Тем не менее Фрэнк предпочел пойти пропустить стаканчик шерри к местному адвокату мистеру Бэйнбриджу, который весьма интересовался старинными документами, а не сидеть в уютной гостиной миссис Бэйрд и любоваться при помощи стереопроектора видами гавани Перта. Освежив в памяти мою предыдущую встречу с мистером Бэйнбриджем, я предпочла Перт.

— Постарайся вернуться до начала грозы, — сказала я, целуя Фрэнка на прощанье. — Передай мистеру Бэйнбриджу мои извинения.

— Ммм, да. Да, конечно. — Старательно избегая встретиться со мной глазами, Фрэнк натянул пальто и ушел, захватив зонтик со стойки у двери.

Я закрыла за ним дверь, но не опустила защелку, чтобы он мог войти, никого не беспокоя. Вернулась в гостиную, по пути размышляя, что в данной ситуации Фрэнк охотно изобразил бы из себя холостяка, а мистер Бэйнбридж столь же охотно принял бы такую интерпретацию. И мне не на что обижаться в этом случае.

Во время нашего вчерашнего визита к мистеру Бэйнбриджу поначалу все шло хорошо. Я держалась скромно, тактично, разумно, не выставляла себя на первый план, оделась сверхаккуратно и неброско — словом, истинный идеал супруги преподавателя и члена совета колледжа. Ровно до того момента, как подали чай.

Вспомнив об этом, я повернула руку ладонью вверх и посмотрела на

длинный волдырь, пересекающий основания четырех пальцев. В конце концов, это же не моя вина, что мистер Бэйнбридж, вдовец, пользовался дешевым жестяным чайником для заварки вместо фарфорового или фаянсового. И не моя вина, что он любезно попросил меня разлить чай. И тем более не моя вина, что матерчатая прихватка оказалась с дырой и раскаленная ручка чайника вступила в непосредственный контакт с моей рукой.

Нет, решила я. Бросить чайник — совершенно естественная реакция. Чайник упал на колени мистеру Бэйнбриджу — это просто несчастная случайность: куда-то же я должна была его бросить. Беда лишь в том, что я выкрикнула: «Чертов затраханый чайник!» — да еще таким голосом, от которого мистер Бэйнбридж в свою очередь испустил громкое восклицание, а мой Фрэнк кинул на меня уничтожающий взгляд поверх блюда с пшеничными лепешками.

Придя в себя после шока, мистер Бэйнбридж повел себя исключительно галантно; он хлопотал над моей обожженной рукой и никак не реагировал на просьбы Фрэнка извинить мой лексикон, которого я нахваталась, прослужив два года в военно-полевом госпитале.

— Боюсь, моя жена подцепила там некоторое количество, э-э, колоритных выражений от янки и тому подобной публики, — пояснил Фрэнк с нервной улыбкой.

— Что верно, то верно, — подтвердила я, скрежеща зубами от боли и обматывая руку мокрой салфеткой. — Мужчины имеют обыкновение выражаться весьма колоритно, когда вы удаляете из ран осколки шрапнели.

Мистер Бэйнбридж тактично попытался перевести разговор на нейтральную историческую почву; как он сказал, его всегда интересовали изменения, происходящие с бранными выражениями в течение веков. Он привел некоторые весьма скромные примеры, и Фрэнк с явной радостью принял эту руку помощи.

— Да-да, конечно, — подхватил он. — Клэр, сахару мне не клади, пожалуйста... Да, так вот меня лично интересует, так сказать, общая эволюция бранных выражений.

— Она происходит и в настоящее время, — вставила свое слово и я, осторожно подхватив щипчиками кусок сахару.

— В самом деле? — любопытствовал мистер Бэйнбридж. — Вы зафиксировали какие-нибудь особенно интересные варианты за время вашей... мм... военной службы?

— О да, — ответила я. — Особенно мне понравилось одно, я услышала его как раз от янки. Некто по фамилии Уильямсон, родом,

кажется, из Нью-Йорка. Он произносил это выражение каждый раз, когда я делала ему перевязку.

— Какое же это выражение?

— Иисус твою Рузвельт Христос! — ответила я и бросила кусок сахара в чашку Фрэнка.

После вполне мирных и даже симпатичных посиделок с миссис Бэйрд я поднялась к себе, чтобы подготовиться к возвращению Фрэнка. Я знала его норму для шерри — две рюмки, так что он должен был вернуться скоро.

Ветер крепчал, и даже в спальне воздух был наэлектризован. Я провела щеткой по волосам — и они затрещали, поднялись дыбом, разлетелись во все стороны. Но я решила, что нынче ночью волосы мои не будут торчать во все стороны никоим образом. Я хотела во что бы то ни стало гладко зачесать их назад, но они лезли на щеки и упорно сопротивлялись.

В кувшине ни капли воды. Фрэнк использовал всю, когда приводил себя в порядок, собираясь к мистеру Бэйнбриджу, а я не позаботилась вновь наполнить кувшин из крана в туалетной комнате. Я взяла флакон «Голубого часа», налила в ладонь порядочное количество жидкости, а потом обеими руками быстро намочила душистой влагой волосы. Смочила одеколоном головную щетку и зачесала волосы назад, за уши.

Прекрасно. Получилось гораздо лучше, решила я, поворачивая голову из стороны в сторону перед покрытым пятнами зеркалом. Влага устранила из волос статическое электричество, и теперь они лежали тяжелыми, блестящими волнами, обрамляя лицо. Спирт испарился, а тонкий приятный запах остался. Фрэнку запах понравится, ему вообще нравится «Голубой час».

За окном ослепительно вспыхнула молния, и сразу вслед за ней загрохотал гром. Свет погас, и я осталась в полной темноте. Нащупала стол. Где-то должны быть спички и свечи; в Шотландии короткие замыкания — столь обычное явление, что свечи здесь — необходимый предмет обстановки в любой гостинице, любом отеле. Я видела их даже в самых элегантных отелях — там они благоухали жимолостью и были вставлены в украшенные сверкающими подвесками подсвечники из матового стекла.

У миссис Бэйрд свечи были попроще, самые обычные, но зато в изобилии и плюс три книжечки с картонными спичками. В данных обстоятельствах мне было не до изысков стиля.

Я вставила свечу в голубой керамический подсвечник на туалетном

столике при следующей вспышке молний, потом прошлась по комнате и зажгла еще несколько свечей, пока вся комната не наполнилась мягким, мерцающим светом. Мне это казалось весьма романтичным, и я по наитию повернула выключатель, чтобы внезапно вспыхнувшее электричество не нарушило очарования в самый неподходящий момент.

Свечи не успели сгореть даже на полдьюма, как дверь распахнулась и в комнату влетел Фрэнк. Воздушный вихрь, ворвавшийся с лестницы вслед за ним, погасил разом три свечи.

Дверь захлопнулась с громким стуком, и погасли еще две свечи; Фрэнк застыл на месте, вглядываясь в полумрак и запустив руку в растрепанные волосы. Я встала и снова зажгла свечи, попутно высказав пару замечаний по поводу столь странных способов входить в комнату. И только после этого я, повернувшись к Фрэнку, чтобы спросить, как ему понравилась выпивка, увидела, что он бледен и вообще сам не свой.

— Что случилось? — спросила я. — Ты встретил привидение?

— Да понимаешь ли, — медленно заговорил он, — я не уверен, что это не так.

С отсутствующим видом он взял мою головную щетку и собирался провести ею по волосам, но, почувствовав запах одеколона, сморщил нос, положил щетку и достал из кармана собственную расческу.

Я взглянула в окно, за которым вязы раскачивались и мотались из стороны в сторону, словно цепи на току. Где-то на другой стороне дома бился о стену отвязавшийся ставень, и мне пришло в голову, что следовало бы закрыть наши, хотя зрелище бури за окном было потрясающее.

— Немного слишком бурно для появления призраков, — сказала я. — Мне кажется, они предпочитают тихие туманные вечера на кладбищах.

Фрэнк рассмеялся несколько Неуверенно.

— Не знаю, может, на меня подействовали истории, которые рассказывал Бэйнбридж, да и шерри я выпил немного больше, чем хотелось бы. Наверное, все это чепуха.

Но любопытство мое разыгралось.

— Что именно ты видел? — спросила я, усаживаясь на стул возле туалетного столика. Бровями показала на бутылку виски, и Фрэнк тотчас подошел и налил себе и мне.

— Я видел всего-навсего человека, — заговорил он, отмеривая себе поменьше, а мне раза в два больше виски. — Он стоял на дорожке.

— Возле дома? — Я засмеялась. — Скорее всего, это был именно призрак, настоящему человеку вряд ли понравилось бы стоять на улице в такую погоду.

Фрэнк наклонил кувшин над своим стаканом, но вода не полилась, и он с упреком поглядел на меня.

— Нечего на меня смотреть, — сказала я. — Это ты израсходовал всю воду. Что касается меня, я охотно хлебну неразбавленного. — Я сделала глоток в порядке иллюстрации.

Фрэнк вроде бы вознамерился спуститься вниз за водой, однако отказался от этой мысли и начал рассказывать, потягивая из стакана с таким выражением, словно там был налит не самый лучший «Гленфиддиш», а по меньшей мере купорос.

— Да, он стоял в садике у забора. Я подумал... — Фрэнк запнулся и зачем-то посмотрел в стакан. — Да, так я подумал, что он смотрит на твое окно.

— На мое окно? Весьма примечательно! — Я не смогла подавить невольную дрожь и пошла закрывать ставни, хотя бы с опозданием.

Фрэнк последовал за мной, продолжая рассказывать.

— Да-да, я и сам видел тебя снизу. Ты причесывалась и при этом ругалась, потому что волосы у тебя встали дыбом.

— В таком случае парню было над чем посмеяться, — заметила я.

Фрэнк покачал головой, улыбнулся и погладил меня по голове.

— Нет, он не смеялся. Наоборот, выглядел каким-то ужасно огорченным. Я не видел его лица, но поза была соответствующая. Я подошел к нему сзади и, поскольку он не двигался, спросил, не могу ли я чем-нибудь помочь. Видимо, он меня не слышал, да и не мудрено в такую грозу, поэтому я повторил вопрос и собирался взять его за плечо, чтобы привлечь к себе внимание. Но, прежде чем я это сделал, он внезапно повернулся, обошел меня и зашагал вниз по дороге.

— Не слишком вежливо, но как-то... не по-призрачному, — сказала я, допив свое виски. — А как он выглядел?

— Здоровенный детина. — Фрэнк нахмурил брови. — Шотландец, одет в полном соответствии с национальной традицией, вплоть до сумки, отделанной мехом, и великолепной броши с изображением бегущего оленя, которой был заколот его плед. Я даже хотел спросить, где он взял, но он исчез прежде, чем я успел это сделать.

Я подошла к столу и налила себе еще виски.

— Но ведь появление шотландца в таком одеянии в этих местах вполне естественно, как ты считаешь? Я видела таких мужчин в деревне, и не раз.

— Н-н-нет, — протянул Фрэнк. — Нет, мне показалась странной не его одежда. Когда он прошел мимо меня, то... словом, он прошел очень близко

и должен был бы задеть мой рукав, но этого не случилось. Я очень им заинтересовался и поэтому посмотрел ему вслед. Он шел вниз по Джирисайд-роуд, но, не дойдя до угла... исчез. Вот тут-то у меня и пробежал холодок по спине.

— Но ты мог на секунду отвлечься и не заметил, как он отступил в тень, — предположила я. — Как раз на углу улицы много густых деревьев.

— Готов поклясться, что не сводил с него глаз ни на мгновение, — пробормотал Фрэнк и вдруг встрепенулся. — Знаю! Я вспомнил теперь, почему мне все это показалось таким необычайным, хотя и не сразу осознал причину.

— И что же показалось тебе таким особенным? — Мне, признаться, уже надоел разговор о призраке, хотелось поговорить о какой-нибудь другой материи, например о постели.

— Ветер дул как бешеный, но его одежда — килт и плед — шевелились не от ветра, а только от его собственных движений, от походки, взмахов рук.

Мы уставились друг на друга.

— Да, — заговорила я, — это и в самом деле неестественно.

Фрэнк пожал плечами и засмеялся, отгоняя опасения.

— Во всяком случае, мне будет о чем поговорить с викарием при следующей встрече. Может, это хорошо известный местный призрак, и викарий расскажет мне его кровавую историю. — Фрэнк посмотрел на часы. — Однако пора в постель.

— Вот именно, — промурлыкала я.

Мне было видно в зеркале, что он расстегивает рубашку, и я потянулась за вешалкой. Но рука Фрэнка остановилась на третьей пуговице.

— Скажи мне, Клэр, на твоём попечении было много раненых шотландцев? — отрывисто спросил он. — В полевом госпитале или в Пемброке?

— Конечно, — ответила я, несколько удивленная. — В полевом госпитале в Амьене были шотландцы из кланов Сифорт и Камерон, позже к нам поступили раненые из клана Гордон. Симпатичные ребята. Большинство. В целом очень стойкие, но ужасные трусы, едва речь заходила об уколах. — Я невольно улыбнулась, вспомнив одного из них. — У нас был один, уже немолодой и любитель поворчать, воынщик из третьего клана Сифорт. Терпеть не мог, когда ему делали уколы, особенно в ягодицу. Увиливал как мог целыми часами, прежде чем удавалось приблизиться к нему с иглой, но и тогда начинал упрашивать, чтобы укол

сделали в руку. Он мне говорил: «Если уж мне приходится лечь ничком с голой задницей, то я предпочитаю, чтобы девушка была подо мной, а не позади меня, да еще с такой вот шляпной булавкой в руке».

Фрэнк улыбнулся, но был явно смущен, как это часто случалось после моих грубоватых военных историй.

— Не беспокойся, — заверила его я, заметив смущение, — рассказывать об этом в общей гостиной для старшекурсников я не стану.

Улыбка сделалась свободнее и яснее, он подошел к туалетному столику и остановился у меня за спиной. Поцеловал меня в макушку.

— Ты тоже не беспокойся, — сказал он. — Гостиная для старшекурсников отдаст тебе должное, ты завоеешь всеобщую любовь независимо от того, какие истории будешь рассказывать. Мммм, как чудесно пахнут твои волосы.

— Тебе нравится?

Руки Фрэнка скользнули по моим плечам и замерли у меня на груди под тонкой ночной рубашкой. Его лицо отражалось в зеркале, подбородок прижат к моей макушке.

— Мне нравится все, что связано с тобой, — сказал он тихо и чуть хрипловато. — При свечах ты выглядишь восхитительно. Глаза словно вишни в хрустальном бокале и кожа цвета слоновой кости. Ты ведьма огня свечей. Надо совсем отключить электрическое освещение, как ты думаешь?

— Тогда будет трудно читать в постели, — ответила я, а сердце мое забилося сильно-сильно.

— Я бы предпочел заниматься в постели совсем другими вещами, — пробормотал он.

— В самом деле? — Я встала и обняла его за шею. — Какими же, например?

Потом, когда мы лежали, тесно прижавшись друг к другу при закрытых ставнях, я подняла голову с его плеча и спросила:

— Почему ты заговорил со мной об этом? О том, должна ли я была ухаживать в госпитале за шотландцами. Ты же знаешь, что должна была, ведь в госпиталь попадают самые разные люди.

Он пошевелился и мягко провел мне рукой по спине.

— Н-ну-у, как тебе сказать? Да просто так. Знаешь, когда я увидел этого шотландца на улице, мне пришло в голову, что, может быть... — Он запнулся в явном затруднении. — Ну, понимаешь, вдруг это твой бывший пациент... узнал от кого-то, что ты здесь, приехал повидать тебя... что-нибудь в этом роде.

— В таком случае почему бы ему не войти в дом и не спросить обо

мне?

— Может, он не хотел наткнуться на меня, — ответил Фрэнк нарочито небрежным тоном.

Я приподнялась, оперлась на локоть и посмотрела ему в лицо. Мы оставили гореть одну свечу, и я достаточно хорошо видела его. Он отвернулся и с внезапно вспыхнувшим интересом принялся разглядывать хромолитографию с портретом Красавца Принца Чарли, которая по воле миссис Бэйрд украшала стену нашей комнаты.

Я ухватила его за подбородок и повернула лицом к себе. Он широко раскрыл глаза в притворном изумлении.

— Уж не предполагаешь ли ты, — начала я, — что человек, которого ты видел на улице, это... это... — Я не могла найти нужного слова.

— Любовная связь? — попытался помочь мне Фрэнк.

— Некто, проявляющий ко мне романтический интерес? — закончила я.

— Нет, нет, конечно же нет, — сказал Фрэнк неуверенно.

Он снял мои руки со своего подбородка и попытался меня поцеловать, но на этот раз была моя очередь отворачиваться. Он сел и уложил меня рядом с собой.

— Это просто... — начал он. — Ну хорошо, пойми, Клэр, прошло шесть лет. Мы встречались друг с другом только три раза, причем в последний раз всего на один день. Ничего удивительного, если бы... то есть я имею в виду, что военные врачи и медсестры постоянно испытывают стрессы в критических обстоятельствах... Я бы понял, если бы что-то вполне естественное...

Я прекратила этот поток бессвязных слов, высвободившись и соскочив с постели.

— Ты считаешь, что я была тебе неверна? — выкрикнула я. — Ты так считаешь? Если это так, убирайся из этой комнаты сию минуту! Оставь этот дом! Как ты смеешь думать о чем-то подобном?

Я кипела негодованием. Фрэнк, сидя на кровати, протянул ко мне руки, пытаюсь успокоить меня.

— Не прикасайся ко мне! — вопила я. — Отвечай: думаешь ли ты на том основании, что увидел возле дома какого-то типа, глядящего на мое окно, будто я заводила любовные интрижки со своими пациентами?

Фрэнк встал с постели и обхватил меня обеими руками. Я застыла на манер жены Лота, но он гладил меня по голове, гладил осторожно и нежно по плечам — он знал, что это мне нравится.

— Нет, я не думаю ничего подобного, — твердо сказал он.

Он прижал меня еще крепче к себе, и я постепенно расслабилась, но не настолько, чтобы самой обнять его.

Так мы стояли долго, и наконец он тихонько заговорил мне в ухо:

— Нет, я не думаю, что ты способна на подобную вещь, я только хотел сказать, что если бы такое и случилось... Клэр, для меня это не имело бы значения. Я так тебя люблю! Что бы ты ни сделала, я не перестану любить тебя.

Он взял мое лицо в ладони — выше меня всего на четыре дюйма, он легко мог заглянуть мне прямо в глаза — и сказал нежно:

— Ты простишь меня?

Я чувствовала на своем лице его теплое дыхание, оно еще слегка отдавало «Гленфиддишем», а его губы, полные и зовущие, находились в опасной близости.

Новая вспышка молнии возвестила неожиданное возвращение утихшей было грозы, и шумный дождь застучал по шиферной крыше.

Я медленно обвила руками Фрэнка.

— «Насильно милосердья не добиться, — процитировала я, — оно должно росой с небес пролиться».

Фрэнк засмеялся и поднял взгляд к потолку: расползавшиеся по нему мокрые пятна не сулили нам ночлега во вполне сухой постели.

— Если это образчик твоего милосердия, — сказал Фрэнк, — то я не хотел бы познакомиться с твоим отмщением.

Словно в ответ на его слова ударил пушечный раскат грома, и мы оба от души расхохотались.

Только позже, гораздо позже, лежа и слушая ровное дыхание Фрэнка, я задумалась и нашем разговоре. Я сказала ему правду: меня нельзя было упрекнуть в неверности. Меня. Но ведь шесть лет, как он сказал, очень долгое время.

Глава 2

КАМЕННЫЕ СТОЛБЫ

Мистер Крук позвонил в дверь, как и было условлено, ровно в семь часов утра.

— Ну что, соберем росу с лютиков, юная леди? — произнес он и подмигнул с некоей стариковской галантностью.

Приехал он на мотоцикле, в чем-то похожем на него самого; на этом мотоцикле мы должны были добраться до нужного места за деревней. Сетки для гербария были аккуратно укреплены по обеим сторонам чудовищного мотоцикла, словно амортизаторы на буксирном судне. Мы двинулись в путь не столь уж стремительно по мирной и тихой сельской местности, которая казалась еще более тихой по контрасту с грохотом нашего средства передвижения; этот грохот внезапно оборвался — и тишина обступила нас. Мистер Крук и в самом деле очень много знал о местных растениях. И не только о том, где их найти, но и об их медицинском применении, о том, как готовить эти препараты. Я пожалела, что не приобрела записную книжку, в которую можно было бы записывать сведения, и с особым вниманием слушала объяснения старика и старалась все запомнить, укладывая образцы растений в тяжелые гербарные сетки.

Мы остановились перекусить у подножия странного по очертаниям холма с плоской вершиной. Зеленый, как и все окрестные холмы, с такими же выступами и утесами, он все же имел от них отличие: вверх по склону шла хорошо протоптанная тропа и исчезала за обнаженным выходом гранита.

— Что там наверху? — спросила я, показав на вершину холма рукой, в которой был зажат сэндвич с ветчиной.

— А! — Мистер Крук поднял голову и посмотрел на холм. — Это Крэг-на-Дун, девушка. Я собирался показать вам его после нашей трапезы.

— Правда? Это что-нибудь особенное?

— Да, — коротко ответил он и отказался обсуждать вопрос: мол, сами увидите.

У меня были некоторые опасения по поводу того, сможет ли он подняться по такой крутизне, однако они рассеялись, когда я обнаружила, что с трудом поспеваю за ним. Мистер Крук, поднявшись сам, протянул мне свою корявую руку и втащил меня на площадку.

— Ну вот, смотрите, — сказал он с жестом собственника некоей

достопримечательности.

— Ой, да это же хендж!^[5] — в восторге воскликнула я. — Хендж в миниатюре, В Солсбери я не была уже много лет — из-за войны, но мы с Фрэнком побывали в Стоунхендже вскоре после нашей свадьбы. Как и другие туристы, мы бродили между огромными каменными столбами в благоговейном восхищении, таращили глаза на каменный алтарь (где жрецы-друиды приносили ужасающие человеческие жертвы, как объявил, гнусавя и глотая слова на манер истого кокни, гид, приехавший с автобусом туристов-итальянцев, добросовестно фотографирующих самый обычный на вид каменный блок).

Из той же самой страсти к точности, которая заставляла Фрэнка вешать свои галстуки на вешалку таким образом, чтобы их концы совпадали тютельница в тютельница, мы обошли все сооружение по окружности, измерили расстояния между отверстиями «зет» и «игрек» и сосчитали проемы в «сарацинском кругу», самом удаленном от центра кольце великанских столбов.

Три часа спустя мы уже знали, сколько там отверстий «зет» и «игрек» (пятьдесят девять, если вас это волнует, меня — нет), но имели не больше представления о назначении всего сооружения, чем десятки любителей и археологов-профессионалов, ползавших вокруг него целые пятьсот лет.

Недостатка в гипотезах нет, что и говорить. Жизнь среди ученых со всей очевидностью показала мне, что хорошо сформулированная гипотеза куда лучше, нежели плохо описанный факт.

Замок. Место захоронения. Астрономическая обсерватория. Место казни (в качестве плахи — так называемый «Камень крови», наполовину ушедший в землю). Рынок на открытом воздухе. Мне больше всего нравится последняя гипотеза, так и вижу перед собой мегалитических домохозяек, которые крутятся между проемами с корзинками через руку, критически обсуждая качество вновь доставленных на рынок чаш и мисок из красной глазурованной глины и недоверчиво прислушиваясь к похвалам своему товару, которые выкрикивают пекари, торговцы олениной и янтарными бусами.

Единственным убедительным возражением против этой гипотезы мне кажется наличие захоронений под алтарным камнем и кремированных останков в отверстиях «зет». Хоронить покойников на рыночной площади как-то негигиенично, разве что это злополучные останки торговцев, уличенных в обмане покупателей.

В миниатюрном хендже на холме следов захоронений не видно. Собственно говоря, «миниатюрны» здешние каменные столбы лишь по

сравнению со Стоунхенджем, но сами по себе они достаточно массивны, а высотой в два моих роста.

Я слышала от другого гида в Стоунхендже, что такие сооружения — их именуют кромлехами — распространены повсеместно в Британии, и в Европе вообще. Одни сохранились лучше, другие хуже, есть между ними разница в ориентации и расположении элементов, но назначение их не определено в равной степени. И происхождение тоже.

Пока я бродила между столбами, мистер Крук стоял, наблюдал за мной и загадочно улыбался; время от времени я останавливалась, чтобы прикоснуться к камню — осторожно, как будто мое прикосновение могло оказаться чувствительным для этих монументов.

На некоторых стоячих камнях были какие-то тусклые темноватые полосы и пятна. На других поблескивали включения слюды, весело отражавшие лучи утреннего солнца. И все они резко отличались от местного камня, от местных пород, образцы которых валялись и торчали из травы повсюду. Кто бы ни установил эти круги из каменных столбов и по какой бы причине это ни было сделано, создатели считали дело достаточно важным, чтобы вырубить, обработать и перевезти каменные блоки в соответствующее место и водрузить их во имя своей цели. Обработать — как? Перевезти — каким образом и с какого невообразимого расстояния?

— Мой муж придет в восторг, — сказала я мистеру Круку, остановившись поблагодарить его за то, что он показал мне это место и рассказал о растениях. — Я привезу его сюда попозже.

У начала спуска старик любезно предложил мне помочь и протянул руку. Я приняла ее: глянув вниз, я подумала, что, несмотря на возраст, этот сгорбленный старик держится на ногах крепче моего.

Во второй половине дня я свернула на дорогу к деревне — надо было извлечь Фрэнка из дома викария. Я с наслаждением вдыхала воздух горной Шотландии, запахи вереска, шалфея и раkitника, крепко сдобренные дымком из труб и приправленные острым духом жареной селедки в тех местах, где я проходила мимо разбросанных в художественном беспорядке коттеджей. Деревня угнездилась на небольшом пологом склоне у подножия одного из утесов, которые вздымаются ввысь из шотландских торфяников. О послевоенном процветании свидетельствовала свежая окраска домов, и даже обиталище священника принарядилось: окна в старых покособившихся рамах обведены были светлой желтой полосой.

Дом был выстроен по меньшей мере столетие назад. Дверь мне открыла экономка викария, высокая, вытянутая в струнку женщина с тремя нитками искусственного жемчуга вокруг шеи. Узнав, кто я такая, она

приветливо поздоровалась и повела меня через узкую, длинную и темную прихожую, стены которой были увешаны гравированными портретами людей, мне неизвестных: то ли это были некие исторические личности, знаменитые в свое время, то ли близкие родственники нынешнего викария, то ли члены королевской семьи, в сумраке лица их были вообще неразличимы.

В отличие от прихожей кабинет викария являл собой истинное царство света благодаря огромным, почти от пола до потолка окнам в одной из стен. Мольберт возле камина, на котором стоял неоконченный этюд маслом, изображающий черные скалы на фоне вечернего неба, объяснял происхождение этих окон, пробитых явно намного позже, чем был выстроен дом.

Фрэнк и коротенький, толстенький викарий в высоком клерикальном воротнике самозабвенно углубились в изучение целой груды каких-то старых бумаг на столе возле дальней стены. Фрэнк еле кивнул мне, но священник оторвался от своего увлекательного занятия и поспешил пожать мне руку, весь сияя благорасположением.

— Миссис Рэндолл! — обратился он ко мне, раскачивая мою руку с самым сердечным выражением лица. — Как приятно снова видеть вас. Вы пришли как раз вовремя, чтобы услышать новости.

— Новости?

Я бросила беглый взгляд на бумаги на столе. Судя по тому, какие они были замызганные, а также по характеру букв, новости относились где-то к 1750 году. Отнюдь не свежие газетные сообщения.

— Да, вот именно! Мы обнаружили имя предка вашего супруга, вы, наверное, помните это имя, его звали Джек Рэндолл, так вот мы его нашли в, армейских списках того времени.

Викарий наклонился ко мне поближе и заговорил, скривив рот на сторону, ни дать ни взять — гангстер из американского фильма.

— Я, представьте себе, позаимствовал подлинные документы из архива местного исторического общества. Прошу вас, не проговоритесь никому об этом.

Я охотно пообещала ему не выдавать эту ужасную тайну и поискала глазами стул поудобнее, сидя на котором я могла бы воспринять последние сведения двухсотлетней давности. Глубокое кресло у окна показалось мне подходящим, но когда я хотела пододвинуть его к столу, то обнаружила, что оно уже занято. Маленький мальчик с целой копной блестящих черных волос крепко спал в кресле, свернувшись клубочком.

— Роджер!

Викарий подошел помочь мне и был теперь удивлен не меньше моего. Мальчик, внезапно разбуженный, вскочил и широко раскрыл темно-карие глаза.

— Как ты сюда попал, разбойник этакий! — с притворным негодованием воскликнул священник. — Ах вот оно что! Заснул за своими комиксами! — Он сгреб пестро раскрашенные листки и вручил их мальчугану. — Беги сейчас же к себе, у меня дела с мистером и миссис Рэндолл. Подожди, я забыл тебя представить. Миссис Рэндолл, это мой сын Роджер.

Я, признаться, была удивлена. Достопочтенный мистер Уэйкфилд как бы являл для меня законченный образец закоренелого старого холостяка. Но я тепло пожала вежливо протянутую мне руку и удержалась от невольного желания вытереть свою о платье — ладонь у мальчика была влажная от пота.

Достопочтенный Уэйкфилд проводил Роджера любящим взглядом.

— На самом деле это сын моей племянницы, — сказал он, когда ребенок скрылся за дверью. — Отец убит на Ла-Манше, мать погибла во время бомбежки. А я взял ребенка к себе.

— Это очень великодушно, — пробормотала я, тотчас вспомнив дядю Лэма.

Дядя тоже погиб во время бомбежки. Бомба попала в аудиторию Британского музея как раз во время его лекции. Зная его так, как знала я, полагаю, можно считать, что он был бы счастлив осознать перед смертью: крыло, где хранились персидские древности, уцелело.

— Ничуть не бывало, вот уж несколько! — замахал руками викарий. — Я очень рад, что в доме поселилось юное существо. Но садитесь, прошу вас!

Фрэнк заговорил прежде, чем я поставила на пол свою сумку.

— Это просто необыкновенная удача, Клэр, — с восторгом заявил он, перелистывая при помощи указательного пальца пачку листов с загнутыми уголками. — Викарий обнаружил целые серии военных донесений, в которых упоминается имя Джека Рэндолла.

— Значительное их число принадлежит самому капитану Рэндоллу, — заметил викарий, забирая у Фрэнка несколько листов. — Примерно четыре года он находился в составе гарнизона Форт-Уильяма и, кажется, достаточно много времени проводил, докучая шотландцам, приверженцам английской короны. Вот это вот, — он бережно отделил пачку листов и положил на стол, — жалобы на капитана со стороны различных семей и отдельных владельцев поместий, обвиняющих его во многих

преступлениях, начиная от... э-э-э... нежелательного поведения солдат по отношению к женской прислуге и кончая уводом лошадей, о более мелких обидах уж и говорить не приходилось.

Меня все это позабавило.

— Значит, среди твоих предков затесалась пресловутая паршивая овца? — обратилась я к Фрэнку.

Он только плечами передернул, ничуть не обеспокоенный.

— Он был таким, каким был, с этим ничего не поделаешь. Но я хочу понять одно. Подобные жалобы — дело самое обычное, особенно для того времени: англичане; прежде всего военные, были исключительно непопулярны в тогдашней горной Шотландии. Удивительно другое — все эти жалобы на Рэндолла оставались без последствий, даже самые серьезные.

Викарий, не в состоянии долее сдерживаться, вмешался:

— Совершенно верно! Офицеров той поры никак нельзя мерить по современным стандартам, они могли позволить себе многое. Но это и в самом деле странно: жалобы не только не расследовались с вынесением последующих решений, они просто больше нигде не упоминались. Знаете, что я предполагаю, Рэндолл? У вашего предка был могущественный покровитель. Человек, который мог надежно защитить его от преследования непосредственных начальников.

Фрэнк, скосив глаза на бумаги, задумчиво поскреб в затылке.

— Вы, вероятно, правы. И это должен быть весьма влиятельный человек. Может, какая-нибудь шишка в армейской иерархии или представитель высшей знати.

— А возможно... — Викарий был вынужден прервать свою речь, так как в комнату вошла экономка, миссис Грэхем.

— Предлагаю вам немножко подкрепиться, джентльмены, — сказала она и уверенным движением водрузила на письменный стол чайный поднос; викарий с молниеносной быстротой подхватил со стола свои бесценные документы. Миссис Грэхем посмотрела на меня острым, оценивающим взглядом подвижных, блестящих, словно глазурь на фарфоре, слегка прищуренных глаз. — Я принесла только две чашки, потому что подумала, может, миссис Рэндолл присоединится ко мне в кухне. У меня там немного...

Я не дала ей закончить и поспешно вскочила с кресла с полной готовностью принять ее предложение. Мы еще не успели закрыть дверь в кухню, а теоретические споры уже возобновились.

Чай был зеленый, горячий и ароматный, в нем кружились распаренные

чайные листочки.

— Ммм, — произнесла я, поставив на стол чашку, — я так давно не пробовала улонга^[6].

Миссис Грэхем кивнула с сияющей улыбкой, радуясь тому, что я оценила ее усилия сделать мне приятное. Под каждую тонкую фарфоровую чашку была подложена салфеточка из кружев ручной работы, к чаю поданы булочки и сливки с толстой пенкой.

— Во время войны купить такой же чай было невозможно, — сказала миссис Грэхем. — А ведь это самый лучший чай для заварки. Ужасно было пить так долго один только «Эрл Грей»! Листочки так быстро оседают на дно чайника, что на них не погадаешь.

— Вы умеете гадать по чаинкам? — спросила я полушутя.

Миссис Грэхем с ее коротким, серо-стального цвета аккуратным перманентом и тремя нитками поддельного жемчуга на шее меньше всего можно было принять за типичный образец цыганки-предсказательницы. Когда она делала глоток чая, видно было, как он проходит вниз по тонкой стройной шее и скрывается под мерцающими бусами.

— Конечно же, умею, дорогая моя. Меня научила моя бабушка, а ее точно так же научила ее бабушка. Допивайте вашу чашку, и я посмотрю, что там у вас.

Она очень долго молча разглядывала мою чашку, то подставляя ее поближе к свету, то поворачивая медленно-медленно между длинными пальцами и отыскивая нужный угол.

Потом миссис Грэхем поставила чашку на стол так осторожно, словно боялась, что она взорвется у нее в руке. Морщины по обеим сторонам рта обозначились резче, брови сдвинулись в одну линию — она выглядела удивленной не на шутку.

— Ну, — произнесла она наконец, — картина на редкость странная.

— Вот как? — Я все еще забавлялась, но вместе с тем мне было любопытно. — Неужели мне встретится незнакомый брюнет или, чего доброго, предстоит переплыть океан?

— Возможно. — Миссис Грэхем приняла мой иронический тон и говорила с легкой усмешкой. — А возможно, что и нет. Именно это и кажется мне таким странным, дорогая. Все в противоречиях. Вот этот свернутый листик предрекает путешествие, но на нем лежит разорванный, который это отрицает. Незнакомцев даже несколько, причем один из них — ваш муж, если я правильно поняла расположение листочков.

Мое шутливое настроение совсем улетучилось. Шесть лет мы с мужем провели в разлуке и только полгода вместе, он, разумеется, во многом

продолжал оставаться для меня незнакомцем... но каким образом об этом стало известно чайному листочку?

Брови миссис Грэхем были все еще сдвинуты.

— Разрешите мне взглянуть на вашу руку, детка, — попросила она.

Рука, в которую она взяла мою, была худая, но удивительно теплая. От склонившейся над моей ладонью аккуратно причесанной седой головы шел запах лаванды. Она изучала мою ладонь долго, время от времени проводя пальцем по какой-нибудь линии, словно разглядывала карту, изображенные на которой дороги уходили в болота или терялись в пустыне.

— Ну как? — не вытерпела я. — Неужели судьба моя столь ужасна, что о ней не стоит рассказывать?

Миссис Грэхем подняла на меня глаза, полные лукавой насмешки, взгляделась в мое лицо, но все-таки не отпустила руку. Покачала головой, поджав губы.

— Нет, моя дорогая, судьба ваша не написана у вас на ладони. Только ее семена. — Похожая на птичью голова склонилась набок, о чем-то размышляя. — Линии на вашей руке, понимаете ли, меняются. В иное время вашей жизни они могут стать совершенно другими, нежели сейчас.

— Я об этом не знала. Я считала, что с ними рождаешься, и все. — Я с трудом подавила желание вырвать свою руку у миссис Грэхем. — В чем же тогда суть чтения ладони?

Я не хотела быть грубой, однако изучение моей руки казалось мне сейчас неуместным, особенно после гадания на чайных листьях. Миссис Грэхем неожиданно улыбнулась и соединила мои пальцы над ладонью.

— Видите ли, дорогая, линии на вашей руке показывают, что вы за человек. Потому они и меняются — или должны меняться. У некоторых людей изменений не происходит, и такие люди по-своему несчастны. Но их немного. — Она слегка пожала мне руку и похлопала по ней другой своей рукой. — Сомневаюсь, что вы относитесь к их числу. На вашей ладони много изменений, несмотря на вашу молодость. Но тут война сыграла свою роль. — Последние слова она произнесла как бы про себя.

Мне снова стало интересно, и я раскрыла ладонь по своей воле.

— Ну и что же я такое, если судить по руке? — Миссис Грэхем сделалась серьезной, но не взяла мою руку.

— Не могу вам это объяснить вполне точно. Как ни странно, руки похожи одна на другую. Я совсем не собираюсь утверждать, что, увидев и изучив одну, вы тем самым знаете все. Но существуют, как бы вам сказать, определенные типы. — Миссис Грэхем опять улыбнулась на удивление обаятельной улыбкой, открыв два ряда безупречно белых искусственных

зубов. — Ведь как работают гадалки, предсказательницы судьбы? Я сама этим занимаюсь по престольным праздникам, то есть занималась до войны. Возможно, что возобновлю теперь это занятие. Девушка входит в палатку, а в палатке сижу я в тюрбане с петушиным пером, позаимствованным у мистера Доналдсона, и в пышном восточном одеянии, то бишь в желтом халатике викария, желтом, как солнышко, а на этом солнечном фоне — петушки, петушки, петушки. Прикидываясь, что смотрю на ладонь, я на самом деле разглядываю девушку и вижу — разрез у нее на блузке чуть ли не до пупа, она благоухает дешевыми духами, а серьги свисают до самых плеч. Мне уже не нужно заглядывать в хрустальный шар, чтобы сообщить ей, что у нее будет ребенок к церковному празднику на следующий год. — В глазах у миссис Грэхем промелькнуло злое выражение. — И хотя на руке, которую вы держите, ничего подобного не написано, — продолжала она, — уместно предсказать ей, что она скоро выйдет замуж.

Я засмеялась, засмеялась и миссис Грэхем.

— Значит, вы вообще не смотрите им на ладони? — спросила я. — Разве что проверяете, нет ли обручального кольца?

Она удивилась.

— Да нет, смотрю, конечно. Просто, как правило, заранее знаешь, что ты там найдешь. — Она бросила взгляд на мою открытую ладонь. — Сейчас передо мной совсем другая картина. Большой палец крупный. — Она слегка дотронулась до него, склонившись вперед, — Это значит, что вы женщина умная, энергичная и вас нелегко в чем-то убедить. Думаю, ваш муж говорил вам об этом. И еще кое о чем. — Она показала на бугорок у основания большого пальца.

— Что же это?

— Это так называемая гора Венеры. — Она чопорно поджала тонкие губы, но уголки их неудержимо поднимались вверх. — На руке мужчины подобный бугор означал бы, что мужчина этот чрезвычайно женолюбив. С женщинами дело немножко иное. Как бы выразиться поделикатнее... сделать вам маленькое предсказание, что мужу вашему не стоит слишком удаляться от вашей постели.

Совершенно неожиданно для меня она издала скабресный смешок, а я покраснела.

Пожилая домоправительница снова склонилась над моей ладонью, внимательно рассматривая ее и проводя пальцем по тем линиям, о которых она говорила.

— Линия жизни хорошо обозначена. Здоровье у вас отменное, и ухудшения не предвидится. На линии жизни замечен перерыв, это значит,

что она резко изменилась, я имею в виду вашу жизнь. Впрочем, то же произошло со всеми нами, не так ли? Однако на вашей линии жизни гораздо больше пересечений, нежели я привыкла видеть, она как бы вся составлена из кусочков, отрывков. А линия брака, — она покачала головой, — раздваивается. В этом тоже нет ничего необычного, два замужества.

Моей первой реакцией на это утверждение было возмущение, но я его тут же подавила. Тем не менее миссис Грэхем уловила его и подняла на меня глаза. Я вдруг подумала, что она и в самом деле весьма проницательная предсказательница. Успокаивая меня, она снова покачала седой головой.

— Нет-нет, милочка, с вашим славным мужем ничего худого не произойдет. Дело совсем не в том. — Она слегка пожала мою руку. — Вам отнюдь не предстоит зачать и провести остаток жизни в скорби. Это всего лишь означает, что вы из тех, кто способен полюбить снова, если первая — любовь уйдет. — Она еще раз пригляделась поближе к моей ладони и провела коротким ребристым ногтем по линии брака. — Большинство раздвоенных линий обрывается, но на вашей вилка. — У нее на губах появилась озорная усмешка. — Надеюсь, вы не двумужница?

Я рассмеялась:

— Куда там! Времени не хватило бы.

Я повернула руку таким образом, чтобы миссис Грэхем было видно ребро ладони.

— Я слышала, будто маленькие черточки вот здесь показывают, сколько у вас будет детей. Это правда? — спросила я как можно более небрежным тоном — край моей ладони был безнадежно гладок.

Миссис Грэхем отмахнулась от этой идеи пренебрежительным жестом.

— Фу! Линии здесь появляются уже после того, как вы родите парочку ребятишек. Предварительных указаний не бывает. Скорее на носу их обнаружите, чем на руке.

— В самом деле?

Я совсем по-дурацки обрадовалась и собиралась было спросить, не означают ли глубокие линии у меня на запястье склонности к самоубийству, но нас прервали.

Достопочтенный Уэйкфилд вошел в кухню с пустыми чашками, поставил их на поднос и принялся шумно и неуклюже рыться в буфете, явно в расчете на помощь.

Миссис Грэхем вскочила на ноги, готовая защитить свое святилище — кухню. Ловко отодвинула достопочтенного в сторону и принялась

устанавливать на подносе все необходимое для продолжения чаепития в кабинете. Меня она тоже потеснила с дороги на безопасное расстояние.

— Миссис Рэндолл, почему бы вам не вернуться в кабинет и не выпить еще чашечку чая вместе со мной и вашим мужем? Мы с ним сделали поистине замечательные открытия.

Было очевидно, что, несмотря на внешнее самообладание, в душе он ликует при мысли о своем открытии не менее, чем мальчуган, у которого в кармане жаба. Разумеется, я обязана была пойти и познакомиться со счетом капитану Джонатану Рэндоллу от его прачки или сапожника или с другим не менее замечательным документом.

Фрэнк настолько погрузился в изучение затрепанных бумажек, что едва ли обратил внимание на мое появление в кабинете. Он весьма неохотно передал бумаги в пухлые ручки викария, встал у него за спиной и уставился через плечо достопочтенного Уэйкфилда в текст, словно не мог оторваться от него ни на минуту.

— Да? — заговорила я самым любезным тоном, дотронувшись до листков. — Да-а, очень, очень интересно.

На самом деле я бы ни при каких обстоятельствах не смогла расшифровать записи, сделанные Неразборчивым почерком и сильно выцветшие. На одном из листков, сохранившемся лучше других, сверху был изображен какой-то герб.

— Герцог... кажется, герцог Сандрингэм, верно? — спросила я, глядя на изображение лежащего леопарда с надписью под ним, более четкой и разборчивой, чем остальной текст.

— Вот именно, — сияя, подтвердил викарий. — Вымерший титул, как вы знаете.

Я не знала, но кивнула с умным видом, демонстрируя свою причастность к историкам в момент захватывающего открытия. В таких случаях редко требуется нечто большее, нежели время от времени произносить с определенными интервалами: «В самом деле?» или: «Но это же совершенно замечательно!» — и кивать.

Они некоторое время спорили, кому принадлежит право посвятить меня в суть дела, и право это, вернее, как он выразился, высокая честь досталась викарию. Как выяснилось, весь этот шум поднялся вот по какому поводу: пресловутый Черный Джек Рэндолл был не просто блестящим воином английской королевской армии, но доверенным — и тайным — агентом герцога Сандрингэма.

— Скорее всего, агент-provokator, не так ли, доктор Рэндолл? — Викарий грациозным жестом перебросил мяч Фрэнку, который его

немедленно подхватил.

— Да, пожалуй. Язык, конечно, весьма осторожный...

— В самом деле? — вставила я словечко.

— Но, во всяком случае, ясно, что Джонатану Рэндоллу была поручена работа определенного характера: выявлять якобитские симпатии среди наиболее известных фамилий в этом районе Шотландии. Действовать так, чтобы тайные чувства и намерения баронетов и вождей кланов делались очевидными. Но тут есть одна странность. Разве сам Сандрингэм не был на подозрении как якобит?

Фрэнк повернулся к викарию с напряженно-хмурым недоумением на физиономии. Лицо священника отразило это недоумение, как в зеркале, гладкий лысый лоб собрался в морщины.

— О да, я полагаю, вы правы. Подождите-ка, давайте заглянем в Камерона. — Он кинулся к книжной полке, уставленной переплетенными в кожу томами. — Он, несомненно, упоминает о Сандрингэме.

— Это просто замечательно, — пробормотала я, но в это время мое внимание привлек огромный, занимавший чуть ли не всю стену от пола до потолка стенд с пробковым покрытием.

На стенде были размещены самые разные вещи, главным образом бумаги: счета за газ, заметки, сделанные рукой самого викария, газетные вырезки, послания епархиального совета, вырванные из книг страницы. Но были там и некоторые мелкие предметы, например ключи, крышечки от бутылок и, кажется, даже какие-то детали от автомобиля, закрепленные при помощи гвоздей и клейкой ленты.

Я лениво разглядывала эту странную смесь, вполуха прислушиваясь к дискуссии у себя за спиной. (Герцог Сандрингэм был-таки якобитом, решили они.) Но тут я увидела генеалогическую хартию, прикрепленную отдельно на стене четырьмя кнопками за уголки. Верхняя ее часть включала имена, относящиеся к началу семнадцатого столетия, но меня больше заинтересовало имя, написанное в самом низу: Роджер У. (Макензи) Уэйкфилд.

— Извините меня, — вмешалась я в завершающую часть диспута о том, держит ли леопард на гербе герцога в лапе лилию или крокус. — Это генеалогия вашего сына?

— А? О да, да, конечно! — Викарий, просияв еще раз, поспешил подойти ко мне.

Он осторожно снял хартию со стены и положил ее на стол прямо передо мной.

— Я не хочу, чтобы он забывал свою семью, — объяснил он. —

Генеалогия старинная, восходит к шестнадцатому веку.

Толстым указательным пальцем он провел линию снизу вверх почти с благоговением.

— Я дал мальчику свое имя, это удобнее, поскольку он живет здесь, но я не хотел, чтобы он забыл свое происхождение. Боюсь, что моей собственной семье в этом отношении особенно нечем гордиться. — На лице викария появилось виноватое выражение. — Все больше викарии да помощники приходского священника, затесался для разнообразия один книготорговец, вот и все. Проследить генеалогию удастся примерно до 1762 года. Чрезвычайно скудные записи, мало документов, — покачал он головой, явно сожалея о генеалогической беспечности своих предков.

Мы очень поздно ушли от викария; он пообещал, что завтра первым делом отправит письма в город, чтобы их скопировали. Большую часть пути до дома миссис Бэйрд Фрэнк что-то упоенно лопотал о шпионах и якобитах, но в конце концов обратил внимание на то, что я почти все время молчу.

— Что с тобой, любимая? — спросил он, заботливо взяв меня за руку. — Тебе нездоровится? — В голосе у него прозвучало беспокойство, смешанное с надеждой.

— Нет, я чувствую себя вполне хорошо. Я просто думала... — Я запнулась, вспомнив, что мы уже обсуждали эту проблему. — Я думала о Роджере.

— О Роджере?

Я нетерпеливо вздохнула.

— Господи, Фрэнк! Ну можно ли быть таким забывчивым? О Роджере, сыне почтенного Уэйкфилда.

— Ах да, конечно, — сказал Фрэнк с отсутствующим видом. — Милый ребенок. Ну и что с ним такое?

— Да ничего... просто сейчас очень много подобных детей. Я имею в виду — сирот.

Теперь взгляд у Фрэнка был уже не отсутствующий, но острый и резкий. Он покачал головой.

— Нет, Клэр. Ты знаешь, я хотел бы ребенка, но я тебе говорил, как отношусь к усыновлению. Это... ну, словом, я не смогу считать своим ребенка, который... не моей крови. Это, без сомнения, смешно и даже эгоистично с моей стороны, но так оно есть. Может, со временем я изменю свою точку зрения, но сейчас...

Некоторое время мы шли рядом в неприязненном молчании. Потом Фрэнк вдруг повернулся ко мне и взял мои руки в свои.

— Клэр, — заговорил он негромко и хрипловато, — я хочу нашего ребенка. Важнее тебя для меня нет ничего в мире. Я прежде всего хочу, чтобы ты была счастлива, и в то же время хочу сохранить тебя для себя. Чужой ребенок, с которым у нас нет никаких связей, будет казаться мне пришельцем из иного мира, захватчиком, это для меня нетерпимо. Зачать в тебе ребенка, видеть, как он в тебе растет, как он рождается... это для меня значит даже больше, чем только видеть в нем твое подобие... и мое тоже. Подлинная частица семьи.

Глаза у него сделались большие и умоляющие.

— Да, ты прав. Я поняла. — Мне хотелось оставить эту тему, по крайней мере сейчас.

Я двинулась дальше по дороге, но Фрэнк догнал меня и обнял.

— Клэр, я люблю тебя. — Он произнес это с такой покоряющей искренностью, что я невольно опустила голову ему на грудь, ощутив тепло его тела и силу его обнимающих меня рук.

— Я тоже люблю тебя.

Мы немного постояли так на ветру, который потягивал вдоль дороги. Внезапно Фрэнк откинулся назад и с улыбкой посмотрел на меня.

— Кроме того, — шепотом проговорил он, мягким движением ладони отведя назад волосы с моего лица, — мы еще могли бы над этим поработать, верно?

— Разумеется, — улыбнулась и я.

Он взял меня под руку и крепко прижал ее локтем к своему боку.

— Ну так сделаем еще попытку?

— Конечно. Почему бы и нет?

Мы двинулись, рука в руке, по Джирисайд-роуд. И когда я увидела Бара Мор, пиктский камень на углу улицы, я вспомнила о других древних камнях.

— Я совсем забыла! — воскликнула я. — Должна показать тебе нечто необыкновенное.

Фрэнк опустил на меня глаза и, стиснув мою руку, прижал крепче к себе.

— Я тоже, — сказал он, улыбаясь. — Ты свое чудо покажешь мне завтра.

Но на следующее утро нам пришлось заниматься другими делами. Я забыла, что мы на этот день запланировали поездку в Грейт Глен, на Лох-Несс.

Поездка достаточно долгая, и мы выехали рано, до рассвета. Утро выдалось холодное, и после пробежки к ожидающей нас машине было так

славно укрыться пледом и почувствовать, как согреваются руки и ноги. Вместе с теплом пришла и восхитительная дремота; я блаженно уснула, положив голову Фрэнку на плечо, последним моим зрительным впечатлением был темный силуэт головы водителя на фоне краснеющей зари.

Мы добрались до места уже после девяти, и нанятый Фрэнком гид ждал нас на берегу озера возле небольшого ялика.

— Если вас это устраивает, сэр, я предложил бы небольшое путешествие по озеру вдоль берега до замка Уркхарт. Там мы перекусим, а потом двинемся дальше.

Гид, очень серьезный маленький человек в потрепанной непогодами холщовой рубашке и саржевых брюках, аккуратно уложил корзинку с припасами под сиденье ялика и протянул мне мозолистую крепкую ладонь, чтобы помочь сойти в лодку.

Это был восхитительный день. Распускающаяся по крутым берегам весенняя зелень отражалась в покрытой мелкой рябью озёрной воде. Наш гид, невзирая на столь серьезную наружность, оказался знающим и весьма разговорчивым; по пути он рассказывал нам об островах, а также о замках и развалинах по берегам длинного узкого озера.

— Вон он, замок Уркхарт. — Гид указал на гладкую каменную стену, едва видную за деревьями. — Вернее, то, что от него сохранилось. Он был проклят ведьмами Глена и пережил множество бед и несчастий.

Он рассказал нам историю Мэри Грант, дочери лэрда, владельца замка, и ее возлюбленного, поэта Доналда Донна, сына Макдоналда из Боунтина. Отец девушки запретил ей встречаться с Доналдом, поскольку последний угонял любую скотину, какая ему попадалась (гид заверил нас, что то была старинная и весьма почтенная профессия в горах Шотландии), но они продолжали встречаться тайком. Отец вознегодовал; Доналда заманили на фальшивое свидание и схватили. Приговоренный к смерти, он умолял, чтобы его обезглавили как джентльмена, но не повесили как преступника. Просьба была удовлетворена, и молодой человек положил голову на плаху, повторяя: «Дьявол заберет лэрда Гранта, а Доналд Донн не будет повешен». Легенда утверждает, что, когда отрубленная голова скатилась с плахи, она заговорила и произнесла: «Мэри, подними мою голову».

Я вздрогнула, и Фрэнк обнял меня за плечи.

— Сохранился отрывок из его стихотворения, — сказал он тихонько, — Вот послушай:

Завтра буду я на холме, обезглавленный.

Пожалеете ли вы невесту мою, убитую горем,
Мою златокудрую Мэри с глазами бездонными?

Я легонько сжала его руку.

Истории следовали одна за другой — истории о предательствах, убийствах и насилии, и озеро казалось мне теперь вполне достойным своей мрачной репутации.

— Ну а что вы скажете о чудовище? — спросила я, вглядываясь с борта в темные глубины. Вполне подходящее местечко для какого-нибудь страшилища.

Наш гид пожал плечами, и сплюнул в воду.

— Озеро, конечно, загадочное, сомнений нет, — ответил он, — О чудовище рассказывают немало. Ему приносили человеческие жертвы, даже маленьких детей будто бы бросали в воду в плетеных корзинках. — Он снова сплюнул в воду. — Говорят, озеро это бездонное — в самом центре у него глубочайшая в Шотландии дыра. С другой стороны, — он сильно прищурил глаза, — рассказывают, что несколько лет назад одна супружеская чета, приезжие из Ланкашира, ворвалась в полицейский участок в Инвермористоне с криком, что они, мол, только что видели, как из озера вылезло чудовище и спряталось в папоротниках. Чудовище ужасное, покрытое рыжими волосами, с огромными рогами, оно что-то жевало, и из пасти у него лилась кровь.

Гид поднял руку, предупреждая мое испуганное восклицание.

— Послали констебля посмотреть, что там такое, он вернулся и сообщил, что, за исключением льющейся крови, эти люди дали очень точное описание... — гид немного помедлил ради пущего эффекта, — хорошей шотландской коровы, которая жевала в зарослях папоротника свою жвачку.

Мы проплыли вдоль берега почти половину длины озера, пока причалили для позднего ленча. На берегу нас уже ждала машина, и мы двинулись назад через Глен, не встретив по пути ничего более страшного, чем рыжая лисичка, небольшое животное с какой-то совсем уж мелкой добычей в зубах. Она очень удивилась, когда мы выскочили из-за поворота, и, отпрыгнув с дороги в сторону, быстро убежала, легкая как тень.

Было уже очень поздно, когда мы вернулись к дому миссис Бэйрд, но мы еще задержались на крыльце, со смехом вспоминая события дня, пока Фрэнк разыскивал ключ от двери.

Мы уже раздевались, чтобы лечь в постель, и тут я вспомнила о

маленьком хендже на Крэг-на-Дун и сказала об этом Фрэнку. Его усталость моментально улетучилась.

— Честное слово? И ты знаешь, где он находится? Как это великолепно, Клэр!

Он принялся рыться в своем кейсе.

— Что ты там ищешь?

— Будильник, — ответил он, вытаскивая его из кейса.

— Зачем? — удивилась я.

— Хочу встать вовремя, чтобы увидеть их. — Кого?

— Ведьм.

— Ведьм? Кто тебе сказал, что тут есть ведьмы?

— Викарий, — ответил Фрэнк, явно радуясь шутке. — Его домоправительница — одна из них.

Я подумала о почтенной миссис Грэхем и расхохоталась:

— Не говори ерунды!

— Ну, не самые настоящие ведьмы, конечно. А вообще в Шотландии ведьм было полным-полно, их сжигали на кострах вплоть до начала восемнадцатого века, но на самом деле то были женщины-друиды, так, наверное, надо считать. Я не думаю, что теперь это настоящий шабаш ведьм со всяческой чертовщиной. Викарий утверждает, что это группа местных женщин, соблюдающих старинные обряды солнечных праздников. Он, разумеется, не может проявлять к этому открытый интерес — из-за своего поста, но как человек весьма любознательный не может и совсем не обращать внимания. Он не знал, где совершаются эти церемонии, но если поблизости имеется каменный круг, то, скорее всего, именно там. — Фрэнк потер руки в радостном предвкушении. — Какая удача!

Подняться разок до рассвета ради развлечения даже забавно. Но два дня подряд — это, извините, уже отдает мазохизмом.

На сей раз ни теплого автомобиля, ни термосов; полусонная, я плелась вслед за Фрэнком вверх по дороге на холм, спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу и то и дело ушибая пальцы о камни. Было холодно и туманно, я спрятала руки поглубже в карманы кардигана.

Еще один рывок к вершине холма — и хендж перед нами, каменные столбы еле видны в предрассветной мгле. Фрэнк остановился и замер в восхищении, в то время как я, задыхаясь, опустилась на первый подходящий для этого камень.

— Прекрасно, — пробормотал Фрэнк, потом молча подошел к внешнему кольцу столбов, и его фигура — тень в тумане — скрылась в более темной тени, падающей от больших камней. Они были и в самом

деле прекрасны, но и чертовски таинственны тоже. Я вздрогнула — совсем не от холода. Если те, кто их воздвигнул, хотели, чтобы они производили сильное впечатление, то они знали, как этого добиться.

Фрэнк очень скоро вернулся.

— Пока никого, — прошептал он у меня над ухом, и я чуть не подпрыгнула от неожиданности. — Идем, я нашел место, откуда мы можем за ними наблюдать.

На востоке забрезжил свет — бледная серая полоса на горизонте, однако и этого оказалось достаточно, чтобы я не спотыкалась, пока Фрэнк вел меня в укрытие под кустами ольхи возле верхнего конца тропы. Там было тесновато, едва-едва можно устроиться двоим плечом к плечу. Тропа видна отсюда хорошо, так же, как и внутренняя часть каменного круга примерно в двадцати футах от нас. Уже не первый раз я задумывалась над тем, чем же занимался Фрэнк во время войны. Он был прекрасно подготовлен к тому, чтобы маневрировать в темноте совершенно бесшумно.

Я совсем не выспалась и хотела одного, — свернуться под каким-нибудь уютным кустом и заснуть. Однако места для этого не было, и я продолжала стоять, вглядываясь в крутую тропинку в поисках приближающихся друид. Спину мне покалывало, и ноги болели, но, пожалуй, это скоро пройдет; полоска на горизонте из серой сделалась розовой, стало быть, до рассвета не более получаса.

Первая из друид появилась почти так же неслышно, как Фрэнк. Только слабый хруст гальки под ногами — и тотчас в тумане проступила аккуратно причесанная седая голова. Миссис Грэхем. Значит, это правда. Экономка викария была благоразумно одета в твидовое платье и шерстяное пальто, под мышкой у нее был белый сверток. Неслышно, словно призрак, она скрылась за одним из больших камней.

Остальные появились вскоре вслед за ней, по одной, по двое и даже по трое, они шли, перешептываясь и пересмеиваясь, по тропе, но мгновенно умолкали, как только поднимались наверх.

Некоторых я узнала. Например, миссис Бьюкенен, почтмейстершу; ее белокурые волосы были недавно завиты и распространяли сильный запах «Вечера в Париже». Я подавила смех. Ничего себе современные друиды!

Их оказалось пятнадцать, исключительно женщины, в возрасте от примерно шестидесяти, как миссис Грэхем, до двадцати с небольшим, как женщина, которую я недавно видела катящей детскую коляску от магазина к магазину. Все они были одеты для прогулки, и у каждой под мышкой — белый сверток. Почти не разговаривая, они скрывались кто за каменным столбом, кто в кустах и появлялись потом с пустыми руками, голыми до

плеч, облаченные в белое. Когда одна из них прошла совсем близко от нашего укрытия, я уловила запах хозяйственного мыла и сообразила, что их одеяния — всего-навсего простыни, обернутые вокруг тела и закрепленные на плече.

Выстроившись друг за другом по возрасту — младшие, за старшими, — они обошли круг камней снаружи и остановились в ожидании. Свет на востоке все разгорался.

Едва лишь солнце поднялось над горизонтом, строй женщин пришел в движение — они медленно вошли в промежуток между двумя камнями. Предводительница провела их прямо к центру круга, а потом они вслед за ней начали все тем же медленным, «лебединым» шагом кругами обходить хендж.

Предводительница внезапно остановилась и повернула к центру. Здесь она встала, подняв руки и повернув лицо в сторону ближайших к востоку камней. Высоким голосом она произнесла какие-то слова, не слишком громко, но так, чтобы ее слышали все участницы процессии. Туман еще не рассеялся, он отражал звуки, и казалось, что они доносятся отовсюду, идут от самих камней. Но не только эхо повторяло слова, а и танцовщицы — потому что участницы процессии теперь затанцевали. Они протянули руки одна к другой, не соприкасаясь пальцами, и двигались по кругу, притопывая и слегка покачиваясь. Но вот круг танцующих разделился на две половины. Семь танцующих пошли по часовой стрелке, остальные — в противоположном направлении. Два полукруга, встречаясь, то пересекались, то образовывали целый круг, то снова два полукружия. А предводительница все стояла в центре и выкрикивала полный непонятной печали клич на языке, который давно уже умер.

Они должны были казаться смешными, и, вероятно, так оно и было. Сборище женщин, обернутых в простыни, большинство из них толстые и не слишком подвижные, ходят и ходят кругами по вершине холма. Но от звуков их унылого клича волосы колко поднялись у меня на затылке.

Они остановились все как одна опять-таки в два полукруга, разделенных дорожкой, и смотрели на солнце. Оно поднялось над горизонтом, и первые лучи, пройдя между двумя восточными камнями, упали на разделившую полукружия дорожку и дальше — на камень на противоположной стороне хенджа.

Танцующие на мгновение замерли в тени по обе стороны от полосы света. Затем миссис Грэхем что-то произнесла все на том же непонятном языке, но уже обычным голосом. Повернулась и пошла по освещенной солнцем дорожке — спина прямая, седые волосы блестят в солнечных

лучах. Остальные без единого звука последовали за ней. Одна за другой они прошли сквозь отверстие в главном камне и скрылись в молчании.

Из своего укрытия в зарослях ольхи мы наблюдали, как женщины переоделись и, теперь уже болтая и пересмеиваясь самым обычным образом, начали спускаться с холма, по-видимому, приглашенные на чашечку кофе в дом викария.

— Господи! — Я распрямилась, чтобы избавиться от судорог в ногах и спине. — Ну и зрелище, скажу я вам!

— Восхитительное! — с энтузиазмом воскликнул Фрэнк. — Ни за какие сокровища мира не хотел бы его пропустить!

Он змеей выскользнул из-под кустов, предоставив мне выпутываться самой, пока он на манер ищейки, носом к земле, обследовал зачем-то внутреннюю часть хенджа.

— Что ты там ищешь? — спросила я, с некоторой опаской вступая в круг. Но день уже наступил, и камни, все еще впечатляющие, утратили значительную часть своей зловещей мрачности.

— Пометки, знаки, — ответил он, ползая по дерну на четвереньках и что-то высматривая. — Каким образом они узнают, где начинать и где останавливаться?

— Неплохой вопрос. Я ничего не вижу, — сказала я, но, опустив глаза, увидела очень интересное растение у основания одного из вертикальных столбов. Миозотис? Нет, вряд ли; у этих голубых цветков глубоко запрятанные оранжевые серединки. Я потянулась за цветком, но тут Фрэнк, у которого слух был куда острее моего, выпрямился и схватил меня за руку. Он поспешно увлек меня прочь из внутреннего круга буквально за секунду до того, как в него вошла с противоположной стороны одна из утренних плясуний.

То была мисс Грант, маленькая плотная женщина, занятие которой — она торговала пирожными и сладостями в маленьком собственном магазинчике на Хай-стрит — вполне соответствовало пропорциям ее фигуры. Она близоруко осматривалась по сторонам, потом нашарила в кармане очки и водрузила их на нос; обошла весь круг и наконец подняла с земли большую заколку для волос, за которой вернулась в хендж. Прицепила ее к своим густым блестящим волосам, но возвращаться к повседневным делам не спешила. Уселась на валун, вполне по-приятельски оперлась спиной на одного из каменных гигантов и лениво закурила сигарету.

Фрэнк испустил вздох отчаяния.

— Ладно, — сказал он, смиряясь с неизбежным, — нам, пожалуй,

лучше уйти. Судя по ее виду, она может просидеть здесь все утро. К тому же я не обнаружил вообще никаких пометок.

— Мы могли бы вернуться сюда попозже, — предложила я, меня очень заинтересовало растение с голубыми цветами.

— Разумеется, — откликнулся Фрэнк.

Но он уже потерял всякое желание изучать хендж как таковой, его занимали только подробности подсмотренной нами церемонии. Он решительно увлек меня к спуску с холма и по дороге настоятельно требовал, чтобы я как можно точнее припомнила произносимые во время ритуала слова и ритмические особенности танца.

— Норвежские, — с удовлетворением пришел он к выводу. — Корни слов древненорвежские, я почти полностью в этом уверен. Но танец... — Он в раздумье покачал головой. — Танец гораздо старше. Скорее всего, это восходит к круговым танцам викингов. — Он столь строго сдвинул брови, словно я с ним не соглашалась, — Но это движение по двойным линиям, оно... хмм... оно похоже... некоторые изображения на керамике из Бикер Фолка напоминают эти движения, но с другой стороны... хммм...

Фрэнк впал в свойственный ему временами научный транс, то и дело что-то невразумительно бормоча себе под нос. Вышел он из этого состояния только в самом конце спуска, наступив на какой-то предмет. Взмахнул руками, поскользнулся и с криком покатился вниз, в заросли прошлогоднего бурьяна.

Я поспешила за ним, но нашла его уже сидящим среди трепещущих стеблей.

— С тобой все в порядке? — спросила я на всякий случай, хотя было ясно, что он не пострадал.

— Полагаю, что да. — Он с некоторым недоумением отвел со лба темные волосы. — На что это я налетел?

— Вот на что. — Я подняла пустую жестянку из-под сардин, брошенную кем-то. — Одна из опасностей цивилизации.

— А-а. — Фрэнк взял у меня жестянку, заглянул внутрь и швырнул ее через плечо. — Жаль, что она пустая. После нашей экскурсии я чувствую волчий голод. Может, посмотрим, что там положила нам миссис Бэйрд в качестве раннего завтрака?

— Можно и так, — согласилась я, приглаживая ему выбившиеся пряди. — А с другой стороны, мы могли бы оставить это на ранний ленч.

И я посмотрела ему прямо в глаза.

— А-а, — повторил он, однако уже совершенно другим тоном.

Медленно-медленно он провел рукой снизу вверх по моей руке,

коснулся шеи и легонько потянул мочку уха.

— Могли бы, — сказал он.

— Если ты не слишком голоден.

Вторая рука обняла меня сзади. Ладонь раскрылась, Фрэнк мягко притянул меня к себе, пальцы его скользили все ниже и ниже. Приоткрыв рот, он прильнул к вырезу моего платья, и я ощутила на груди его теплое дыхание.

Он осторожно уложил меня на траву: пушистые кисти сухих злаков словно парили в воздухе вокруг его головы. Он наклонился и поцеловал меня нежно и продолжал целовать, пока расстегивал пуговицы на моем платье, пуговку за пуговкой, с промежутками, во время которых он успевал просунуть руку под платье и потрогать отвердевшие соски моих грудей. Так он расстегнул платье от ворота до пояса и произнес еще одно «а-а-а», и снова по-другому, охрипшим голосом.

— Словно белый бархат, — выговорил он. Темные волосы опять упали ему на лицо, но он не стал поправлять их. Одним движением большого пальца он расстегнул мой бюстгальтер и со знанием дела принялся за мои груди. Потом он откинулся назад, взял обе груди в ладони и гладил их сверху вниз и снизу вверх до тех пор, пока я не застонала и не повернулась всем телом к нему. Он прижал свои губы к моим и привлек меня к себе так, что наши бедра соприкоснулись очень тесно. Фрэнк повернул голову и принялся пощипывать губами мое ухо.

Рука его опускалась все ниже и ниже — и вдруг замерла как бы в изумлении. Еще одно движение — и Фрэнк поднял голову и взглянул на меня с усмешкой.

— Аи, что же это значит, почему она такая? — дурашливо, подражая говору деревенского паренька, спросил он. — А вернее, не такая?

— Просто приготовилась, — ответила я с нарочитой строгостью. — Медсестры должны быть готовы к приему пациентов. Так нас учили.

— Честное слово, Клэр, — пробормотал он, запуская руку мне под юбку... вверх по бедру, к мягкому, открытому теплу между ног, — ты самая ужасающе практичная особа из всех, кого я знал.

Фрэнк подошел ко мне сзади, когда я сидела в гостиной на кресле с большой раскрытой книгой на коленях.

— Что ты делаешь? — спросил он. Его руки мягко легли мне на плечи.

— Ищу одно растение, — ответила я, закрывая книгу, но заложив пальцем нужную страницу. — Я его видела там, возле камней на хендже. Вот посмотри... — Я снова открыла книгу. — Оно могло бы относиться к семейству Campanulaceae или к Gentianaceae, к Polemoniaceae,

Boraginaceae... чем-то похоже на незабудки, но и на вариант вот этого растения, *Anemone patens*. — Я показала на цветную иллюстрацию с изображением сон-травы. — Я не думаю, что это какая-нибудь генциана, лепестки недостаточно закругленные, но...

— Ну хорошо, — перебил меня Фрэнк, — а почему не вернуться туда и не сорвать его? Мистер Крук, наверное, не откажется одолжить тебе свою громыхалку... или нет, погоди, у меня более подходящая мысль. Попроси у миссис Бэйрд ее машину, это куда безопаснее. От дороги до подножия холма расстояние небольшое.

— А потом всего тысяча ярдов вверх, — сказала я. — Почему ты так заинтересовался этим растением, а? — Я повернулась, чтобы посмотреть на него.

Свет лампы обвел золотым нимбом контур его головы, точь-в-точь как у святых на средневековых иконах.

— Меня интересует совсем не растение, — ответил Фрэнк. — Но если ты туда поднимешься, я хотел бы, чтобы ты осмотрела все это сооружение снаружи.

— Хорошо, — покорно согласилась я. — А зачем?

— Следы огня, — сказал он. — Во всех работах о Празднике костров, какие мне довелось прочесть, огонь непременно упомянут как обязательная часть ритуала. Но женщины, за которыми мы наблюдали нынче утром, огня не зажигали. Возможно, они жгли костры накануне ночью, а наутро пришли исполнить танец. Исторически было так, что костры разжигали пастухи. Внутри каменного круга я не обнаружил следов огня, но, поскольку нам пришлось постепенно ретироваться, внешнюю сторону я обследовать не успел.

— Хорошо — повторила я и зевнула: два ранних подъема подряд давали себя знать. — Я закрыла книгу и встала. — Только предупреждаю, что раньше девяти я вставать не собираюсь.

Я добралась до каменного круга примерно около одиннадцати утра на следующий день. Моросило, и я промокла, потому что не догадалась захватить с собой дождевик. Бегло осмотрев хендж с наружной стороны, я не нашла следов огня; если они и были, то кто-то позаботился их уничтожить.

Найти растение оказалось проще. Я помнила место, где оно росло, — у подножия самого высокого каменного столба. Отделив несколько побегов, я завернула их в носовой платок. Тяжелые гербарные сетки я оставила в машине и собиралась уложить растение как следует после спуска с холма.

Самый высокий каменный столб хенджа был разделен на две части по

вертикали, два массивных блока. Видимо, это было сделано специально, для какой-то цели. Вы легко могли заметить, что лицевая поверхность у обоих блоков одинаковая, однако они отстояли один от другого фута на три.

Откуда-то поблизости донеслось глухое жужжание или гудение. Я подумала, что в какой-нибудь расселине камня нашел себе жилье пчелиный рой, и, намереваясь заглянуть в пролет между блоками, оперлась о камень рукой.

Камень закричал.

Я попятилась с такой скоростью, что не удержалась на ногах и довольно-таки жестко приземлилась на короткую весеннюю траву. Вся потная, я уставилась на камень.

Никогда я не слышала, чтобы живое существо могло издать подобный звук. Описать его невозможно — разве что сказать, что если бы камень мог закричать, он испустил бы именно такой крик. Это было ужасно.

Начали испускать крики и другие камни. То был шум битвы, вопли убиваемых людей, звуки от падения на землю лошадей.

Я затрясла головой, чтобы прогнать наваждение, но шум продолжался. Я вскочила на ноги и, спотыкаясь, кинулась к выходу из круга. Звуки настигали меня, от них ныли зубы и кружилась голова. У меня потемнело в глазах.

Я не могу сказать, сознательно ли я устремилась к просвету между двумя частями главного столба или это вышло случайно, в результате слепого движения в хаосе шума.

Однажды во время ночной поездки я заснула на пассажирском сиденье несущегося вперед автомобиля, рокот мотора и быстрое движение создавали иллюзию дивной невесомости. Водитель проехал по мосту на слишком большой скорости и потерял контроль над машиной. Я очнулась, в мой сон ворвался ослепительный свет фар, я испытала тошнотворное чувство от падения на полном ходу. Этот внезапный переход из одного состояния в другое можно сравнить с тем, что я пережила теперь, но за неимоверно короткий промежуток времени.

Я могла бы сказать, что мое поле зрения внезапно сузилось до единственного темного пятна, но тут же передо мной возникла сияющая пустота. Еще я могла бы сказать, что я словно находилась в центре затягивающего меня кругового вихря... Все это чистая правда, но ничто не может передать возникшего у меня ощущения полной гибели, полного разрушения, того, что меня сильно ударило обо что-то, чего вообще нет.

Суть заключалась в том, что никакого движения не произошло, никаких перемен, ничего не случилось, но тем не менее я испытывала

стихийный ужас небывалой силы и перестала понимать, кто я или что я и где нахожусь. Я была в средоточии хаоса, и никакая сила, духовная или телесная, не могла ему противостоять.

Не знаю, потеряла ли я сознание, но определенно некоторое время была не в себе. Я проснулась — если можно так выразиться в данном случае, — споткнувшись о камень у подножия холма, кое-как съехала на ногах оставшиеся несколько футов и растянулась на густой, растущей пучками траве.

Мне было плохо, кружилась голова, С трудом поползла до купы молодых дубков и прислонилась к одному из них, чтобы прийти в себя. Где-то неподалеку раздавались крики, напомнившие мне о звуках, которые я слышала на холме, в каменном кругу. Но они утратили внечеловеческий оттенок; теперь я слышала обычные голоса вступивших в конфликт людей и повернулась в ту сторону.

Глава 3

ЧЕЛОВЕК В ЛЕСУ

Мужчины находились на некотором расстоянии от меня, когда я их увидела. Двое или трое, одетые в килты, они неслись как дьяволы по небольшой поляне. Издали доносился резкий шум, в котором я, к своему изумлению, узнала грохот ружейных выстрелов.

Я была совершенно уверена, что все еще галлюцинирую, когда вслед за звуками выстрелов появилось пять или шесть человек, одетых в красные мундиры и бриджи до колен; они размахивали мушкетами. Я уставилась на них. Подняла к лицу руку и расставила перед глазами два пальца. Увидела два пальца, все нормально и реально. Никакого помутнения зрения. Я осторожно потянула носом воздух. Сильный, по-весеннему острый запах деревьев и слабый — клевера у меня под ногами. Никаких странностей обоняния.

Я пощупала голову. Никаких неприятных ощущений. Контузии вроде бы нет. Пульс немного учащенный, но ровный.

Отдаленный шум и крик внезапно сменился топотом копыт; прямо на меня скакали боевые кони, верхом на них сидели шотландцы в килтах, громко выкрикивая что-то по-гэльски. Я увернулась с дороги со всей прытью, на какую была способна, — значит, физически я не пострадала ничуть, каким бы ни было мое умственное состояние.

Но тут один из красных мундиров был сброшен с коня пронесшимся мимо шотландцем и, вскочив на ноги, театральным жестом погрозил кулаком вслед лошадям. И я поняла. Конечно же! Фильм! Я даже годовой затрясла при мысли о моей несообразительности. Они «выстреливают» какую-то костюмную драму, вот и все. Что-то вроде «Принца Чарли в зарослях вереска» или тому подобное.

Так. Независимо от художественной ценности этого произведения съемочной группе вряд ли придется по душе тот антиисторический диссонанс, который я внесу своим появлением перед камерой. Я отступила в заросли, намереваясь сделать широкий круг в обход поляны и выйти таким образом к дороге, где я оставила машину. Идти оказалось труднее, чем я предполагала. Лес был молодой, но с густым подлеском, платье мое то и дело цеплялось за кусты. Я пробиралась между тонкими дубками, выпутывая подол из плетей куманики.

Если бы он был змеей, я бы на него наступила. Он стоял среди

деревьев так тихо и неподвижно, словно бы сам превратился в дерево, и я заметила его только тогда, когда он схватил меня за руку.

Ладонью второй руки он быстрым и резким движением зажал мне рот и утянул меня в заросли, приведя тем самым в паническое состояние. Кто бы ни был этот похититель, ростом он казался ненамного выше меня, но определенно был гораздо сильнее. Я ощутила слабый цветочный аромат, кажется, пахло лавандой, и запах этот смешивался с сильным запахом мужского пота. Ветки сомкнулись за нами, и пока он тащил меня по тропинке, я обратила внимание на то, что обхватившая меня за талию рука мне очень знакома.

Я дернула головой и высвободила рот.

— Фрэнк! — взорвалась я. — Ради всего святого, что это за нелепая игра?

Я разрывалась между двумя противоречивыми чувствами: с одной стороны, была рада, что нашла Фрэнка здесь, а с другой — была дико возмущена грубой шуткой. Ошарашенная тем, что произошло со мной среди каменных столбов хенджа, я совершенно не была расположена шутить.

Он отпустил меня, но едва я к нему повернулась, как поняла, что дело неладно. Суть не в незнакомом одеколоне, а в чем-то гораздо более существенном. Я стояла столбом, а волосы у меня на затылке встали дыбом.

— Вы не Фрэнк, — прошептала я.

— Отнюдь нет, — согласился он, наблюдая за мной с весьма большим интересом. — Правда, у меня есть кузен, которого так зовут, но я сомневаюсь, чтобы вы меня с ним спутали, потому что между нами нет никакого сходства, мадам.

Как бы там ни выглядел его кузен, но сам он вполне мог сойти за брата Фрэнка. То же гибкое и худощавое сложение, те же четкие линии скул, словно резцом очерченное лицо; ровные брови, широко расставленные карие глаза, те же темные волосы, падающие на брови.

Но у этого человека волосы были длинные, стянутые на затылке кожаным ремешком. Темная, словно у цыгана, кожа на лице, вероятно, месяцами и годами, подвергалась воздействию солнца и — ветра и ничуть не напоминала легкий золотистый загар, который приобрел Фрэнк в Шотландии.

— Но кто же вы? — не удержалась я от вопроса. Родственников и свойственников у Фрэнка было множество, но мне казалось, что я хорошо знаю всю британскую ветвь семьи. И среди них не было никого похожего

на этого человека. И, конечно, Фрэнк рассказал бы мне о любом близком родиче, живущем в горной Шотландии. И не просто упомянул бы или рассказал, но настаивал бы на визите к нему во всеоружии генеалогических записей и блокнотов для записи новых пикантных сведений из семейной истории о знаменитом Черном Джеке Рэндолле.

В ответ на мой вопрос незнакомец поднял брови.

— Кто я? Я мог бы задать вам тот же вопрос, мадам, но с гораздо большим основанием.

Его глаза медленно исследовали мою особу с ног до головы; наглым оценивающим взглядом он рассматривал мое цветастое легкое ситцевое платье и с особым вниманием — мои ноги. Я не вполне поняла смысл этого взгляда, но тем не менее занервничала ужасно, отступила на шаг или два и ударилась спиной о дерево довольно чувствительно.

Мужчина отвел от меня глаза и тем самым словно бы освободил меня от принуждения, и я вздохнула полной грудью, хотя до той минуты не осознавала, что невольно задерживаю дыхание.

Он повернулся, чтобы поднять свой мундир, брошенный на нижнюю ветку молодого дуба. Отряхнул мундир от приставших листьев и начал его натягивать.

Я опять задышала через раз, потому что он снова, посмотрел на меня. Мундир у него был ярко-алый, в обтяжку и без отворотов, застегнутый наглухо. На: рукавах отвороты из буйволового кожи шириной по меньшей мере в шесть дюймов, на одном из эполетов мерцало небольшое кольцо из золотого шнура. Драгунская форма, причем офицерская. Тут меня осенило: он, конечно же, тоже актер, из той компании, с которой я столкнулась на другом конце дубовой роции. Однако короткий меч — он им как раз опоясывался — был на вид куда более реальным, нежели те, какие мне довелось повидать у актеров.

Я крепче прижалась спиной к стволу дерева и почувствовала себя увереннее. Руки скрестила на груди в оборонительной позиции.

— Да кто же вы, черт побери, такой на самом деле? — Этот мой вопрос прозвучал столь вызывающе и грубо, что я сама испугалась.

Он меня будто и не слышал, продолжая застегивать мундир. Закончив это занятие, он повернулся ко мне. Сардонически поклонился, прижав руку к сердцу.

— Я, мадам, Джонатан Рэндолл, эсквайр, капитан его величества восьмого драгунского полка. К вашим услугам, мадам.

Я сорвалась с места и кинулась бежать. Жарко и шумно дыша, я продиралась сквозь заросли дуба и ольхи, не обращая внимания на

куманику, крапиву, поваленные стволы — одним словом, ни на какие препятствия у себя на пути. Я слышала крик где-то позади но была слишком напутана, чтобы точно определить его направление.

Я бежала слепо; ветки царапали мне лицо и руки, я то и дело спотыкалась или подворачивала ногу, оступившись в ямку. В голове не было места для сколько-нибудь разумной мысли, я хотела лишь одного — убежать от этого человека.

Что-то тяжелое ударило меня в спину, я с размаху упала ничком на землю, растянувшись во весь рост, упала так страшно, что это почти лишило меня сознания. Грубые руки повернули меня на спину, и капитан Джонатан Рэндолл встал возле меня на колени. Он дышал тяжело и во время погони потерял свой меч. Растрепанный и грязный, он к тому же был весьма раздражен.

— Какого дьявола вы кинулись убежать от меня? — спросил он.

Прядь густых темных волос упала на лоб через бровь, и это сделало его невероятно похожим на Фрэнка.

Он наклонился и схватил меня за руки. Все еще задыхаясь, я попыталась освободиться, но добилась только того, что он повалился на меня. Он потерял равновесие и всей своей тяжестью придавил меня к земле. Несколько удивленный, он, однако, перестал злиться.

— Ах вот оно что! — произнес он со смешком. — Был бы рад оказать тебе эту любезность, цыпочка, но ты выбрала весьма неудачный момент.

Мои бедра были плотно придавлены к земле, в поясницу врезался острый камешек. Я попыталась переменить положение, но он еще сильнее налег на меня и обеими руками притиснул к земле мои плечи. Я открыла рот, чтобы выразить свое возмущение, но успела только выговорить: «Что вы себе...», потому что он наклонился и поцеловал меня, оборвав не успевшую начаться гневную филиппику. Он просунул язык мне в рот, нагло и бесстыдно двигал им во все стороны, то глубже, то ближе к моим губам. Кончил он это занятие так же внезапно, как начал и откинулся назад. Потрепал меня по щеке.

— Неплохо, цыпочка. Может быть, попозже я и найду время заняться тобой как следует.

К этому времени я уже выровняла дыхание и немедленно воспользовалась этим. Крикнула что было мочи прямо ему в ухо, и он отскочил от меня, словно я сунула ему в ухо раскаленную проволоку. Но я успела еще и дать ему коленом в незащищенный низ живота; он откатился в сторону и распростерся на рыхлой земле.

Я вскочила на ноги, но он уже оправился от удара и возник рядом со

мной. Я дико озиралась по сторонам — в какую сторону бежать, но мы оказались, как я теперь разглядела, у подножия одной из столь часто встречающихся в Шотландии отвесных гранитных скал — они вздымаются ввысь, точно башни, прямо из земли. Рэндолл догнал меня в том месте, где в этой каменной глыбе была выемка, нечто вроде неглубокой пещеры. Рэндолл загораживал выход, упершись обеими руками в края выемки, и смотрел на меня со смешанным выражением злости и любопытства на красивом загорелом лице.

— С кем ты была? — спросил он. — Кто такой Фрэнк? Среди моих товарищей нет человека с таким именем. Может, он из тех, кто живет по соседству, а? — Он насмешливо улыбнулся. — От твоей кожи навозом не несет, значит, с батраком или арендатором ты не была. Да и на вид ты стоишь подороже, чем может себе позволить местный фермер.

Я стиснула кулаки и выставила вперед подбородок. О чем бы ни болтал этот шутник, ко мне это не могло иметь отношения.

— Я не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите, и буду очень вам признательна, если вы немедленно выпустите меня отсюда, — заговорила я тоном самой строгой палатной сестры — в свое время тон этот действовал неотразимо на слишком настойчивых санитаров и молодых интернов, но капитана Рэндолла он лишь позабавил.

Я изо всех сил старалась победить страх и растерянность, которые бились у меня в груди, словно перепуганные куры в курятнике.

Рэндолл медленно покачал головой, внимательно изучая меня взглядом.

— Не сейчас, цыпочка, только не сейчас. Я спрашиваю себя, — произнес он спокойно и уверенно, — почему это шлюха в одной сорочке не сняла своих туфель. И туфель недурных, — добавил он, поглядев на мои кожаные мокасины.

— Что такое?! — возопила я.

На мое восклицание он чихал. Посмотрел еще раз мне в лицо, сделал шаг вперед и взял меня за подбородок. Я схватила его за руку и попыталась освободиться.

— Отпустите сейчас же! — крикнула я.

У него были пальцы крепкие, как сталь. Не обращая внимания на мои попытки вырваться, он повернул мое лицо в сторону так, чтобы на него упал затухающий предвечерний свет.

— Готов поклясться, что это кожа леди, — пробормотал он про себя. Наклонился вперед и принялся. — А от волос пахнет французским одеколоном.

Он убрал руку, и я возмущенно вытерла подбородок, мне хотелось уничтожить следы его прикосновения к моей коже.

— Все это может быть оплачено деньгами твоего хозяина, — рассуждал он. — Но речь... ты и говоришь как леди.

— Премного благодарна! — прошипела я. — Прочь с дороги! Меня ждет муж, и если я не вернусь через десять минут, он станет меня искать.

— О, ваш супруг? — Издевательски-любезное выражение на его лице слегка померкло, но не исчезло полностью. — А как его имя, скажите, пожалуйста? Где он? И почему он позволяет своей жене бродить по пустынному лесу полуодетой?

Я все время старалась выключить ту часть моего сознания, которая билась над решением загадок нынешнего дня. Теперь мне не давала покоя мысль, что у этого человека фамилия точно такая, как у Фрэнка, и оттого положение становится еще более запутанным и тревожным. Не удостоив Рэндолла ответом на его вопросы, я попыталась пройти мимо него. Он преградил мне дорогу мускулистой рукой, а другую руку протянул ко мне.

Откуда-то сверху донесся странный свистящий шум, и сразу вслед за ним мимо меня пролетело что-то темное и раздался глухой удар. Капитан Рэндолл очутился на земле у моих ног под тяжелой массой, похожей на свернутый старый и рваный плед. Из недр этой массы поднялся смуглый тяжелый кулак и тотчас опустил, нанеся мощный удар. Ноги капитана, обутые в высокие блестящие коричневые сапоги, дрыгнулись и замерли.

Очнувшись от потрясения, я обнаружила, что стою и смотрю кому-то в глаза — черные и пронзительные. Сильная рука, столь своевременно прекратившая нежелательные домогательства капитана, крепко держала меня за предплечье.

— А вы-то кто такой, черт возьми? — в изумлении выговорила я.

Мой спаситель, если мне следовало так его называть, был ниже меня ростом на несколько дюймов и худощав, но обнаженные руки его отличались замечательной мускулатурой, да и вся фигура казалась необычайно подвижной и упругой. Лицо некрасивое, рябое, низкие брови и узкий рот.

— Сюда, — произнес он и потянул меня за собой. Оглушенная разворотом событий, я, не сопротивляясь, последовала за ним.

Мой новый спутник быстро прокладывал путь через ольшаник, потом обогнул большой валун, и мы вышли на тропу. Проложенная сквозь заросли дрока и вереска, она шла такими зигзагами, что дальше шести футов ничего нельзя было разглядеть, и круто подымалась в гору к вершине холма.

Я стала дышать ровнее и собралась немного с мыслями не раньше, чем мы поднялись, а потом начали осторожно спускаться с противоположной стороны холма; тогда я решилась спросить, куда же мы идем. Не получив ответа, я повторила свой вопрос громче.

К моему немалому удивлению, спутник повернулся ко мне с искаженным лицом и столкнул меня с тропы в чащу. Я собралась было изъяснить протест, но он закрыл мне рот ладонью, повалил на землю и сам повалился на меня.

Ну уж нет! Я начала отчаянно сопротивляться, извиваясь как могла, но тут услышала то, что, очевидно, первым услышал мой вожатый. Громкие голоса, сопровождаемые топотом ног и хлюпаньем грязи. Голоса были несомненно английские, то есть я хочу сказать, что их обладатели переговаривались на английском языке. Я все еще отчаянно старалась высвободить рот. Вонзила зубы в ладонь придавившего меня к земле человека, но успела лишь почувствовать, что он ел соленую селедку прямо руками; в ту же секунду что-то ударило меня по затылку, и настала тьма.

Каменный коттедж возник как-то внезапно из ночного тумана. Ставни были плотно закрыты, пропуская только самые тонкие ниточки света. Не представляя, сколько времени я находилась без сознания, я, понятно, не могла определить, как далеко мы отъехали от холма Крэг-на-Дун или от города Инвернесса. Отъехали — потому что мы находились в седле верхом на лошади, я сидела впереди захватившего меня в плен спасителя, руки мои были привязаны к передней луке седла. Но ехали мы по бездорожью, так что продвигались медленно.

Я подумала, что в отключке была недолго: никаких симптомов сотрясения мозга или других неприятных последствий удара, если не считать некоторой болезненности в том месте, по которому меня ударили. Мой похититель оказался человеком немногословным, на мои вопросы, возмущенные декларации и желчные замечания он отвечал свойственным всем шотландцам междометием, которое фонетически можно было бы передать как «мम्म-ф-м». Если бы у меня и было сомнение насчет его национальности, то одного этого звука было бы достаточно, чтобы его устранить.

Глаза мои постепенно привыкли к вечерней тьме, пока лошадь, спотыкаясь, пробиралась среди камней и зарослей дрока, поэтому, вступив из почти полной темноты в комнату, как мне вначале показалось, очень ярко освещенную, я была почти ослеплена. Но первое впечатление быстро рассеялось, и я убедилась, что в комнате всего-навсего два источника света: горящий очаг и достаточно тусклые свечи в подсвечниках; впрочем, потом

я увидела невероятно старомодную масляную лампу.

— Кого это ты ведешь Мурта?

Мой узколицый похититель подтащил меня за руку поближе к свету.

— Саксонскую девку, Дугал, судя по тому, как она разговаривает.

В комнате находилось несколько мужчин, и все они уставились на меня, одни с любопытством, другие весьма плотоядно. Мое платье было порвано во многих местах в результате вечерних приключений, привести его в порядок не было, как я убедилась, никакой возможности. Сквозь дыру в верхней части платья я увидела обнаженную грудь; уверена, что мужчины тоже могли ее разглядеть. Я не стала зажимать рукой порванную материю — это лишь привлекло бы нежелательное внимание; вместо этого я повернулась наугад к одному из мужчин и нахально уставилась прямо ему в лицо, надеясь тем самым отвлечь его внимание от дефектов в моей одежде.

— Саксонка она или нет, но вполне хорошенькая, — сказал этот человек, толстый и весь лоснящийся.

Он сидел возле очага. В руке он держал кусок хлеба и не позаботился даже положить его, когда встал и подошел ко мне. Тильной стороной ладони он поднял мне подбородок, а потом откинул назад волосы с лица. Хлебные крошки посыпались мне за шиворот. Остальные мужчины тоже собрались вокруг меня, сплошные пледы и усы, от них крепко несло потом и водочным перегаром. Только теперь я заметила, что все они одеты в килты — странно даже для этой части Шотландии. Может, я попала на собрание клана или полковую вечеринку?

— Не робейте, барышня. — Эти слова произнес крупный чернобородый мужчина, который оставался сидеть за столом у окна.

Жестом он подозвал меня к себе. Судя по его виду, он был руководителем всей этой шайки. Мужчины неохотно расступились, пропуская Мурту, который повел меня вперед по праву владельца добычи.

Чернобородый оглядел меня спокойно, без всякого выражения на лице. Он был недурен собой и нельзя сказать, что недружелюбен. Однако между бровей пролегли суровые морщины; судя по всему, вряд ли бы кто-то захотел встать ему поперек дороги.

— Как ваше имя, барышня? — Голос у него был неожиданно высокий для человека его сложения, а совсем не глубокий бас, который я ожидала услышать, взглянув на его широченную грудь.

— Клэр... Клэр Бошан, — ответила я, решив на всякий случай воспользоваться моей девичьей фамилией.

Если они рассчитывают на выкуп, не стоит помогать им и называть

имя, которое привело бы к Фрэнку. И вообще не стоило сообщать этим весьма подозрительным на вид мужчинам, кто я такая на самом деле, прежде чем не узнаю, кто такие они.

— И почему вы думаете, что вы... — начала было я, но чернобородый не стал меня слушать.

— Бошан? — Густые брови поднялись вверх, и вся компания тоже изобразила удивление. — Но ведь это французское имя?

Он произнес фамилию правильно по-французски, хотя я выговорила ее на английский манер — Бйчэм.

— Да, совершенно верно, — ответила я, несколько удивленная.

— Где ты нашел эту барышню? — обратился Дугал к Мурте, который как раз освежал себя из кожаной фляжки.

Маленький смуглый человечек пожал плечами.

— У подножия Крэг-на-Дуна. Она беседовала с неким драгунским капитаном, с которым я имел случай познакомиться раньше, — сказал он, многозначительно приподняв брови. — Кажется, они обсуждали, шлюха эта леди или нет.

Дугал окинул меня еще раз своим невозмутимым взглядом, осмотрев со всем вниманием мое ситцевое набивное платье и туфли для прогулки.

— Понимаю. И какова была точка зрения леди по этому вопросу? — спросил он, сделав язвительное ударение на слове «леди».

Мурта, казалось, забавлялся на свой манер; уголок рта у него слегка приподнялся, когда он ответил:

— Она сказала, что не шлюха. Капитан и сам сомневался, так ли это, но собирался провести испытание.

— Мы тоже можем этим заняться.

Жирный бородач направился ко мне, расстегивая пояс. Я немедленно попятилась от него как можно дальше, но размеры комнаты ограничивали мои возможности в этом отношении.

— Перестань, Руперт. — Дугал смотрел на меня, нахмутив брови, но его приказание подействовало, и Руперт унялся. Вид у него при этом был комично разочарованный. — Я не допущу насилия, да у нас к тому же и времени нет.

Я была весьма признательна за столь дипломатичное разрешение конфликта, хотя с точки зрения морали оно казалось по меньшей мере двусмысленным. Однако меня беспокоило откровенно похотливое выражение некоторых лиц. Непонятно почему, я чувствовала себя так, словно появилась на публике в нижнем белье. Я понятия не имела, кто эти шотландские бандиты, но они казались мне очень опасными, и я

придержала язык, с которого уже готовы были сорваться подходящие к случаю, но отнюдь не своевременные выражения.

— Ну что скажешь, Мурта? — обратился Дугал к моему похитителю. — Мне кажется, она не расположена к Руперту, а?

— Выгоды никакой, — отозвался вместо Мурты низенький лысый человек. — Он не может дать ей серебра. Сами понимаете, ни одна баба не станет путаться с Рупертом задаром, да еще при этом плату подавай вперед, — добавил он под дружный хохот своих товарищей.

Дугал утихомирил веселье одним движением руки и кивнул головой по направлению к двери. Лысый, все еще посмеиваясь, послушно удалился из комнаты в ночную темноту.

Мурта, который не стал смеяться вместе с прочими, бросил на меня хмурый взгляд и энергично тряхнул длинной, до самых бровей, челкой прямых волос.

— Нет, — сказал он твердо. — Я понятия не имею, кто она или что на самом деле, но готов прозакладывать свою лучшую рубашку, что она не шлюха.

Я подумала про себя, что, надо надеяться, его лучшая рубашка не та, в какую он сейчас одет, — на эту, пожалуй, никто бы не заключил пари.

— Кому знать, Мурта, если не тебе, ты их повидал на своем веку немало, — сказал Руперт с недружелюбной насмешкой, но Дугал резко оборвал его.

— Об этом потолкуем позже, — сказал он. — Нынче ночью нам предстоит проехать немалое расстояние а нужно еще попробовать помочь Джейми. В таком состоянии он ехать не может.

Пока они переговаривались, я успела отступить в темный угол возле очага и старалась не привлекать к себе их внимание. Мурта развязал мне руки, прежде чем ввести в дом. Может, мне удастся ускользнуть отсюда незамеченной, поскольку у бандитов есть о чем подумать и без меня. Все они занялись молодым человеком, сгорбившимся на скамейке в углу. Он ни разу не поднял глаза, пока меня разглядывали и расспрашивали, сидел опустив голову, держась рукой за плечо и слегка покачиваясь вперед-назад, как видно, от боли.

Дугал осторожно отвел в сторону его руку. Кто-то еще снял с него плед, под которым была надета перепачканная в грязи и окровавленная полотняная рубашка. Невысокий мужчина с густыми усами подошел к юноше сзади и разрезал ножом рубашку — придерживая за воротник — через грудь к рукаву, так что она сползла с плеча.

У меня дыхание перехватило — впрочем, у некоторых из мужчин

тоже. На плече была рана, глубокая, с рваными краями, и кровь из нее текла юноше на грудь. Но еще ужаснее выглядел плечевой сустав. Пугающий своей величиной бугор торчал в сторону, и рука была согнута под немыслимым углом.

— Ммм, — промычал Дугал. — Бедняга, у тебя вывих что надо.

Молодой человек впервые поднял голову. Лицо у него было мужественное и приятное, несмотря на выражение страдания и отросшую рыжеватую щетину.

— Я упал на руку, когда мушкетная пуля выбила меня из седла. Всем весом на нее приземлился, она — крак! — и выскочила.

— Выскочила, без всякого сомнения, — согласился с ним усатый шотландец — судя по выговору, грамотный.

Он дотронулся до поврежденного плеча, и лицо юноши исказила гримаса боли.

— Рана неопасная, — продолжал усатый. — Пуля прошла навывлет, и кровь течет свободно. — Он взял со стола какой-то грязный лоскут и приложил его к ране, чтобы остановить кровь. — А что с вывихом делать, я просто не знаю. Чтобы его вправить, нужен хирург. Ведь ты в таком виде не можешь ехать верхом, а, Джейми?

Мушкетная пуля? Хирург? У меня закружилась голова.

Смертельно бледный юноша покачал головой.

— Сильно болит, даже когда просто сидишь. С лошастью мне не справиться.

Он опустил глаза и крепко прижал зубами нижнюю губу.

— Но мы же не сможем оставить его здесь! — горячо заговорил Мурта. — Раки^[7] не шибко большие мастера разъезжать в темноте, но рано или поздно они сюда доберутся. А Джейми с такой дырой в плече вряд ли сойдет за обыкновенного батрака.

— Можешь не волноваться, — сказал Дугал. — Никто и не собирается оставлять его тут.

Усатый вздохнул.

— Что поделаешь, надо попробовать поставить сустав на место. Мурта... и ты, Руперт... поддержите его, а я попытаюсь.

Я, полная сочувствия, наблюдала за тем, как он взял юношу за кисть руки и за локоть и начал поднимать руку вверх. Угол был совершенно неправильный. Движение должно было причинять адскую боль. Пот полился у юноши по лицу, но он не закричал, а только негромко застонал. Но тут же он резко подался вперед и упал бы, если бы его не держали мужчины.

Один из них откупорил кожаную фляжку и приложил ее к губам раненого. Резкий запах спиртного донесся даже до меня в моем углу. Молодой человек задохнулся, закашлялся, но все-таки сделал небольшой глоток, остальное пролилось на рубашку.

— Попробуем еще разок, а, паренек? — спросил усатый. — Может, у Руперта выйдет лучше? — обратился он к чернобородому жирному бандиту.

Руперт, поощряемый таким образом к действию, вытянул руки, словно собирался ухватиться за кей-бер, вцепился юноше в запястье и явно намеревался силой вправить сустав, — операция, в результате которой рука перекосилась бы, как ручка метлы.

— Не смейте этого делать!

Все мои мысли о бегстве были захлестнуты чувством профессионального долга, и я выступила вперед, не замечая, с каким изумлением смотрят на меня мужчины.

— Что вы имеете в виду? — спросил усатый, совершенно потрясенный моим вмешательством.

— Я имею в виду, что вы сломаете ему руку, если будете действовать подобным образом, — отрезала я. — Отойдите, пожалуйста.

Взяв Руперта за локоть, я отвела его в сторону и перехватила у него запястье раненого. Юноша был удивлен не меньше остальных, но не противился. Кожа у него была теплая, но, насколько я могла определить, его не лихорадило.

— Нужно повернуть верхнюю часть руки под правильным углом, прежде чем вправлять сустав, — сердито приговаривала я, осуществляя на практике то, о чем говорила.

Юноша был весьма крепкого сложения, рука тяжелая, как свинец.

— Сейчас будет самое худшее, — предупредила я пациента и обхватила ладонью локоть, чтобы приподнять и вправить вывихнутый сустав.

Он болезненно приоткрыл рот.

— Хуже, чем теперь, не будет, — выговорил он. — Действуйте.

Пот крупными каплями катился у меня по лицу. Вправление плечевого сустава — дело весьма трудное даже при самых благоприятных обстоятельствах, а здесь я имела дело с крупным мужчиной, который провел с вывихнутой рукой уже несколько часов, мышцы отекали и давили на сустав. Работа требовала от меня напряжения всех сил. Очаг находился в опасной близости от нас, и я боялась, как бы мы оба туда не угодили, когда я сделаю рывок, вправляя сустав.

Внезапно послышался легкий щелчок, и сустав встал на место. Пациент пришел в изумление. Не веря в исцеление, поднял руку, чтобы испытать ее.

— Она больше не болит! — воскликнул он с улыбкой восторженного облегчения во все лицо, в то время как остальные мужчины разразились одобрительными возгласами и захлопали в ладоши.

— Будет болеть, — сказала я, вся мокрая от напряжения, но весьма довольная результатом. — Руку надо беречь несколько дней, а первые два или три дня вообще не напрягать. Разрабатывайте ее медленно и постепенно. Прекращайте любое движение, если почувствуете боль, и каждый день накладывайте теплые компрессы.

Давая свои советы, я спохватилась, что, хоть мой пациент слушает меня с уважительным вниманием, остальные мало-помалу переходят от удивления к подозрительности.

— Дело в том, что я медсестра, — пояснила я в свою защиту.

Глаза Дугала, а следом за ним и Руперта остановились на моей груди и несколько задержались с выражением осуждающим и восхищенным одновременно. Потом они обменялись взглядами, и Дугал повернулся ко мне.

— Будь кем хочешь, — сказал он. — Хоть ты и несуразная сестра, но лечить, кажется, умеешь. Ты перевяжешь парню рану так, чтобы он мог сидеть верхом на коне?

— Да, рану я перевязать могу, — ответила я достаточно резко. — Если найдется, чем ее перевязать. Но что значит «несуразная сестра»? Что вы имеете в виду? И вообще, почему вы думаете, что я обязана вам помогать?

На мою отповедь Дугал не обратил внимания; он повернулся и заговорил на языке, который я определила как гэльский, с женщиной, забившейся в угол. Окруженная толпой мужчин, я ее раньше попросту не замечала. Одетая она была, как мне показалось, весьма странно: длинная рваная юбка, нечто вроде кофты с длинными рукавами, а поверх этого толи короткий жилет, то ли камзол. Выглядело все вместе неопрятно, да и лицо у нее чистотой не отличалось. Впрочем, как я уже заметила, в доме не было ни электричества, ни водопровода — в известной мере это объясняло и даже извиняло неряшливость.

Женщина сделала короткий-реверанс и, прошмыгнув за спинами Руперта и Мурты, начала рыться в раскрашенном деревянном сундуке возле очага, откуда вытащила грудку ветхого тряпья.

— Нет, это не пойдет, — сказала я, брезгливо дотронувшись до тряпок кончиками пальцев. — Рану надо первым делом продезинфицировать, а

потом перевязать чистым полотном, если у вас нет стерильного бинта.

Брови мужчин взлетели вверх.

— Продезинфицировать? — медленно и с трудом выговорил усатый коротышка.

— Вот именно, — твердо ответила я, решив, что, несмотря на образованный выговор, коротышка простоват. — Из раны необходимо удалить грязь, а после обработать обеззараживающим составом, чтобы уничтожить микробы и способствовать заживлению.

— Чем же?

— Ну, например, иодином, — ответила я, но, заметив на лицах полное недоумение, продолжила: — Мертиололатом? Раствором карболовой кислоты? Или... хотя бы просто алкоголем?

Лица прояснились. Наконец-то я нашла понятное для них слово. Мурта сунул мне в руки кожаную фляжку. Я только вздохнула. Знала, что шотландцы, как правило, необразованны, но чтобы до такой степени...

— Послушайте, — сказала я как могла терпеливее и вразумительнее, — почему бы вам просто не отвезти его в город? Это не так далеко, а в городе есть врач, который им займется.

Женщина подняла на меня недоумевающий взгляд: — Какой город?

Дугал в этом обсуждении участия не принимал: приподняв уголок занавески, он что-то высматривал в темноте за окном. Потом он занавеску опустил и не спеша пошел к выходу. Едва он исчез в темноте за дверью, все мужчины умолкли.

Скоро Дугал вернулся, но не один, а с лысым; вместе с ними в комнату ворвался холодный воздух и острый, сильный запах сосновой смолы. В ответ на вопросительные взгляды мужчин Дугал покачал головой:

— Нет, поблизости ничего. Но мы должны ехать, пока все спокойно.

Я попала в поле его зрения; он постоял, подумал, затем кивнул в мою сторону:

— Она поедет с нами.

Порылся в куче тряпья на столе, достал нечто замусоленное, похожее на галстук или шейный платок, выдавший лучшие дни.

Усатый был явно недоволен тем, что я буду их сопровождать.

— Почему бы не оставить ее здесь?

Дугал бросил на него нетерпеливый взгляд, но объясняться предоставил Мурте.

— Где бы ни находились красномундирники сейчас, утром они сюда обязательно заявятся, — сказал тот. — Если эта баба — английская шпионка, мы не можем рисковать и оставлять ее тут, потому что она им

расскажет, куда мы направились. А если у нее с ними вражда, — он с сомнением поглядел на меня, — то мы не должны оставлять одинокую женщину, да еще в таком виде. — Лицо у него немного прояснилось; он пощупал ткань моего платья и добавил: — Может, за нее дадут приличный выкуп. Надето на ней немного, но материя хорошая.

— Кроме того, — перебил его Дугал, — она может быть нам полезна в дороге, ведь она умеет лечить. Но сейчас у нас нет времени. Боюсь, Джейми, что не придется тебя дезинфицировать, поедешь прямо так. — Он похлопал юношу по здоровому плечу. — Ты сможешь управляться одной рукой?

— Да.

— Славный мальчик. Вот, — добавил он, перебрасывая мне засаленную тряпку. — Забинтуй ему руку, да побыстрее. Мы должны уезжать немедленно. Вы двое приведите лошадей, — приказал он Мурте и Руперту.

Я с отвращением повертела тряпку в руках.

— Я не могу это использовать, — сказала я. — Тряпка грязная.

Огромный Дугал схватил меня за плечо; его темные глаза находились в нескольких дюймах от моих.

— Ты сделаешь это, — сказал он.

Оттолкнув меня, он зашагал к двери вслед за двумя своими приспешниками. Я была почти что в шоке, однако решила выполнить задачу и забинтовать плечо раненого по возможности лучше. Моя медицинская совесть не позволяла воспользоваться для перевязки грязным платком. Надо было найти что-то более подходящее, и, забыв о своем страхе, я начала перебирать тряпки на столе — вполне безуспешно. Тогда я решила оторвать край своей вязкой комбинации — отнюдь не стерильной, но все же наиболее чистый материал из тех, что оказались под рукой.

Полотно на рубашке моего пациента было старое и изношенное, но на удивление плотное. Не без труда я оторвала рукав и кое-как смастерила из него перевязь. Я отступила немного назад, чтобы оглядеть результаты своих усилий, и наткнулась спиной на Дугала: он незаметно вошел в комнату и наблюдал за моей работой.

Перевязка ему понравилась.

— Неплохая работа, барышня. Пошли, мы уже готовы.

Он вручил женщине монету и вывел меня из коттеджа; Джейми, все еще очень бледный, следовал за нами. Поднявшись со скамейки, мой пациент оказался очень высоким, на несколько дюймов выше весьма

рослого Дугала.

Чернобородый Руперт и Мурта держали на дворе шесть лошадей и что-то ласковое негромко говорили им по-гэльски. Луны не было, но в свете звезд металлические части сбруи поблескивали, словно ртуть. Я подняла голову и замерла в изумлении: никогда еще я не видела такого количества, такого великолепия звезд. Опустив глаза и окинув взглядом окрестный лес, я поняла, в чем дело. Ни один город здесь не бросал на небо отсвет своих огней, и звезды утвердили свое неоспоримое господство над ночью.

И тут я замерла; холод куда более сильный, нежели прохлада ночи, пробежал по телу. Никаких городских огней... Женщина в доме спросила: «Какой город?» За годы войны я привыкла к затемнениям и воздушным налетам, и поначалу отсутствие света не встревожило меня. Но сейчас мирное время, и огни Инвернесса должны быть видны издалека, на много миль.

В темноте фигуры мужчин утратили определенные очертания, превратились в бесформенную массу. Я подумала о том, чтобы ускользнуть в лес, но Дугал, очевидно, прочитавший мои мысли, схватил меня за локоть и подтолкнул к лошадям.

— Джеймс, садись в седло, — сказал Дугал. — Девушка поедет с тобой. — Он стиснул мой локоть. — Ты можешь держать поводья, если Джеймс не управится одной рукой, но позаботься о том, чтобы не отставать от нас. Если попробуешь что-нибудь выкинуть, я тебе перережу глотку. Поняла?

Я только кивнула — сухость сковала горло, и выговорить я не могла ни слова. Голос у Дугала был не слишком угрожающий, но я поверила каждому его слову. «Выкидывать» я ничего не собиралась — попросту не знала, что я могу предпринять. Я не знала, где я, кто такие мои спутники, почему мы уезжаем столь поспешно и куда направляемся, но у меня не было сколько-нибудь разумных оснований для того, чтобы ехать с ними. Я беспокоилась о Фрэнке, который, конечно, давным-давно хватился меня и начал разыскивать, но упоминать о нем здесь вряд ли стоило.

Дугал, как видно, догадался о моем ответе, потому что отпустил мою руку и наклонился ко мне. Я стояла, глупо уставившись на него, а он прошипел:

— Вашу ногу, барышня! Дайте вашу ногу! — Потом сердито: — Левую ногу, левую!

Я поспешно исправила ошибку, убрала правую ногу и поставила ему на руку левую, а он, негромко ворча, помог мне подняться в седло и усадил

Джейми, который придвинул меня к себе поближе здоровой рукой.

При всей нелепости моего положения я была невольной признательна молодому шотландцу за его тепло. От него пахло лесом, кровью, невымытым мужским телом, однако ночная прохлада пробирала меня под легким платьем, и я была рада теснее прижаться к нему.

Мы почти бесшумно двинулись сквозь звездную ночь, только уздечки позвякивали еле слышно. Мужчины не вели разговоров, блюдя величайшую осторожность. Едва мы выбрались на дорогу, лошади перешли на рысь; меня подбрасывало в седле, отбивая всякое желание беседовать, даже если бы кто-то изъявил желание меня слушать.

Мой спутник, казалось, не испытывал никаких неудобств, несмотря на то, что не владел правой рукой. Его бедра прижимались к моим, я чувствовала, когда он расслабляет или напрягает их, управляя лошадью. Я вцепилась в край седла, чтобы усидеть; мне раньше приходилось ездить верхом, но я отнюдь не могла равняться с таким всадником, как Джейми.

Немного погодя мы остановились на перекрестке, предводитель и лысый начали о чем-то негромко совещаться. Джейми тем временем бросил поводья коню на шею и пустил его на обочину пощипать траву, сам же принялся с чем-то возиться и крутился в седле.

— Поосторожнее, — предупредила я. — Не вертитесь так, не то повязка соскочит. Что вы там делаете?

— Пытаюсь размотать плед, чтобы накрыть вас, — ответил он. — Вы дрожите. Но мне никак с этим не справиться одной рукой. Вы не можете мне расстегнуть застежку на броши?

Порядком повозившись, мы наконец высвободили плед. И после этого Джейми на удивление быстрым и ловким движением закинул плед себе на спину, а концы его набросил мне на плечи и подсунул под край седла. Таким образом мы с ним оказались оба тепло укутаны.

— Ну вот! — сказал Джейми. — Мы вовсе не хотим заморозить вас по дороге туда.

— Спасибо! — от всей души поблагодарила я. — Но куда же мы едем?

Я не видела его лица, поскольку он сидел у меня за спиной. Он немного помолчал, потом коротко рассмеялся и сказал:

— По правде говоря, я не знаю. Полагаю, мы оба узнаем это, когда прибудем на место.

В очертаниях окружающей местности мне теперь показалось что-то знакомое. Я определенно уже когда-то видела этот громадный каменный массив, чем-то напоминающий петушиный хвост.

— Кокнаммон-Рок! — воскликнула я.

— Это точно, — отозвался мой спутник, ничуть не потрясенный моим открытием.

— Но разве англичане не устраивают там засады? — спросила я, припомнив нудные подробности местной истории, которыми Фрэнк потчевал меня всю последнюю неделю. — Если поблизости есть английский патруль... — тут я запнулась.

Если поблизости имеется английский патруль, мне не стоит привлекать к этому внимание. И если где-то здесь устроена засада, то ведь я, по существу, неотделима от Джейми, с которым мы закутаны в один плед. Я снова вспомнила о капитане Рэндолле и невольно вздрогнула. Все, с чем я столкнулась после того, как прошла в отверстие между каменными глыбами хенджа, приводило к единственному, совершенно иррациональному выводу: человек, которого я встретила в лесу, является прадедом Фрэнка в шестом колене. Все во мне противилось такому заключению, но, имея в виду факты, приходилось его принять.

Поначалу я вообразила, что вижу необычайно близкий к живой действительности сон, но поцелуй Рэндолла, грубо фамильярный и вполне реальный, развеял это впечатление. В равной степени не был воображаемым удар, полученный мною по голове от Мурты: шишка болела ничуть не меньше, чем натертые седлом ноги, и эта последняя боль тоже была вполне реальной. А кровь... Я достаточно повидала ее в действительности и, разумеется, могла увидеть во сне, но запах крови не мог присниться, а он по-прежнему доносился ко мне из-за спины, теплый и отдающий медью, доносился от человека, сидевшего позади меня на лошади.

Джейми, причмокнув губами, подогнал своего коня поближе к предводителю и негромко заговорил с ним по-гэльски. Всадники медленно тронули лошадей.

По сигналу предводителя Джейми, Мурта и лысый приотстали, а остальные двое пришпорили коней и галопом поскакали направо, к скалам, виднеющимся примерно в четверти мили. Взошел месяц, высветил даже листья мальв при дороге, но темные тени в проходах между камней могли скрыть что угодно.

Едва галопирующие всадники поравнялись со скалами, как сверкнул огонь и из прохода в камнях послышался выстрел из мушкета. Позади меня раздался леденящий кровь вскрик, лошадь рванулась вперед, словно получила внезапный удар по крупу. Мы понеслись вперед к скалам по вересковой пустоши, Мурта и все остальные тоже, в ночном воздухе разносились дикие крики, вопли, от которых волосы вставали дыбом.

В страхе за жизнь я прильнула к луке седла. Неожиданно Джейми свернул к высокому кусту дрока, ухватил меня поперек туловища и бесцеремонно швырнул прямо в этот куст. Лошадь резко развернулась и понеслась прочь, обогнув каменный выступ с южной стороны. Я успела разглядеть пригнувшегося к седлу всадника, и затем лошадь скрылась в тени от скалы. Когда она появилась вновь, по-прежнему скача галопом, всадника в седле уже не было.

Скалы были окутаны тенью; до меня доносились выкрики и отдельные мушкетные выстрелы, но я не могла определить, двигались ли там люди или то раскачивались чахлые дубки, которые торчали там и сям на камнях.

Из куста я выпуталась не без труда, пришлось вытаскивать колючие обломки веток из платья и волос. Я лизнула царапину на руке и стала размышлять, что же, черт подери, мне предпринять теперь. Дождаться на месте конца стычки? Если шотландцы победят или хотя бы уцелеют, они, вероятно, вернутся за мной. Если нет, то меня могут обнаружить англичане, и тогда они решат, что, поскольку я была вместе с шотландцами, я на их стороне или в союзе с ними. В каком союзе, я не имела представления, но совершенно очевидно, судя по разговорам в коттедже, что союз этот англичанам враждебен.

Вероятно, для меня лучше всего не присоединяться ни к одной из сторон. В конце концов, теперь я знала, где нахожусь, и могла бы вернуться в известные мне город или деревню, даже если придется всю дорогу идти пешком. И я решительно направилась к дороге, то и дело натываясь на гранитные выступы — незаконные отпрыски Кокнаммон-Рока.

Лунный свет делал дорогу обманчивой; все мне виделось ясно, но уплощенно — прижатые к земле листья и острые камни казались одинаково высокими, и я то нелепо высоко поднимала ногу над несуществующим препятствием, то больно спотыкалась о торчащий из земли камень.

Звуки стычки утихли к тому времени, как я добралась до дороги. Я понимала, что вся на виду, но мне приходилось идти, если я хотела попасть в город. Я не обладаю чувством направления в темноте и способностью ориентироваться по звездам, Фрэнк не научил меня этому. Мысль о Фрэнке вызвала желание заплакать, и я постаралась отвлечься, осмысливая то, что произошло во второй половине дня.

Это казалось непостижимым, однако все свидетельствовало о том, что я нахожусь в каком-то месте, где все еще сохранялись обычаи восемнадцатого века. Можно было бы принять происходящее за некоторое костюмированное представление, если бы не рана и травма юноши по

имени Джейми. Его рана явно нанесена чем-то очень похожим на мушкетную пулю, судя по характеру ранения. И поведение мужчин в коттедже нисколько не напоминало актерскую игру. То были вполне серьезные люди с настоящими кинжалами и мечами.

Может, это некая изолированная область, как говорится, анклав, где сельские жители периодически воспроизводят события собственной истории? Я слышала о подобных вещах в Германии, но ни разу — в Шотландии. К тому же ты, голубушка, никогда не слышала об актерах, стреляющих друг в друга из мушкетов, не так ли? — со злой усмешкой подсказала мне неприятно рациональная часть моего сознания.

Я оглянулась, назад, чтобы определить свое положение, потом посмотрела вперед, на линию горизонта, — и мне сделалось зябко. Вдали я не увидела, ничего, кроме косматых верхушек сосен, непроглядно черных на фоне усыпанного звездами неба. Где же огни Инвернесса, куда они подевались? Если позади меня Кокнаммон-Рок — а это именно так, — то Инвернесс находится не более чем в трех милях к юго-западу. На таком расстоянии я непременно должна бы увидеть зарево городских огней в небе. Если оно существует, разумеется.

Дрожь сотрясала меня, я обхватила себя крест-накрест ладонями за локти, чтобы немного согреться. Допустив на мгновение совершенно неправдоподобную мысль, что я нахожусь не в моем, а каком-то ином времени, следует помнить, что Инвернессу как-никак шестьсот лет, стало быть, он на месте. Но его огней не видно. Учитывая обстоятельства, их не может быть при отсутствии электричества. Вот еще одно доказательство, только нужно ли оно? И доказательство чего, собственно говоря?

Темная фигура человека выступила передо мной на дороге так близко, что я едва на него не налетела. Подавив готовое вырваться восклицание, я повернулась, чтобы убежать, но большая рука ухватила меня за предплечье и предотвратила бегство.

— Не пугайтесь, девушка. Это же я.

— Именно этого я и боюсь, — отрезала я, хоть на самом деле испытала облегчение оттого, что это Джейми.

Я опасалась его меньше, чем остальных мужчин, пусть даже он выглядел не менее грозно, чем они. Он же совсем молодой, моложе меня. Кроме того, довольно трудно внушить себе страх перед тем, кто оказался твоим пациентом.

— Надеюсь, вы осторожно обращались со своим больным плечом, — заговорила я тоном госпитальной матроны; может, выступая в роли старшей, мне удастся убедить его отпустить меня.

—Если бы я и хотел, все равно бы ничего не вышло, — заявил он, растирая плечо другой рукой.

В ту же минуту он ступил на освещенное луной место на дороге, и я увидела на его рубашке огромное пятно крови. Артериальное кровотечение? Но тогда почему он еще держится на ногах?

— Вы ранены! — воскликнула я. — Ваша прежняя рана открылась или это свежая? Сядьте и дайте мне посмотреть.

Я подтолкнула его к груди валунов, поспешно припоминая способы оказания первой помощи в полевых условиях. И ничего нет под рукой, кроме того, что надето на мне. Я уже потянулась за остатками подола моей комбинации, чтобы сделать жгут и остановить кровотечение, но тут Джейми рассмеялся.

— Да нет, вы не берите это в голову, девушка. Кровь не моя. Во всяком случае, большая часть, — сказал он, осторожно отдирая от своего тела намокшую от крови ткань рубашки.

— Ах вот что, — слабым голосом выговорила я и проглотила слюну, потому что меня вдруг затошнило.

— Дугал и остальные ждут на дороге, — продолжал Джейми. — Пошли.

Он потянул меня за руку — отнюдь не из любезности, а скорее, чтобы принудить следовать за ним. И решила испытать судьбу и уперлась покрепче каблуками в землю.

— Нет! Я с вами не пойду!

Он остановился, удивленный моим сопротивлением.

— Да нет, пойдете.

Нельзя сказать, что мой отказ его рассердил, скорее позабавил — как это я посмела возражать против нового похищения.

— А что, если я не соглашусь? Вы перережете мне глотку? — спросила я, намеренно обостряя ситуацию.

Джейми посоображал, взвешивая возможности, и ответил спокойно:

— Конечно, нет. Вы не тяжелая. Если не пойдете сами, подниму вас, положу себе на плечо и понесу. Хотите, чтобы я это сделал?

Он шагнул ко мне, и я поспешно отступила. Я ничуть не сомневалась, что он так и поступит, несмотря на рану и травму сустава.

— Нет! Вам нельзя этого делать, вы снова повредите сустав.

Его черты были неясны, но в лунном свете зубы сверкнули в улыбке.

— Ладно, если вы не хотите, чтобы я себе навредил, значит, пойдете со мною сами?

Я не знала, что ему ответить. Он снова твердо взял меня за руку, и мы

пошли к дороге.

Он крепче подхватывал меня, когда я спотыкалась о камень или кустик травы. Сам он шагал по неровной вересковой пустоши так уверенно, словно это было мощеное шоссе в свете белого дня. Я со злостью подумала, что у него кошачье зрение, потому он и нашел меня в темноте.

Остальные мужчины, как и сообщил Джейми, ждали с лошадьми неподалеку на дороге. Очевидно, они не понесли потерь — все были налицо. Кое-как, не заботясь о собственном достоинстве, я вскарабкалась на лошадь и плюхнулась в седло. Нечаянно пихнула головой Джейми в больное плечо, он от боли со свистом втянул в себя воздух.

Сугубой официальнойностью тона я старалась возместить свою обиду на то, что меня снова взяли в плен, и досаду на то, что невольно причинила боль раненому.

— Так вам и надо, угораздило же вас шастать среди кустарника и камней. Я не велела вам беспокоить больной сустав. Наверняка теперь у вас порваны мускулы, да и ушибов, я думаю, прибавилось.

Его, казалось, насмешила моя воркотня.

— Ну, у меня особого выбора-то не было. Если бы я не двигал этим суставом, мне, скорее всего, не пришлось бы двигать вообще ничем. Я могу справиться одной рукой с одним, а то и с двумя раками, — заявил он не без гордости, — но с тремя, пожалуй, нет. А кроме того, — он слегка притянул меня к себе, и я прижалась спиной к его пропитанной кровью рубашке, — вы опять вправите мне кость, когда мы приедем на место.

— Это вы так считаете, — холодно ответила я и отстранилась от липкой ткани.

Джейми причмокнул губами на лошадь, и мы тронулись в путь. Все мужчины были в исключительно веселом настроении после стычки, то и дело шутили и смеялись. Мое минимальное участие — предупреждение о засаде, вернее, напоминание о ее возможности — превознесли до небес и пили за мое здоровье из фляжек, которые были у каждого из членов отряда.

Мне тоже предложили выпить, но я отказалась под предлогом, что хочу сидеть в седле трезвой. Из разговора я поняла, что произошла перестрелка с небольшим английским патрулем, вооруженным саблями и мушкетами.

Джейми тоже протянули фляжку, и до меня донесся запах горячей ароматной смеси, когда он начал ее пить. Я не страдала от жажды, однако от напитка пахло немного медом, и это напомнило мне, что я сильно и давно голодна. В животе, видимо, в знак протеста против полного небрежения с моей стороны, раздалось громкое бурчание.

— Эй, Джейми-паренек? Ты что, голоден? Или волынку захватил с собой? — крикнул Руперт, ошибочно определив источник звука.

— Достаточно голоден, чтобы даже волынку съесть, — отозвался Джейми, галантно приняв вину на себя.

Через минуту он протянул мне фляжку.

— Выпейте-ка глоточек, — шепнул он. — Сытой не станете, но по крайности забудете про голод.

Я надеялась, что забуду и еще кое о чем. Взболтнула жидкость во фляжке и сделала глоток.

С моим спутником все было в порядке; виски загло небольшой огонек, который приятно горел у меня в желудке, облегчая муки голода. Несколько миль мы проехали без всяких происшествий, совершая повороты то при помощи поворотов, то под воздействием фляжки с виски. Однако возле развалин какого-то коттеджа дыхание моего спутника изменилось и сделалось, прерывистым и тяжелым. Наше общее относительное равновесие, до сих пор сопровождаемое более или менее рискованным покачиванием, внезапно нарушилось. Я засмузилась, но, в конце концов, если уж я не чувствую себя пьяной, то Джейми и подавно трезв.

— Стоп! На помощь! — закричала я в следующую минуту. — Он сейчас упадет!

Я отлично помнила свой последний спуск и совсем не была склонна его повторять.

Темные тени закрутились вокруг нас, взволнованно переговариваясь. Джейми, подавшись головой вперед, свалился с седла, словно мешок камней, к счастью — прямо кому-то на руки. Все остальные тотчас спешили и уложили Джейми на землю, пока я слезала с коня.

— Он дышит, — сказал кто-то.

— Это весьма отрадно, — огрызнулась я, поспешно нащупывая в темноте пульс. В конце концов я его обнаружила; пульс был хоть и частый но сильный. Положив руку Джейми на грудь и прикинув ухом к его губам, я почувствовала, что дышит он равномерно, без напугавших меня хриплых перебоев. Я выпрямилась. — Я думаю, у него всего лишь обморок, — сказала я. — Положите ему под ноги седельную сумку и, если можно, дайте воды.

К моему удивлению, все мои приказания выполнялись точно и незамедлительно. Юноша, как видно, много значил для них. Он застонал и открыл глаза, два темных отверстия при свете звезд. Лицо при этом слабом свете напоминало череп, белая кожа туго обтягивала кости вокруг орбит.

— Я в полном порядке, — произнес Джейми и попытался сесть. — Просто немного закружилась голова.

Я уперлась ладонью ему в грудь и заставила лечь.

— Лежите спокойно, — приказала я и, ощупав его плечо и грудь, повернулась к темной фигуре, которую я по размерам приняла за Дугала, их предводителя. — Огнестрельная рана снова кровоточит, к тому же этого идиота полоснули ножом. Полагаю, что рана от ножа не слишком опасна, но он потерял очень много крови. Рубашка насквозь промокла, но я не знаю, сколько здесь его собственной крови. Ему нужен отдых, и мы должны остаться тут по крайней мере до утра.

Темная фигура отрицательно мотнула головой.

— Нет. Мы достаточно далеко от гарнизона, чтобы оттуда рискнули на нас напасть, но надо принять во внимание караулы. Ехать нам еще не меньше пятнадцати миль.

Большая темная голова запрокинулась назад, Дугал наблюдал положение звезд.

— Сейчас никак не меньше пяти часов, даже, пожалуй, ближе к семи. Мы можем задержаться тут, пока вы не остановите кровотечение и перевяжете рану, но не дольше.

Я принялась за дело, негромко ругаясь себе под нос, а Дугал распорядился, чтобы один из мужчин держал лошадей и наблюдал за дорогой. Остальные отдыхали, потягивая из фляжек и тихо переговариваясь. Мурта помогал мне — разрывал материю на полосы, подавал воду и приподнимал при необходимости раненого, которому запрещено было двигаться самому, хотя он бурчал, что чувствует себя отлично и все это ни к чему.

— Вы можете чувствовать себя отлично, и это не мудрено, — цыкнула я на него, давая выход собственным опасениям и возбуждению. — Каким идиотом надо быть, чтобы, получив ножевое ранение, даже не остановиться и не перевязать рану? И почему вы не сказали, какое сильное у вас кровотечение? Ваше счастье, что вы не умерли, шастая по окрестностям всю ночь, затевая ссоры и драки. Да еще с лошади свалился... лежи смирно, чертов дурень! — Полосы вязкого шелка и полотна, которыми мне приходилось пользоваться, с поразительной легкостью куда-то все время ускользали в темноте, словно живая рыба из-под пальцев — сверкнет серебристым брюшком и уйдет на глубину. Несмотря на холод, пот струйками стекал у меня по шее. Наконец я с великим трудом связала концы спереди и потянулась за другими, упорно прячущимися за спиной пациента.

— Где же оно... вы... о проклятый ублюдок, что ты натворил!

Джейми шевельнулся, и первый узел развязался.

На мгновение воцарилась ошеломляющая тишина.

— — Господи Иисусе, — заговорил Руперт, — никогда не слышал, чтобы женщина употребляла подобные выражения.

— Тогда ты, значит, никогда не встречался с моей теткой Гризел, — под всеобщий смех произнес чей-то еще голос.

— Твой муж отдубасил бы тебя, женщина, — донесся из черной тени под деревом голос очень строгий. — Святой Павел говорит: «Принуди женщину к молчанию и...»

— Занимайтесь, черт побери, собственным делом, — огрызнулась я, чувствуя, как пот собирается у меня за ушами. — И Святой Павел тоже. — Я вытерла рукавом лоб. — Поверните его на левый бок. А вы, — обратилась я к своему пациенту, — если вы двинете хоть одним мускулом, пока я завязываю этот бинт, я вас задушу!

— Понятно, — кротко отозвался он. Я потянула слишком сильно последний бинт за концы, и он вырвался у меня из рук.

— Чтоб его к дьяволу в пекло унесло! — прорычала я, от злости и обиды хлопнув рукой по земле.

Наступила та же ошеломляющая тишина, потом, пока я нащупывала в темноте потерянный бинт, прозвучал дальнейший комментарий по поводу моих неженственных словесных оборотов.

— Может, ее следует отправить в монастырь Святой Анны, Дугал, — предложил некто с неопределенно блевшим лицом, сидя на корточках у дороги. — Я не слышал, чтобы Джейми ругался, с тех пор, как мы уехали с побережья, а ведь он, бывало, позволял себе такое, от чего даже матрос покраснеет. Четыре месяца в монастыре сделали свое дело. Ты теперь не употребляешь имя Божие всуе, а, паренек?

— Ты бы тоже не употреблял, ежели бы на тебя наложили епитимью и заставили в феврале пролежать на каменном полу в часовне целых три часа после полуночи в одной рубашке, — ответил мой подопечный.

Мужчины расхохотались, а Джейми продолжал:

— Епитимья-то была на два часа, остальное время понадобилось, чтобы подняться с пола. Я уж решил что мои... то есть я думал, что примерз к плитам, но оказалось, что просто одеревенел от холода.

Он явно чувствовал себя лучше. Я невольно улыбнулась, но произнесла как можно строже:

— Веди себя тихо, а то стукну.

Он осторожно прикоснулся к повязке, но я убрала его руку.

— Угрожаешь? — сказал он. — Подумать только, ведь мы выпивали вместе!

Фляжка обошла мужчин по кругу. Дугал опустил ее на колени рядом со мной и протянул фляжку раненому, чтобы тот хлебнул из нее. Из отверстия фляжки ударил запах очень крепкого виски, и я отстранила ее рукой.

— Не надо больше спиртного, — сказала я. — Ему нужен чай, в крайнем случае вода, но ни в коем случае не алкоголь.

Дугал, не повернувшись ко мне, отобрал у меня фляжку и налил порядочную порцию пахучей жидкости раненому прямо в рот. Джейми закашлялся. Подождав ровно столько, сколько нужно было юноше, чтобы выровнять дыхание, Дугал повторил процедуру.

— Прекратите же! — Я снова потянулась к фляжке. — Вы что, хотите напоить его так, чтобы он на ноги не мог встать?

Меня грубо оттолкнули локтем.

— Женщина, не лезь не в свое дело, — жестко произнес Дугал. — Нам предстоит нынче ночью долгая дорога, и ему понадобится вся сила, которую может дать выпивка.

Когда перевязка была закончена, раненый попытался сесть.

Я уложила его обратно и коленом придавила ему грудь.

— Не двигайтесь! — яростно приказала я, ухватила Дугала за подол килта и дернула изо всех сил, так что он снова опустился на колени рядом со мной. — Взгляните вот на это, — предложила я тоном строгой палатной сестры и сунула ему в руку мокрую и липкую от крови рубашку Джейми, вернее, ее обрывки.

Дугал с отвращением отбросил окровавленные тряпки.

Тогда я положила его ладонь раненому на плечо.

— Чувствуете? У него резаная рана трапециевидного мускула.

— Это меня штыком, — пояснил Джейми.

— Штыком! — воскликнула я. — А почему вы мне об этом не сказали?

Он пожал плечами, но тотчас негромко застонал от боли.

— Я чувствовал, как он ткнул меня, но не знал, насколько оно серьезно. Болело не очень.

— А сейчас болит?

— Болит, — коротко ответил он.

— Прекрасно, — заявила я, совершенно выведенная из себя. — Вы это заслужили. Будете знать, как носиться по горам, похищать молодых женщин, и убивать людей, и... — Я почувствовала, что сейчас зареву, и замолчала, стараясь овладеть собой.

В результате этого разговора Дугал окончательно потерял терпение:

— Ладно, ты можешь как следует сидеть верхом, парень?

— Он никуда не может ехать! — запротестовала я. — Он должен находиться в больнице. Конечно же, он не может...

На мои протесты, как и прежде, не обратили никакого внимания.

— Ты можешь ехать верхом? — повторил Дугал.

— Да, если вы уберете барышню с моей груди и дадите мне чистую рубашку.

Глава 4

Я ПРИБЫВАЮ В ЗАМОК

Остаток путешествия не был ознаменован какими-либо примечательными событиями, если вам не кажется примечательной ночная поездка верхом по весьма пересеченной местности, как правило, по бездорожью, в обществе вооруженных до зубов мужчин в килтах и при этом на одной лошади с мужчиной-раненым. По тем стандартам, к которым я уже начала привыкать, все это не выходило за рамки обыкновенного.

Светлые полосы занимающейся утренней зари протянулись над моховым болотом. Конечный пункт нашей поездки возник впереди в виде огромной массы темного камня, обведенной серой каймой света.

Окрестности уже не были тихими и пустынными. Цепочка плохо одетых людей тянулась по направлению к замку. Они отступали на обочину, чтобы пропустить бегущих рысью по дороге лошадей, и с любопытством рассматривали мое одеяние, явно казавшееся им чужеземным.

Густой туман еще не рассеялся, но было достаточно света, чтобы разглядеть каменный мост, аркой перекинутый через неширокий поток, бежавший мимо замка вниз к мерцавшему примерно в четверти мили отсюда озеру.

Очертания замка были грубыми и простыми. Никаких причудливых башенок или зубчатых стен. Он походил на сильно укрепленный дом с толстыми каменными стенами и высокими узкими окнами. Несколько труб дымились над гладкой черепичной крышей, усиливая господствующий серый колорит.

Ворота замка были достаточно широки: в них свободно могли проехать две телеги одновременно. Я могу это утверждать без опасения впасть в неточность, потому что именно это произошло, когда мы въехали на мост. Одна телега, запряженная волами, была нагружена бочками, вторая ; — сеном. Наша маленькая кавалькада сгрудилась на мосту, нетерпеливо поджидая, пока телеги минуют проезд в ворота.

Когда лошади ступили на скользкие камни сырого двора, я решила задать вопрос. С моим спутником я не обменялась ни единым словом с того самого времени, как я перевязывала его на дороге. Он, как и я, молчал, если не считать негромких восклицаний от боли при неверном шаге лошади.

— Где мы? — спросила я голосом, хриплым от холода и. долгого

молчания.

— У башен Леоха, — коротко ответил Джейми. Замок Леох. Так, теперь я по крайней мере знаю, где нахожусь. В мое время он являл собой живописные руины милях в трех от Баргрэннана. В данный момент он, несомненно, был еще живописнее благодаря свиньям, роющим у стен башни, и всепроникающей вони свежих нечистот. Я начала наконец мириться с невероятной мыслью о том, что попала именно в восемнадцатый век.

Я была уверена, что в Шотландии 1945 года нигде нет подобной грязи и беспорядка, хоть бы и после бомбежек. И мы нигде иначе, как в Шотландии: выговор людей во дворе не оставлял в этом никакого сомнения.

— Эй, Дугал! — крикнул оборванный конюх, подбегая, чтобы принять поводья коня у предводителя. — Ты рано вернулся, мы никак не думали увидеть тебя до собрания.

Руководитель нашей маленькой группы соскочил с седла, бросив поводья неопрятному юнцу.

— Да, это хорошо, нам повезло и на доброе и на дурное. Я хочу сразу же повидаться с братом. Можно ли вызвать мистрисс Фиц, чтобы она накормила ребят? Они очень нуждаются и в завтраке, и в отдыхе.

Он кивком приказал Мурте и Руперту следовать за ним, и они вошли под стрельчатую арку входа.

Все мы спешили и добрых десять минут дожидались на мокром дворе, пока мистрисс Фиц, кто бы она там ни была, соизволит появиться. Целая орава любопытствующих ребятишек собралась вокруг нас, высказывая разнообразные предположения о моем возможном происхождении и предназначении. Наиболее нахальные из них набрались храбрости подергать меня за платье, но тут из дома вышла высокая полная леди в темно-коричневом домотканом платье и прогнала их.

— Уилли, милый ты мой! — воскликнула она. — Как я рада тебя видеть! И Недди! — Она приветствовала маленького лысого человечка сердечным поцелуем, от которого он едва не свалился на землю. — Я думаю, вам нужен завтрак! В кухне все готово, идите и поешьте.

Повернувшись затем ко мне и Джейми, она в ошеломлении попятилась, словно ее укусила змея. Разинув рот, она глядела на меня, потом перевела взгляд на Джейми, ожидая объяснения феномена.

— Клэр. — Он кивком указал на меня. — А это мистрисс Фиц-Джиббонс, — добавил он, кивнув на нее. — Мурта нашел ее вчера, и Дугал сказал, что мы должны взять ее с собой.

Таким образом он дал понять, что его вины тут нет.

Мистрисс Фиц-Джиббонс закрыла рот и принялась изучать меня придиричивым, оценивающим взглядом. Должно быть, она пришла к заключению, что я достаточно безопасна вопреки странному и скандальному появлению, потому что улыбнулась — приятной улыбкой, несмотря на отсутствие нескольких зубов. Протянула мне руку.

— Очень приятно, Клэр. Добро пожаловать. Пойдемте со мной, и мы найдем для вас что-нибудь более... ммм...

Она посмотрела на мое короткое платье и неподходящие туфли и покачала головой.

Она уже уводила меня твердой рукой, как вдруг я вспомнила о своем пациенте.

— Подождите, пожалуйста! Я забыла про Джейми. Мистрисс Фиц-Джиббонс удивилась:

— Что вы, Джейми сам о себе позаботится. Он знает, где найти еду, а кто-нибудь приготовит ему постель.

— Но он ранен. Его ранили пулей вчера, а потом ночью еще и штыком. Я перевязала рану наспех, чтобы он мог ехать верхом, но у меня не было возможности промыть ее как следует и перевязать по-настоящему. Я должна сделать это сейчас, пока в раны не попала инфекция.

— Инфекция?

— Ну да, я имею в виду воспаление, понимаете? Гной, опухоль и лихорадка.

— А вот оно что, поняла теперь. Вы хотите сказать, что умеете все это. Значит, вы знахарка? Как Битон?

— Нечто вроде. — Я понятия не имела, кто такой Битон, но у меня не было ни малейшего желания обсуждать с кем-то мою медицинскую квалификацию, стоя на сыром и холодном дворе. Мистрисс Фиц-Джиббонс, очевидно, была женщиной сообразительной, потому что она подозвала Джейми, который уже удалялся в противоположном направлении, взяла его тоже за руку и повела нас обоих в замок.

После долгого странствования по узким холодным коридорам, слабо освещенным узкими окнами, мы пришли в большую красивую комнату, где стояли кровать и несколько стульев и где, самое главное, горел камин.

Я на время забыла о своем подопечном ради того, чтобы согреть руки. Мистрисс Фиц-Джиббонс, явно нечувствительная к холоду, усадила Джейми на стул возле камина и осторожно сняла с него остатки изорванной рубашки, заменив их теплым пледом с кровати. Она раскудаhtалась над его плечом, посиневшим и распухшим, и потрогала мою нелепую перевязку.

Я повернулась от огня.

— Я думаю, повязку надо отмочить и снять, а рану промыть раствором... таким раствором, который предотвратит лихорадку.

Из мистрисс Фиц-Джиббонс вышла бы великолепная сестра.

— Что вам понадобится? — спросила она просто.

Я призадумалась. Чем пользовались люди для обеззараживания в то время, когда не было антибиотиков? К тому же требуется их найти в примитивном шотландском замке чуть ли не на рассвете?

— Чеснок! — с триумфом воскликнула я. — Чеснок и еще волшебный орех^[8], если он у вас есть. Понадобятся чистые полотняные тряпки и котелок воды, чтобы вскипятить ее.

— Хорошо, хорошо, с этим мы справимся. А не нужно ли заварить укрепляющий чай из ромашки?

Мальчик выглядит так, словно ночь была для него слишком трудной.

Молодой человек и в самом деле шатался от слабости, настолько измученный, что не протестовал, когда мы обсуждали его, словно неодушевленный предмет.

Мистрисс Фиц-Джиббонс скоро вернулась, неся в подоле фартука головки чеснока, матерчатые мешочки с сухими травами и разорванное на длинные полосы старое полотно. На той же мясистой руке, которой она поддерживала край фартука, висел небольшой черный котелок, а в другой руке была большая оплетенная бутылка с водой.

— Скажите мне, милая моя, чем я могу быть полезной? — бодро спросила мистрисс Фиц-Джиббонс.

Я попросила ее повесить котелок с водой над огнем, почистить чеснок, а сама обследовала содержимое мешочков с травами. Нашла и волшебный орех и другие нужные для чая травы, а также нечто, определенное мною на вкус как вишневая кора.

— Болеутоляющее, — радостно бормотала я, припоминая сведения об употреблении трав и коры различных растений, сообщенные мне мистером Круком.

Я опустила в кипящую воду очищенный чеснок и волшебный орех, а также несколько полос полотна. Укрепляющий чай настаивался в маленькой кастрюльке возле огня. Все эти приготовления немного успокоили меня. Если я все еще не знала с уверенностью, где и почему я нахожусь, то знала по крайней мере, чем должна заниматься в ближайшие четверть часа.

— Благодарю вас, мистрисс Фиц-Джиббонс, — сказала я как можно уважительнее. — Теперь я справлюсь и одна, если у вас есть другие дела.

Грудь дамы-великана заколыхалась от смеха.

— Девочка моя, дел-то у меня просто по горло! Я пошлю вам сюда похлебки. Если что понадобится, зовите меня.

Она покатила к выходу с неожиданной быстротой и скрылась за дверью.

Я снимала повязку как могла осторожнее. Накладка из вискозы прилипла к ране и отставала с легким хрустящим звуком подсохшей крови. Капли свежей крови медленно проступали по краям раны, я попросила у Джейми прощения за то, что причиняю ему боль, хотя он не пошевелился и не издал ни звука.

Он слегка улыбнулся — даже не без кокетства, этак игриво.

— Не волнуйтесь, барышня. Мне причиняли гораздо более сильную боль, и делали это люди совсем не такие красивые.

Он наклонился вперед, чтобы мне удобно было обмыть рану отваром чеснока, и плед соскользнул с его плеч.

И я воочию убедилась, что его слова, воспринимать ли их в качестве комплимента или нет, были несомненной констатацией факта: ему причиняли невероятную боль. Верхняя часть спины была сплошь покрыта пересекающимися побелевшими рубцами. Его жестоко порол, и не один раз. В тех местах, где рубцы пересекались, образовалась белесоватая келоидная ткань, кое-где — там, где кнут хлестнул дважды по одному и тому же месту, — виднелись неправильной формы пятна и даже углубления в коже.

Я, разумеется, повидала на своем веку немало ран и травм, будучи военной медсестрой, но в рубцах, увиденных мною сейчас, было нечто особенно жестокое. Мое дыхание, как видно, выдало волнение, потому что Джейми обернулся и перехватил мой остановившийся взгляд. Он передернул здоровым плечом.

— Красные мундиры. Выпорол меня дважды в одну неделю. Они сделали бы это дважды и в один день, но побоялись, что убьют меня. А какая радость пороть мертвого?

Продолжая промывать рану, я старалась, чтобы голос мой звучал ровно:

— Не поверила бы, что существуют люди, которые делают подобное с радостью.

— Ну да? А ведь вы его видели.

— Кого?

— Капитана красных мундиров, который содрал мне шкуру со спины. Если он не в полном смысле радовался, то уж точно был очень собой

доволен. Куда больше, чем я, — добавил он с кривой усмешкой. — Его имя Рэндолл.

— Рэндолл! — Я не могла скрыть потрясения. Холодные голубые глаза пристально уставились на меня.

— Вы с ним знакомы? — В голосе Джейми прозвучало подозрение.

— Нет-нет! Очень много времени назад Я знала целую семью с такой фамилией. Давным-давно. — Разнервничавшись, я уронила тряпку, которую использовала в качестве губки. — Вот досада, придется ее снова кипятить!

Я подняла тряпку с пола и поспешила к камину, пытаюсь за деловитостью скрыть смущение. Неужели именно этот капитан Рэндолл и есть предок Фрэнка с безупречным послужным списком, хвалимый герцогами и прочей знатью, любезный и вежливый даже во время сражений? А если так, то мог ли родственник моего нежного и мягкосердечного Фрэнка и любом колене нанести столь ужасающие знаки на спину этого юноши?

Я хлопотала у огня, добавляя в воду горстями чеснок и волшебный орех, окуная в настой тряпки и изо всех сил стараясь полностью овладеть собой. Решив, что теперь могу контролировать свой голос и выражение лица, я вернулась к Джейми.

— За что вас пороли? — спросила я.

Вряд ли это прозвучало тактично, однако мне необходимо было знать, а сформулировать фразу более деликатно мешала усталость.

Он вздохнул и беспокойно повел плечом, с которым я проделывала свои манипуляции. Он тоже очень устал, и я, без сомнения, делала ему больно, при всей своей осторожности.

— В первый раз за побег, а во второй за воровство — так они указали в списке арестованных, где перечисляют преступления.

— А откуда вы убежали?

— От англичан, — ответил он, с насмешливой улыбкой вздернув одну бровь. — Может, вы слыхали про Форт-Уильям?

— Слыхала, что он принадлежал англичанам, — в тон ему сказала я. — Чем же вы занимались в Форт-Уильяме?

Джейми свободной рукой потер лоб. — Мне кажется, это была обструкция, так оно называется.

— Обструкция, побег и кража. Да вы и в самом деле опасная личность, — произнесла я беззаботно, чтобы немного отвлечь его от неприятных медицинских процедур.

Это подействовало как нельзя лучше — уголок широкого рта

приподнялся, и голубой глаз сверкнул на меня через плечо.

— Конечно, опасная, — сказал он. — Просто удивляюсь, как это вы, английская барышня, чувствуете себя в безопасности наедине со мной.

— В настоящий момент вы выглядите достаточно мирно.

Это была неправда: даже такой, без рубашки, весь в рубцах, испачканный кровью, с покрасневшими глазами и ввалившимися щеками после бессонной ночи, он производил достаточно грозное впечатление. Пусть и усталый, он, конечно бы, нашел в себе силы перейти в случае необходимости в нападение.

Он рассмеялся — на удивление искренним, заразительным смехом.

— Мирный как голубок, — согласился он. — Я слишком голоден, чтобы угрожать чему-нибудь, кроме завтрака. Появись поблизости заблудшая пресная лепешка, и я не отвечаю за последствия... Ой!

— Простите, — пробормотала я. — Резаная рана, глубокая и здорово грязная.

— Ничего страшного, — успокоил меня он, но даже сквозь отросшую рыжеватую щетину было заметно, как он побледнел.

Я решила продолжить разговор.

— Что такое обструкция? — спросила я. — Мне не кажется, что это большое преступление.

Он глубоко вздохнул и сосредоточенно вперил взгляд в резной кроватный столбик, так как я обрабатывала глубокую часть раны.

— Ну, думаю, что это слово у англичан в ходу, — заговорил Джейми. — В случае со мной оно означало защиту моей семьи и собственности, и во время этой защиты меня чуть не убили. — Он прикусил нижнюю губу, словно бы не хотел больше говорить об этой истории, но потом стал продолжать, по-видимому, отвлекаясь таким образом от своего плеча: — Это было года четыре назад. На поместья поблизости от Форт-Уильяма наложили подать — продовольствие для гарнизона, лошадей для перевозок и так далее. Нельзя сказать, что это дело пришлось по душе, но большинство уступило. Небольшие отряды солдат в сопровождении офицера разъезжали по округе с телегой или даже с двумя телегами и собирали продовольствие и вещи. И вот в октябре капитан Рэндолл явился в Л... — Джейми вдруг запнулся, быстро поглядел на меня и закончил: — В наш дом.

Я кивнула ему и сосредоточила все внимание на своей работе.

— Мы не думали, что они доберутся в такую даль. До форта расстояние большое, дорога трудная. Но они добрались. — Джейми прикрыл глаза. — Моего отца не было дома, уехал на похороны в соседнее

поместье. А я был в поле вместе с другими мужчинами, потому что приближалось время жатвы, дел полным-полно. Моя сестра оставалась в доме одна, если не считать двух или трех служанок, и они все убежали наверх и попрятались, когда увидели красные мундиры. Они думали, что солдат прислал дьявол, и, говоря по правде, я не считаю, что они так уж ошибались.

Я отложила вехотку, при помощи которой обрабатывала рану. Самая неприятная часть работы кончилась; оставалось только наложить припарку — не имея ни иодина, ни пенициллина, это было лучшее, что я могла сделать, — и хорошенько перевязать рану. Молодой человек не открывал глаз и, по-видимому, ничего не замечал.

— А я как раз вернулся к дому, — продолжал Джейми, — потому что мне надо было взять из амбара часть упряжи. Услышал шум, услышал, что моя сестра кричит в доме.

— Ну? — Я постаралась произнести слово как можно спокойнее и ненавязчиво, но мне ужасно хотелось узнать побольше о капитане Рэндолле. Пока что история, которую рассказывал Джейми, не расходилась с моим первым впечатлением от него.

— Я вошел в дом через кухню и увидел, что двое обшаривают кладовую и набивают ранцы мукой и беконом. Одного я хватил кулаком по голове, второго выкинул в окно вместе с его ранцем и прочей амуницией. Потом я кинулся в гостиную и нашел там свою сестру Дженни и двух солдат. У Дженни было разорвано платье, у одного из солдат расцарапано лицо. — Он открыл глаза и улыбнулся невеселой улыбкой. — Я не стал задавать вопросы. Мы начали драться, и я вложил бы как надо им обоим, но тут вошел капитан Рэндолл. Он остановил драку самым подходящим способом — приставил к голове Дженни пистолет...

Вынужденный капитулировать, Джейми был немедленно связан солдатами. Капитан Рэндолл очаровательно улыбнулся своему пленнику и сказал: «Так-так. У нас тут две злые кошки, которые царапаются. Надеюсь, что тяжелая работа поможет исправить норы, а если не поможет, придется познакомить, вас еще с одной кошкой, ее называют девятихвосткой. Но для иных кисок имеются у нас и другие лекарства. Что ты на это скажешь, славная кошечка?»

Джейми прервал свой рассказ и тяжело задвигал челюстями.

— Он заломил Дженни руку за спину и держал ее так, — продолжил Джейми через несколько секунд. — Но тут он отпустил ее, чтобы обхватить за грудь. — При воспоминании об этой сцене Джейми неожиданно усмехнулся. — Дженни изо всех сил наступила ему на ногу, а локоть

впечатала прямо в живот. Он скрючился. Она извернулась и двинула его коленом в пах. — Джейми фыркнул от смеха. — Он выронил пистолет, и Дженни потянулась за ним, но один из драгун, которые держали меня, опередил ее...

Я закончила перевязку и тихо стояла возле него, положив ему руку на здоровое плечо. Мне было необходимо, чтобы он. рассказал все, но я боялась, что он перестанет говорить, если вспомнит о моем присутствии.

— Когда Рэндолл очухался и начал нормально дышать, он приказал солдатам вытащить нас обоих во двор. С меня стянули рубашку, привязали к дышлу телеги, и Рэндолл начал бить меня своей саблей плашмя по спине. Он был в бешенстве, но владел собой. Бил он меня больно, но недолго. И это было не самое невыносимое. — Оттенок злой радости в голосе Джейми теперь совсем исчез, и мышцы плеча у меня под рукой напряглись. — Он перестал бить меня и повернулся к Дженни, которую держал один драгун. Он спросил, хочет ли она посмотреть еще или предпочитает пойти с ним в дом и оказать ему более ласковый прием. — Плечо резко дернулось. — Я не мог, пошевелинуться, но я крикнул ей, что мне не больно, мне и вправду было не очень больно, и чтобы она не соглашалась ни за что, даже если мне перережут глотку у нее на глазах. Они держали ее позади меня, я не мог видеть, но по звуку догадался, что она дала ему пощечину. Должно быть, так, потому что Рэндолл после этого сгреб меня за волосы, откинул мою голову назад и приставил нож к горлу. «Я, пожалуй, приму твое предложение», — прошипел он сквозь зубы и кольнул меня ножом так, что закапала кровь. Я видел кинжал совсем близко, а капли крови падали в пыль под телегой... — Голос у него сделался какой-то сонный, и я решила, что от боли и усталости он впал в некое гипнотическое состояние и не помнил, что рядом с ним нахожусь я. — Я хотел крикнуть сестре, сказать ей, что предпочитаю смерть ее бесчестью по вине такого мерзавца, но Рэндолл убрал кинжал с моего горла и всунул его мне между зубами. Я ничего не мог выговорить.

Джейми вытер губы, словно вновь почувствовал на них горький вкус стали. Он умолк, глядя куда-то в пространство.

— А что же произошло потом? — Мне, наверное, не следовало спрашивать, но я не удержалась.

— Она пошла с ним, — отрывисто произнес он. — Она боялась, что он убьет меня, и, наверное, не ошибалась. Что было дальше, я не узнал тогда. Драгун ударил меня по голове прикладом мушкета. Я очнулся связанный в телеге, полной цыплят, меня везли в Форт-Уильям.

— Понимаю, — как можно мягче сказала я. — Простите меня. Это

было ужасно для вас.

Он вдруг улыбнулся, и выражение усталости исчезло.

— О да, цыплята не слишком приятная компания, особенно если ехать приходится долго.

Он понял, что перевязка закончена, и на пробу повел плечом, но тотчас сморщился от боли.

— Не делайте этого! — встревожилась я. — Вам нельзя двигать плечом. Ни в коем случае. — Я окинула взглядом стол, чтобы проверить, остались ли там подходящие полосы полотна. — Сейчас прибинтую вам раненую руку к боку. Посидите спокойно.

Он не отвечал, но заметно расслабился, когда понял, что боли не будет. У меня возникло странное ощущение близости по отношению к почти незнакомому молодому шотландцу, частично, как я думала, из-за ужасной истории, которую он мне рассказал, а частично из-за того, что мы долго ехали вместе, прижавшись друг к другу, в дремотном молчании сквозь ночь. Кроме своего мужа, я спала с немногими мужчинами, но заметила, что перед этим непременно возникало именно такое ощущение близости, словно бы твои собственные смутные мысли смешивались с его и накрывали обоих неким покрывалом бессознательного взаимопонимания. Атавизм, возврат к прошлому, как считала я. В старые, более простые времена (подобные этому? — прозвучал в голове вопрос) спать в присутствии другого человека считалось актом полного доверия. Если доверие было обоюдным, то сон рядом сближал больше, нежели телесное соединение.

Закончив бинтовать, я помогла Джейми надеть рубашку из грубого льняного полотна. Он встал, заправил одной рукой рубашку в килт и улыбнулся мне:

— Благодарю вас, Клэр. У вас легкие прикосновения.

Мне показалось, что он собирался коснуться моего лица, но передумал и опустил поднятую было руку. Кажется, он испытывал то же ощущение близости, что и я. Поспешно отведя глаза, я ответила на его благодарность небрежным жестом: пустяки!

Только теперь я пригляделась к комнате и обратила внимание на темный от сажи камин, узкие незастекленные окна, тяжелую дубовую мебель. Электрические провода отсутствуют. Полы голые. На кровати нет блестящих медных ручек.

Все это выглядело и впрямь как замок восемнадцатого века. Но как же Фрэнк? Человек, встреченный мною в лесу, был потрясающе на него похож, но, судя по тому, что рассказал о капитане Рэндолле Джейми, у него

внутренне не было ничего общего с моим ласковым, миролюбивым мужем. Но если все происходящее реально — а я даже в глубине души начинала это признавать, — то он и в самом деле совершенно другой человек. Тот, кого я знала лишь по генеалогическим хартиям, вовсе не обязательно передал свои черты потомкам в наследство.

Но меня-то сейчас в первую очередь интересовал Фрэнк. Если я нахожусь в восемнадцатом столетии, то где же он? Я не вернулась в дом миссис Бэйрд — что он предпримет в связи с этим? Увижу ли я его когда-нибудь снова? Мысль о Фрэнке оказалась последней каплей. С того момента, как я вступила в крут каменных столбов и моя обычная жизнь кончилась, на меня нападали, мне угрожали, меня похитили и вообще принуждали. Я не ела и не спала больше суток... Я все еще старалась сдерживать себя, но нижняя губа задрожала против моей воли, и глаза наполнились слезами.

Я отвернулась к огню, чтобы спрятать лицо, но было поздно. Джейми взял меня за руку и ласково спросил, что случилось. Отблеск огня сверкнул на моем обручальном кольце, и я разревелась.

— О, я... я сейчас... сейчас все будет в порядке... только... мой муж... я не...

— Ах, так вы овдовели, вот оно что! — В его голосе было столько искреннего сочувствия, что я окончательно потеряла контроль над своими эмоциями.

— Нет... да... я имею в виду, что я не... да, так и есть!

Сломленная своими переживаниями и усталостью, я буквально повалилась на Джейми, истерически всхлипывая.

У него оказалась нежная душа. Он не стал звать на помощь, не отстранился от меня в смущении... Он сел и усадил меня к себе на колени при помощи здоровой руки и начал бормотать что-то доброе и ласковое мне в ухо на гэльском языке. Я горько рыдала, охваченная страхом и невыносимым стыдом, но постепенно стала успокаиваться на широкой и теплой груди человека, который гладил меня по голове и по спине. Слезы иссякли, я в изнеможении опустила голову Джейми на плечо. Смутно подумала, что не случайно его так любят лошади. Будь я лошадью, увезла бы его, куда он только захочет.

Эта нелепая мысль не слишком совпала с другой: что молодой человек не доведен до полного изнеможения. Собственно говоря, такое соображение в равной мере могло смутить нас обоих. Я откашлялась, вытерла слезы рукавом и слезла с колен утешителя.

— Простите... то есть я хочу сказать, что благодарна вам... но я... —

отвернувшись от него, бормотала я с пылающим лицом.

Джейми немного покраснел, но нисколько не смутился. Он притянул меня снова к себе за руку, приподнял мой подбородок так, чтобы видеть лицо, и сказал:

— Вам не надо меня бояться. И вообще никого, пока я с вами.

Он отпустил меня и повернулся к камину.

— Вы нуждаетесь в горячем, — продолжал он тоном, не допускающим возражения. — Нужно чего-нибудь поесть. Это поможет вам лучше всего.

Меня насмешили его старания налить похлебку одной рукой, и я стала ему помогать. Он оказался прав: еда помогла мне. Мы ели похлебку и жевали хлеб в дружественном молчании, разделяя удовольствие от тепла и сытости.

Наконец Джейми встал, поднял с пола упавший плед и положил его на кровать. Подтолкнул меня.

— Поспи немного, Клэр. Ты устала, а — похоже, кто-то захочет поговорить с тобой довольно скоро.

То было неприятное напоминание о моем двусмысленном положении, но я слишком устала, чтобы думать об этом теперь. Для проформы пролепетала нечто протестующее по поводу постели, но в данный момент для меня не было в мире ничего более соблазнительного. Джейми заверил меня, что себе он найдет ложе где угодно. Я опустила голову на груды пледов и уснула прежде, чем Джейми дошел до двери.

Глава 5

МАКЕНЗИ

Я проснулась в состоянии полной прострации. Смутно помнила, что произошло нечто невероятное, но не соображала, что же именно. Я спала очень крепко и, очнувшись, некоторое время не осознавала ни кто я, ни тем более где нахожусь. Мне самой было тепло, но в комнате стоял пронзительный холод. Я попыталась поглубже зарыться в мой кокон из пледов, но голос, который разбудил меня; не умолкал:

— Просыпайтесь, барышня! Просыпайтесь, пора вставать!

Голос был низкий и добродушно-грубоватый, чем-то напоминающий лай тех собак, которые сторожат овец.

С величайшей неохотой я с трудом приоткрыла один глаз и увидела гору, облаченную в коричневое домотканое полотно. Мистрисс Фиц-Джиббонс! Ее явление тотчас привело меня в полную ясность рассудка, и память ко мне вернулась. Значит, все это реально.

Завернувшись от холода в покрывало, я нерешительно выбралась из постели и поскорее направилась к очагу. Меня ожидала чашка горячей похлебки, которую принесла с собой мистрисс Фиц-Джиббонс; я проглотила похлебку и почувствовала себя так, как, вероятно, чувствует уцелевший после массированной бомбежки. Мистрисс Фиц-Джиббонс тем временем разложила на постели полный набор одежды: длинную светло-желтую сорочку, отороченную узким кружевом, нижнюю юбку из тонкой хлопчатобумажной материи, две верхние юбки коричневого цвета и лимонно-желтый корсаж. Шерстяные чулки в коричневую полоску и пара желтых домашних туфель завершили ансамбль.

Не принимая никаких протестов, дама заставила меня сиять мое не соответствующее обстоятельствам одеяние и наблюдала за тем, как я облачаюсь в принесенное ею. Слегка отступив назад, она любовалась делом рук своих.

— Желтый цвет вам идет, милочка, впрочем, я так и думала. Подходит к каштановым волосам и добавляет немножко золота в ваши глаза. Погодите, вам же нужна еще лента.

Сунув руку в обширный, словно сумка, карман, она извлекла из него пучок лент и какие-то украшения.

Слишком ошеломленная, чтобы возражать, я позволила ей причесать меня и стянуть лентой волосы с боков назад. Лента была бледно-желтая;

завязывая ее, мистрисс Фиц-Джиббонс кудахта по поводу того, как неженственно носить волосы до плеч.

— — Господи помилуй, дорогая, как это вас угораздило так коротко остричься? Вам пришлось маскироваться, да? Я слыхала, что некоторые девушки так поступают, чтобы скрыть во время путешествия свой пол и уберечься от проклятых красномундирников. Ничего себе настало времечко, говорю я, если леди не могут чувствовать себя в безопасности на дороге.

Она суетилась вокруг меня, осматривала со всех сторон, то поправляя выбившуюся кудряшку, то одергивая складку. Наконец она осталась удовлетворена моим видом.

— Так, теперь все хорошо. Можете перекусить, и я отведу вас к самому.

— К самому? — сказала я, вполне, однако, равнодушная к тому, какое имя стоит за этим словом. Кто бы ни был этот Сам, он, конечно, будет задавать мне нелегкие вопросы.

— Ну да, к Макензи то есть. К кому же еще?

В самом деле, к кому же еще? Замок Леох, как мне смутно припомнилось, располагался в самой середине земель клана Макензи. Очевидно, что главным таном — вождем клана — является один из членов рода. Я начала понимать, почему наш маленький конный отряд скакал всю ночь, чтобы добраться до замка: это самое безопасное место для тех, кого преследуют солдаты короны. Ни один английский офицер, обладающий хотя бы каплей здравого смысла, не завел бы своих людей столь глубоко во владения клана. Поступить подобным образом значило бы рисковать нарваться на засаду в первой же рощице. А у ворот замка решилось бы появиться только хорошо вооруженное войско. Я пыталась вспомнить, заходила ли когда-нибудь английская армия так далеко, но тут мне пришло в голову, что возможный удел замка — куда менее уместный повод для размышлений, нежели мое непосредственное будущее.

Мне не хотелось ни лепешек, ни овсянки, которые принесла мистрисс Фиц-Джиббонс на завтрак, но я отломила кусочек лепешки и сделала вид, что жую и глотаю, — мне надо было выиграть хоть сколько-нибудь времени для размышлений. Когда мистрисс Фиц-Джиббонс пришла за мной, чтобы вести к Макензи, у меня уже был готов примерный план поведения.

Лэрд принял меня в помещении, расположенном наверху каменной лестницы в один марш. Комната находилась в башне и потому была круглой формы, покатые стены украшены картинами и гобеленами. Другие комнаты в замке показались мне достаточно удобными; но пустоватыми, а

эта была битком набита предметами роскоши: заставлена мебелью, украшенной резным орнаментом, и тепло освещена огнем камина и свечей — как бы в противовес дурной погоде за окнами. Во внешних стенах замка были проделаны высокие узкие окна типа бойниц, здесь же окна оказались иные: более современные, длинные, двустворчатые, они хорошо пропускали дневной свет.

Едва я вошла, мое внимание привлекла огромная металлическая клетка, хитроумно сконструированная таким образом, чтобы вписываться в округлую форму комнаты от пола до потолка; клетка полна была множеством маленьких птичек — зябликов, овсянок, синиц и других певуний. Я подошла поближе, и передо мной замелькали пушистые тельца и блестящие глазки-бисеринки, они напоминали драгоценности, рассыпанные по зеленому бархату листьев дуба, вяза и каштана — все эти деревья были заботливо посажены в горшки с мульчированной почвой^[9]. Веселый щебет говорливых пташек сопровождался трепетом крылышек и шорохом листьев, когда обитатели клетки перепархивали с одного деревца на другое.

— Хлопотливые маленькие создания, не правда ли? — раздался позади меня глубокий, приятный голос, и я обернулась с застывшей улыбкой.

Колам Макензи сложением и высоким лбом напоминал своего брата Дугала, однако жизненная сила, которая у Дугала производила пугающее впечатление, здесь была смягчена приветливостью, но приветливостью активной, живой. Более смуглый, чем брат, с глазами голубовато-серыми, а не карими, Колам излучал столь же сильную жизненную энергию, настолько сильную, что вы чувствовали себя не слишком уютно, если он приближался к вам чересчур близко. Мне это казалось тем более неудобным, что прекрасно вылепленная голова и длинный торс сочетались с обескураживающе кривыми и короткими ногами. Мужчина, который мог бы иметь рост в шесть футов, едва доставал головой мне до плеча.

Он разглядывал птичек, тактично давая мне время — весьма необходимое! — чтобы овладеть собой и принять соответствующее выражение лица. Он, разумеется, уже привык к реакции людей, встречающихся с ним впервые. Продолжая осматривать комнату, я задала себе вопрос, часто ли Коламу приходится видеть новых людей. То несомненно было убежище, созданный по собственным представлениям мирок человека, для которого внешний мир стал непривлекателен — либо недоступен.

— Приветствую вас, мистрисс, — проговорил он с легким поклоном. — Перед вами Коламбан Кэмпбелл Макензи, хозяин этого замка.

Я понял из слов моего брата, что ему привелось... э-э... повстречать вас на некотором расстоянии отсюда.

— Он похитил меня, если хотите знать, — сказала я.

Мне, безусловно, хотелось бы, чтобы разговор носил доброжелательный характер, однако еще больше мне хотелось убраться из замка и попасть туда, где на холме стояли вокруг каменные столбы. Что бы со мной ни произошло, ответ на загадку находился там — если он вообще существовал.

Брови лэрда слегка приподнялись, и улыбка тронула его красиво очерченные губы.

— Возможно, — согласился он. — Дугал порою бывает немного... порывист.

— Хорошо. — Я снисходительно махнула рукой, снимая проблему с повестки дня. — Я готова признать, что имело место недоразумение. Но я настаивала бы на том, чтобы меня возвратили... на то место, откуда увезли.

— Мм... — Все еще не опуская брови, Колам жестом предложил мне сесть.

Я неохотно подчинилась, и он кивнул одному из слуг, который тотчас исчез за дверью.

— Я послал за чем-нибудь освежающим, мистрисс... Бошан, если не ошибаюсь? Как я понял, мой брат и его люди нашли вас в явно затруднительном положении.

Мне почудилось, что он прячет усмешку, и я представила себе, как ему рассказывали о моем неподобающем одеянии.

Я глубоко вздохнула. Пора было приступить к объяснениям. Обдумывая свой рассказ, я припомнила, что рассказывал мне Фрэнк о подготовке офицеров к допросу в руках противника — их обучали этому на специальных курсах. Самое главное заключалось в том, чтобы держаться по возможности ближе к правде, изменяя лишь те детали, которые нужно было держать в секрете. Это уменьшает шанс попасться на какой-нибудь незначительной подробности легенды. Ну что ж, посмотрим, насколько это эффективно.

— Да, вы правы. На меня напали. Он кивнул, лицо оживилось.

— Вот как? Кто же на вас напал? Скажи правду.

— Английские солдаты. В частности, человек по имени Рэндолл.

При звуке этого имени аристократическое лицо мгновенно изменилось — на нем по-прежнему была заинтересованность, однако линия рта сделалась жестче, а морщины по краям его — резче. Имя ему явно было знакомо. Глава клана Макензи слегка откинулся назад, составил пальцы

обеих рук «домиком» и посмотрел на меня поверх них.

— Вот как, — произнес он. — Расскажите об этом поподробнее.

Ну что ж, с Божьей помощью я могла ему кое-что рассказать. Изложила основные подробности стычки между шотландцами и людьми Рэндолла — он легко мог справиться об этом у Дугала. Повела и содержание моего разговора с капитаном Рэндаллом — мне ведь было неизвестно, сколько успел услышать Мурта.

Колам кивнул, полный жадного внимания.

— Так, — сказал он. — Но каким образом вы-то оказались в том месте? Это далеко в сторону от дороги на Инвернесс, где вы, как я полагаю, собирались сесть на корабль.

Я кивнула и набрала в грудь побольше воздуха. Мы теперь волею-неволей вступали в область чистого вымысла. Хотелось бы мне, чтобы я в свое время более внимательно прислушивалась к рассказам Фрэнка о разбойниках с большой дороги, но теперь уж ничего не попишешь, постараюсь как могу. Я назвала себя вдовствующей леди из Оксфордшира (что, в связи со сложившимися обстоятельствами, было не столь уж далеко от истины). Я путешествовала со своим слугой и направлялась к дальним родственникам во Францию (что, понятно, от истины было весьма далеко). На нас напали грабители, и мой слуга то ли был убит, то ли попросту сбежал. Верхом на моей лошади я ускакала в лес, но была схвачена на некотором расстоянии от дороги. Пытаясь убежать от бандитов, я вынуждена была оставить и лошадь, и все мое имущество, которое она везла. Мне удалось скрыться, но, блуждая по лесу, я подверглась нападению капитана Рэндолла и его людей.

Я откинулась к спинке кресла, довольная собственным рассказом: все просто, ясно и правдиво в тех деталях, которые можно проверить. Лицо Колама не выражало теперь ничего, кроме вежливого внимания. Он открыл было рот, чтобы задать мне какой-то вопрос, но в это время у двери раздался слабый шорох. Там появился мужчина, один из тех, кого я видела во дворе, когда мы только приехали в замок; он держал в руках небольшую кожаную шкатулку.

Вождь клана Макензи извинился передо мной с изысканной любезностью и оставил меня созерцать птичек, заверив, что очень скоро вернется, чтобы продолжить наш в высшей степени интересный разговор.

Едва дверь за ним затворилась, как я бросилась к книжной полке и начала быстро перебирать рукой кожаные переплеты. На полке находилось более двадцати книг. Я поспешно просматривала титульные листы. На некоторых не были обозначены годы издания, на остальных же стояли даты

от 1720 по 1742. Колам Макензи, безусловно, любил роскошь, но никакие другие вещи в комнате не свидетельствовали о том, что он вообще любитель антиквариата. Да и переплеты книг были совершенно новые, без трещин, а бумага без пятен.

Не испытывая никаких угрызений совести, я обшарила, письменный стол оливкового дерева, прислушиваясь, не раздаются ли за дверью шаги.

В среднем ящике я нашла то, что искала: неоконченное письмо, написанное беглым почерком и для меня нечитаемое из-за необычной орфографии и полного отсутствия знаков препинания. Бумага была новая и чистая, чернила четкие и яркие. И хоть само письмо разобрать я не могла, дата его, обозначенная наверху страницы, словно огнем вспыхнула у меня перед глазами: 20 апреля 1743.

Колам вернулся через несколько минут и застал свою гостью сидящей возле окна с благопристойно сложенными на коленях руками. Сидящей — потому что ноги мои меня не держали. Со сложенными руками — чтобы скрыть дрожь, из-за которой я еле успела сунуть письмо вовремя на место.

Он принес с собой поднос с угощением — кружку эля и овсяные лепешки с медом. Я угощалась лишь для виду, желудок был стиснут спазмом и ничего не хотел принимать.

Еще раз извинившись за свое отсутствие, Колам выразил сочувствие по поводу постигшей меня беды. Затем он выпрямился и, глянув на меня испытующим оком, спросил:

— Как это случилось, мистрисс Бошан, что люди моего брата обнаружили вас блуждающей по лесу в нижнем белье? Разбойники, если они рассчитывали на выкуп, не стали бы досаждать вам дурным обращением. Что касается капитана Рэндолла, то хотя я слышал о нем разное, но все же не думаю, чтобы офицер английской армии оказался способен на насилие по отношению к заблудившейся путешественнице.

— Неужели? — откровенно огрызнулась я. — Не знаю, что вы о нем слышали, но именно на подобный поступок он способен.

Планируя свою историю, я как-то упустила из виду такую деталь, как моя одежда; кроме того, я не имела представления, с какого момента Мурта начал следить за мной и капитаном Рэндаллом.

— Понятно, — сказал Колам. — Полагаю это возможным. По правде говоря, репутация у него дурная.

— Полагаете возможным? — переспросила я, потому что на лице у вождя клана Макензи было написано пусть и слабое, но вполне определенное недоверие. — Как? Вы не совсем верите тому, что я вам рассказала?

— Я не говорил, что не верю вам, мистрисс, — ответил он спокойно. — Но я не мог бы возглавлять большой клан свыше двадцати лет, если бы не приучил себя не принимать сразу на веру все, что мне рассказывают.

— Хорошо, но если вы не верите, что я та, за кого себя выдаю, то кто же я, по-вашему, черт меня побери? — выпалила я.

Он заморгал, явно потрясенный моим лексиконом, но тотчас же черты его лица обрели обычную твердость.

— А вот об этом, — сказал он, — и следует подумать. Пока же, мистрисс, вы желанная гостья в Леохе.

Он поднял руку, изящным жестом давая понять, что аудиенция окончена, и застывший в дверях слуга сделал шаг вперед, собираясь проводить меня в мою комнату.

Колам не произнес слов, которые тем не менее напрашивались сами. Когда я уходила, они висели в воздухе надо мной, как если бы их высказали: «До тех пор, пока я не узнаю, кто вы есть на самом деле».

Часть вторая

ЗАМОК ЛЕОХ

Глава 6

ПРИЕМНАЯ КОЛАМА

Маленький мальчик, к которому мистрисс Фиц-Джиббонс обращалась как к «юному Алеку», пришел, чтобы передать мне приглашение на обед. Трапеза проходила в длинной, узкой комнате, по длине всех стен уставленной столами, вдоль которых непрерывно сновали слуги, появляясь из двух сводчатых проходов по обоим концам комнаты с подносами, досками для хлеба и кувшинами в руках. Лучи заходящего солнца раннего лета проникали в помещение сквозь высокие узкие окна; в канделябры по стенам были вставлены факелы — их, очевидно, зажгут с уходом дневного света.

Знамена и тартаны^[10] висели по стенам между окон, красочными пятнами выделяясь на фоне серого камня. Словно по контрасту, люди, собравшиеся на обед, были в одежде практичных оттенков серого и коричневого цвета либо в охотничьих килтах светло-коричневого и зеленого тонов, незаметных среди зарослей вереска.

Я чувствовала взгляды, сверлящие мне спину, пока юный Алек вел меня к «верхнему» концу покоя, но большинство обедающих вежливо опустили глаза в тарелки. Здесь, как видно, особых церемоний не полагалось, ели кто как хотел, сами накладывая себе яства с деревянных блюд или переправляя собственные деревянные же тарелки по столу в дальний конец комнаты, где два подростка поворачивали вертел с целой бараньей тушей над огнем великанского очага. Обедающих было человек сорок да еще человек десять слуг. Гул громких разговоров заполнял помещение, говорили в основном по-гэльски.

Колам уже восседал во главе стола, коротенькие ноги скрыты под резным дубовым стулом. Он любезно кивнул при моем появлении и указал мне на место слева от себя, рядом с пухленькой и миловидной рыжеволосой женщиной, которую он мне представил как свою жену. Звали ее Летицией.

— А это вот мой сын Хэмиш, — добавил он, положив руку на плечо мальчику лет семи или восьми, красивому и тоже рыжеволосому, который поднял глаза от своей тарелки лишь для того, чтобы коротко кивнуть мне, отмечая таким образом мое появление.

Я посмотрела на мальчика с любопытством. Как и другие Макензи-мужчины, каких мне уже довелось увидеть, он был широкой плоскосулый,

с глубоко посаженными глазами. Исключая разницу в цвете волос, он казался уменьшенным подобием своего дяди Дугала, сидевшего с ним рядом. Две девочки-подростка, занимавшие места рядом с Дугалом по другую сторону, были мне представлены как его дочери Маргарет и Элинора; обе они, знакомясь со мною, хихикали и подталкивали одна другую.

Дугал приветствовал меня короткой, но дружелюбной улыбкой, но перед этим пододвинул ко мне блюдо, к которому уже было протянута ложка одна из его дочерей.

— Где ваши манеры, барышня? — проворчал он. — Сначала гостье.

С некоторым колебанием я приняла поданную мне большую роговую ложку. Кто знает, что там у них лежит на блюде... С немалым облегчением я тут же обнаружила, что мне предлагают нечто давно знакомое и по виду и по запаху — копченую селедку.

Я никогда не пробовала есть селедку ложкой, но нигде не было видно ничего похожего на вилку, и я смутно припомнила, что трехзубые вилки особой формы вошли в употребление гораздо позже.

Приглядевшись к поведению едоков за другими столами, я убедилась, что в тех случаях, когда ложка неудобна для еды, они орудуют кинжалами, чтобы отделить кости или разрезать мясо, благо кинжалы у них всегда под рукой. У меня кинжала не было, и я решила все-таки попробовать подцепить селедку ложкой, но встретила строгий осуждающий взгляд темно-голубых глаз юного Хэмиша.

— Вы еще не прочитали благодарственную молитву, — сурово произнес он и нахмурился.

Он явно счел меня лишенной совести язычницей — если не совсем отъявленной грешницей.

— Может быть, вы сделаете это вместо меня? — решилась я попросить его.

Голубые глаза широко раскрылись в изумлении, но после недолгого размышления мальчик кивнул и сложил руки, как полагается в этом случае. Он окинул взглядом стол, убедился, что ему внемлют с должным пониманием и уважением, и, наклонив голову, произнес:

— У которых есть что есть, те подчас не могут есть, А другие могут есть, да сидят без хлеба. А у нас здесь есть что есть, да вдобавок есть чем есть, Значит, нам благодарить остается небо!.. Аминь ^[11].

Подняв глаза над своими молитвенно сложенными руками, я встретила взглядом с Коламом и улыбкой дала ему понять, что оценила самообладание его отпрыска. Он подавил собственную улыбку и с

серьезным лицом кивком поблагодарил сына, промолвив:

— Хорошо сказано, мальчик. Передай, пожалуйста, хлеб.

Разговоры за столом в основном ограничивались просьбами передать то или другое блюдо, ибо каждый пришел для того, чтобы как следует поесть. У меня аппетит отсутствовал, частью по причине ошеломляющих обстоятельств, а частью потому, что селедки мне не хотелось. Но баранина была недурна, а хлеб — свежий, хрустящий — просто восхитителен, причем его можно было есть со свежим несоленым маслом.

— Надеюсь, мистер Мактевиш чувствует себя лучше, — вставила я свое слово во время краткого перерыва в еде. — Я что-то не видела его здесь.

— Мактевиш? — Тонкие брови Летиции взлетели вверх над округлившимися голубыми глазами.

Я скорее почувствовала, нежели увидела, как Дугал поднял голову.

— Молодой Джейми, — бросил он отрывисто и снова вернулся к бараньей кости, которую держал в руках.

— Джейми? С ним что-то случилось? — На полнощекоем лице Летиции появилось беспокойное выражение.

— Всего-навсего царапина, дорогая моя, — успокоил ее Колам и обратился к брату: — Но где же он, Дугал?

Мне показалось, что в темных глазах мелькнуло подозрение. Дугал пожал плечами, не поднимая глаз от своей тарелки.

— Я его послал в конюшню помочь старику Алеку управиться с лошадьми. Кажется, это его любимое место, так что все в порядке.

Теперь Дугал поднял наконец голову и посмотрел брату в глаза.

— Может быть, у тебя были насчет него другие намерения?

На лице у Колама явно отразилось какое-то сомнение.

— В конюшню? Да, понятно, ты ему так доверяешь?

Дугал тщательно вытер рукой губы и потянулся за куском хлеба.

— Решай сам, Колам, если ты не согласен с моим распоряжением, — сказал он.

Губы Колама крепко сжались на мгновение, но он ответил:

— Да нет, я думаю, он там вполне справится. И вернулся к трапезе.

У меня были некоторые сомнения насчет того, является ли конюшня подходящим местопребыванием для человека с огнестрельным ранением, однако я сочла неуместным высказывать их в этом обществе. Про себя я решила наутро отыскать молодого человека и расспросить его, чтобы удостовериться, что с ним все в порядке.

От пудинга я отказалась и принесла извинения, ссылаясь на усталость,

что отнюдь не было притворством. Я была так измотана, что почти не обратила внимания на слова Колама:

— Спокойной вам ночи, мистрисс Бошан, завтра утром я попрошу кого-нибудь привести вас на прием.

Одна из служанок, заметив, как я ощупью пробираюсь по коридору, сжалилась надо мной и проводила со свечой до самой моей комнаты. Этой свечой она зажгла одну из тех, что стояли у меня на столе, и мягкий свет замирал на каменных стенах, отчего мне на мгновение почудилось, что я в склепе. Едва служанка ушла, я отодвинула с окна вышитую занавеску, и неприятное ощущение исчезло, словно улетело с дуновением свежего воздуха, ворвавшимся в комнату. Я попыталась обдумать происшедшее, но разум отказывался воспринимать что бы то ни было — так мне хотелось спать. Я юркнула под плед, загасила свечу и заснула, глядя на медленно восходящую луну.

Наутро меня снова разбудила солидная мистрисс Фиц-Джиббонс, которая принесла с собой полный набор косметики для знатной шотландской леди. Свинцовые гребенки — чтобы сделать более темными брови и ресницы, горшочки с порошком фиалкового корня и рисовой пудрой, какую-то палочку — я догадалась, что это краска для век, хоть никогда таких предметов не видела раньше, и, наконец, маленькую фарфоровую чашечку французских румян, на которой были изображены позолоченные лебеди.

Мистрисс Фиц-Джиббонс сменила домотканое платье, в котором была накануне, на зеленое полосатое одеяние с шелковым корсажем; чулки на ней были желтые фильдекосовые. Следовательно, пресловутый прием был чем-то важным и значительным. Я хотела было настоять, что отправлюсь туда в собственном платье, просто из чувства противоречия, но вспомнила, какой взгляд бросил жирный Руперт на мой наряд, — и отказалась от этой мысли.

К тому же мне был симпатичен Колам, несмотря на то, что он собирался удерживать меня в замке на неопределенное время. Что касается его намерений, то мы еще посмотрим, решила я, пока тщательно накладывала румяна. Дугал сообщил, что молодой человек, которого я лечила, находится на конюшне, не так ли? А в конюшне, как известно, обретаются лошади, а на лошади можно ускакать. Я твердо вознамерилась повидаться с Джейми, как только кончится «прием».

Приемная оказалась той же самой комнатой, в которой вчера обедали, но несколько трансформированной: столы, скамейки и табуреты отодвинули к стенам, главный стол убран и заменен массивным гнутым

креслом темного дерева, накрытым пледом, который я сочла тартаном клана Макензи; на нем сочетались темно-зеленый и черный цвета, перекрещенные тонкими линиями — красными и белыми. Ветки падуба украшали стены, на каменных плитах пола разбросаны стебли камыша.

Совсем молодой волынщик стоял позади большого кресла и дул в маленькие трубочки волынки, извлекая разнообразные вздохи и хрипы. Там же собрались те, кого я посчитала наиболее приближенными слугами Колама: узколицый мужчина в клетчатых штанах и закопченной рубашке — он расположился возле стены; маленький лысый человек в кафтане из тонкой парчи — скорее всего, что-то вроде писаря, поскольку он восседал за столиком, на котором стояла роговая чернильница, лежали гусиные перья и бумага; затем еще двое крепких мускулистых мужчин — по-видимому, охранники, и, наконец, рядом с ними — самый большой человек, каких я видела.

Я смотрела на этого великана с некоторым страхом. Грубые черные волосы спускались на лоб почти до самых бровей, густых и нависших. Такими же волосами заросли предплечья, выставленные на всеобщее обозрение из-под закатанных рукавов рубахи. В отличие от прочих мужчин, какие мне здесь встречались, великан, казалось, не был вооружен, если не считать маленького ножичка, торчавшего из-за верхнего края чулка: я с трудом разглядела небольшую рукоятку в чаще густых курчавых волос, которыми покрыты были ноги выше чулок. Широкий кожаный пояс охватывал талию объемом дюймов сорок, но на поясе я не увидела ни кинжала, ни меча. Несмотря на устрашающие размеры, лицо у этого человека было вполне дружелюбное и беззлобное; он о чем-то весело переговаривался с узколицым, который по сравнению со своим гигантом-собеседником выглядел марионеткой.

Волынщик вдруг взялся за свой инструмент всерьез: начав с некоей отрыжки, перешел к раздирающему уши визгу, но постепенно ему удалось извлечь из волынки вполне приятную мелодию.

В холле присутствовало человек тридцать, а то и сорок; все они были значительно лучше одеты и выглядели куда ухоженнее, нежели те, кто присутствовал вчера на обеде. Все головы повернулись к дальнему концу приемной, откуда после музыкальной паузы, создавшей приподнятое настроение, появился Колам, а следом за ним, в нескольких шагах, Дугал.

Оба брата были одеты как положено для церемонии — в темно-зеленые килты и отлично сшитые куртки, Колам — в бледно-зеленую, Дугал — в желтовато-коричневую, оба в пледах, переброшенных через грудь и закрепленных на плече большой брошью с драгоценными камнями.

Волосы у Колама были распущены, слегка смазаны маслом и свободными завитками опускались на плечи а у Дугала собраны назад и заплетены в косу, по цвету почти такую же, как шелковая ткань его куртки.

Колам медленным шагом прошел через весь холл, кивая и улыбаясь направо и налево. Взглянув на противоположный конец помещения, я убедилась, что там тоже была дверь, совсем рядом с креслом для Колама. Он, разумеется, вполне мог войти в эту ближнюю, а не в дальнюю дверь. Значит, он вполне обдуманно демонстрировал собравшимся свои кривые ноги и неуклюжую походку. Сознательно подчеркивал контраст между собою и высоким, хорошо сложенным младшим братом, который не смотрел по сторонам и, подойдя вслед за Коламом к почетному креслу, занял место за его спинкой.

Колам уселся и, подождав немного, поднял руку. Завывания волынки оборвались на жалобном вопле, и «прием» начался.

Было ясно, что эта процедура совершается регулярно — Колам таким образом вершит суд и справедливость по отношению к своим ленникам и арендаторам, разбирает иски и разрешает споры. Соблюдалась определенная очередность в разборе дел, лысый письмоводитель оглашал имена, и их обладатели выступали вперед в установленном порядке.

Некоторые дела разбирались по-английски, но большинство — на гэльском языке. Я уже заметила раньше, что речи на этом языке включали в себя вращение глазами и притопывание ногами с целью усилить выразительность, и это почти не давало возможность судить о серьезности казуса на основании поведения тяжущихся.

Как я поняла, некий субъект весьма потрепанного вида — словно молью изъеденный — с огромной шотландской сумкой-спорраном, на отделку которой ушла, по-видимому, целая барсучья шкура, обвинял своего соседа ни много ни мало как в убийстве, поджоге, а также в похищении жены. Колам приподнял брови и быстро сказал что-то по-гэльски, отчего оба, истец и ответчик, ухватились за бока от смеха. Утерев глаза, истец кивнул и протянул руку ответчику, в то время как писец деловито строчил по бумаге, и скрип гусиного пера напоминал мышиную беготню.

Моя очередь была пятая. Видимо, такой порядок продуманно выбрали, чтобы продемонстрировать собравшимся значительность моего появления в замке.

К моей радости, на этот раз делопроизводство велось на английском языке.

— Мистрисс Бошан, пожалуйста, выйдите вперед, — воззвал писец.

Понуждаемая совершенно ненужным толчком мощной руки мистрисс

Фиц-Джиббонс, я, спотыкаясь, вступила на открытую площадку перед креслом Колама и весьма неуклюже сделала реверанс — я заметила, что так поступали все женщины до меня. Туфли, которые мне дали, были сшиты на одну ногу, а точнее сказать, представляли собой некие продолговатые кожаные футляры, и переступить в них, сохраняя какое-то подобие изящества, оказалось затруднительно. Легкий шорох пробежал среди собравшихся когда Колам оказал мне честь, встав со своего кресла. Он подал мне руку, за которую я уцепилась, чтобы не хлопнуться плашмя на пол.

Выпрямившись после реверанса и проклиная про себя нелепые туфли, я обнаружила, что стою прямо перед Дугалом. Поскольку именно он захватил меня, ему и было поручено обратиться от моего имени с просьбой принять меня в замок то ли в качестве гостя, то ли в качестве пленницы — это уж зависело от вашей точки зрения. Я с любопытством ожидала, каким именно образом братья меня определят.

— Сэр, — начал Дугал, отвесив Коламу официальный поклон, — мы просим снисхождения и милости по отношению к леди, которая в тяжелую минуту жизни нуждается в защите и безопасном убежище. Мистрисс Клэр Бошан, английская леди из Оксфорда, подверглась нападению разбойников, ее слуга был предательски убит. Она бежала и заблудилась в лесу среди ваших владений, где и была обнаружена и спасена мной и моими людьми. Мы просим, чтобы ей предоставили убежище в замке Леох, — он сделал паузу и усмехнулся не без цинизма, — до тех пор, пока ее английские родственники не будут извещены о ее местопребывании и обеспечат ей безопасный проезд.

Я не упустила из виду ударение, сделанное Дугалом на слове «английские», — думаю, что и все присутствующие обратили на это внимание. Таким образом, предлагалось меня принять, но оставить под подозрением. Если бы он сказал «французские», к моему появлению отнеслись бы как к дружескому или в худшем случае нейтральному вторжению. Бежать из замка, пожалуй, будет труднее, чем я думала.

Колам изящно поклонился и предложил мне неограниченное гостеприимство от чистого сердца — во всяком случае, на словах. Я снова сделала реверанс — с большим, чем в первый раз, успехом — и удалилась на свое место, сопровождаемая любопытствующими, однако более или менее дружественными взглядами.

Вплоть до этого времени разбирались дела, в которых были в основном заинтересованы тяжущиеся стороны. Зрители потихоньку переговаривались, дожидаясь своей очереди. Мое появление вызвало

общий более или менее оживленный интерес и, как мне показалось, было встречено одобрительно.

Но тут в холле началось возбужденное движение. Дородный мужчина выступил на площадку перед креслом Колама, таща за руку молоденькую девушку. Ей было на вид лет шестнадцать; личико хорошенькое, хоть и обиженно-надутое; длинные золотистые волосы перевязаны сзади голубой лентой. Она стояла одна на открытом месте, в то время как дородный мужчина, размахивая руками, что-то объяснял по-гэльски, время от времени указывая на девушку в подтверждение своих обвинений. Речь его сопровождалась негромкими репликами в толпе.

Мистрисс Фиц-Джиббонс, уместив свои тела на прочном табурете, с живейшим любопытством вытягивала шею вперед. Я наклонилась к ее уху и спросила шепотом:

— Что она сделала?

Величественная дама ответила, почти не шевеля губами и не отводя глаз от зрелища:

— Ее отец обвиняет ее в недостойном поведении, в том, что она общается с молодыми людьми без его разрешения. — Мистрисс Фиц-Джиббонс слегка подалась назад и продолжала: — Отец хочет, чтобы Макензи наказал ее за непослушание.

— Наказал? Каким образом? — прошипела я как можно тише.

— Тсс...

Все взоры устремлены были на Колама, который в свою очередь созерцал девушку и ее отца, обдумывая решение. Наконец он заговорил, переводя взгляд с одного на другую, хмурясь и жестко постукивая костяшками пальцев по подлокотнику кресла. Дрожь пробежала по рядам собравшихся.

— Он принял решение, — прошептала мистрисс Фиц-Джиббонс, на этот раз без всякой необходимости — это и так было ясно.

Ясно было и другое — какое решение принял Макензи: великан, который так заинтересовал меня в начале разбирательства, наконец-то сдвинулся с места и ленивыми движениями принялся расстегивать свой ремень. Два сторожа взяли девушку за руки и повернули спиной к Коламу и ее отцу. Она заплакала, но ни о чем не просила. Толпа наблюдала за происходящим с жадным вниманием, характерным для зрителей публичных экзекуций и свидетелей дорожных катастроф.. Неожиданно из задних рядов раздался, перекрывая гул толпы, чей-то голос.

Все как один обернулись назад. Мистрисс Фиц-Джиббонс еще сильнее вытянула шею и даже приподнялась на цыпочки. Я не понимала слов —

человек говорил по-гэльски, — но голос узнала: глубокий и мягкий, он выговаривал слова, опуская конечные согласные.

В толпе открылся проход, и Джейми Мактевиш вышел на площадку. Он почтительно склонил голову перед Макензи и заговорил снова. Слова его, кажется, вызвали спор, в котором приняли участие Колам, Дугал, письмоводитель и отец девушки.

— Что случилось? — спросила я у мистрисс Фиц-Джиббонс.

Мой пациент выглядел значительно лучше, но был еще сильно бледен. Он где-то отыскал чистую рубашку; пустой рукав был засунут за пояс килта.

Мистрисс Фиц наблюдала за происходящим с величайшим интересом.

— Молодой человек предлагает понести наказание вместо девушки, — бесстрастно выговорила она, стараясь заглянуть через голову человека, который стоял перед ней.

— Что? Но ведь он ранен! Они ни в коем случае не должны соглашаться на это! — В холле шумно переговаривались, но я старалась говорить как можно тише.

Мистрисс Фиц покачала головой.

— Не знаю, барышня. Они об этом-то и спорят. Видите ли, такое дозвоительно было бы для человека из ее клана, то есть пострадать вместо нее, но молодой человек не принадлежит к клану Макензи.

— Не принадлежит? — удивилась я, так как до сих пор наивно полагала, что все мужчины, которые привезли меня сюда, являются членами этого клана.

— Конечно, нет, — возразила мистрисс Фиц нетерпеливо. — Разве вы не видите, какой у него тартан?

Я, разумеется, увидела — поскольку она мне на это указала. Джейми носил тартан в коричневых и зеленых тонах, но других оттенков, нежели у остальных мужчин, присутствующих на судилище: коричневый цвет был очень темный — как древесная кора, и отграничен тонкой голубой полоской.

Решающий аргумент, по-видимому, высказал Дугал. Затруднение разрешилось, толпа утихомирилась, и все подались назад. Стражи отпустили девушку, и она тотчас скрылась в толпе, а Джейми выступил вперед и занял место ослушницы. В ужасе я смотрела на то, как стражи берут Джейми за руки, но он что-то сказал по-гэльски великану с ремнем, и стражи отступили от него. Как ни странно, на лице у Джейми расплылась широкая и дерзкая улыбка. Еще более странно, что великан ответил Джейми такой же улыбкой.

— Что он сказал? — спросила я у своей переводчицы.

— Он выбрал кулаки, а не ремень. Мужчина вправе выбирать, а женщина — нет.

— Кулаки?

На дальнейшие вопросы времени у меня не хватило. Экзекутор отвел назад кулак величиной чуть ли не со свиной окорок и двинул им Джейми в живот так, что юноша подскочил и на время лишился возможности дышать. Великан подождал, пока он выпрямится и обретет дыхание, а потом нанес. Джейми целую серию ударов по ребрам и рукам. Джейми не пытался защитить себя, только старался сохранять равновесие и таким образом противостоять нападению.

Следующий удар был нанесен в лицо. Я невольно вздрогнула и зажмурилась, когда голова Джейми мотнулась назад. Экзекутор наносил удары с промежутками, достаточно осторожно, чтобы не сбить жертву с ног и не попасть дважды по одному и тому же месту. То было, так сказать, научное избиение, умело рассчитанное на то, чтобы причинить боль, но не покалечить и не изуродовать. Один глаз у Джейми закрылся, сам он тяжело дышал, но иного ущерба не понес.

Я с ума сходила от беспокойства за его раненое плечо — как бы оно не пострадало снова. Моя повязка оставалась пока что на месте, но вряд ли она удержится долго при подобном обращении. Сколько это еще может продолжаться? В помещении было тихо, слышны лишь смачные шлепки плоти о плоть да изредка — негромкий стон.

— Энкус сразу прекратит, когда кровь покажется, — прошептала мистрисс Фиц, отвечая на мой безмолвный вопрос. — Нос разобьет, и тогда конец.

— Это настоящее варварство, — прошипела я с таким негодованием, что на, меня начали недовольно оглядываться.

Экзекутор, должно быть, решил, что наказание длится уже достаточно долго. Он откинулся назад и нанес мощный удар, от которого Джейми пошатнулся и упал на колени. Оба стража бросились к нему и поставили на ноги, и когда он поднял голову, я увидела, что из разбитого рта у него течет кровь. Толпа загудела с явным облегчением; экзекутор отступил на свое прежнее место с выражением чувства исполненного долга на физиономии.

Один из стражей поддерживал Джейми под руку, пока тот не опомнился, встряхнув несколько раз головой. Девушка исчезла. Джейми выпрямился и посмотрел на башнеподобного экзекутора. И опять-таки улыбнулся — как мог шире. Кровоточащие губы шевельнулись.

— Благодарю, — с трудом выговорил он, прежде чем повернуться и

уйти.

Внимание собравшихся снова обратилось к Макензи и следующей паре тяжущихся.

Я видела, что Джейми вышел из холла через дверь в противоположной стене. Теперь он занимал меня куда больше, чем во время судопроизводства; я обменялась несколькими словами с мистрисс Фиц-Джиббонс, объяснив, что ухожу, и проложила себе дорогу к той самой двери, за которой скрылся Джейми.

Я нашла его в маленьком боковом дворике; он склонился над колодцем и прикладывал ко рту намоченный подол рубахи.

— Воспользуйтесь лучше вот этим. — Я вынула из кармана носовой платок, и протянула ему.

Он промычал нечто похожее на «спасибо». В это время проглянуло бледное, какое-то бесцветное солнце, и при его свете я осторожно осмотрела юношу. Пострадали больше всего заплывший глаз да разбитая губа, но на подбородке и шее тоже были отметины, которым предстояло превратиться в синяки.

— А во рту у вас тоже есть повреждения?

— Угу.

Он наклонился ко мне, я потянула вниз челюсть и осмотрела губу изнутри. На влажной и блестящей внутренней поверхности щеки был глубокий разрыв, а на губе — две небольшие ранки. Кровь, смешанная со слюной, вытекла на подбородок.

— Воды, — попросил он, стирая с подбородка струйку красноватой жидкости.

— Сейчас.

К счастью, на краю колодца стояла бадья с водой, а в воде плавал роговой ковш. Джейми прополоскал рот, сплюнул несколько раз, потом плеснул водой себе в лицо.

— Зачем вы это сделали? — спросила я.

— Что? — спросил он в ответ, вытирая рукавом мокрое лицо. Осторожно ощупал разбитую губу и, поморщился.

— Приняли на себя наказание этой девушки. Вы ее знаете?

Спрашивать было вроде бы неловко, но мне ужасно хотелось знать, что же скрывается за этим донкихотским поступком.

— Я знаю, кто она такая, но никогда с ней не разговаривал.

— Так зачем же вы так поступили? Зачем это сделали?

Он пожал плечами, и это движение тоже заставило его поморщиться.

— Для девушки очень стыдно, что ее выпорют в холле. Мне легче.

— Легче? — отозвалась я недоверчиво и посмотрела на его разбитое лицо.

Он тем временем ощупал побитые ребра здоровой рукой, поднял глаза и улыбнулся мне однобокой улыбкой.

— Да. Она совсем молоденькая. Ей было бы очень стыдно перед всеми, кто ее знает, долго было бы стыдно. Мне просто больно, но ничего особенного нет. Дня через два все пройдет.

— Но почему все-таки вы? — спросила я. Вопрос явно удивил его.

— А почему не я? — сказал он.

Почему не он? Я могла бы сказать: потому что вы ее не знаете. Потому что вы ранены. Потому что необходимо особое мужество, чтобы стоять лицом к толпе людей и получать удары по лицу — независимо от того, какие мотивы руководили вами.

— Ну, например, мушкетная пуля, прошедшая через трапецевидную мышцу, является достаточным основанием для отказа, — сухо ответила я.

На лице у него вспыхнуло любопытство; он дотронулся до того места, которое я назвала.

— Так это называется трапецевидной мышцей? Я не знал.

— Ох, вот ты где, мальчик мой! Вижу, ты уже нашел себе целителя, я, может, и не понадобится. — Мистрисс Фиц-Джиббонс протиснулась во дворик через узкую для нее дверь. В руках она держала поднос; на подносе стояли какие-то кувшинчики и большая тарелка и лежало чистое льняное полотенце.

— Да я ничего не делала, только воды зачерпнула, — сказала я. — Он не так уж сильно пострадал, и я не знаю, чем еще можно помочь, чтобы привести в порядок лицо.

— Ну-ну, всегда можно чем-нибудь помочь, всегда можно, — заворковала мистрисс Фиц. — Ну-ка, молодой человек, разреши взглянуть на твой глаз.

Джейми послушно уселся на край колодца, подставив лицо мистрисс Фиц. Пухлые пальцы осторожно ощупали багровую опухоль, оставляя на ее поверхности белые пятна, которые почти мгновенно исчезли.

— Под кожей кровь все еще вытекает. Значит, пиявки помогут.

Мистрисс Фиц сняла с тарелки крышку и извлекла несколько небольших темных вялых червячков, дюйма по два длиной, покрытых противной на вид слизью. Выбрала парочку; одну посадила на кожу под надбровной дугой, вторую — под глазом.

— Видите ли, — обратилась она ко мне, — если синяк уже образовался, пиявки не помогут. Но если опухоль еще не спала, а

продолжает расти, значит, под кожей кровотечение, и пиявки отсосут кровь.

Я наблюдала за пиявками с любопытством и отвращением одновременно.

— Вам не больно? — спросила я у Джейми.

Он отрицательно помотал головой, отчего пиявки противно заболтались туда-сюда.

— Нет. Только как, будто немного холодно. Мистрисс Фиц возилась со своими кувшинчиками.

— Очень многие люди пользуются пиявками неправильно, — наставляла она меня. — От пиявок большая помощь, но надо обращаться с ними умеючи. Ежели вы их приставите к темному синяку, они начнут сосать здоровую кожу, только и всего, синяку оттого ни жарко, ни холодно. И потом, вы не должны злоупотреблять количеством, ставить понемногу. Пиявки, если их поставить слишком много, и крови много высосут, от этого человек слабеет.

Я слушала ее с почтительным вниманием, впитывая информацию. И в глубине души надеялась, что на практике эта информация мне никогда не понадобится.

— Ну а теперь, мальчик, прополощи-ка рот вот этим, оно тебе раны очистит и боль уменьшит. Это настой ивовой коры, — пояснила мистрисс Фиц, повернувшись ко мне, — с малой добавкой фиалкового корня.

Я кивнула. Из давно прослушанного курса лекций по ботанике вспомнилось, что ивовая кора содержит салициловую кислоту — активную составную часть аспирина.

— Но разве ивовая кора не увеличивает опасность кровотечения? — спросила я.

— Да. Это бывает, — согласилась мистрисс Фиц. — Поэтому мы к ней добавляем горсть порошка из корня Святого Иоанна да еще уксус. Кровотечение и останавливается. Только корень надо собирать в полнолуние и приготовить как следует, по всем правилам.

Джейми все так же послушно набрал в рот вяжущий раствор; слезы навернулись ему на глаза от острого запаха ароматического уксуса.

Пиявки к этому времени насосались, разбухли по меньшей мере в четыре раза. Темная морщинистая кожа растянулась и заблестела, они напоминали округлые полированные камешки. Одна из пиявок вдруг отвалилась и упала прямо к моим ногам. Мистрисс Фиц проворно подняла ее, удивительно легко наклонившись при своей комплекции, и положила обратно в плошку. Деликатно уцепив вторую за голову возле самого рта, она потянула легонько — и голова пиявки сразу отлепилась.

— Вы не должны тянуть чересчур сильно, — сказала мистрисс Фиц. — Они, знаете, иногда лопаются.

Меня передернуло при одной мысли о подобном исходе.

— Но если она уже насосалась, — продолжала женщина, — все обходится хорошо. Отстают, а если не отстают — подождите, пока сами отвалятся.

Пиявка и вправду отстала, выпустив тоненькую струйку крови, когда до нее дотронулись. Я промокнула крохотное кровоточащее отверстие в коже кончиком полотенца, смоченного в уксусном растворе. К моему удивлению, пиявки сделали свое дело: опухоль сильно уменьшилась, и глаз даже слегка приоткрылся, хотя веко еще было опухшее, вздутое. Мистрисс Фиц осмотрела его критическим оком и пришла к выводу, что пиявки больше не нужны.

— Завтра вид у тебя — будет неважный, мальчик, — сказала она и покачала головой, — но глаз откроется — и то хорошо. Все, что тебе нужно теперь, это кусок сырого мяса на глаз, чтобы уменьшить синяк, да горячей похлебки и эля внутрь, чтобы подкрепить силы. Зайди-ка ко мне на кухню чуть погодя, я кое-что для тебя найду.

Она подняла свой поднос и минуту помолчала.

— Ты сделал доброе дело, мальчик. Лаогера — моя внучка, ты знаешь это. Благодарю тебя от ее имени и от своего. Она бы сама тебя должна поблагодарить, если бы ее научили хорошим манерам. — Она потрепала Джейми по щеке и, грузно переваливаясь, удалилась.

Я снова осмотрела Джейми: старинные медицинские средства оказались на удивление эффективными. Глаз был еще припухлый, но почти нормального цвета; из разрыва на губе уже не сочилась кровь, он побледнел, не бросался в глаза.

— Как вы себя чувствуете? — спросила я.

— Отлично, — ответил он и улыбнулся едва заметно (губа, конечно, еще очень болела). — Это всего лишь ушибы, вы сами видите. Кажется, я должен поблагодарить вас еще раз. За три дня вам пришлось трижды лечить меня. Вы, наверное, считаете меня ужасно неуклюжим.

Я дотронулась до красного пятнышка у него на подбородке.

— Не то чтобы неуклюжим, но немного безрассудным.

Едва уловимое движение у входа во дворик привлекло мое внимание — некий проблеск голубого и золотистого. Девушка по имени Лаогера отпрянула в испуге, заметив меня.

— Мне кажется, кто-то хочет поговорить с вами наедине, — сказала я. — Оставляю вас. Повязку с плеча можно снять завтра. Я вас найду.

— Да. Спасибо еще раз. — Он легонько пожал мне руку на прощанье.

Я вышла, но, проходя мимо девушки, с любопытством поглядела на нее. Вблизи она оказалась еще более хорошенькой, чем издали, — с мягкими голубыми глазами и нежно-розовой кожей. Она посмотрела на Джейми и залилась краской. Я вышла, размышляя о том, насколько альтруистичным на деле был поступок Джейми.

На следующее утро, проснувшись на заре под щебет птиц за окном и человеческие голоса в доме, я оделась и пошла по сквозным коридорам в холл. Он уже вернулся к своему обыденному состоянию трапезной, где обычно раздавали из огромных котлов овсяную кашу и лепешки, испеченные на очаге и политые темной патокой. Запах горячей пищи был такой густой, что казалось, на него можно опереться. Я себя чувствовала все еще очень неуверенно, однако горячий завтрак вдохновил меня отправиться на розыски.

Первым делом я нашла мистрисс Фиц-Джиббонс; ее руки были погружены в тесто по самые локти — пухлые и покрытые ямочками. Я объявила, что хотела бы повидать Джейми, чтобы снять с него повязки и осмотреть огнестрельную рану, Мановением своей огромной, белой от муки десницы она поманила к себе одного из своих маленьких любимцев.

— Юный Алек, сбегай-ка и разыщи Джейми, нового объездчика лошадей. Пусть придет сюда, надо осмотреть его плечо. Мы будем на лекарственном огороде.

Указующий перст заставил мальчугана во все лопатки припустить на поиски моего пациента. Перепоручив квашню одной из служанок, мистрисс Фиц-Джиббонс вымыла руки и обратилась ко мне:

— Пока он вернется, у нас с вами есть время. Хотите взглянуть на наш лекарственный огород? Вы, мне кажется, кое-что знаете о травах и сможете в случае чего воспользоваться нашими запасами.

Плантация лекарственных растений оказалась поистине бесценным вместилищем целебных и ароматических трав; она была разбита в одном из внутренних дворов, со своим колодцем для полива, достаточно обширная, чтобы к ней проникало солнце, и вместе с тем укрытая со всех сторон от ветров: кусты розмарина ограждали ее с западной стороны, ряды высокой ромашки с юга, амарант, или, проще, лисохвост обозначал северную границу, а с востока огород примыкал к стене замка, преграждавшей дорогу господствующим в этой местности ветрам. Я разглядела и узнала острые кончики поздних крокусов, мягкие листья французского щавеля, торчащие из хорошо удобренной черной земли. Мистрисс Фиц показала мне, где растет наперстянка, а где — портулак и буквица, а также еще много трав,

которые были мне до сих пор неведомы.

Поздняя весна — время сеять и сажать. Мистрисс Фиц принесла с собой в продетой на руку корзине головки чеснока. Корзинку она передала мне, а вместе с корзинкой — лопаточку для посадок. По-видимому, мне предстоит пробыть в замке достаточно долго; пока Колам найдет мне должное место, мистрисс Фиц всегда была рада предложить дело свободным от работы рукам.

— Вот, моя дорогая. Посадите их, пожалуйста, с южной стороны, между чабрецом и наперстянкой.

Она показала мне, как надо разделять головки чеснока на отдельные зубчики, чтобы не повредить плотную оболочку, а потом — как их сажать. Это оказалось несложно: сунуть зубчик в землю тупым кончиком вниз и присыпать сверху на полтора дюйма. Она поднялась на ноги и отряхнула от пыли свои обширные юбки.

— Несколько головок не высаживайте здесь, — посоветовала она. — Разделите их и посадите по зубчику в разных местах огорода. Чеснок отпугивает вредных насекомых от других растений. Огурцы и тысячелистник действуют так же. И отщипните завядшие цветки ноготков, но не выбрасывайте, они нам пригодятся.

Золотистые головки ноготков видны были по всему огороду. Пока я собирала их, прибежал запыхавшийся мальчуган, которого посылали за Джейми. Он сообщил, что пациент отказался покинуть работу.

— Он говорит, — доложил мальчик, — что чувствует себя, не так плохо, чтобы лечиться, но просил поблагодарить за заботу.

Мистрисс Фиц на это только плечами пожала.

— Ладно, не хочет приходить — и не надо. Вы, барышня, если хотите, можете пойти к нему в паддок в полдень. Для лечения он не желает отрываться от работы, но еда — дело другое, если я знаю молодых мужчин. Юный Алек придет сюда за вами и проводит в паддок.

Поручив мне закончить посадку чеснока, мистрисс Фиц уплыла как некий галеон^[12] с юным Алеком в кильваторе.

Я с удовольствием проработала все утро, сажая чеснок, отщипывая увядшие головки цветов, выдергивая сорняки и ведя ту борьбу с улитками, слизнями и прочими паразитами, которую нескончаемо ведут все садоводы и огородники. Здесь она велась голыми руками, без помощи пестицидов. Я так была поглощена делом, что даже не заметила появления юного Алека и не обращала на него внимания, пока он негромким кашлем не заявил о своем присутствии. Не говоря ни слова, он терпеливо ждал достаточно долго и после того, как я его увидела, потому что мне пришлось почистить

испачканное в земле платье, прежде чем покинуть огород.

Паддок, или загон, куда отвел меня Алек, находился на некотором расстоянии от конюшен, на зеленом лугу. Три молодые лошади резвились на этом лугу, а еще одна, молодая кобылка с блестящей чистой шерстью, была привязана к ограде загона. Спина ее была покрыта легкой попоной.

Джейми осторожно подбирался к лошади, а она взирала на его маневры с явным подозрением. Джейми положил единственную свободную руку кобылке на спину и заговорил с ней тихо и ласково, готовый отступить, если ей что-то не понравится. Она выкатила глаза и фыркнула, но с места не тронулась. Двигаясь очень медленно, Джейми перекинул ногу через покрытую попоной спину лошади, продолжая свои ласковые уговоры, и наконец осторожно опустил в седловину. Лошадь тихонько заржала, затем с шумом выпустила из ноздрей воздух, но всадник был настойчив, и голос его все журчал — спокойно, даже шутливо.

Но вот кобылка повернула голову и увидела нас с мальчиком. Восприняв наше появление как угрозу, она снова заржала, с визгом, и ринулась на нас, сбросив Джейми прямо на забор паддока. Она храпела и лягалась, пыталась сорваться с привязи, которая ее удерживала. Джейми откатился под забор, подальше от ударов копыт. Потом он с трудом поднялся на ноги, выругался по-гэльски и повернулся посмотреть, чем вызвана такая незадача в его работе.

Но едва он увидел, кто к нему явился, как угрожающее выражение лица сменилось приветливым, хотя наше появление оказалось далеко не столь удачным, как можно было пожелать. Правда, корзина с едой, предусмотрительно врученная нам мистрисс Фиц, тоже сделала свое дело: добрая женщина и в самом деле хорошо знала молодых мужчин.

— Уймись ты, проклятая животное, — прикрикнул Джейми на лошадь, которая все еще фыркала и танцевала на привязи.

Джейми наградил юного Алека легким шлепком, поднял свалившуюся с лошади попову, отряхнул от пыли и галантно протянул ее мне: присаживайтесь!

Тактично не упоминая неприятное происшествие, я уселась, налила Джейми эля, подала хлеб и сыр.

Ел он как-то очень сосредоточенно, а я почему-то вспомнила о его отсутствии на прошлом обеде в холле и спросила его, почему он туда не пришел.

— Проспал, — ответил он. — Я ушел спать сразу после того, как оставил вас в замке, и не просыпался до вчерашнего утра. После суда в холле я малость поработал, потом присел на вязанку сена отдохнуть перед

обедом. — Он рассмеялся. — Проснулся нынче утром на том же месте оттого, что лошадь подошла и начала хватать губами мое ухо.

Долгий отдых явно пошел ему на пользу; синяки, конечно, потемнели и были заметны, но кожа вокруг них имела здоровый нормальный цвет, а про аппетит и говорить нечего — аппетит оказался отменный.

Он съел все и даже, слегка послунявив палец, подобрал крошки хлеба с рубахи и отправил их в рот.

— У вас хороший аппетит, — заметила я с улыбкой. — Думаю, проголодавшись, вы бы и траву стали есть.

— Приходилось и траву есть, — ответил он с полной серьезностью. — Вкус у нее ничего, но сытости — никакой.

Я удивилась и решила, что он просто шутит.

— Когда же это было? — спросила я.

— Зимой в позапрошлом году. Я тогда жил, прямо скажем, без удобств... в лесу... с другими парнями. Мы делали набег на границу. Выпала нам несчастливая неделя или даже побольше недели, когда съестного у нас, можно сказать, ничего не оставалось, просто говорить не о чем. Перепадало понемножку овсянки от мелких арендаторов, но эти люди такие бедные, что и брать-то у них совестно, — им нечем поделиться. Конечно, они всегда что-нибудь подадут страннику, но если странников целых двадцать человек, это, пожалуй, многовато даже для горского гостеприимства. — Неожиданно он улыбнулся. — Вы когда-нибудь слышали... нет, откуда вам это услышать? Я хотел спросить, знаете ли вы, как они молятся за столом.

— Нет. И как же?

Он отбросил волосы со лба и прочитал нараспев:

Живо, живо все за стол,
Ешьте до отвала,
Чтобы все ушло в живот,
А не в суму попало. Аминь!

— Что значит «не в суму»? — удивилась я. Джейми похлопал рукой по споррану, висевшему у него спереди на поясе.

— Очень просто: закладывай в брюхо, а в сумку не прячь.

Он отыскал травинку с длинным стеблем и осторожным движением вытянул стебелек из огрубевшей наружной оболочки. Медленно покрутил травинку между пальцами, так что с колоска облетела пыльца.

— Зима тогда была поздняя и мягкая, к счастью для нас, иначе бы мы не выдержали. Мы ловили силками кроликов, но иногда приходилось есть их мясо сырым, потому что никак нельзя было разжечь огонь. Случалось и оленины отведать, но в те дни, о которых я рассказываю, ничего не попадалось.

Квадратные белые зубы перекусили стебелек. Я вытянула и себе травинку и пожевала кончик. Был он сладковато-кисленький, но съедобная мягкая часть длиной всего в дюйм или около того. Нечего сказать, питательная еда...

— Как раз перед этим выпал небольшой снег, — продолжал Джейми свой рассказ, отбросив изжеванный стебелек и вытянув другой. — Под деревьями твердый наст, а вокруг сплошная слякоть. Я ходил и искал трутовики, грибы, что ли, такие, они прямо на коре снизу на деревьях растут, рыжего цвета. Проломил ногой наст и наступил на травяную кочку. Знаете, вырастают между деревьями на светлом месте пучки травяные. Олени их любят, отыскивают под снегом. Отбросит олень копытом снег с этой кочки и съест ее до корней. Ту, которую я нашел, они пропустили, значит. Ну, я подумал: если олени могут, чем я-то хуже? Голоден я был до смерти, готов бы собственные башмаки сварить и съесть, да тогда ходить не в чем, тоже пропадешь. Вот я и сжевал траву, как олень, под самый корень.

— Сколько же времени вы не ели? — спросила я, совершенно потрясенная этим рассказом.

— Три дня совсем безо всего, а за неделю всего-то пришлось проглотить немного овсянки с молоком.

Да, — добавил он, — зимняя трава горькая и грубая, не то что эта. — Он взглянул на травинку у себя в руке. — Но мне на это было наплевать. — Он снова улыбнулся. — Не подумал я тогда, что у оленя четыре желудка, а у меня всего лишь один. Колики у меня начались ужасные. Один пожилой человек потом объяснил мне, что траву надо было хотя бы сварить, но я этого не знал. Да если бы и знал, не утерпел бы, не смог бы ждать, пока сварится.

Он вскочил на ноги и, протянув руку, помог подняться и мне.

— Пора за работу приниматься. Спасибо за угощение, барышня.

Он подал мне корзинку и зашагал к сараю для лошадей, а волосы его на солнце отливали золотом и медью.

Я медленно пошла в замок, раздумывая о мужчинах, которым приходилось жить в холодной слякоти и жевать траву. Только во дворе я спохватилась, что совсем забыла про плечо Джейми.

Глава 7

КАБИНЕТ ДЭВИ БИТОНА

Когда я вернулась в замок, то, к моему удивлению, у ворот меня ждал один из одетых в килты вооруженных охранников Колама. Сам будет признателен, сообщил он мне, если я пожалую к нему в его личные покои.

В личном кабинете лэрда двойные высокие створки окон были распахнуты, ветер шелестел листвой плененных деревьев, и оттого казалось, что ты на вольном воздухе.

Лэрд сидел за письменным столом и что-то писал, но при моем появлении немедленно встал и поздоровался со мной. Спросил о здоровье и самочувствии и проводил прямо к клетке с птицами, которые особенно оживленно щебетали и перепархивали с ветки на потку, обрадованные свежим дуновением воздуха.

— Дугал и мистрисс Фиц твердят в один голос, что вы недурная лекарка, — заговорил Колам непринужденно, просунув указательный палец сквозь ячейу клетки. Крохотная овсяночка, очевидно, привыкшая к этому, тотчас слетела вниз и уселась на палец, обхватив его коготками и слегка трепеща крылышками. Он осторожно и нежно погладил птичью головку мозолистым указательным пальцем другой руки. Я удивилась, заметив огрубелую кожу вокруг ногтя: Колам не походил на человека, занимающегося физическим трудом.

Я ответила ему, пожав плечами:

— Не надо быть искусным лекарем, чтобы перевязать неглубокую рану.

Он улыбнулся.

— Может быть, и так, однако необходимо немалое умение, чтобы проделать это в кромешной темноте на обочине дороги, не так ли? А мистрисс Фиц рассказала, как вы наложили лубок на сломанный палец одному из ее маленьких помощников, как нынче утром перевязали обваренную руку кухонной девушке.

— Тут тоже нет ничего особо трудного, — возразила я, недоумевая, к чему он клонит.

Колам махнул рукой одному из слуг, и тот немедленно достал из ящика секретера небольшую чашку с крышкой, Колам снял крышку и принялся бросать на пол клетки птичий корм из чашки. Словно крохотные мячики для крикета посыпались с веток на пол клетки — так быстро пташки

слетели вниз, а за ними и овсянка, сидевшая на пальце у хозяина.

— У вас нет связей с кланом Битонов? — спросил Колам.

Я вспомнила, что об этом уже спрашивала меня мистрисс Фиц во время нашей с ней первой встречи.

— Никаких. А какое отношение этот клан имеет к медицине?

Колам уставился на меня в изумлении.

— Как? Вы ничего о них не слышали? В горах Шотландии Битоны славятся как лекари. Многие из них являются странствующими целителями. У нас здесь некоторое время жил один.

— Жил? А что с ним случилось потом?

— Умер, — спокойно ответил Колам. — Подхватил лихорадку, которая унесла его за неделю. С тех пор у нас нет лекаря, если не считать мистрисс Фиц.

— Она лечит очень умело, — сказала я, тут же припомнив, как хорошо она справилась с травмами Джейми.

Это воспоминание повлекло за собой мысль о том, кто, собственно, навлек на Джейми наказание, и я ощутила приступ острой неприязни к Коламу. Неприязни — и одновременно опаски. Я напонила себе, что именно этот человек воплощает в себе закон, суд и расправу по отношению к подданным своего маленького государства — и вершит суд по своему собственному усмотрению.

Он кивнул, все еще любуясь птицами. Но вот он вытряхнул остатки корма, чтобы побаловать прилетевшую позже других серо-голубую птаху.

— О да, — ответил он, — она имеет достаточный навык, но у нее слишком много других забот, ведь на ней все хозяйство замка, она обслуживает всех, в том числе и меня, — заключил он с внезапной милой улыбкой. — Я подумал вот о чем, — продолжал он, очевидно, поощренный моей ответной улыбкой. — Как мне кажется, вам сейчас особенно нечем занять ваше время, так почему бы вам не взглянуть на то, что оставил после себя Дэви Битон? Вы могли бы разобраться, насколько полезны оставленные им снадобья и так далее.

— Ну... вполне возможно. Почему бы и нет?

По правде говоря, мне надоедало крутиться только между тремя точками — огородом, моей комнатой и кухней. Любопытно взглянуть на то, что покойный мистер Битон считал полезным и необходимым для своей профессии.

— Энгус или я сам могли бы проводить леди вниз, — почтительно позволил себе предложить слуга.

— Не беспокойтесь, Джон, — ответил лэрд, вежливым жестом отсылая

слугу. — Я сам все покажу мистрисс Бошан.

Ему было нелегко спускаться по лестнице и, вероятно, больно, однако он явно не желал ничьей помощи, и я ее не предложила.

Врачебный кабинет мистера Битона притаился в отдаленном уголке замка, спрятанный от посторонних взглядов за кухонными помещениями. По соседству — и достаточно близко — находилось только кладбище, где и покоился ныне бывший хозяин кабинета. Узкая, темная комната в задней части замка могла похвалиться всего лишь одним маленьким и высоко расположенным окошком; плоский луч солнечного света отделял темный и высокий сводчатый потолок комнаты от глубокого сумрака нижней ее части.

Заглянув вслед за Коламом в мрачную нишу этой комнаты, я увидела высокий шкаф, оборудованный множеством крошечных ящичков с этикетками, написанными кудрявым затейливым почерком. Кувшинчики, коробочки и бутылочки всех размеров и форм тесно стояли на полках над прилавком, на котором покойный Битон, очевидно, имел обыкновение готовить свои медицинские препараты — судя по пятнам на прилавке и по ступке с остатками какого-то вещества.

Колам вошел в комнату впереди меня. Пыль, поднятая им, закружилась в луче света клубом — словно здесь по меньшей мере повалился надгробный камень. Колам постоял немного, давая глазам привыкнуть к полутьме, затем медленно двинулся вперед, поглядывая то в одну сторону, то в другую. Мне подумалось, что он, скорее всего, впервые вошел в эту комнату.

Глядя, как он хромает, пробираясь по узкому проходу, я сказала:

— Знаете, вам помог бы массаж. Я имею в виду, что он снял бы боли.

В его взгляде на мгновение вспыхнул огонь, и я пожалела о своих словах, но вспышка угасла столь же быстро, как и возникла, и на лице обозначилось привычное выражение вежливого внимания.

— Делать его надо усиленно, — отважилась я на новое высказывание, — особенно в нижней части позвоночника.

— Знаю, — ответил он, — Энгус Мор делает мне массаж по вечерам. — Он дотронулся пальцем до одной из бутылочек и сказал: — Это могло бы дать вам представление о способах лечения.

— Отчасти, — осторожно ответила я, опасаясь, как бы он не надумал расспрашивать меня, что это за набор медикаментов.

На бутылочке, на которую он указал, было написано: «Piglesovis». Кто знает, что это такое! К счастью, Колам поставил бутылочку на место и осторожно провел пальцем по пыльной полке.

— Немало времени прошло с тех пор, как сюда кто-то заглядывал, — произнес он. — Я велю мистрисс Фиц, чтобы она послала сюда своих девчушек прибраться, как вы на это смотрите?

Я приоткрыла дверцу шкафа и закашлялась от поднявшейся столбом пыли.

— Думаю, это было бы уместно, — поспешно согласилась я.

На нижней полочке шкафа лежала толстая книга в голубом кожаном переплете. Приподняв ее, я обнаружила книжку поменьше, переплетенную без затей и черный материал, сильно потертый на уголках.

Эта вторая книжка оказалась медицинским дневником Битона — сюда он заносил имена пациентов, записывал, какими недугами они страдают и какое назначено лечение. Ничего не скажешь, человек методичный. Одна из записей гласила: «Второе февраля года 1741. Сара Грэхем Макензи, повредила большой палец, зажатый колесиком прялки. Прикладывать заваренные листья болотной мяты, потом припарки: равные части тысячелистника и мышиноного ушка, замешенные на очищенной глине». Мышиное ушко? Какая-нибудь трава из тех, что стоят в баночках на полке?

— Хорошо ли зажил палец у Сары Макензи? — спросила я у Колама, продолжая листать книжку.

— Сара? — переспросил он и ответил, подумав: — Нет. Полагаю, что нет.

— В самом деле? Интересно, что произошло. Может быть, я могла бы осмотреть ее попозже?

Он покачал головой, и мне показалось, что на губах у него обозначилась еле заметная мрачная усмешка, чуть тронувшая полные, изогнутые губы.

— Почему? — спросила я. — Разве она покинула замок?

— В известной мере и так можно выразиться, — ответил он. — Она умерла.

Улыбка сделалась определеннее. Я стояла и смотрела, как он повернулся и пошел по пыльному каменному полу к выходу.

— Можно надеяться, что вы окажетесь гораздо лучшим целителем, нежели покойный Дэви Битон, мистрисс Бошан. — В дверях он обернулся и посмотрел на меня сардонически. Солнечный луч высветил всю его фигуру. — Хуже быть трудно, — добавил он и исчез в темноте за дверью.

Я бродила взад и вперед по комнате, разглядывая все, что там находилось. Скорее всего, большей частью тут чушь собачья, но что-то может оказаться полезным. Открыв один из ящичков в аптечном шкафу, я ощутила запах камфары — вот уже одно полезное вещество. Я задвинула

ящичек и вытерла о платье пыльные пальцы. Наверное, надо подождать, пока веселые девушки — помощницы мистрисс Фиц — наведут здесь чистоту, и тогда уже продолжать обследование.

Я выглянула в коридор. Пусто. Но я была не столь наивна, чтобы полагать, что поблизости никого нет. Я знала, что за мной следят, хотя — то ли по приказу, то ли из чувства такта — делают это весьма скрытно и осторожно. Если я шла в сад, кто-нибудь обязательно меня сопровождал. Если я поднималась по лестнице в свою комнату, я замечала, что снизу кто-то смотрит, какое направление я выбрала. Когда мы только-только приехали в замок, я заметила под навесом от дождя укрывшихся там от непогоды вооруженных стражей. Нет, мне определенно не позволят легко и просто, покинуть замок.

Я вздохнула. В конце концов, в эту короткую минуту я осталась одна. А мне очень хотелось хотя бы ненадолго оставаться в одиночестве.

Я еще раз попыталась обдумать все, что произошло со мной с той минуты, как я вступила в проход между двух каменных столбов. Ведь события развивались с такой скоростью, что для себя у меня практически не оставалось времени — разве что во сне. И вот я наконец одна и могу поразмышлять. Я отодвинула от стены пыльный ящик и уселась на него, откинувшись спиной к каменной стене. Я протянула руки назад и прикоснулась ладонями к камням — весьма солидным по размеру, — из которых стена была сложена. Я опиралась на них и вспоминала, думая о каменном круге, малейшие детали случившегося.

Кричащие камни — вот последняя реальная деталь, которая хорошо помнилась мне. И даже тут у меня были сомнения. Крик-то был, это точно. Но исходил ли он от самих камней... а от чего тогда? Я вступила в проход. Была ли то каменная дверь? И куда она вела? Никакими словами нельзя это определить. Какой-то прорыв во времени, потому что я, совершенно ясно, была тогда и есть теперь, а камни — единственная связь между тем и этим.

А также звуки. Они были сдавленные, но казалось, что идут откуда-то поблизости, мне казалось также, что они похожи на звуки сражения. Полевой госпиталь, в котором я служила, трижды подвергался артиллерийскому обстрелу. Прекрасно зная, что тонкие стены наших временных помещений нас не спасут, врачи все же приказывали всем укрываться внутри вместе с ранеными, и мы все прятались по первой тревоге, собирались вместе для храбрости. Но храбрость мало помогает, если над головами свистят артиллерийские снаряды, а рядом рвутся бомбы. Нечто подобное пережитому во время тех обстрелов ужасу испытала я среди камней хенджа.

Я вдруг осознала, что кое-что помню о проходе сквозь камень. Немного, очень немного. Физическое сопротивление, борьба с неким потоком, течением, увлекающим тебя. Я определенно боролась с этим, что бы оно ни было. И какие-то изображения там тоже были. Не цельные картины, нет, так, обрывки чего-то. Некоторые меня пугали, и я от них отворачивалась, пока... пока «проходила». Пробивалась ли я к каким-то иным? К чему-то иному, куда-то на поверхность? Или я была избрана, чтобы попасть именно в это время как в гавань, где я укроюсь от бурлящего страшного водоворота?

Я затрясла головой. Думая обо всем этом, я не могла найти ответов на вопросы. Все оставалось непонятным, ясно было лишь одно: мне необходимо попасть туда, на холмы, где стоят камни.

— Мистрисс? — Мягкий шотландский голосок заставил меня поднять голову. Две девушки, лет по шестнадцать—семнадцать, робко попятились назад в коридор. Они были просто одеты и обуты в башмаки на деревянной подошве, волосы повязаны домоткаными шарфиками. Одна из них — та, которая со мной заговорила, — держала в руках щетку и какую-то ветошь, вторая — бадью с горячей водой, от которой шел пар. Это девушки мистрисс Фиц пришли убираться в кабинете лекаря.

— Мы вас не беспокоили, мистрисс? — встревоженно спросила одна.

— Нет-нет, — заверила их я. — Я как раз собиралась уходить.

— В полдень вы не приходили поесть, — сказала другая девушка, — но мистрисс Фиц попросила передать, что еда для вас оставлена в кухне и вы можете туда прийти, как захотите.

Я выглянула в окно в конце коридора. Солнце и в самом деле уже перевалило за полдень, и я ощущала голод. Я улыбнулась девушкам:

— Так я и сделаю. Спасибо вам.

Я снова отнесла еду на лужайку, опасаясь, что в противном случае Джейми не получит никакой еды, вплоть до обеда. Сидя на траве и наблюдая за тем, как он ест, я спросила его, по какой причине он жил в тяжелых условиях, занимался угоном скота и кражами на границе. Я уже достаточно присмотрелась к людям, которые приходили в замок из окрестных деревень, да и к обитателям замка тоже, и мне было ясно, что Джейми, во-первых, более благородного происхождения, а во-вторых, гораздо образованнее. Описание его собственного дома, сделанное им пусть и кратко, тем не менее позволяло заключить, что семья его достаточно зажиточная. Почему он живет так далеко от дома?

— Так я же объявлен вне закона, — ответил он, явно удивившись тому,

что я не в курсе дела. — Англичане объявили, что за мою голову дадут десять фунтов стерлингов. Не так много, как за разбойника с большой дороги, — добавил он недовольным тоном, — но все-таки побольше, чем за карманного вора.

— И это за обструкцию? — недоверчиво спросила я.

Десять фунтов для здешних мест — полугодовой доход небольшой фермы; мне трудно было представить, что английское правительство установило такую значительную награду за столь незначительное преступление.

— Нет. За убийство.

Я разинула рот в изумлении и чуть не подавилась. Джейми похлопал меня по спине, помогая справиться с дыханием. Наконец я смогла говорить и спросила, запинаясь:

— К-кого вы у-убили?

Он пожал плечами.

— Ну, тут есть неурядица. Я вовсе не убивал человека, в убийстве которого меня обвиняли и объявили вне закона. Но я не считаю это несправедливым, потому что отправил на тот свет несколько других красномундирников.

Он помолчал и повел плечами — словно потерял спиной о невидимую стену. Я замечала, что он и прежде делал так, в мое первое утро в замке, когда я его перевязывала и увидела рубцы у него на спине.

— Это было в Форт-Уильямс. День или два после второй порки я почти не мог двигаться, да еще лихорадка началась из-за ран. Когда я встал на ноги, мои... друзья решили увезти меня из лагеря, они считали, что так будет лучше для меня. Вышло так, что началась перестрелка, в которой был убит один англичанин, старший сержант, и оказалось, что именно он порол меня в первый раз. Но я его не убивал. У меня не было к нему никаких личных претензий, к тому же был тогда такой слабый, что дай Бог в седле удержаться. — Губы у Джейми сжались в одну тонкую твердую линию. — Хотя ежели бы это был капитан Рэндолл, я бы уж как-нибудь собрался с силами. — Он снова повел плечами, так что грубая льняная рубашка туго обтянула спину. — Вот и все. Именно по этой причине я не удаляюсь от замка на большое расстояние. Здесь, в горах, почти невозможно напороться на английский патруль, хотя границу они переходят часто. Есть еще и пограничная стража, но эти к замку не приближаются. Колам не нуждается в их услугах, у него своих людей довольно.

Он улыбнулся и сильно взъерошил рукой волосы, так что они встали дыбом у него на голове — ни дать ни взять иглы у дикобраза.

— Я не такой уж незаметный, как вы видите. Я сомневаюсь, что в самом замке есть осведомители, но в окрестностях, конечно, найдутся люди, которые не прочь заработать несколько пенсов, сообщив англичанам, где я скрываюсь, если они точно узнают, кто я есть. — Он улыбнулся мне. — Вы догадались, что я вовсе не Мактевиш?

— А лэрд об этом знает?

— Что я вне закона? Да, Колам знает. Многие люди в горах Шотландии, похоже, знают об этом. То, что произошло в Форт-Уильяме, вызвало большой шум, а новости распространяются быстро. Они только не знают, что Джейми Мактевиш и есть тот самый человек. Надо надеяться, на меня не наткнется тот, кто встречался со мной, когда я жил под своим именем.

Волосы у него все еще торчали в беспорядке. Мне вдруг захотелось пригладить их, но я удержалась.

— Почему вы так коротко подстригаете волосы? — неожиданно для себя спросила я и покраснела. — Простите, это совсем не мое дело, просто я вижу, что другие мужчины, кого я тут встречаю, носят длинные...

Он провел рукой по взлохмаченной голове и ненадолго задумался.

— У меня они тоже были длинные, как положено. Теперь они короткие, потому что монахи выбрили мне затылок, и надо ждать несколько месяцев, пока волосы отрастут. — Он наклонил голову на грудь и предложил мне посмотреть ему на затылок. — Видите, прямо поперек всего затылка?

Раздвинув густые волосы, я увидела еще розовый и слегка выпуклый рубец от раны длиной примерно в шесть дюймов и слегка провела пальцем по всей длине рубца. Рану хорошо лечили и при этом накладывали швы; тот, кто этим занимался, знал свое дело, — ведь края свежей раны расходились, очевидно, широко, и кровотечение было обильным.

— У вас бывают головные боли? — задала я чисто профессиональный вопрос.

Джейми выпрямился, снова поправил растрепавшиеся волосы. Кивнул.

— Иногда, но теперь уже не такие сильные. Месяц или даже больше после того, как это случилось, я ничего не видел, и голова болела чудовищно все время. Когда ко мне вернулось зрение, головные боли начали ослабевать.

Он несколько раз моргнул, как бы проверяя, хорошо ли видит.

— Глаза иногда затуманиваются, — объяснил он, — если сильно устану. Предметы как-то расплываются по краям.

— Как вы еще живы остались, вот что удивительно, — сказала я. — У вас, должно быть, очень крепкий череп.

— Что верно, то верно. Кости толстые, как у моей сестры.

Мы оба рассмеялись.

— Как же это случилось? — спросила я.

Он нахмурился, и на лице появилось выражение неуверенности.

— В том-то и вопрос, — медленно проговорил он. — Я ничего об этом не помню. Мы тогда были вместе с ребятами из Лох-Лаггана у прохода Кэрриарик. Помню, я начал подниматься вверх по холму через густую чащу, помню, как укололся о шип падуба и подумал, что капли крови напоминают красные ягоды. Следующее мое воспоминание относится уже к монастырю Святой Анны во Франции, где я пришел в себя. В аббатстве Святой Анны де Бопре... Голова у меня гудела, словно колокол, и кто-то, кого я не мог видеть, подал мне прохладительное питье.

Он потер рукой затылок — как будто рана еще болела.

— Иногда мне кажется, я помню какие-то мелочи: лампу у себя над головой, эта лампа раскачивается... сладкий и маслянистый вкус чего-то на губах... кто-то со мной разговаривает... но все это вроде бы не настоящему. Я знаю, что монахи давали мне опиум, и я почти все время спал.

Он прижал пальцами веки закрытых глаз.

— Был сон, который все время повторялся. Три корня растут у меня в голове, большие, извилистые, они прорастают сквозь глаза, опускаются в горло, чтобы задушить меня. Сон тянулся и тянулся, корни извивались и становились все толще и длиннее. В конце концов они становились такими большими, что разрывали мой череп, и я просыпался от звука лопающихся костей. — Он мучительно сморщился. — Такой влажный треск — как выстрелы под водой.

— Уф!

Внезапно на нас упала чья-то тень и обутая в сапог нога ткнула Джейми под ребро.

— Ленивый молодой ублюдок, — без всякого раздражения произнес незнакомец, — сидит и объедается, а лошади бегают где попало. А что, если молодая кобылка сломает ногу, а?

— А что, если я умираю от голода, Алек? — отвечал Джейми. — Ты лучше тоже поешь, тут всего много.

Он взял кусок сыра и вложил его в изуродованные ревматизмом пальцы незнакомца. Пальцы, и без того скрюченные болезнью, сомкнулись на куске медленным движением, а их обладатель уселся на траву.

С неожиданным для меня изяществом манер Джейми представил мне этого человека: Алек Макмагон Макензи, конюший замка Леох.

Приземистый, одетый в кожаные штаны и грубую рубаху, конюший выглядел весьма уверенным в себе, и мне подумалось, что он в состоянии укротить самого непокорного жеребца. У Алека был только один глаз, второй закрыт черной повязкой, и как бы в возмещение этого изъяна брови у него, сросшиеся на переносице, седые, были необычайно густые, а волосы на них очень длинные и постоянно угрожающе двигались, напоминая усики-антенны некоторых насекомых.

Старина Алек (именно так обращался к нему Джейми — должно быть, потому, что надо было обозначить разницу между ним и моим гидом юным Алеком) небрежно кивнул мне и тотчас забыл о моем существовании, разделяя свое внимание между едой и наблюдением за тремя молодыми лошадами на лугу, которые яростно отмахивались хвостами от мух. Я скоро потеряла интерес к начавшейся долгой дискуссии о родословной нескольких несомненно выдающихся лошадей (не тех, что паслись на лугу), о подробностях разведения чистопородных отпрысков за последние несколько лет, а также о непостижимых для меня особенностях лошадиного телосложения — сухожилиях, холках, плечах и тому подобных чертах анатомии. Я замечала у лошади нос, хвост и уши, прочие тонкости были не для меня.

Откинувшись назад, я оперлась на локти и грелась на теплом солнышке. На удивление мирным казался этот день, все шло своим естественным и спокойным путем, без видимой связи с огорчениями и суетой человеческого существования. Быть может, такой вот мир обретаешь на воле, вдали от домов с их шумной толчеей. А может, мне так казалось после работы на огороде, где мной овладевало тихое чувство радости от прикосновения к растениям, удовлетворение оттого, что я помогаю им расти. Вероятно, сыграло свою умиротворяющую роль и то, что для меня нашлось дело, что я теперь не буду топтаться по замку неприкаянной и неуместной, словно клякса на пергаменте.

Несмотря на то что я не принимала участия в беседе на лошадиные темы, здесь, на лугу, я не чувствовала себя неприкаянной. Старина Алек воспринимал меня как некую деталь общего ландшафта, а Джейми, который иногда бросал на меня беглый взгляд, тоже не обращал на меня внимания, особенно после того, как они перешли на гэльский язык, на его скользящие ритмы, — верный признак того, что шотландец эмоционально переключился на сугубо личный разговор. Я, разумеется, ничего не понимала, и их речи успокаивали меня, как успокаивает жужжание пчел.

над цветущим вереском. Удивительно умиротворенная и к тому же сонная, я отбросила прочь все мысли о подозрениях Колама, о моем двусмысленном и затруднительном положении и прочих неприятных вещах. «Довольно для каждого дня своей заботы», — всплыла уже в полусне из каких-то закоулков памяти строка из Евангелия^[13].

Некоторое время спустя я пробудилась — то ли потому, что на солнце набежало облачко и потянуло холодом, то ли оттого, что изменился тон разговора мужчин. Они снова перешли на английский и говорили о чем-то очень серьезном, совсем не так, как болтали о лошадях.

— До собрания осталась всего неделя, — произнес Алек. — Ты, паренек, уже решил, что будешь делать?

Джейми вздохнул протяжно.

— Нет, Алек, не решил. То одно выбираю, то другое. Кажется, лучше было бы остаться работать с животинками и с тобой. — В голосе у него ясно чувствовалась улыбка; но она исчезла, когда он продолжил: — А Колам обещал мне... но ты об этом не должен знать. Поцеловать железо и принять имя Макензи, изменить всему, что мне родное? Нет, мне и думать об этом не хочется.

— Ты такой же упорный, как твой отец, — заметил Алек, но в его голосе прозвучало ворчливое одобрение. — Во всем на него похож, только ростом высокий и волосы светлые, в материнскую родню.

— Ты его знал? — с горячим интересом спросил Джейми.

— Знал немного, а слышал очень много. Я ведь здесь в Леохе появился как раз перед тем, как они поженились, твои родители. Послушать, что говорят о твоём отце Колам и Дугал, так подумаешь, он чуть ли не сам дьявол. А матушка твоя ни дать ни взять Дева Мария, которую он уволок прямо в ад.

Джейми рассмеялся:

— И я похож на него, да?

— Один к одному, паренек. Я ведь вижу, что тебе это поперек горла — быть человеком Колама. Но тут есть о чем поразмыслить, согласен? Дело-то в борьбе за Стюартов, и у Дугала свой путь. Если ты, паренек, правильно выберешь, на чью сторону встать в этой драке, то получишь назад свою землю и кое-что еще в придачу, что бы ни делал Дугал.

Джейми ответил междометием, которое я про себя успела окрестить как «шотландское фыркание» — некий неопределенный звук, который возникал где-то в самой глубине гортани и мог означать все что угодно. В данном конкретном случае он, на мой взгляд, выражал сомнение в вероятности желаемого выхода.

— Да, — проговорил он, — а что, если Дугал не пойдет своим путем, тогда как? Или если все обернется против дома Стюартов?

Алек в свою очередь издал то же самое междометие, прежде чем заговорить:

— Тогда ты останешься здесь, паренек. Станешь конюшим вместо меня. Мне скоро пора на покой, а ты лучше всех, кого я знаю, управляешься с лошадьми.

Джейми хмыкнул — в знак того, что комплимент такого рода ценит очень высоко.

Старший мужчина не обратил внимания на эту помеху и продолжал:

— Макензи относятся к тебе по-доброму, и не в том дело, чтобы ты отказался от своего происхождения, отсекся от собственной крови. Кроме того, есть и еще кое-что, вернее, кое-кто, — в голосе у Алека появились дразнящие нотки: — Например, мисс Лаогера, а?

В ответ послышалось «шотландское фыркание», на этот раз выражавшее некоторое смущение и несогласие.

— Ладно тебе, парень, никто не станет принимать побои вместо девушки, к которой он равнодушен. Ты же знаешь, что ее отец не позволит ей выйти замуж за человека из другого клана.

— Она совсем молоденькая, Алек, я ее просто пожалел, — высказался Джейми в свою защиту. — Только это, и ничего больше, уверяю тебя.

На этот раз Алек выразил фырканием насмешливое недовольство и разразился целой речью:

— Скажи это кому-нибудь еще, парень, может, кто и поверит, у кого мозги не на месте. Ладно, пускай это не Лаогера. Если бы у тебя были деньги и намечалось достойное будущее, ты бы мог сделать выбор и получше. Хоть бы конюшим станешь, так можешь подцепить любую, ежели она первая тебя не подцепит! — Алек пустил коротенький смешок, как человек, которому смеяться приходится редко. — Мухи на мед и то так не слетаются, парень! Ты без гроша и без имени, а девушки все равно вздыхают по тебе, уж я-то знаю! — Снова смешок. — Да возьми хоть эту англичанку, она от тебя прямо не отстает, молодая вдовушка!

Следовало предотвратить возможный поток нежелательных замечаний личного порядка, и я решила, что мне пора официально проснуться. Я потянулась, зевнула и села, старательно протирая глаза, чтобы обратить на себя внимание собеседников.

— Ммм, я, кажется, уснула, — сказала я, прямо глядя на мужчин.

Джейми, у которого покраснели уши, с повышенной деловитостью и озабоченностью принялся убирать остатки еды. Старина Алек уставился на

меня с таким выражением, словно впервые заметил.

— А вы интересуетесь лошадами, барышня? — спросил он.

При данных обстоятельствах я, разумеется, не могла ответить отрицательно. Согласившись с тем, что лошади очень занимательны, я была вынуждена выслушать подробное описание достоинств молодой кобылки в паддоке, которая сейчас была совершенно спокойна и дремала, отдыхая, изредка взмахивая хвостом, чтобы отогнать случайную муху.

— Приходите, барышня, полюбоваться на них, когда вам вздумается, — заключил свое повествование Алек, — только не подходите к ним слишком близко, чтобы они не отвлекались. Они должны работать.

Это был недвусмысленный намек на мое затянувшееся посещение, но я осталась на месте, помня о главной причине моего прихода.

— В следующий раз буду осторожнее, — пообещала я. — Но до того, как я вернусь нынче в замок, мне надо осмотреть плечо Джейми и снять повязку.

Алек медленно наклонил голову, но, к моему удивлению, Джейми не согласился с моим предложением и направился в паддок.

— Это дело может немного подождать, барышня, — обернувшись, сказал он. — Сегодня у меня еще много работы. Может, попозже, после ужина, а?

Мне это показалось тем более странным, что до сих пор он не спешил возвращаться к работе. Но я, конечно же, не могла навязывать ему свою заботу, если он этого не хотел. Я пожала плечами, согласилась встретиться с ним после ужина и пошла по дорожке на холм, к замку.

Я шла и думала о форме шрама на голове у Джейми. То не была прямая линия, какую оставил бы английский плоский меч. Рубец был изогнутый, словно бы нанесенный кривым оружием. Боевая секира? Но насколько я знала, такие секиры носили только члены шотландских кланов.

Я пошла дальше, но вдруг мне пришло в голову еще одно соображение: для молодого человека, который находится в бегах от каких-то неведомых мне врагов, Джейми был примечательно доверителен с незнакомым, чужим ему человеком.

Я отнесла корзинку в кухню и вернулась в кабинет покойного Битона, первозданно чистый после посещения энергичных помощниц мистрисс Фиц. Многочисленные бутылочки на полках шкафа прямо-таки сияли даже при тускловатом свете из окна.

Именно со шкафа и стоило начать ревизию того, какие медикаменты и травы уже есть под рукой. Накануне вечером я некоторое время перед сном листала прихваченную из кабинета книгу в голубом кожаном переплете.

Книга оказалась «Справочником и путеводителем врача», содержащим перечень рецептов для лечения различных симптомов и недомоганий с подробным описанием ингредиентов.

В книге было несколько разделов: «Рвотные средства и лекарственные каши», «Таблетки и пилюли», «Различные пластыри и их употребление», «Декокты и настои», а также весьма обширный раздел, несколько зловеще обозначенный одним словом: «Слабительные».

Углубившись в чтение некоторых прописей, я поняла главную причину неуспеха Дэви Битона как целителя. «При головной боли, — гласила одна пропись, — возьмите шарик конского навоза, тщательно высушите его, разотрите в порошок и, размешав с подогретым элем, выпейте целиком». Через несколько страниц: «Отвар, приготовленный из корней чистотела, куркумы и сока двух сотен слэтерс (это название поставило меня в тупик!) — лучшее средство от желтухи». Я закрыла книгу, изумляясь тому, что значительное число пациентов покойного доктора не только выжило, употребляя прописанные им средства, но к тому же и выздоровело.

На самом видном месте стоял большой кувшин коричневого стекла, содержащий несколько подозрительных на вид шаров. Начитавшись битоновских рецептов, я соображала, что бы это могло быть. Повернув кувшин, я обнаружила на нем написанную от руки этикетку и с торжеством открывателя прочитала: «Конский навоз». Полагая, что подобная субстанция с течением времени не улучшается, я осторожно отставила кувшин в сторону, не открывая его.

Последующее обследование обнаружило, что *Purles ovis* есть не что иное, как латинское обозначение подобной же субстанции, производимой овцами. «Мышиное ушко» оказалось также материей животного происхождения, а не растительного, как я предположила вначале; с некоторым содроганием я отодвинула от себя бутылочку, наполненную высушенными крохотными розовыми ушками.

Я продолжала недоумевать по поводу загадочных «слэтерс», написание этого слова встречалось в нескольких вариантах — «слэтерс», «слеттерс» и «слэ-тирс»; по-видимому, то был важный ингредиент многих лекарств, и я была рада, когда в руки мне попала заткнутая пробкой бутылочка с соответствующей надписью. Она была наполнена до половины чем-то похожим на маленькие серые пилюли. Диаметр они были не более четверти дюйма и такие идеально круглые, что я восхитилась искусством Битона. Я поднесла бутылочку поближе к глазам, подивившись тому, что она очень уж легкая. Тут я разглядела на каждой «пилюле» тоненькие бороздки и микроскопические ножки, сжатые в центре в один

пучок. Я поспешно поставила бутылочку на стол, вытерла руку о передник и мысленно внесла в список открытий еще один пункт: написано «слэтерс» — читай «мокрицы».

В кувшинах Битона содержались и вполне приемлемые вещества, например высушенные травы или экстракты, приготовленные из них, и это могло оказаться полезным в моей практике. Я нашла порошок фиалкового корня и ароматический уксус, которые мистрисс Фиц употребляла для лечения Джейми. Нашла дягиль, полынь и сосуд с загадочной надписью: «Вонючий араг». Я открывала этот сосуд с осторожностью, но там оказались всего-навсего мягкие кончики молодых еловых веток, и из бутылки потянулся приятный бальзамический аромат даже прежде, чем я ее как следует открыла. Я оставила бутылку открытой, чтобы освежить воздух в маленькой темной комнате, а сама продолжала «инвентаризацию».

Я отодвинула в сторону кувшин, полный сушеных улиток, потом емкость с надписью: «Масло из дождевых червей» — надпись соответствовала содержимому, потом «*Vinum millepedatum*» — в кувшине плавали в вине раскрошенные на кусочки многоножки; далее на свет Божий явился «Порошок из египетский мумии», на вид весьма непонятный, но думаю, что местом его происхождения был скорее илистый берег какого-нибудь водоема, нежели гробница фараона; голубиная кровь, муравьиные яйца, высушенные жабы, старательно завернутые в мох, и, наконец, «Человеческий череп, в порошке». Чей то был череп? Бог весть.

Большая часть второй половины дня ушла у меня на обследование шкафа, а потом комода с огромным количеством ящиков и ящичков, в результате чего выставила за дверь множество бутылочек, коробок и прочих емкостей уже со снятыми этикетками — чтобы их куда-то убрали или для чего-то использовали. Значительно меньшее количество пригодных для лечения веществ я снова поместила в шкаф.

Некоторое время я пребывала в раздумье над большим свертком паутины. И «Путеводитель» Битона, и моя собственная память подсказывали, что в народной медицине паутина используется весьма эффективно при перевязке ран. Я была склонна считать подобное употребление паутины негигиеничным, но мой опыт перевязывания ран на обочине дороги показал мне, насколько желательно в таких обстоятельствах иметь под рукой что-то, обладающее одновременно как свойством склеивать, так и свойством абсорбировать. В конце концов я положила паутину в шкаф и решила, что надо найти способ продезинфицировать ее. Не кипятить, подумала я. Возможно, достаточно поддержать над паром — так, чтобы паутина не лишилась клеящих свойств.

Я вытерла руки о передник и задумалась. Я осмотрела почти все, оставался только деревянный ящик у стены. Откинула крышку — и с отвращением отпрянула: такая вонь ударила мне в ноздри.

Ящик хранил в себе принадлежности хирургической практики Битона. В нем находились несколько ужасающих душу пил, ножи, зубила и прочие инструменты, гораздо более пригодные на постройке дома, нежели в деликатном искусстве хирургии. Воняло так ужасно лишь потому, что Дэви Битон не находил никакого смысла в том, чтобы чистить инструменты после употребления. Я невольно сморщилась при виде темных пятен на некоторых лезвиях и захлопнула крышку.

Я подвинула ящик к двери, намереваясь предложить мистрисс Фиц передать отмытые от грязи инструменты плотнику — если в замке таковой, имелся.

Меня насторожил какой-то шум у меня за спиной — и как раз вовремя, чтобы я успела посторониться и не наткнуться на кого-то, вошедшего в комнату. Обернувшись, я увидела двух молодых людей, один из которых прыгал на одной ноге, а второй его поддерживал. Больная нога была обмотана неопрятными на вид тряпками, на которых, проступали пятна крови.

Я огляделась по сторонам, потом указала хромоту на ящик — за неимением ничего более подходящего.

— Садитесь, — предложила я.

Новый целитель замка Леох начинал свою практику.

Глава 8

РАЗВЛЕЧЕНИЯ ОДНОГО ВЕЧЕРА

Я легла в постель в совершенном изнеможении. Но, как ни странно, была чрезвычайно довольна тем, что разобралась в наследстве Битона, что, имея в своем распоряжении ничтожно малое количество медицинских средств, я все же помогла нескольким пациентам, — одним словом, я почувствовала себя нужным и полезным человеком. Ощущая под пальцами плоть и кости, считая пульс, осматривая языки и глазные зрачки, я включилась в привычную рутину, и это несколько приглушило состояние паники, в котором я пребывала с того самого момента, как прошла сквозь камень. В странных обстоятельствах я очутилась и была выбита из колеи — должно быть, поэтому сознание, что я имею дело с реальными людьми, успокаивало меня. У этих людей бились в груди живые сердца, я слышала их дыхание, у них росли волосы, и плоть их под моими пальцами упруго и тепло подавалась. Некоторые из них дурно пахли, завшивели, неизвестно когда мылись, но все это было для меня не ново. Условия ничуть не хуже, чем в полевом госпитале, а что касается травм, то они оказались куда менее серьезными. Мне доставляла радостное удовлетворение возможность облегчить боль, вправить сустав, помочь недужному. Ответственность за здоровье других людей уменьшала чувство собственной беспомощности как жертвы судьбы, забросившей меня сюда, и я была признательна Коламу за его предложение.

Колам Макензи. Поистине странный человек. Культурный, воспитанный до невозможности, думающий, и под всем этим — железная воля и непреклонность, глубоко запрятанные, в отличие от его брата Дугала, у которого эти качества, так сказать, лежали на поверхности. Прирожденный воин. Однако стоило взглянуть на них вместе — и сразу становилось ясно, кто сильнее. Колам был прирожденный вождь — невзирая на физическое убожество.

Синдром Тулуз-Лотрека^[14]. Раньше мне не приходилось видеть подобных больных, но я слышала описание болезни. Названная по имени наиболее известного человека, страдавшего ею (я тут же вспомнила, что этот человек пока еще не родился), она заключалась в дегенеративном изменении костей и соединительной ткани. Жертвы этой болезни нередко рождались нормальными, но уже в раннем подростковом возрасте длинные кости ног не выдерживали тяжести корпуса и начинали разрушаться.

Свидетельствуют об этой болезни, связанной с нарушением обмена веществ, анемичная, бледная кожа, покрытая преждевременными морщинами, а также замеченные мною у Колама сухие, грубые мозоли на пальцах. Поскольку ноги искривились и согнулись, искривился, разумеется, и позвоночник, что причиняло больному постоянные страдания. Лениво перебирая пальцами растрепавшиеся волосы, я припоминала описание болезни подробнее. Низкий лейкоцитоз обуславливает восприимчивость к инфекциям, а это весьма часто приводит к раннему артриту. Из-за недостаточной циркуляции крови и дегенерации соединительной ткани такие больные, как правило, бесплодны, часто страдают импотенцией.

Внезапно я замерла, вспомнив о Хэмише. «Мой сын», — с гордостью произнес Колам, представляя мне мальчика. Ммм, подумала я, возможно, он не импотент. А может, и да. К счастью для Летиции, многие мужчины клана Макензи разительно похожи один на другого.

Мои интересные размышления были прерваны стуком в дверь. Явился один из вездесущих мальчуганов и передал приглашение Колама. В холле состоится исполнение песен, и Макензи просит оказать ему честь моим присутствием, если мне угодно спуститься.

Мне было любопытно снова повидать Колама — в свете моих сегодняшних размышлений. Бросив быстрый взгляд в зеркало и слегка пригладив волосы, я закрыла за собой дверь комнаты и отправилась вслед за моим провожатым в путь по холодному и продуваемому сквозняками коридору.

Вечерний холл выглядел совсем иначе, нежели дневной: укрепленные по стенам горящие сосновые факелы придавали ему праздничный вид; время от времени горящая смола давала ярко-голубую вспышку пламени. Гигантский очаг с его вертелами и котлами утратил буйство, свойственное ему во время ужина, и горел мирно. Пламя лизало два больших полена, скорее даже бревна, ленивыми языками, а вертела были сдвинуты к дымовой трубе.

Столы и скамьи отодвинули, чтобы освободить место у очага; очевидно, здесь и должно было происходить действие, потому что даже резное кресло Колама установили чуть в стороне. Колам уже сидел в нем, на ногах у него был теплый плед, а возле кресла стоял небольшой столик с графином и бокалами на нем.

Заметив, что я замешкалась на пороге, Колам приветливым жестом пригласил меня подойти и занять место на ближайшей к нему скамье.

— Я рад, что вы спустились, мистрисс Клэр, — приятным голосом

возвестил он. — Гуиллин будет рад новому слушателю своих песен, хотя все мы всегда слушаем его с удовольствием.

Я подумала, что вождь клана Макензи выглядит усталым: широкие плечи были опущены, и морщины на лице обозначились глубже.

Я пробормотала нечто маловразумительное и огляделась по сторонам. Люди уже начали сходиться, собирались небольшими кучками поболтать, рассаживались по скамейкам у стен.

— Простите? — Я повернулась и слегка наклонилась к Коламу, так как в шуме разговоров в холле не расслышала его слов.

Он протягивал мне графин, очень красивую вещь из бледно-зеленого хрусталя. Жидкость, заключенная в нем, сквозь стекло казалась густо-зеленой, но, налитая в бокал, приобрела восхитительный бледно-розовый цвет и обладала столь же восхитительным букетом. Вкус соответствовал виду, и я в блаженстве зажмурилась, удерживая напиток во рту и наслаждаясь его ароматом, прежде чем пропустить его в горло.

— Хорошо, не правда ли? — услышала я глубокий голос, в котором звучали веселые ноты.

Открыв глаза, я увидела, что Колам улыбается, глядя на меня с одобрением.

Я открыла рот, чтобы ответить, и обнаружила, что нежная тонкость вкуса была обманчива: вино оказалось настолько крепким, что я не сразу обрела дар речи.

— Чуд... чудесно, — справилась я наконец с задачей.

Колам кивнул:

— Да, совершенно верно. Это рейнвейн. Вам не случалось его пробовать?

Я покачала головой, а он наклонил графин над моим бокалом и вновь наполнил его сияющим розовым напитком. Он взял свой бокал за ножку и поворачивал его перед собой из стороны в сторону, так что огонь очага играл в вине темно-красными вспышками.

— Я вижу, вы знаете толк в вине, — сказал Колам и наклонил бокал, чтобы насладиться богатым виноградным ароматом. — Думаю, это естественно, ведь вы происходите из французской семьи. Или наполовину из французской, если говорить точнее, — поправил он себя, чуть заметно улыбнувшись. — В какой части Франции проживают ваши родственники?

Я помедлила, стараясь обдумать ответ, близкий к истине.

— Это старинное родство и не слишком близкое, — сказала я, — но те родственники, с кем я могу связаться сейчас, живут на севере, возле Компьена.

Внезапное осознание того, что мои родственники и в самом деле обитают возле Компьена, потрясло меня.

— Вот как? Но вы там ни разу не были?

Я поднесла к губам бокал и кивнула в ответ на его вопрос. Прикрыла глаза и глубоко вдохнула в себя запах вина.

— Нет, — заговорила я, не поднимая век. — И даже никогда не видела никого из моих родственников. — Подняв глаза, я увидела, что Колам пристально смотрит на меня. — Я ведь говорила вам об этом.

Он невозмутимо кивнул:

— Да, вы говорили.

Глаза у него были прекрасные, серого цвета, опущенные густыми черными ресницами. Очень привлекательный мужчина Колам Макензи — по крайней мере верхняя его половина. Я перевела взгляд на группу дам у камина, среди которых находилась и жена Колама Летиция; дамы были поглощены беседой с Дугалом Макензи. Тоже привлекательный мужчина, но уже весь целиком.

Я снова повернулась к Коламу, который бездумно созерцал какое-то украшение на стене.

— А еще я говорила вам, — вдруг проговорила я, выводя его из созерцательного транса, — еще я говорила, что хотела бы уехать во Францию как можно скорее.

— И это вы говорили, — подтвердил он любезным тоном и снова взялся за графин, вопросительно приподняв одну бровь.

Я протянула свой бокал, показав, что прошу налить немного, но Колам и на этот раз наполнил изящный сосуд до краев.

— Да, но как я говорил вам, мистрисс Бошан, — сказал он, глядя, как льется вино, — вам лучше задержаться здесь до того времени, когда появятся подходящие условия для вашей поездки. В конце концов, зачем торопиться? Сейчас еще только весна, а месяцы перед осенними штормами более благоприятны для переезда через Ла-Манш. — Он поднял графин и пронзительно посмотрел на меня. — Если бы вы сообщили мне имена ваших родственников во Франции, я мог бы заранее списаться с ними, и они могли бы подготовиться к вашему приезду, а?

Не поддаваясь угрозе, я тем не менее могла лишь пробормотать в ответ нечто неопределенное типа «да-хорошо-возможно-попозже» и, поспешно извинившись, сослалась на то, что мне необходимо до начала концерта кого-то повидать по делу. Гейм и сет остались за Коламом, но это еще не весь матч.

Предлог для моего бегства не был полностью фиктивным, и у меня

ушло порядком времени, прежде чем, блуждая по темным комнатам замка, я нашла нужное мне место. Возвращаясь — все еще с бокалом в руке — я вышла к освещенному входу в холл, но тотчас обнаружила, что это нижний вход, дальний от того, возле которого сидит в своем кресле Колам. Учитывая обстоятельства, это меня вполне устроило, и я незаметно пробралась в длинную комнату, не без труда протолкалась к одной из скамеек у стены, обходя то одну, то другую группку людей.

В верхнем конце зала я увидела щуплого человека, который, судя по тому, что он держал в руках небольшую арфу, и был бардом Гуиллином. По мановению руки Колама слуга поспешил принести барду стул, на который тот уселся и принялся настраивать арфу, легкими движениями касаясь струн и приложив ухо к инструменту. Колам налил из своего графина бокал вина и, жестом подозвав к себе слугу, передал с ним бокал барду.

— «Он потребовал дудку, он потребовал чашу и три скрипки велел принести-и-и», — непочтительно, хоть и негромко пропела я и встретила недоуменный взгляд Лаогеры.

Она сидела неподалеку; у нее за спиной на стене висел гобелен с изображением охоты, вернее, погони шести длиннотелых, косоглазых собак за одним-единственным зайцем.

— Не слишком ли много на одного, как вам кажется? — весело спросила я у девушки и плюхнулась рядом с ней на скамью.

— О д-да, — робко отозвалась она и слегка от меня отодвинулась.

Я попыталась втянуть ее в дружеский разговор, но она отвечала односложными междометиями, краснея и замирая, едва я обращалась к ней. Скоро мне это надоело, и я сосредоточила внимание на сцене в конце зала.

Настроив арфу, Гуиллин вытащил из своей куртки три деревянные флейты разного размера и положил их на маленький столик поблизости от себя.

Я вдруг заметила, что Лаогера отнюдь не разделяет моего интереса к певцу и его инструментам. Она как-то вся напряглась и все посматривала через мое плечо на проход в нижней части холла, одновременно откинувшись назад и прячась в тени под гобеленом от любопытных взоров.

Проследив за направлением ее взглядов, я увидела высокую, рыжеголовую фигуру Джейми Мактевиша, только что вошедшего в холл.

— Ах вот оно что! Галантный герой! Влюблены в него, да? — обратилась я к девушке.

Она отчаянно затрясла головой, но яркий румянец на щеках говорил сам за себя.

— Отлично, посмотрим, что мы можем сделать, хорошо? — воскликнула я, полная воодушевления и великодушия.

Я встала и весело замахала Джейми, чтобы привлечь его внимание. Заметив мой сигнал, молодой человек, улыбаясь, начал протискиваться к нам сквозь толпу. Я не знаю, что произошло тогда во дворе между ним и Лаогерой, но сейчас он поздоровался с ней сдержанно, хоть и вполне приветливо. Мне он поклонился несколько свободнее, впрочем, наши отношения достигли уже такой степени близости, что вряд ли он стал бы обращаться ко мне как к малознакомому человеку.

Несколько пробных аккордов возвестили о близком начале выступления, и мы поспешно заняли места, причем Джейми уселся между мною и Лаогерой.

Гиуллин был мужчина неприметной наружности и хрупкого сложения; волосы какого-то серого, мышиного оттенка. Но вы переставали это замечать, когда он начинал петь. Зрение присутствующих как бы отключалось, а уши радостно воспринимали звуки. Гиуллин начал с простой песни; он исполнял ее по-гэльски, четко передавая каждую строку и подчеркивая ее окончание прикосновением к струнам арфы, и это музыкальное сопровождение воспринималось как гармоническое эхо слов, как переход от одной поэтической строки к другой. И голос был обманчиво простой. Вначале вам казалось, что в нем нет ничего особенного: голос приятный, но не сильный. Но потом вы ощущали, что звук проникает в самую глубину вашего существа, что каждый слог кристально чист и ясен, и не важно, понимаете ли вы язык песни или нет — она в вас, она звенит у вас в голове.

Песня была встречена горячими аплодисментами, и певец тотчас перешел к другой, которую пел на уэльском языке^[15] — так, во всяком случае, я решила. Для меня это звучало как мелодичное полоскание горла, но все вокруг меня отлично понимали песню — вероятно, слышали ее раньше.

Во время короткого перерыва, когда певец снова настраивал арфу, я тихонько спросила у Джейми, давно ли Гиуллин живет в замке, но тут же спохватилась:

— Ох, вы же не можете этого знать? Вы сами здесь недавно.

— Я бывал в замке и прежде, — ответил он, повернувшись ко мне. — Провел в Леохе год, когда мне было шестнадцать, и Гиуллин тогда был в замке. Колам любит его музыку и хорошо платит, чтобы удержать его тут. Иначе нельзя — валлиец будет желанным гостем у очага любого лэрда.

— А я помню, что вы были здесь.

Это сказала Лаогера — вся покраснев, она тем не менее вступила в разговор.

Джейми взглянул на нее и улыбнулся одними уголками губ.

— Неужели? Но вам тогда было не больше семи или восьми лет. Не думаю, что я в то время так уж выделялся среди других, чтобы вы меня запомнили. — И Джейми снова повернулся ко мне; — Вы понимаете по-валлийски?

— А я все-таки помню, — не унималась Лаогера. — Вы были... э... я имею в виду... а вы меня не помните?

Ее пальцы нервно перебирали складки платья; я заметила, что ногти у нее обкусанные.

Внимание Джейми тем временем привлекла группа людей у противоположной стены, которые о чем-то спорили по-гэльски.

— Что? — спохватился он. — Нет, не думаю, чтобы помнил. — Он с улыбкой посмотрел на девушку. — Не похоже на то. Шестнадцатилетний парень настолько поглощен своей собственной персоной, что не обращает никакого внимания на тех, кого он считает кучкой мокроносых ребятишек.

Я поняла, что эту реплику он скорее адресовал самому себе, нежели своей собеседнице, однако эффект вышел не совсем тот, на который он рассчитывал. Я поняла, что наступившая пауза необходима Лаогере, чтобы овладеть собой, и поспешила нарушить молчание:

— Нет, я совсем не знаю уэльского, или, как вы его называете, валлийского. А вы понимаете, о чем он поет?

— Конечно. — И Джейми принялся делать дословный перевод песни на английский.

То была старинная баллада о юноше, который полюбил девушку, но считал себя недостойным ее, так как был беден. Он уплыл в море, чтобы добыть богатство. Потерпел кораблекрушение. Ему угрожали морские змеи, его чаровали русалки, он испытал множество приключений, нашел сокровище, но когда вернулся домой, то узнал, что его любимая вышла замуж за его лучшего друга, который хоть и был не богат, но более разумен.

— А что предпочли бы вы? — спросила я у Джейми, чтобы немного подразнить его. — Не решились бы жениться без денег или взяли бы девушку за себя, а деньги послали ко всем чертям?

Мой вопрос чрезвычайно заинтересовал Лаогеру — делая вид, что вся поглощена звуками флейты, на которой теперь играл Гуиллин, она наклонила голову в сторону Джейми, чтобы услышать ответ.

— Я? — Вопрос явно позабавил Джейми. — Ну, поскольку денег у меня сейчас нет и к тому же нет никаких шансов занять их в будущем, я,

наверное, был бы счастлив, если бы девушка захотела выйти за меня и без денег. — Он с улыбкой покачал головой. — Терпеть не могу морских змей.

Он собирался сказать что-то еще, но был остановлен Лаогерой, которая положила руку ему на рукав, но тотчас отдернула ее, покраснев, словно дотронулась до раскаленного железа.

— Шшш, — прошипела она, — он, кажется, начинает рассказывать. Вы не хотите послушать?

— А, да. — Джейми слегка наклонился вперед в ожидании, однако, сообразив, что помешает мне видеть происходящее, настоял, чтобы я пересела рядом с ним по другую сторону, и попросил Лаогеру подвинуться на край скамьи. Я заметила, что девушка ничуть не обрадовалась такому перемещению, и попробовала протестовать, уверяя, что мне и так хорошо, но Джейми твердо стоял на своем:

— Нет, отсюда вам будет лучше видно и слышно. Кроме того, если он будет говорить по-гэльски, я стану переводить вам на ухо.

Каждую песню барда слушатели сопровождали аплодисментами, но, когда он просто играл на арфе, люди в зале тихонько переговаривались, и оттого высокие мелодичные звуки арфы как бы сопровождались глубоким низким гудением. Теперь же по залу пронесся общий шорох ожидания. Голос у Гуиллина, когда он заговорил, оказался такой же чистый и ясный, как во время пения, каждое слово было слышно во всех уголках высокого помещения без напряжения.

— Это было давно, двести лет назад... — Он заговорил по-английски, и я испытала внезапное ощущение *deja-vu*. Точно так же начинал рассказывать легенды наш гид, когда мы ездили на Лох-Несс.

Гуиллин рассказывал историю не о героях и духах, но о гномах. — Маленьком Народце.

— Один из кланов Маленького Народца обитал возле Дандреггана, — начал он. — Этот холм называли так, потому что на нем жил дракон, которого убил Фьонн и похоронил на том же месте^[16]. После того, как Фьонн и Финн ушли отсюда, в глубине холма поселились гномы, и захотелось им заполучить в кормилицы для своих волшебных деток матерей настоящих мужчин, ибо мужчины обладали такими свойствами, каких нет у гномов, и Маленький Народец считал, что такие свойства перейдут к их малышам с молоком кормилиц.

И вот Эван Макдональд из Дандреггана пас однажды ночью своих коней, а в эту ночь жена родила ему сына-первенца. Налетел порыв ночного ветра и принес Эвану вздох его жены. Она вздыхала точно так, как перед рождением ребенка, и, услышав ее вздох теперь, Эван Макдональд

метнул свой нож навстречу ветру во имя Святой Троицы. И его жена упала невредимой на землю рядом с ним.

В заключение рассказа послышалось всеобщее восхищенное «ах!», а Гуиллин перешел к дальнейшим историям об уме и изобретательности гномов, об их отношениях с миром людей. Он переходил с английского на гэльский — в зависимости от того, какой из них казался ему более подходящим к ритму повествования, потому что не в одном лишь содержании была суть, но и в красоте изложения. Как и обещал, Джейми негромко переводил мне с гэльского, так легко и быстро, что я решила: он эти истории слышал уже не раз.

Одну из легенд я про себя отметила особо. Вот она: некий человек поднялся на холм ночью и услышал, как женщина поет грустно и заунывно песню где-то под камнями волшебного холма. Человек прислушался получше и разобрал слова:

«Я супруга лэрда Балнэйна, Похитили гномы меня...»

Мужчина поспешил в дом Балнэйна и узнал, что хозяин куда-то уехал, а его жена и маленький сын исчезли. Человек разыскал священника и привел его на волшебный холм. Священник проклял камни холма и окропил их святой водой. Тотчас тьма ночная сгустилась и загремел гром. После этого луна вышла из-за облаков и осветила женщину, жену Балнэйна, которая без сил лежала на траве с маленьким сыном на руках. Женщина так устала, словно прошла длинный путь, но она не помнила, где была и как туда попала.

У присутствующих в холле тоже было что порассказать; Гуиллин сидел на своем стуле и потягивал винцо, пока другие рассказчики выходили по очереди к камину и каждый излагал свое, вызывая неизменное восхищение в зале.

Многие из этих историй я слушала вполуха. Все это и вправду было восхитительно, но мысли мои не давали мне покоя, крутились в голове в полном беспорядке под воздействием вина, музыки и волшебных сказок.

«В шотландских сказаниях все происходит непременно двести лет назад... — прозвучал у меня в ушах голос почтенного Уэйкфилда. — Это все равно что сказать „давным-давно в старину“ — так ведь начинаются английские сказки, верно?»

Женщина угодила в каменную ловушку на волшебном холме, побывала далеко и вернулась без сил, но неизвестно, где она была и как туда попала.

Я почувствовала, что волосы у меня на голове поднялись, словно от холода, и кое-как пригладила их. Двести лет назад. С 1945-го по 1743-й —

достаточно точно. А женщины, которые проходили сквозь камень... Всегда ли это были женщины?

И еще кое-что пришло мне в голову. Женщины возвращались. Святая вода помогала этому, проклятия или нож, но они возвращались. Я должна вернуться к стоячим камням Крэг-на-Дуна... Вдруг это возможно... хотя бы вероятно... Я ощутила растущее возбуждение и одновременно тошноту. Потянулась за бокалом с вином, чтобы успокоить себя.

— Осторожно!

Я ощупью ухватила за край почти полного бокала, который неосмотрительно. Оставила прямо на скамейке возле себя. Длинная рука Джейми перекинулась через мои колени и едва удержала бокал от падения на пол. Он приподнял бокал, бережно держа его двумя сильными и крупными пальцами, поводит перед носом из стороны в сторону, принюхиваясь, потом передал мне. Вздернул брови.

— Рейнское вино, — только и могла пролепетать я.

— Да, я знаю, — отозвался он, поглядывая на меня лукаво. — Вино Колама, верно?

— Ну да. Хотите попробовать? Оно очень хорошее. — Неуверенной рукой я протянула ему вино. Он немного помедлил, но взял бокал и пригубил немного.

— Да, хорошее, — сказал он, возвращая мне бокал. — К тому же двойной крепости. Колам пьет его по ночам, когда у него ноют ноги. Сколько вы выпили? — спросил он, близко наклоняясь ко мне.

— Два, нет, три бокала, — с некоторой гордостью за себя ответила я. — Вы имеете в виду, то есть вы считаете, что я пьяна?

— Нет, — ответил он. — Я удивлен, что вы не пьяны. Большинство из тех, кто пьет его с Коламом, валится под стол после второго бокала.

Он забрал у меня вино и, наклонив бокал, медленно выпил его сам.

— Достаточно, — твердо произнес он. — Думаю, вам пить больше не следует, иначе вы не сможете подняться по лестнице.

Он протянул пустой бокал Лаогере, не глядя на нее.

— Отнесите это, барышня, — небрежно проговорил он. — Уже поздно. Я, пожалуй, провожу мистрисс Бошан в ее комнату.

Он взял меня под руку и повел к выходу, а девушка стояла и смотрела нам вслед с таким выражением, заметив которое я порадовалась, что взглядом нельзя убить.

Джейми довел меня до дверей моей комнаты и, к моему удивлению, вошел следом за мной. Но удивление испарилось, когда он, закрыв за собой дверь, начал стягивать рубашку. Я забыла о повязке, которую хотела снять

еще два дня назад.

— Я был бы рад избавиться от этого, — сказал он, проводя пальцами по сбруе из вискозы и полотна. — Целыми днями щекочет и натирает кожу.

— Удивляюсь, почему вы не сняли повязку сами, — ответила я и начала распутывать узлы.

— Боялся после того, как вы меня изругали, когда перевязывали в первый раз, — ответил он, глядя на меня с высоты своего роста и нахально ухмыляясь. — Думал, вы надаете мне по заднице, если я дотронусь до повязки.

— Я вам сейчас надаю, если вы не сядете и не будете вести себя спокойно, — полушутя-полусерьезно сказала я и, надавив обеими руками на его здоровое плечо, усадила на стул возле кровати.

Я сняла всю сбрую и осторожно ощупала сустав. Опухоль еще не совсем сошла, и кровоподтек был замечен, но, к моей большой радости, порванных мышц я не обнаружила.

— Если вам так не терпелось избавиться от этого, почему вы не позволили мне сделать это вчера днем?

Меня сильно озадачило его тогдашнее поведение в паддоке — тем более это казалось странным теперь, когда я увидела, что грубые края полотняных бинтов стерли кожу чуть ли не до ссадин. Повязку я снимала очень осторожно, но под ней все было в порядке.

Джейми покосился на меня, потом застенчиво опустил глаза:

— Видите ли... ну, я просто не хотел снимать рубашку при Алеке.

— Вы такой скромник? — сухо спросила я и попросила его поднять и опустить руку, чтобы проверить подвижность сустава.

Он слегка поморщился от усилия, но на мою реплику тотчас улыбнулся.

— Если бы так, то я вряд ли сидел бы в вашей комнате полуголый, верно? Нет, это из-за рубцов у меня на спине. — Заметив мое удивление, он начал объяснять: — Алек знает, кто я такой, то есть он знает, что меня пороли, но рубцов он не видел. Но знать о чем-то и видеть собственными глазами — разные вещи.

Он осторожно, отведя взгляд в сторону, дотронулся до больного плеча. Хмуро уставился в пол.

— Это, как бы вам сказать... может, вам непонятно, что я хочу сказать. Ну, предположим, вы знаете, что какой-то человек пострадал, это просто одна из тех вещей, которые вы о нем знаете, и это не играет роли в ваших отношениях. Алеку известно, что меня пороли, так же, как ему известно, что у меня рыжие волосы, и это не влияет на его отношение ко мне. Но

если вы увидите собственными глазами... — Он запнулся, подыскивая нужные слова. — Это... нечто личное, может быть, так следует назвать. Я считаю... если бы он увидел рубцы, то уже не мог бы смотреть на меня и не думать о моей спине. И я понимал бы, что он о ней всегда думает, и сам все время вспоминал бы, и...

Он пожал плечами и умолк.

— Ну вот, — заговорил он снова. — Глупо все это объяснять, верно? Просто я очень уж чувствителен к таким вещам. В конце концов, сам-то я этого не видел, может, оно выглядит совсем не так ужасно, как мне кажется.

— А вы не возражали бы, если бы я осмотрела вашу спину?

— Нет, не возражал бы. — Он даже как будто немного удивился и несколько секунд молчал, обдумывая это. — Наверное, потому, что вы как-то умеете дать понять... короче, вы сочувствуете мне, но не жалеете меня, и я это понимаю.

Он сидел терпеливо и неподвижно, пока я крутилась возле него, осматривая спину. Не знаю, насколько скверным он считал это сам, но это было достаточно скверно. Даже при свете свечей, даже после того, как я бегло видела его рубцы однажды, я все равно ужасалась. Впрочем, раньше я видела лишь одно плечо. Рубцы же покрывали всю спину от плеч до пояса. Многие из них побелели и превратились в тонкие светлые полоски, но были и такие, которые образовали как бы утолщенные белые клинья, пересекавшие мускулы. С некоторым сожалением я подумала, что в свое время у Джейми была необычайно красивая спина. Кожа светлая и свежая, линии костей и мышц мощные и гармоничные даже теперь, плечи широкие, прямые, а позвоночник — словно гибкий глубокий желоб между округлыми колоннами мышц.

Джейми был прав. Глядя на эти чудовищные следы насилия, нельзя было не представлять себе действие, которое их оставило. Я старалась не думать о том, что эти вот мускулистые руки были вытянуты, распластаны и связаны, медно-рыжая голова поникла в агонии, прижатая к столбу, но рубцы, на которые я сейчас смотрела, невольно вызывали в воображении ужасные картины. Кричал ли он, когда они делали это? Я прогнала такую мысль немедленно. Я слышала рассказы, доходившие до нас из послевоенной Германии, о мучениях куда более страшных, но он был прав: слышать — совсем не то, что видеть.

Я невольно стала дотрагиваться до рубцов, как бы пытаюсь своими прикосновениями стереть отметины. Джейми глубоко вдохнул, но не двинулся, когда я трогала самые страшные шрамы, один за другим, будто

бы показывая ему то, чего он сам не мог увидеть. Наконец я положила руки ему на плечи и замерла в молчании, ища слова.

Он накрыл мою руку своей и легонько сжал ее, давая мне почувствовать тем самым, что понимает, о чем я молчу, не находя слов.

— С другими случались вещи и похуже, — произнес он тихо и будто снял злые чары. — Она вроде бы заживает, — продолжал он, пытаясь разглядеть рану на плече. — Почти совсем не болит.

— Это хорошо, — согласилась я, откашлявшись, чтобы устранить некое препятствие в горле. — Заживает отлично, корочка сухая, никакого нагноения. Держите рану в чистоте и в ближайшие дни старайтесь по возможности не напрягать руку.

Я похлопала его по здоровому плечу в знак того, что отпускаю с миром. Он надел рубашку без моей помощи, заправив длинный подол в килт.

Был один неловкий момент, когда он задержался у выхода, кажется, собираясь что-то сказать на прощанье. Наконец просто пригласил завтра прийти в конюшню посмотреть новорожденного жеребенка. Я пообещала, что приду, и мы в один голос пожелали друг другу спокойной ночи. Засмеялись и кивнули, когда я закрывала дверь. Я сразу легла в постель, еще не совсем протрезвевшая, и видела какие-то несусветные сны, которые утром не могла вспомнить.

На следующий день с утра я долго принимала пациентов, потом обшарила кладовую в поисках целебных трав для пополнения моей аптеки, записала — соблюдая правила — подробности сегодняшнего приема в черную книгу Дэви Битона и только после этого покинула свой тесный кабинет в жажде свежего воздуха и свободных телодвижений.

Вокруг никого не было, и я воспользовалась возможностью осмотреть верхние помещения замка; я заглядывала в пустующие комнаты, поднимаясь по винтовым лестницам, и составляла в уме план замка. План, по правде говоря, получался весьма беспорядочный. Столько пристроек и пристроечек появилось с течением лет, что невозможно было определить, каким был первоначальный замысел постройки. Вот в этом зале, например, находился альков, к которому вела особая лестница, но который был слишком мал, чтобы считаться самостоятельной комнатой.

Альков был частично скрыт занавеской из полосатого полотна; я бы миновала его, не задерживаясь, если бы мое внимание не привлекло нечто белое, мелькнувшее из-под занавески. Я остановилась и заглянула внутрь — узнать, что там такое. «Такое» оказалось белым рукавом рубашки Джейми, прижавшего к себе девушку и целующего ее. Девушка сидела у

него на коленях, и ее золотистые волосы отражали проникший за занавеску солнечный луч, словно спинка форели в ручье в утренний час.

Я замерла, не зная, как себя повести. У меня не было ни малейшего желания подглядывать, за ними, но я опасалась, что мои шаги по каменным плитам пола привлекут их внимание. Пока я медлила, Джейми расслабил объятие и поднял голову. Наши глаза встретились; узнав меня, он сразу успокоился, и вспыхнувшее было на лице выражение тревоги исчезло. Приподняв брови и чуть заметно пожав плечами, он усадил девушку поудобнее у себя на коленях и продолжил свое занятие. Я отступила и на цыпочках удалилась прочь. Это не мое дело. Однако я полагала, что и Колам, и отец девицы сочтут подобного «принца-консорта» весьма нежелательным. Если парочка не станет выбирать менее опасные места для встреч, то как бы не пришлось Джейми принять еще раз побои уже на свой собственный счет.

За ужином в этот, день я увидела его вместе с Алеком и уселась напротив них за длинным столом. Джейми поздоровался со мной вполне приветливо, но в глазах его была некая напряженность. Старина Алек удостоил меня своего обычного «мм-ф-м». Женщины, как он объяснил мне в паддоке, ничего не понимают в лошадях, так что с ними и говорить не о чем.

— Успешно ли идет укрощение лошадей? — спросила я, чтобы прервать хоть ненадолго механическое движение челюстей на противоположной стороне стола.

— Вполне успешно, — отозвался Джейми.

Я поглядела прямо на него поверх блюда с отварной репой.

— У вас губы сильно припухли, Джейми. Это лошадь вас ударила? — спросила я не без ехидства.

— Ага, — ответил он, сощурившись. — Мордой ткнула, чуть я отвернулся.

Он говорил спокойно, однако тяжелая нога надавила под столом на кончик моей туфли. Надавила слегка, но все было ясно.

— Как скверно, — посочувствовала я с самым невинным выражением. — Ваши кобылки могут быть опасны.

Нога нажала сильнее, когда Алек вмешался в разговор:

— Кобылки? Но ты вроде с кобылами сейчас не работаешь, а, паренек?

Я попробовала воспользоваться другой ногой как рычагом, чтобы столкнуть тяжелый сапог; это не помогло, тогда я с силой пнула Джейми в лодыжку. Он дернулся и убрал ногу.

— Что это с тобой? — поинтересовался Алек.

— Язык прикусил, — ответил Джейми, глядя на меня поверх руки, которой он прикрыл рот.

— Ну и нескладный же ты дуралей! Чего еще ждать от идиота, который вовремя не может от лошади увернуться... — И Алек приступил к долгому обличению своего помощника в неуклюжести, лени, глупости и вообще всяческой неспособности. Джейми, наименее неуклюжий человек из всех, кого я знала, опустил голову и продолжал бесстрастно пережевывать пищу в течение всей этой обвинительной речи, но щеки у него горели огнем. Что касается меня, то весь остаток трапезы я провела, скромно опустив глаза в тарелку.

Джейми отказался от второй порции тушеного мяса и поспешно покинул стол, не дослушав тираду Алека. Несколько минут я и старый конюх жевали молча. Вытерев тарелку последним кусочком хлеба, Алек отправил его в рот и откинулся назад, сардонически поглядывая на меня своим единственным голубым глазом.

— Вы бы не дразнили парня, мой вам совет, — заявил он. — Ежели ее отец или Колам дознаются про это дело, Джейми заработает побольше, чем синяк под глазом.

— Жену, например? — сказала я, глядя ему в лицо. Он медленно кивнул.

— Возможно. А это не такая жена, которая ему нужна.

— Неужели? — Я удивилась его суждению — тем более после подслушанных мною в паддоке, замечаний Алека.

— Ни в коем случае. Ему нужна настоящая женщина, а не девчонка. Лаогера останется девчонкой и в пятьдесят лет. — Суровый рот изобразил некое подобие улыбки. — Вы, видно, думаете, что я всю жизнь провел в конюшне. Но у меня была жена, стоящая женщина, и разницу я понимаю очень даже хорошо. — Голубой глаз вспыхнул, когда Алек поднялся со скамейки. — И вы тоже, барышня.

Я невольно подняла руку, чтобы задержать его.

— Откуда вы узнали... — начала я, но Алек насмешливо фыркнул.

— У меня только один глаз, барышня, но это не значит, что я слепой.

И он удалился, фыркнув еще раз на прощанье.

Я вскоре тоже ушла и, поднимаясь по лестнице к себе в комнату, размышляла, что хотел сказать старый лошадиник своей последней репликой — если он действительно хотел.

Глава 9

СОБРАНИЕ

Жизнь моя не то чтобы вошла в определенную колею, но приобрела некую стабильность. Я подымалась на заре вместе со всеми другими обитателями замка, завтракала в Большом Холле, и если у мистрисс Фиц не оказывалось пациентов, которых я должна была посмотреть, то я отправлялась работать на один из обширных замковых огородов. Еще несколько женщин работали там постоянно, им помогала целая фаланга мальчишек разного роста и возраста; мальчишки бегали повсюду, увозили мусор и притаскивали инструменты для работы, они же приносили в корзинах навоз. На огородах я бывала примерно через день, иногда помогала на кухне делать заготовки из плодов нового урожая и просто блюда для ежедневного стола, пока какой-нибудь медицинский казус не призывал меня вернуться в мое Убежище, как я про себя называла кабинет ужасов покойного Битона.

Иногда я пользовалась приглашением Алека и навещала конюшни или паддок, радуясь тому, как лошади сбрасывают с себя клочья свалявшейся зимней шерсти и на весенней травке становятся такими гладкими и блестящими.

Были вечера, когда я сразу после ужина валилась в постель, измотанная целодневной работой. В иные дни, если у меня не опускались веки от усталости, я посещала ассамблеи в Большом Холле, чтобы послушать вечерние песнопения или рассказы, игру на арфе и на волынке. Валлийского барда Гуиллина я могла слушать часами как зачарованная, несмотря на то, что в большинстве случаев не понимала слов.

Обитатели замка начали привыкать к моему присутствию, а я — к ним, кое-кто из женщин делал робкие попытки подружиться со мной и вовлечь меня в свои разговоры. Их снedaло любопытство, но на все их расспросы я отвечала, варьируя историю, которую рассказала Коламу, и через некоторое время они смирились с тем, что больше им ничего не узнать. Обнаружив, что я разбираюсь в медицине и в лечении, они проявили к этому значительный интерес и принялись донимать меня вопросами о недомоганиях их детей, мужей и домашних животных, не делая особых различий по важности между двумя последними.

Помимо обыденных расспросов и болтовни, немало серьезных разговоров велось о предстоящем Собрании, о котором я впервые услышала

от Алека в паддоке. Я пришла к заключению, что это событие весьма значительное, и стала внимательно наблюдать за приготовлениями к нему. Продовольствие в огромные кухни текло непрерывным потоком; больше двадцати ободранных туш висело под навесом, возле которого резали скот, их окуривали приятно пахнущим дымом, отгоняя мух. На телегах привозили большие бочки эля и спускали их в подвалы, с деревенской мельницы доставляли мешки с отличной мукой, а из садов, разбитых за стенами замка, приносили корзины вишен и абрикосов.

Меня пригласили принять участие в одной из этих экспедиций за ягодами и фруктами вместе с другими молодыми женщинами из замка; я откликнулась на приглашение с радостью: так хотелось вырваться из мрачной тени замковых стен.

В саду было чудесно, я с восторгом бродила между деревьями в прохладной дымке шотландского утра, нащупывая во влажной листве темно-алые вишни и пушистые округлые абрикосы, осторожно проверяя, насколько они спелые. Мы собирали только самые лучшие, складывали их в корзины сочными грудками, ели, сколько душе угодно, а все остальное сносили в замок, где из плодов готовили торты и пироги. Просторные полки кладовых были заставлены сладостями, напитками и разными деликатесами.

— Сколько народу обычно прибывает на Собрание? — спросила я у Магдален, одной из девушек, с которыми я подружилась.

Она сморщила веснушчатый носик и задумалась.

— Я точно не знаю, — сказала она. — Последнее большое Собрание было в Леохе больше двадцати лет назад, и тогда приехало... ой, наверное, зарубок^[17] десять мужчин. Тогда умер старый Джейкоб и дэрдом стал Колам. В этом году, может, приедет народу побольше, потому что урожай хороший и у людей денежки завелись, так что многие привезут с собой жен и детей.

Участники Собрания уже начали прибывать в замок, хотя я слышала, что официальная часть Собрания, принятие присяги, тинчал и игры состоятся только через несколько дней. Наиболее известные крупные и мелкие арендаторы Колама разместились в самом замке, в то время как люд победнее и батраки разбили лагерь на поле под паром вдоль берега речки, которая питала замковый пруд. Бродячие лудильщики, цыгане, торговцы разным мелким товаром устроили нечто вроде ярмарки поблизости от моста. Обитатели замка, так же как и жители близлежащей деревни, посещали это место по вечерам, окончив дневную работу; они покупали инструменты, украшения и прочее, смотрели представления фокусников и

узнавали последние сплетни.

Я внимательно следила за тем, кто и когда приезжает, а кто уезжает, и поставила себе за правило почаще бывать в конюшне и паддоке. Лошадей там теперь было множество, потому что конюшнями замка пользовались и приезжие. Мне думалось, что в суете и толчее Собрания нетрудно будет найти возможность бежать.

Во время одного из походов за фруктами в сад я впервые повстречалась с Джейлис Дункан. Я как раз нашла небольшую кучку грибов *Ascaria* под ольхой, у самых корней, и решила поискать еще. Грибы с темно-алыми шляпками так и росли кучками по несколько штук — четыре, пять, — кое-где они притаились и в высокой траве этой части сада. Голоса женщин, собирающих фрукты, доносились до меня все слабее по мере того, как я продвигалась к границе сада, время от времени опускаясь на колени, чтобы обломить хрупкие ножки.

— А ведь они ядовитые, — произнес чей-то голос у меня за спиной.

Я распрямилась — и крепко ударилась головой о ветку сосны, под которой росли грибы.

Когда мое зрение прояснилось, я увидела, что так звонко смеется высокая молодая женщина, возможно, на несколько лет старше меня, светловолосая и со светлой кожей и удивительно красивыми зелеными глазами — красивее ее глаз я в жизни не встречала.

— Простите, что смеюсь над вами, — извинилась она, и на щеках у нее заиграли ямочки. — Ничего не могу с собой поделать.

Она спустилась в неглубокую впадину, в которой я стояла.

— Я представляю, что выглядела достаточно смешно, — неловко ответила я, потирая ладонью ушибленную макушку. — Спасибо вам за предостережение, но мне известно, что эти грибы ядовиты.

— Ах вот как? Вы знаете об этом? От кого же вы хотите избавиться с их помощью? Может быть, от мужа? Сообщите мне, если у вас получится, и я тогда попробую на своем.

Улыбка у нее была такая заразительная, что я невольно улыбнулась в ответ.

Я объяснила, что сырые грибы и в самом деле ядовиты, но если их высушить и растереть в порошок, то можно приготовить лекарство, которое прекрасно останавливает кровотечение, если его приложить к ране. Так, во всяком случае, говорила мистрисс Фиц, а ей я верила куда больше, чем «Путеводителю» Битона.

— Это любопытно, — сказала женщина, все еще улыбаясь. — А вы знаете, что вот это, — она нагнулась и тотчас выпрямилась, протягивая мне

пучок мелких голубых цветочков с сердцевидными листьями, — вызывает кровотечение?

— Нет, — с удивлением ответила я. — Но зачем кому-то понадобилось бы вызывать кровотечение?

Она поглядела на меня с выражением иссякающего терпения.

— Затем, чтобы избавиться от ребенка, которого вы не хотите рожать. Это помогает, но только если принять вовремя, то есть при маленьком сроке. Опоздаете — и оно может убить вас вместе с ребенком.

— Кажется, вы много знаете о таких вещах, — заметила я, все еще не придя в себя из-за дурацкого положения, в котором оказалась перед этой женщиной в момент нашего знакомства.

— Кое-что знаю. Девушки из деревни время от времени обращаются ко мне, а иногда и замужние женщины. Они считают меня колдуньей, — прибавила она, широко раскрывая глаза в притворном изумлении, и снова улыбнулась. — Но мой муж — помощник окружного прокурора, так что слишком громко они болтать не смеют... Ко мне не раз обращались за приворотным зельем для того молодого человека, с которым вы вместе приехали. Он ваш?

— Мой? Кто? Вы имеете в виду... Джейми? Молодую женщину, казалось, позабавило мое удивление. Она уселась на бревно и принялась медленно и лениво накручивать светлый локон на указательный палец.

— Ну да. Кое-кто не прочь заполучить парня с такими глазами и волосами, как у него, несмотря на то, что за его голову назначена награда и что у него самого денег ни гроша. Но их папаши, конечно, судят по-иному. — Устремив взор куда-то вдаль, она продолжала: — Вот, например, я — женщина практичная. Вышла за человека, у которого хороший дом, деньги и положение. Волос у него совсем нет, а что касается глаз, на них я никогда не обращала внимания, они меня не волнуют.

Она протянула мне свою корзину, на дне которой лежали четыре клубневидных корня.

— Это корни мальвы, — пояснила она. — Мой муж мается животом. Пердит не хуже быка.

Я решила, что пора переменить тему разговора, пока он не зашел слишком далеко, и сказала, протягивая руку, чтобы помочь моей собеседнице подняться с бревна:

— Я не представилась вам, извините. Меня зовут Клэр. Клэр Бошан.

Рука, ухватившаяся за мою, была узкая, с длинными, тонкими белыми пальцами, кончики которых потемнели — видимо, от сока растений и ягод, лежавших в корзине рядом с корнями мальвы.

— Я знаю, кто вы такая, — сказала она. — Вся деревня гудит от разговоров о вас с того самого дня, как вы приехали. А меня зовут Джейлис. Джейлис Дункан. — Она заглянула в мою корзину. — Если вы ищете балган-буахрах (так она назвала собранные мной грибы), то я могу показать вам, где их много.

Я приняла ее предложение, и мы некоторое время бродили вместе по узким лощинам поблизости от сада и по берегам глубоких карстовых озер, где крохотные поганки росли в изобилии. Джейлис очень много знала о местных растениях и их медицинском применении, хотя некоторые ее «рецепты» казались мне по меньшей мере сомнительными. Трудно было поверить, например, что кровохлебка обеспечит вам бородавки на носу у соперницы в любви, и я сильно сомневалась, что при помощи чистеца можно превращать жаб в цыплят. Свои пояснения Джейлис давала с коварным огоньком в глазах, из чего я заключила, что она проверяет мои познания.

Несмотря на это поддразнивание, она показалась мне приятной спутницей, женщиной ясного разума и бодрого, хотя и циничного взгляда на жизнь. Она, кажется, знала абсолютно все, что можно знать о любом обитателе деревни, замка и всей округи; во время нашей прогулки мы несколько раз присаживались отдохнуть, и Джейлис знакомила меня с жалобами своего мужа на болезнь живота и развлекала достаточно злыми сплетнями.

— Говорят, Хэмиш вовсе не сын своего отца, — сообщила она, имея в виду единственного ребенка Колама, рыженького мальчика лет восьми, которого я видела на обеде в холле.

Этой сплетней я не была так уж потрясена, поскольку уже составила на этот счет собственное суждение. Удивляло меня другое: что имеется всего один ребенок сомнительного происхождения. Оставалось предположить, что либо Летиции везет, либо она достаточно сообразительна, чтобы вовремя обратиться к Джейлис. Поступив не слишком благоразумно, я сказала Джейлис о своем предположении.

Она отбросила назад длинные светлые волосы и рассмеялась.

— Нет, не ко мне. Красотка Летиция не нуждается в помощи для подобных дел, уж поверьте мне. Если искать колдунью в здешних краях, то проще найти ее в замке, а не в деревне.

Озабоченная тем, чтобы повернуть разговор в менее опасное русло, я спросила первое, что пришло в голову:

— Но если маленький Хэмиш — не сын Колама, то чей же он тогда?

— Ну конечно же, этого вашего паренька. — Джейли повернулась ко

мне с насмешливой улыбкой на губах и злым блеском в глазах. — Молодого Джейми.

Вернувшись в сад одна, я встретила Магдален; волосы у нее в беспорядке выбились из-под платка, глаза круглые, испуганные.

— Ох, вот и вы, — произнесла она и вздохнула с облегчением. — Мы как раз собирались возвращаться в замок, и я хватилась вас.

— Очень любезно с вашей стороны, что вы меня искали, — ответила я, поднимая корзинку с вишнями, которую оставляла на траве. — Я знаю дорогу.

Магдален затрясла головой.

— Вы должны помнить об осторожности, милая. Ходите одна по лесу, когда кругом полно всех этих лудильщиков и вообще приезжего люда. Колам приказал... — Она вдруг запнулась и прикрыла рот рукой.

— Следить за мной? — Я произнесла это как можно мягче.

Она неохотно кивнула, видимо, считая, что я могу обидеться.

Я пожала плечами и улыбнулась ей.

— Что ж, я думаю, это естественно. В конце концов, у него нет никаких сведений обо мне, кроме моих собственных слов. Кто я, откуда...

— Мое любопытство победило здравый смысл. — Как он считает, кто я такая?

— Вы англичанка, — вот все, что она мне ответила.

На следующий день я не ходила в сад. Не потому, что мне запретили, а потому, что в замке произошла серия пищевых отравлений, и это потребовало моего медицинского участия. Оказав пострадавшим помощь, я решила выяснить источник отравления.

Мое расследование привело к испорченной мясной туше из-под навеса. Я как раз находилась там и давала главному работнику копильни советы, как, по моему мнению, лучше предохранить мясо от порчи, когда дверь отворилась, и меня обдало густой волной дыма.

Я обернулась, вытирая глаза, и увидела Дугала Макензи в облаке дыма от дубовых сучьев.

— Наблюдаете за мясной кладовой не хуже, чем за своим медицинским кабинетом, мистрисс? — спросил он ядовито. — Скоро вы возьмете в свои руки весь замок, и мистрисс Фиц придется искать себе работу в другом месте.

— Не имею ни малейшего желания оставаться в вашем поганом замке! — огрызнулась я, продолжая вытирать слезящиеся глаза, причем на платке у меня оставались черные угольные пятна.

Я отошла в сторону и закончила:

— Я хочу только одного: убраться отсюда как можно скорее.

Все еще ухмыляясь, Дугал склонил голову в издевательски-любезном поклоне.

— Я в состоянии удовлетворить это ваше желание, мистрисс. По крайней мере, временно.

Я отбросила платок и уставилась на него:

— Что это значит?

Он закашлялся, отгоняя рукой дым, который теперь тянуло в его направлении. Вывел меня из-под навеса и повел к конюшням.

— Вы говорили вчера Коламу, что вам нужен чистец и какие-то другие замысловатые травы?

— Да, чтобы приготовить лекарство для тех, кто отравился мясом. Ну и что из этого?

Он благодушно пожал плечами.

— Только то, что я собираюсь в деревню к кузнецу, надо подковать трех лошадей. Жена помощника прокурора занимается травами, у нее есть запасы. И без сомнения, найдутся травы, которые вам нужны. Если вас это устраивает, леди, садитесь верхом и едемте со мной в деревню.

— Жена поверенного? Мистрисс Дункан?

Я немедленно почувствовала себя почти счастливой. Перспектива покинуть замок хотя бы на короткое время весьма привлекала меня. Я подняла платок, поспешно вытерла еще раз лицо, сунула грязный платок за пояс.

— Поехали!

Я радовалась короткой поездке вниз по холму в деревню Крэйнсмуир, хотя день был пасмурный и темный. Дугал тоже был в отличном настроении и всю дорогу болтал со мной и шутил.

Сначала мы остановились возле кузницы, где Дугал оставил трех прекрасных лошадей и усадил меня позади себя в седло, чтобы таким образом доехать по Хай-стрит до дома Дункана. Это был солидный дом, на половину высоты обшитый деревом, четырехэтажный, причем в двух нижних этажах окна цветные, составленные из шестигранных стекол светлого пурпурного и зеленого цвета.

Джейли приветствовала нас с восторгом, радуясь нашему обществу в столь непогожий день.

— Это просто замечательно! — воскликнула она. — А я-то искала для себя предлога забраться в кладовую и кое с чем там разобраться. Энн!

На ее призыв явилась из не замеченной мною двери служанка средних лет, с лицом, сморщенным, как зимнее яблоко.

— Проводи мистрисс Клэр в кладовую, — приказала Джейли, — а потом сходи и принеси нам ведро воды из родника. Помни — из родника, а не из колодца на площади! — Она повернулась к Дугалу:

— Я приготовила укрепляющее, которое обещала вашему брату. Зайдемте со мной в кухню на минутку, хорошо?

Я тем временем последовала за тыквоподобным задом служанки вверх по деревянной лестнице и неожиданно для себя оказалась в длинной, полной воздуха галерее. В отличие от других частей дома, окна в этой комнате были двустворчатые; закрытые по случаю сырой погоды, они все же пропускали куда больше света, чем окна в фешенебельной мрачной гостиной внизу.

Джейли как травник явно знала свое дело. Комната была оборудована длинными сушильными рамами, обтянутыми марлей; крюками над небольшим очагом — для горячей сушки, а также открытыми полками вдоль стен; в полках были просверлены отверстия для лучшей циркуляции воздуха. Воздух напоен тонким, особенным ароматом сохнущего базилика, розмарина и лаванды. На удивление современный прилавок тянулся по одной стороне комнаты, на нем располагался примечательный по разнообразию ассортимент ступок, пестиков, чаш для смешивания, ложек — все безупречно чистое.

Прошло некоторое время, прежде чем появилась Джейли, покрасневшая от подъема по лестнице, но улыбающаяся в предвкушении долгих послеполуденных часов за приятными: занятиями: толчением трав и болтовней.

Пошел небольшой дождь, капли стекали по длинным стеклам окон, но в очаге горел огонь, и было очень уютно. Я весьма радовалась обществу Джейли: ее острый язык и откровенно циничные высказывания составляли освежающий контраст с благонравными и робкими разговорами женщин в замке, кроме того, для женщины, живущей в маленькой деревушке, Джейли была весьма образованна.

Она знала при этом все скандальные истории, все, что происходило в деревне и замке в последние десять лет, и рассказала мне немало забавного. Как ни странно, она почти не касалась меня самой. Возможно, это было не в ее вкусе: она предпочитала узнавать обо мне от других.

Через некоторое время я услышала какой-то шум, доносящийся с улицы, но решила, что жители деревни возвращаются с воскресной мессы. Церковь располагалась в конце главной улицы, от церкви Хай-стрит тянулась к площади, от которой веером расходились небольшие улочки и проулки.

Пока мы спускались от замка к кузнице, я, глядя на деревню сверху, сравнивала ее расположение с расположением костей руки, и это меня забавляло: Хай-стрит — лучевая кость, вдоль нее располагаются магазины и конторы, а также резиденции наиболее почтенных граждан; локтевая кость — Сент-Маргарет-лейн, параллельная Хай-стрит, но более узкая, на ней кузница, кожевенная мастерская и более мелкие заведения других ремесленников. Деревенская площадь (как и все виденные мною деревенские площади, она не квадратная, а скорее удлиненная) — ладонь и запястье, а несколько проулков и отдельных коттеджей — фаланги пальцев.

Дом Дункана стоит на площади, как и положено дому официального лица подобного уровня. Впрочем, суть здесь не только в статусе, но и в удобстве: площадь можно использовать в тех случаях, когда судебное дело, то ли по причине вызванного им общественного интереса, то ли по причинам чисто юридического порядка, выходило за рамки узкой компетенции Артура Дункана. К тому же, как пояснил мне Дугал, и позорный столб находится тут же — этакое безыскусное деревянное сооружение на небольшой каменной плите, водруженное в самом центре площади; по соседству с ним стоит еще один деревянный столб, экономно используемый то как место для порки, то как майский шест^[18], то как флагшток или коновязь — в зависимости от потребности.

Шум за окнами становился все более громким и гораздо более беспорядочным, нежели ровный гомон толпы прихожан, расходящихся из церкви к своим домашним очагам, где их ждет обед. Джейли с нетерпеливым восклицанием отодвинула в сторону кувшины и распахнула окно, чтобы выяснить причину происходящего.

Я присоединилась к ней у окна и увидела толпу мужчин и женщин, одетых ради посещения церкви в свои лучшие одеяния, будь то куртка, юбка или чепец, а предводительствовал всеми жабообразный отец Бэйн, который отправлял церковные службы как в деревне, так и в замке. Священник вцепился в парнишку лет двенадцати, судя по драным клетчатым штанам и вонючей рубашке — подмастерье кожевенника. Отец Бэйн держал парня за шкуру, что было ему не так легко, потому что пленник ростом вышел побольше того, кто его толкал взащей. Толпа следовала за этой парочкой на некотором расстоянии, и угрожающий ропот раздавался словно гром после вспышки молнии.

Сверху мы увидели, как отец Бэйн и мальчик вошли в дом. Толпа осталась снаружи, люди переговаривались и толкались. Те, кто посмелее, подбирались к окнам и старались заглянуть вовнутрь.

Джейли с шумом захлопнула окно, и говор у дверей дома ненадолго

утих.

— Стащил что-нибудь, — бросила Джейли, возвращаясь к столу с травами. — Вечная история с мальчишками кожевенника.

— Что ему за это будет? — с любопытством спросила я.

Она только пожала плечами, пересыпая между пальцев в ступку сухой розмарин.

— Думаю, это зависит от того, как нынче у Артура с пищеварением. Если он благополучно позавтракал, мальчишка отделается поркой. А если у него запор или газы мучают, — она брезгливо поморщилась, — воришке отрежут ухо или отрубят руку.

Я пришла в ужас, но вмешиваться напрямую не решалась. Я была чужая, к тому же англичанка, и хоть я считала, что как обитательница замка имею право на некоторое уважение, мне не раз приходилось замечать, как жители деревни исподтишка делали знак «от дурного глаза», когда я проходила мимо. Мое вмешательство вполне могло навредить мальчугану.

— Не можете ли вы сделать что-то? — обратилась я к Джейли. — Поговорите с мужем, попросите его быть... э-э... помягче.

Джейли оторвалась от работы, явно удивленная. Мысль о вмешательстве в дела мужа, очевидно, никогда не приходила ей в голову.

— А в честь чего это вы о нем беспокоитесь? — спросила она с любопытством, но не враждебно.

— Естественно, я беспокоюсь! — воскликнула я. — Он совсем еще мальчик. Что бы он ни сделал, он не заслуживает того, чтобы его искалечили на всю жизнь!

Она подняла светлые брови: аргумент, видимо, показался ей неубедительным. Однако она снова пожала плечами и вручила мне ступку и пестик.

— Чего не сделаешь ради дружбы, — сказала она, округлив глаза.

Она поискала что-то на полке и достала бутылку зеленоватой жидкости, на этикетке которой красивым почерком было написано: «Экстракт перечной мяты».

— Пойду напою Артура вот этим и тем временем попробую что-нибудь сделать для парня. Может оказаться уже слишком поздно, — предупредила она. — Уж если в дело влез этот прыщавый пастор, он постарается добиться самого жестокого приговора, какой только возможен. Но я попытаюсь. А вы пока толките розмарин.

Я взяла у нее ступку и пестик и принялась толочь машинально, не обращая особого внимания на то, что у меня получается. Закрытое окно заглушило и шум дождя и говор толпы внизу, то и другое слилось в

негромкий, но угрожающий ропот. В школьные годы я, как и все дети, читала Диккенса. И более ранних писателей, разумеется, тоже; помнила описания не знающего жалости правосудия старых времен, суровые приговоры тем, кто преступил закон, — приговоры, не учитывавшие ни возраста, ни обстоятельств. Но читать с уютной дистанции в сто или двести лет о том, как вешали или калечили детей, — это совсем не то, что толочь травку в ступке, в то время как несколькими футами ниже происходит нечто подобное в реальной действительности.

Могла ли я вмешаться непосредственно, если приговор уже произнесен? Держа ступку в руках, я подошла к окну и посмотрела вниз. Толпа увеличивалась, потому что по Хай-стрит спешили торговцы и домашние хозяйки — разузнать, в чем дело. Вновь прибывшие подходили поближе и, выслушав возбужденное изложение подробностей события от тех, кто находился здесь с самого начала, смешивались с толпой; большинство лиц с выжидательным выражением было обращено к двери.

Глядя сверху вниз на собравшихся людей, которые терпеливо мокли под дождем в ожидании приговора, я с необыкновенной ясностью вдруг поняла одну вещь. Как и многие другие люди, я с ужасом слушала рассказы и сообщения, доходившие из послевоенной Германии, — о депортациях и массовых убийствах, о концентрационных лагерях и крематориях. И так же, как многие другие делали это и будут делать еще долгие годы, я спрашивала себя: «Как могли люди допустить такое? Они должны были знать, они видели эшелоны, видели заборы, видели дым. Как они могли оставаться в стороне и ничего не делать?» Но теперь я поняла.

Ставкой в сегодняшнем случае не был выбор между жизнью и смертью. И покровительство Колама, скорее всего, защитило бы меня от физической расправы. Но руки мои, державшие фарфоровую ступку, сделались влажными и холодными при одной мысли о том, что я встану, одинокая и беспомощная, перед целой толпой солидных и уважаемых граждан, жаждущих экзекуции и крови, дабы скрасить скуку повседневного бытия.

Люди — это стадные животные в силу необходимости. Они ими стали еще в пещерные времена, когда люди — безволосые, слабые и беззащитные, чьим оружием была лишь хитрость, — выжили благодаря тому, что объединились в группы; они поняли: защита — в многочисленности. Это понимание вошло в плоть и кровь, именно оно неосознанно управляет толпой. В течение неслыханных, неисчислимых тысячелетий выход из стаи, противопоставление ей себя означало смерть для того, кто решался на такой шаг. Противостояние толпе требует не

просто личного мужества, оно требует преодоления извечного инстинкта. Я боялась, что с этим не справлюсь, и страх причинял мне стыд.

Кажется, прошла вечность, прежде чем дверь отворилась и появилась Джейли, невозмутимая и спокойная, как всегда. Она держала в руке кусочек древесного угля.

— Нам надо профильтровать раствор после того, как он закипит, — произнесла она, словно продолжая прерванный разговор. — Пропустим через уголь и муслин, это самое лучшее.

— Джейли, — нетерпеливо обратилась к ней я, — не мучайте меня! Что с мальчиком кожевенника?

— Ах это! — Она небрежно вздернула одно плечо, но в уголках губ затаилась злая улыбка. Впрочем, она тут же изменила выражение лица и рассмеялась. — Видели бы вы меня! О, я была такая хорошая, просто ужасно! Воплощенная женская забота и женственная доброта и еще капелька, ну самая малость материнской жалости... О Артур! — начала она декламировать, — если бы Господь благословил наш союз... Не слишком много надежды на это, скажу я вам, Клэр, — вставила она, на минуту сбросив маску патетической задушевности, но тотчас вернулась к своей декламации: — О мой дорогой, что бы ты почувствовал, если бы твой собственный сын попал в подобное положение? Нет сомнения, что мальчуган пошел на воровство из-за голода. О Артур, неужели не найдется в твоём сердце милосердия — ведь ты сама справедливость! — Она шлепнулась на стул и захохотала, колотя сжатым кулачком себя по ноге. — Какая жалость, что здесь негде играть на сцене!

В шуме толпы за окнами произошла некая перемена, и я, не обращая внимания на поздравления, которыми награждала себя Джейли, подошла к окну посмотреть, что там теперь происходит.

Толпа разделилась; мальчишка кожевенника вышел из дверей и двинулся по проходу, сопровождаемый с одного боку священником, а с другого — судьей. Артур Дункан раздувался от самодовольства, кланяясь и кивая наиболее почтенным гражданам среди собравшихся. Что касается отца Бэйна, то на его физиономии, более всего напоминавшей мороженую картофелину, написано было выражение глубокого недовольства.

Маленькая процессия проследовала к центру площади, где навстречу ей выступил из толпы деревенский страж порядка, некий Джон Макри. Сей персонаж был одет с подобающей его должности элегантной простотой в темный кафтан и темные брюки при серой бархатной шляпе (в данный момент снятой с головы и заботливо прикрытой от дождя полый кафтан). Он не был, как я полагала вначале, деревенским тюремщиком, хотя в

случае необходимости мог отправлять и эту должность. Главным же образом ему приходилось исполнять обязанности полицейского, блюстителя нравов, а если надо, то и экзекутора; на поясе у него висел деревянный совок, при помощи которого он взимал определенный налог с каждого проданного на происходившем по четвергам базаре мешка зерна — то была плата за его службу.

Эти сведения я почерпнула от него самого. Он побывал в замке несколько дней назад и обратился ко мне с просьбой избавить его от нарыва на большом пальце. Я проколола панариций стерильной иглой и приложила компресс из настоя тополевых почек. Мистер Макри показался мне скромным человеком с мягкой речью и приятной улыбкой.

Сейчас на лице его не было и намека на улыбку; мистер Макри был исключительно серьезен, что было вполне резонно: кому приятно смотреть на ухмыляющегося экзекутора?

Злодея заставили подняться на каменную плиту посреди площади. Бледный и перепуганный мальчишка застыл без движения, в то время как принявший строго официальный вид Артур Дункан, исполняющий обязанности прокурора в приходе Крэйнсмуир, готовился огласить приговор.

— Дурачок был уже осужден, когда я вошла, — произнес у меня над ухом голос Джейли, которая с любопытством смотрела на происходящее, вытянув шею над моим плечом. — Я не могла добиться оправдания, но уговорила наказать его не слишком строго. Его приколотят за ухо к позорному столбу всего на один час.

— Приколотят за ухо! К чему, вы сказали, приколотят?

— К позорному столбу, к чему же еще!

Она быстро взглянула на меня, но тут же снова повернулась к окну, чтобы наблюдать за исполнением легкого приговора, которого она добилась своим милосердным вмешательством.

Народу вокруг позорного столба собралось так много, что преступника почти не было видно, но толпе все же пришлось несколько раздаться, дабы обеспечить экзекутору свободу движений.

Бледное лицо парнишки торчало теперь в отверстии верхней доски позорного столба, из двух боковых отверстий беспомощно свисали кисти рук; он крепко зажмурился, дрожа от страха. Он вскрикнул высоким, тонким голосом, когда гвоздь пробил ему ухо, и крик этот был слышен даже сквозь закрытое окно; я вздрогнула.

Мы вернулись к нашей работе, как, впрочем, и большинство из собравшихся на площади, но я время от времени, не в силах удержаться,

подходила к окну. Несколько бездельников слонялись по площади; они осыпали наказанного глумливыми насмешками и бросали в него комья грязи; иногда появлялись и вполне достойные граждане, оторвавшиеся ненадолго от повседневных трудов, чтобы преподать правонарушителю нравственный урок, выраженный в тщательно подобранных и уравновешенных словах порицания и совета.

Оставался еще час до позднего весеннего заката; мы пили чай внизу в гостиной, когда стук в наружную дверь возвестил о появлении какого-то посетителя. День был пасмурный, и трудно было бы определить, как высоко стоит солнце, однако гордостью дома Дунканов были часы в красивом футляре орехового дерева, с медным маятником и циферблатом с изображениями поющих херувимов; часы показывали половину седьмого.

Служанка отворила дверь гостиной и без всяких церемоний провозгласила:

— Входите.

Джейми Мактевиш вошел и наклонил голову, приветствуя нас. Намокшие от дождя светлые волосы отливали цветом старинной бронзы. На нем был надет изрядно поношенный, выдавший виды дождевик, а через руку переброшен плащ темно-зеленого бархата для верховой езды.

Джейми кивнул еще раз, когда я встала с места и представила его Джейли.

— Мистрисс Дункан и мистрисс Бошан, как я понял, у вас нынче вечером были кое-какие заботы. — Он указал рукой в сторону окна.

— Он все еще там? — спросила я и выглянула в окно. Цветные округлые стекла искажали изображение, и фигура наказанного маячила неопределенной темной тенью. — Он, должно быть, насквозь промок.

— Промок, — сказал Джейми и протянул мне развернутый плащ. — Точно так же и вы промокли бы, как подумал Колам. У меня было дело в деревне, вот Колам и прислал со мной плащ для вас. Вы поедете назад со мной.

— Очень любезно со стороны Колама, — поблагодарила я машинально, потому что голова моя была занята мальчиком у столба. — Сколько времени он должен там оставаться? — спросила я у Джейли и нетерпеливо добавила, поймав ее отсутствующий взор: — Я имею в виду наказанного.

— Ах этот, — отозвалась она, слегка недовольная появлением в разговоре столь незначительного сюжета. — Я же вам говорила, один час. Полицейский должен уже был освободить его из колодок.

— Он и освободил, — сказал Джейми. — Я встретил его, когда

проезжал через луговину. Все дело в том, что парень боится выдернуть гвоздь из своего уха.

Я в возмущении раскрыла рот.

— Вы хотите сказать, что от гвоздя его не освободили? Что он должен сделать это сам?

— Ну да. — Джейми произнес это бодро и даже весело. — Он пока не пришел в себя, но думаю, немного погодя сообразит, что надо сделать. Сегодня сыро, да и темнеет уже. Нам пора ехать, а не то на обед нам достанутся одни объедки.

Он поклонился Джейли и собрался уходить.

— Подождите немного, — обратилась Джейли ко мне. — Поскольку вас проводит домой такой большой и сильный молодой человек, я бы хотела передать ящичек сушеных трав, которые я обещала послать мистрисс Фиц в замок. Может быть, мистер Мактевиш будет так любезен?

Джейми согласился, и она послала слугу принести ящик в гостиную из рабочей комнаты. Пока слуга ходил за ним, Джейли присела к письменному столу в углу гостиной. К тому времени, как ящик, вполне объемистый деревянный сундучок с медными скрепами, был доставлен, Джейли успела написать записку. Она посыпала ее песком из песочницы, свернула и запечатала каплей воска от свечи; записку она вручила мне.

— Это счет, — пояснила она. — Будьте добры, передайте его Дугалу от меня. Дугал ведает всеми выплатами и тому подобными делами. Больше никому не отдавайте, иначе я долго не увижу своих денежек.

— Да-да, конечно.

Она тепло обняла меня и, уговаривая беречься от простуды, проводила нас до двери.

Я стояла под навесом крыльца, пока Джейми привязывал ящик к седлу своей лошади. Дождь усилился, и струи воды лились с навеса на землю.

Некоторое время я смотрела на широкую спину и мускулистые руки Джейми, который с видимым усилием справлялся с делом, потом перевела взгляд на позорный столб, где подмастерье кожевенника, несмотря на то, что собравшиеся вокруг него зрители всячески подбадривали его, все еще оставался прибитым за ухо к доске. Конечно, в данном случае перед нами была не милая девушка с волосами цвета лунного луча, но, думая о поведении Джейми в холле, где Колам вершил суд, я решила, что он вряд ли может остаться равнодушным и к положению этого мальчугана.

— Э-э... мистер Мактевиш, — неуверенно начала я, но не получила ответа, красивое лицо не изменило выражения, и крупные губы не дрогнули, а голубые глаза сосредоточенно смотрели на узел, который

Джейми закреплял.

— Джейми? — попыталась я снова, немного громче, и он тотчас вскинул голову.

Значит, он и вправду не Мактевиш, но как же его настоящее имя?

— Да? — сказал он.

— Вы ведь достаточно сильный человек? — спросила я.

Улыбка тронула его губы, он кивнул мне, явно недоумевая, к чему я клоню.

— Достаточно сильный для многих вещей, — сказал он.

Я осмелела и подошла к нему поближе, чтобы нас не подслушал кто-нибудь из слоняющихся по площади.

— И пальцы у вас достаточно сильные? — продолжала спрашивать я.

Джейми сжал руку и улыбнулся шире.

— Ну да, — сказал он. — Вам что, понадобилось расколоть парочку орехов?

И посмотрел на меня сверху вниз, весело блестя глазами.

Я в свою очередь поглядела на кучку зевак у столба.

— Скорее вытащить один из огня, — ответила я. И, подняв на него глаза, встретила вопросительный взгляд. — Могли бы вы это сделать?

Он постоял, все так же глядя на меня с улыбкой, потом пожал плечами.

— Мог бы, если стерженек достаточно длинный, чтобы ухватиться. А вы могли бы отвлечь толпу? Вмешательство им не понравится, к тому же я чужак.

Я как-то не подумала, что моя просьба может поставить его в опасное положение, и засомневалась, но увидела, что он не прочь затеять игру, несмотря на то, что она небезопасна.

— Что, если мы оба подойдем поглазеть поближе и я вдруг упаду в обморок, как вам это?

— Вроде как бы вы непривычны к виду крови и тому подобное? — Одна бровь у него насмешливо взлетела вверх. — Ладно, это сойдет. Если вы при этом умудритесь свалиться с плиты на землю, будет совсем хорошо.

Меня и в самом деле немного подташнивало при мысли о предстоящем зрелище, но оно оказалось не столь уж устрашающим. Ухо было прибито за нижнюю часть мочки, и почти на два дюйма торчал из него конец квадратного гвоздя без шляпки. Крови почти не было, и по выражению лица мальчишки было ясно, что особенной боли он не испытывает, просто сильно напуган. Я начала понимать, что Джейли была, пожалуй, права, называя приговор мягким — имея в виду действующий в это время кодекс шотландской юриспруденции. Но в моих глазах подобный

приговор все равно выглядел настоящим варварством.

Джейми осторожно протолкался поближе к столбу. Покачал головой с укором и осуждением.

— Ну-ну парень, — сказал он и прищелкнул языком. — Угодил ты в переделку, нечего сказать!

Твердой, большой своей рукой он оперся о верхнюю доску позорного столба, как бы желая поближе взглянуть на ухо.

— Эх ты, щенок, — продолжал он в высшей степени пренебрежительно. — Тут и говорить-то не о чем, а ты... Поверни разок голову в сторону — и все дела. Хочешь, помогу?

Он сделал вид, что собирается ухватить парня за волосы и крутануть ему голову, чтобы высвободить ее. Мальчишка взвыл в ужасе.

Поняв намек, я попятилась, позаботившись при этом наступить на ногу женщине, позади меня; женщина закричала от боли, едва мой каблук обрушился ей на пальцы.

— О, простите, — выдохнула я. — У меня... голова закружилась! О, пожалуйста...

Я отвернулась от столба и сделала несколько неуверенных шагов, ежесекундно оступаясь и хватаясь за чьи-то рукава. Край плиты был теперь всего в шести дюймах от меня: я уцепилась за какую-то достаточно хрупкую на вид девушку и повалилась головой вперед, увлекая девушку за собой.

Мы скатились на мокрую траву, путаясь в юбках. Крик поднялся ужасный. Я выпустила из рук блузу девушки и распростерлась лицом вверх в драматической позе, а дождь поливал меня всю.

Падение получилось вполне натуральное и болезненное, потому что девушка свалилась на меня, и мне буквально нечем было дышать. Борясь за каждый глоток воздуха, я лежала и слушала встревоженные голоса. Предложения, предположения, ахи и охи обрушились на меня чуть ли не в большем количестве, чем дождевая вода, но тут пара знакомых рук подняла меня с земли и усадила, а пара знакомых голубых глаз глянула мне в глаза, едва я их открыла. Еле заметное движение век дало мне понять, что миссия свершилась удачно. И в самом деле — я тут же увидела, как мальчишка кожевника улепetyвает к себе на чердак, прижимая к уху какую-то тряпицу; никто в толпе не обратил на него ни малейшего внимания, все были поглощены новой сенсацией.

Жители деревни, столь кровожадные по отношению к малолетнему преступнику, со мной были сама доброта. Меня подняли со всей осторожностью и перенесли снова в дом Дунканов, где потчевали бренди и

чаем, укутали теплыми одеялами и окружили сочувствием. Мне разрешили уехать только после твердых настояний Джейми, который сам поднял меня с кушетки и повел к двери, невзирая на увещевания хозяев.

Я снова сидела в седле впереди него мою лошадь мы вели в поводу; я поблагодарила Джейми за помощь. Он отмахнулся от моей благодарности:

— Не за что, барышня!

— Но для вас это было рискованно, — настаивала я. — К сожалению, я не сразу сообразила, что подвергаю вас опасности своей просьбой.

— А! — только и сказал он на это, но минуту спустя добавил с коротким смешком: — Уж не считаете ли вы меня менее храбрым, чем маленькая саксонская барышня, а?

Спускались сумерки, и Джейми пустил лошадей рысью. Мы с ним почти не разговаривали по дороге, а когда добрались до замка, он попрощался со мной коротким: «Всего доброго, мистрисс саксонка!» Но я почувствовала, что зародилась дружба гораздо более глубокая, чем та, которая сводится лишь к беспечной болтовне под яблонями.

Глава 10

ПРИСЯГА

Следующие два дня прошли в ужасной суете: прибывали все новые гости, всяческие приготовления шли полным ходом. Моя медицинская практика резко сократилась; жертвы отравления выздоровели, а всем прочим некогда было болеть. Кроме заноз у парнишек, которые доставляли дрова для топки, да незначительных ожогов у девушек из кухонной прислуги, никаких происшествий не случилось.

Зато сама я находилась в сильнейшем напряжении. Нынче ночью или никогда! Мистрисс Фиц сообщила мне, что все дееспособные мужчины клана Макензи в эту ночь соберутся в Холле и будут присягать на верность Коламу. Во время столь важной церемонии вряд ли кто-то станет особо следить за конюшней.

В те часы, когда я помогала на кухне и в саду, я позаботилась запастись побольше провизии — чтобы хватило на несколько дней. У меня не было фляжки для воды, но я решила заменить ее стеклянным кувшином, позаимствованным из врачебного кабинета. У меня зато есть крепкие ботинки и — благодаря любезности Колама — теплый плащ. Возьму лошадку посмирнее; во время посещения конюшни после обеда я наметила себе такую. Денег нет, но мои пациенты надарили мне кучу всяких мелких вещиц, в том числе резных ювелирных безделушек, а также разных ленточек. Если понадобится, можно попробовать обменять их на что-то необходимое.

Мне было не слишком приятно платить подобной монетой за гостеприимство Колама и дружеское отношение других обитателей замка, но что поделаешь? Я подумала-подумала и решила, что придется уехать, не попрощавшись. Бумаги для прощального письма у меня опять-таки не имелось, а рискнуть и поискать листок в кабинете у Колама я не отваживалась.

Через час после того, как стемнело, я пробралась в конюшню и чутко прислушалась, нет ли там кого. Кажется, все ушли в Холл готовиться к церемонии. Дверь была закрыта, я осторожно толкнула ее, и она бесшумно отворилась, повернувшись на кожаных петлях.

Воздух внутри был теплый и насыщенный негромким шорохом соломы и пофыркиванием отдыхающих лошадей. Темно было, как под шляпой владельца похоронного бюро, по любимому выражению моего

дяди Лэма. Немногочисленные окна для вентиляции слишком малы и узки, чтобы пропускать слабый свет ночного неба. Выставив руки вперед, я осторожно продвигалась к главной части конюшни, и солома шелестела у меня под ногами.

Я шарила руками в темноте, стараясь нащупать перекладину стойла и двинуться дальше. Руки, увы, нашарили только пустоту, зато обеими ногами я натолкнулась на какое-то весьма солидное препятствие и с невольным криком, эхом отозвавшимся в старом каменном здании, повалилась во весь рост плашмя.

«Препятствие» повернулось и с громким проклятием ухватило меня за обе руки. Я оказалась вплотную прижатой к телу какого-то весьма рослого мужчины, который дышал мне в самое ухо.

— Кто это? — зашипела я, стараясь вырваться. — Что вы тут делаете?

По-видимому, узнав мой голос, противник ослабил хватку.

— Я мог бы задать вам такой же вопрос, Саксоночка, — отозвался глубокий и мягкий голос Джейми Мактевиша, и я вздохнула с облегчением.

Зашуршала солома, и Джейми сел.

— Впрочем, я догадываюсь, — сухо добавил он. — Как вам кажется, далеко ли вы успеете ускакать темной ночью на незнакомой лошади? Причем с утра половина клана Макензи пустится за вами вдогонку.

Я была невероятно зла.

— Они за мной не погонятся. Они все в Холле. Я была бы весьма удивлена, если бы тот из них, кто утром окажется достаточно трезвым и встанет на ноги, пустился вдогонку за кем бы то ни было.

Джейми рассмеялся, встал и протянул руку, чтобы помочь подняться и мне. Он отряхнул солому с моего платья сзади — с несколько большим нажимом, чем я считала необходимым.

— Вроде бы это звучит резонно, Саксоночка, — сказал он, как будто сомневался в моей способности рассуждать резонно при данных обстоятельствах. — Или звучало бы, если бы Колам не установил сторожевые посты вокруг замка, а также в лесу. Вряд ли он оставил бы замок незащищенным и собрал всех мужчин клана, способных сражаться, в Холле. Хорошо еще, что камень не горит, не то что дерево...

Я сообразила, что он намекает на подлое массовое убийство, совершенное неким Джоном Кэмпбеллом по наущению правительства: он предал мечу тридцать восемь членов клана Макдональд и сжег дом, где лежали их тела. Я быстро подсчитала в уме. Это произошло около пятидесяти лет назад — не так уж давно, чтобы принятые Коламом меры предосторожности показались неоправданными.

— Во всяком случае, вы не могли бы выбрать более неподходящую ночь для бегства, — продолжал Мактевиш.

Мне показалось немного странным то, что он осуждает не мое намерение бежать, но неудачно выбранный способ побега.

— Мало того, что кругом охрана, да еще к тому же все лучшие всадники находятся в замке, но на дорогах полно народу, который движется сюда, чтобы участвовать в тинчале и в играх.

— В тинчале?

— Тинчал — это охота. Обычно на оленей, на этот раз, может быть, на кабана. Один из конюхов говорил Алеку, что в восточном лесу появился здоровенный кабан.

Джейми положил свою большую руку мне на спину и повернул меня лицом к длинной светлеющей щели в приоткрытой двери конюшни.

— Пошли, — сказал он. — Я отведу вас обратно в замок.

Я отодвинулась от него. Сказала сердито:

— Не беспокойтесь, я сама найду дорогу. Он твердо взял меня за локоть.

— Смею надеяться, что найдете. Но не думаю, что вам стоило бы встречаться с охранниками Колама один на один.

— С чего бы это? — огрызнулась я. — Я ничего плохого не делаю, а гулять за воротами замка не запрещено, не так ли?

— Нет, не запрещено, — ответил он, вглядываясь в темноту с задумчивым выражением. — Сомневаюсь, что они захотели бы причинить вам беспокойство, но вполне и даже более чем вероятно, что стражи стоят на посту в компании с фляжкой. Выпивка — очень приятный товарищ, но не слишком добрый советчик в том, что называется примерным поведением, особенно если милая маленькая барышня натывается на вас в темноте.

— Я же наткнулась в темноте на вас, — храбро возразила я. — К тому же я не очень-то маленькая и не слишком хорошенькая, особенно сейчас.

— Что касается меня, то я был сонный, но не пьяный, — ответил Джейми. — И, оставляя в стороне вопрос о вашем характере, должен заметить, что вы намного меньше любого из стражей Колама.

Я оставила это замечание без ответа — эта линия разговора, пожалуй, вела в тупик — и попробовала другую дорожку.

— А почему вы-то спали в конюшне? — спросила я. — Разве у вас нет постели в другом месте?

Мы в это время шли по огороду возле кухни, и мне было видно лицо Джейми при слабом свете звезд. Он был сосредоточен, осторожно выбирал

дорогу, но при этих моих словах бросил на меня быстрый взгляд.

— Да, — произнес он и некоторое время продолжал идти молча, прежде чем ответил: — Я решил, что мне лучше оставаться в стороне.

— Потому что не собираетесь присягать Коламу Макензи? — предположила я. — И не хотите, чтобы вокруг этого поднялся лишний шум?

Он снова поглядел на меня — с любопытством.

— Примерно так.

Одни из боковых ворот гостеприимно стояли раскрытыми, и фонарь, который горел поблизости от них на камне, бросал на дорожку желтую полосу света. Мы уже почти дошли до этого сигнального огня, когда чья-то рука зажала мне рот, и я была толчком сбита с ног.

Я сопротивлялась как могла, но мой противник, одетый в толстые перчатки, которые я не могла прокусить, был к тому же, как и предупреждал Джейми, намного крупнее меня.

У Джейми, как видно, были тоже небольшие неприятности — судя по явственным звукам борьбы и многочисленным проклятиям. Борьба закончилась внезапным сильным ударом и взрывом шотландской ругани. И тотчас раздался чей-то смех.

— Бог ты мой, да это же молодой парень, племянник Колама! Поздненько ты поспел к присяге, паренек, а? Кто это с тобой?

— Девчонка, — отвечал на это человек, который держал меня, — ничего себе, пухленькая, да и увесистая тоже.

Он убрал свою руку с моих губ и запустил ее совсем в другое место. Я возмущенно провопила нечто, повернулась, ухватила его за нос и дернула. Он отпустил меня с такими «клятвами», каких, судя по всему, не произносили в Холле во время присяги. Я поскорее отступила в сторону, подальше от густого облака вонючего перегара, и почувствовала внезапный прилив благодарности к Джейми. Его намерение проводить меня оказалось весьма разумным.

Он, кажется, смотрел на это иначе, тщетно стараясь отделаться от вцепившихся в него двух вооруженных стражей. В их действиях не было ничего враждебного, однако они были тверды в своих намерениях. Они направлялись прямо к воротам и волокли за собой Джейми.

— Да позвольте же мне хоть пойти переодеться, — Запротестовал он. — Не могу я идти присягать в таком виде.

Его попытка улизнуть под благовидным предлогом потерпела неудачу из-за внезапного появления Руперта, который, разнаряженный в пух и прах — пестрая рубашка, кафтан, отделанный золотым салуном, — выскочил из

ворот, как пробка из бутылки.

— Об этом ты не беспокойся, паренек, — заявил он, глядя на Джейми сверкающими от возбуждения глазами. — Мы тебя прямо там оденем. — Он кивнул и сторону калитки, и Джейми вынужден был туда последовать.

Мощная рука ухватила меня за локоть, и я волей-неволей подчинилась и вошла во двор замка.

Руперт находился в весьма повышенном настроении, как, впрочем, и все другие мужчины, которых я увидела в замке. Их там было человек шестьдесят или семьдесят, одетых в свое лучшее платье и увешанных кинжалами, мечами, пистолетами, спорранами; они толпились во дворе, поближе ко входу в Большой Холл. Руперт указал какую-то дверь, и мужчины увлекли Джейми в маленькую освещенную комнату. Ее использовали как гардеробную; на специально установленных столах и на полках по стенам лежало множество разнообразной одежды.

Руперт окинул Джейми критическим взглядом, особое внимание уделив соломе в волосах и пятнам на рубаше. Покосился он и на мои волосы, в которых тоже застряли соломинки, и по его жирной физиономии расплылась циничная ухмылка.

— Не удивительно, что ты запоздал, парень, — сказал он и ткнул Джейми под ребро. — Уилли! — окликнул он кого-то. — Нам тут нужна кое-какая одежонка. Что-нибудь подходящее для племянника лэрда. Сыщи все, что надо, да поживей, дружище!

Джейми, стиснув губы в жесткую линию, смотрел на окружающих его мужчин. Шестерых членов клана, в бурном возбуждении ожидающих церемонии присяги и до краев переполненных гордостью за род Макензи. Высокий дух поддерживался при помощи обильных порций эля, черпаемого из бочонка, который я заметила во дворе. Глаза Джейми остановились на мне с достаточно мрачным выражением. На лице его, как мне показалось, было ясно написано, что все это — моих рук дело.

Он, разумеется, мог заявить, что не собирается присягать Коламу и намерен вернуться в конюшню на теплое ложе... если хотел, чтобы его зверски избили или перерезали ему глотку. По-прежнему глядя на меня, он приподнял брови, пожал плечами и с улыбкой отдался на милость Уилли, который спешил к нему с целой охапкой белоснежного полотна и со щеткой для волос в руке. Охапку полотна увенчивала плоская голубая шапочка из бархата с прикрепленной к ней кокардой, за которую была засунута веточка падуба. Я взяла шапочку в руки, чтобы получше, рассмотреть ее, пока Джейми облачался в чистую рубашку и со сдержанной яростью причесывал щеткой волосы.

Кокарда была круглая, с удивительно тонкой гравировкой. В центре — пять вулканов, изрыгающих языки пламени, а по краю шел девиз: *Luceo non Uro*.

— Излучаю свет, но не сгораю, — перевела я надпись вслух.

— Верно, барышня. — Уилли кивнул мне одобрительно. — Это девиз Макензи.

Он взял шапочку у меня из рук и передал ее Джейми, а сам пошел за остальной одеждой.

— Я... я прошу прощения, — негромко сказала я, пользуясь отсутствием Уилли и подходя поближе к Джейми. — Я не предполагала...

Джейми, который с недовольным лицом рассматривал кокарду, посмотрел на меня с высоты своего роста, и жесткая линия губ немного смягчилась.

— Не тревожьтесь обо мне, Саксоночка. Это должно было произойти рано или поздно.

Он открепил кокарду от шапочки и с кислой усмешкой взвесил ее на ладони.

— Вы знаете мой девиз, барышня? — спросил он. — Я имею в виду — девиз моего клана?

— Нет, — ответила я. — Какой же он?

Джейми подбросил кокарду вверх, поймал ее и осторожно положил в спорран. Холодно глянул через распахнутую дверь на собирающихся беспорядочными кучками членов клана Макензи.

— *Je suis prest*, — ответил он на очень хорошем французском.

Обернулся и посмотрел на Руперта и еще одного огромного Макензи, которого я не знала: лица у обоих пылали как от внутреннего воодушевления, так и от духа спиртного, принятого, как видно, в немалом количестве. Руперт держал длинный тартан цветов Макензи.

Без долгих предисловий второй мужчина протянул руку к пряжке на килте Джейми.

— Саксоночка, вам лучше уйти, — посоветовал Джейми. — Женщине здесь не место.

— Я понимаю, — ответила я и получила в награду кривоватую улыбку.

На Джейми тем временем надели новый килт, а старый был из-под него просто сдернут к ногам, и, таким образом, скромность не пострадала. Руперт и второй мужчина взяли Джейми под руки и повели к выходу.

Я немедленно повернулась и направилась к лестнице на галерею для менестрелей, тщательно избегая смотреть на членов клана, мимо которых пришлось проходить. Свернув за угол, я остановилась и прижалась к стене,

чтобы никто меня не заметил. Подождала, пока коридор на время опустеет, шмыгнула в дверь, ведущую на галерею, и поспешно закрыла ее за собой, прежде чем кто-нибудь вывернулся из-за угла и заметил, куда я скрылась. Откуда-то сверху на лестницу падал свет, и я вполне благополучно поднялась по разбитым ступеням. Карабкаясь туда, откуда шел свет и доносился шум, я думала о последних фразах нашего с Джейми разговора.

«Je suis prest». Я *готов*. Мне оставалось надеяться, что это так.

Галерея была освещена сосновыми факелами, которые то и дело давали ярчайшие вспышки, стоя в своих гнездах, окруженных черными пятнами сажи — следами предшественников. Несколько лиц повернулось в мою сторону, едва я появилась на галерее. Судя по всему, здесь, наверху, собрались все женщины замка. Я узнала Лаогеру, Магдален и некоторых служанок, которых мне приходилось встречать в кухне, — и, конечно же, величественную фигуру мистрисс Фиц-Джиббонс, занимающую почетное место возле балюстрады.

Завидев меня, она дружески кивнула, приглашая подойти к себе, и женщины потеснились, чтобы дать мне пройти. Я подошла к перилам — и весь Холл открылся предо мной.

Стены его были убраны ветками мирта, тиса и падуба; аромат этих вечнозеленых деревьев доносился и на галерею, смешанный с запахом дыма и мужских тел. Мужчин было несколько десятков, и у каждого одежда геральдической расцветки — у иных просто плед, наброшенный прямо на рабочую рубашу и потрепанные клетчатые штаны, да шапочка. Фасоны варьировались, но цвета оставались неизменными — темно-зеленый и белый.

Большинство, однако, было одето так же, как Джейми: килт, плед и шапочка, у многих прикреплены кокарды. Я отыскала глазами Джейми; по-прежнему мрачный, он стоял у стены Руперт затерялся в толпе, но двое куда более крупных Макензи стояли по левую и правую руку Джейми, точно телохранители.

Беспорядок и суматоха в Холле поулеглись после того, как постоянные обитатели замка оттеснили вновь прибывших к нижней части зала.

Вечер был сегодня особенный, и кроме юнца, который обычно играл на волынке в одиночестве, появились еще два волынщика; гордая осанка одного из них, а также сделанные из слоновой кости наконечники трубок его инструмента свидетельствовали о том, что это признанный мастер. Он кивнул двум другим, и зал наполнился густым басовым гудением волынок. Менее крупные, нежели боевые волынки Северной Шотландии, эти производили тоже достаточный шум.

Но вот в басовую мелодию ворвалась пронзительная трель, от которой у слушателей кровь закипела. Женщины вокруг меня пришли в возбуждение, и я вспомнила строчки из «Мэгги Лодер»^[19]:

Я Рэб-певец, известный всем в округе,
И сходят девушки-красавицы с ума,
Едва возьму свою волынку в руки...

Женщины на галерее если и не сходили с ума, то, во всяком случае, были в полном восторге и, свешиваясь через перила, оживленно переговаривались и воздавали дань восхищения то одному, то другому из прогуливавшихся по залу особенно нарядных представителей сильного пола. Какая-то девушка обратила внимание на Джейми и с приглушенным восклицанием предложила подружкам полюбоваться им. Тотчас начались оживленные перешептывания и мурлыканье по поводу его наружности. Впрочем, многие говорили не столько об этом, но о том, как это он явился присягать. Я заметила, что Лаогера, увидев его, так и рассияла, и припомнила, как Алек говорил тогда в паддоке, что ее отец ни за что не выдаст дочь за того, кто не из клана Макензи. В самом ли деле он племянник Колама? Возможно, это лишь хитрость. Уловка, должная прикрыть человека, поставленного вне закона.

Музыка волынок достигла наивысшей громкости и страсти — и вдруг оборвалась. В полной тишине, наступившей в Холле, Колам Макензи появился в верхних дверях и торжественно прошествовал к воздвигнутому в почетном конце зала небольшому возвышению. Он не делал никаких усилий, чтобы скрыть свою немощь, но на этот раз и не выставлял ее напоказ. Он выглядел великолепно в своем лазурно-голубом кафтане, богато расшитом золотом, с серебряными пуговицами и розовыми шелковыми манжетами почти до локтя, Килт из тонкой шерсти спускался ниже колен, закрывая почти полностью ноги и короткие чулки. Шапочка голубая, но в кокарду вставлены перья, а не веточка падуба. Весь зал затаил дыхание, когда Колам занял свое место в центре возвышения. Кем бы еще он ни был, но актером он, во всяком случае, был.

Колам повернулся лицом к собравшимся, воздел руки и приветствовал всех громким кличем:

— Тулах Ард!

— Тулах Ард! — заревел зал в ответ. Женщина рядом со мной вся задрожала.

Затем Колам произнес короткую речь на гэльском языке. Она была несколько раз прерываема громкими криками одобрения, а сразу после нее началась церемония присяги.

Первым к возвышению подошел Дугал Макензи. Он остался стоять перед возвышением, и головах братьев оказались на одном уровне. Дугал оделся богато, но на его коричневом бархатном кафтане не было золотого шитья, и таким образом он не отвлекал внимания от великолепной пышности наряда Колама.

Дугал выхватил из ножен свой кинжал и опустился на одно колено, держа кинжал острием вверх. Голос у Дугала был менее сильный, чем у Колама, но все же достаточно громкий для того, чтобы каждое его слово слышали во всех уголках зала.

— Клянусь крестом нашего Господа Иисуса Христа и священным железом, что я держу в руке, посвятить мою преданность, верность и честь клану Макензи. Если рука моя когда-нибудь поднимется против вас, пусть этот кинжал поразит меня в сердце.

Он опустил кинжал и поцеловал его в том месте, где рукоятка соединяется с лезвием; затем вложил кинжал в ножны. Все еще коленопреклоненный, Дугал протянул Коламу обе руки, тот взял их в свои и поднес к губам в знак того, что принимает присягу. Затем он поднял Дугала на ноги.

Обернувшись, Колам взял серебряный кубок с накрытого тартаном особого столика. Тяжелую эту чашу с двумя ручками по бокам он поднял обеими руками, отпил из нее и протянул Дугалу. Тот сделал большой глоток и вернул кубок. Поклонился лэрду клана Макензи и отошел в сторону, освободив место следующему за ним человеку.

Процедура повторялась с неизменным однообразием — от клятвы до пригубливания кубка. Прикинув, сколько народа ждет своей очереди, я наново подивилась способности Колама поглощать спиртное. Я как раз занималась примерными подсчетами, сколько же ему придется выпить до конца вечера, когда увидела, что следующим в очереди стоит Джейми.

Дугал, принеся присягу, остался стоять позади Колама. Он заметил Джейми раньше, чем Колам, так как тот тем временем принимал клятву на верность от кого-то еще, и я увидела, что он очень удивился. Дугал подошел к брату и что-то тихонько сказал ему. Глаза Колама были прикованы к человеку, стоявшему перед ним, но сам он весь напрягся. Он тоже был удивлен — неприятно удивлен, как мне показалось.

Накал чувств в Холле, весьма высокий и при начале церемонии, теперь еще повысился. Если бы Джейми отказался от присяги, не исключено, что

возбужденные члены клана растерзали бы его на части. Я потихоньку вытерла взмокшие ладони о платье, глубоко переживая свою вину за то, что ввергла Джейми в столь опасную ситуацию.

Он казался спокойным. В зале было жарко, но Джейми не вспотел. Он терпеливо дожидался своей очереди, ничем не показывая, что сознает опасность положения: сотня окружающих его, вооруженных до зубов мужчин немедленно кинется на того, кто рискнет выступить против Макензи и клана в целом. Вот уж действительно «Je suis prest»! Или он решил последовать совету Алека?

Как только настала очередь Джейми, ногти мои сами собой впились в ладони.

Он изящно опустился на одно колено и склонился перед Коламом в глубоком поклоне. Но вместо того, чтобы выхватить из ножен кинжал для присяги, он поднялся на ноги и посмотрел Коламу в лицо. Прямой, как стрела, он казался выше ростом и шире в плечах, чем любой из собравшихся здесь, а над стоящим на своих подмостях Коламом он возвышался на несколько дюймов. Я взглянула на Лаогеру. Когда Джейми выпрямился, она вся побелела, и кулаки ее были крепко сжаты, как и у меня.

Все глаза в зале устремлены были на Джейми, но он заговорил так, словно находился с Коламом наедине. Голос такой же глубокий, как у Колама, и каждое слово отлично слышно.

— Колам Макензи, я пришел к вам как родич и союзник. Я не даю вам клятву, ибо уже дал ее своему роду.

В толпе поднялся негромкий, но зловещий гул, однако Джейми не обратил на него внимания и продолжал:

— Но я согласен отдать вам то, что имею: мою помощь и мою добрую волю, если вы в них нуждаетесь. Я обязуюсь повиноваться вам как родственнику и как лэрду, и я считаю себя связанным этим словом до тех пор, пока остаюсь на землях клана Макензи.

Он умолк и стоял, высокий, прямой, держа руки по бокам. Теперь слово за Коламом, подумала я. Одно лишь его слово, один знак — и кровь молодого человека смоят завтра утром со ступеней.

Одно мгновение Колам стоял неподвижно, потом улыбнулся и протянул руки. И Джейми, помедлив тоже лишь один миг, вложил в них свои.

— Мы считаем за честь принять предложенные вами дружбу и добрую волю, — громко произнес Колам. — Принимаем ваш обет повиновения и приветствуем вас как союзника клана Макензи.

Напряжение в зале сразу упало, а на галерее почти слышен был вздох облегчения, когда Колам отпил из кубка и протянул его Джейми. Молодой человек принял кубок с улыбкой. Однако вместо обычного церемониального глотка он, осторожно приняв почти полный кубок, принялся пить из него. И продолжал пить, под удивленные и уважительные возгласы зрителей, которые наблюдали с возрастающим интересом за тем, как движутся мышцы гортани у пьющего из кубка. Мне подумалось, что ему вот-вот не хватит дыхания, но ничего подобного. Он выпил тяжелый кубок до последней капли, опустил его, шумно выдохнув воздух, и вручил сосуд Коламу.

— Большая честь для меня, — заговорил он немного охрипшим голосом, — быть союзником клана, в котором пьют такое прекрасное виски.

Рев одобрения встретил эти слова, и когда Джейми пошел к выходу, его то и дело останавливали, чтобы пожать руку или дать дружеского тумака по спине. По-видимому, в клане Макензи не только его глава Колам обожал театральные зрелища.

Жара на галерее была удушающая да плюс еще дым, подымавшийся снизу; у меня разболелась голова перед самым концом церемонии, о котором, как я поняла, возвестил в нескольких словах Колам. Нисколько не опьяневший после того, как приложился по меньшей мере к шести кубкам со спиртным, он говорил все тем же твердым голосом, который отдавался эхом от каменных стен зала. Мне подумалось, что нынче ночью у него и ноги не заболят, несмотря на то, что он так долго простоял на них.

Снизу донесся общий крик, снова загудели волынки, и торжественная сцена сменилась буйным разгулом. Куда более громким криком радости встретили появление бочонков с элем и виски на установленных для этого столах, а следом за спиртным внесли блюда с овсяными лепешками, хаггисом — вареной с примесью овсяной муки требухой, и мясом. Мистрисс Фиц, которая отвечала за эту часть процедуры, весьма опасно свесилась с балюстрады, зорко наблюдая за поведением слуг, разносивших яства, — проще сказать, юнцов, для которых еще далеко не пришел черед приносить присягу.

— А где же фазаны? — бормотала мистрисс Фиц, оглядывая приносимые блюда. — А тушеные угри? Черти бы побрали этого Мунго Гранта, я с него шкуру спущу, если он сжег угрей!

Поразмыслив хорошенько, она начала проталкиваться к выходу из галереи, очевидно, не в силах оставить на усмотрение не слишком усердного Мунго Гранта такую ответственную вещь, как угощение по

случаю праздника.

Воспользовавшись возможностью, я двинулась вслед за ней, ибо мистрисс Фиц оставляла за собой широкий проход. Ко мне присоединилось еще несколько женщин.

Мистрисс Фиц, обернувшись и увидев за собой целое стадо особей слабого пола, сурово нахмурилась.

— А вы, барышни, немедленно отправляйтесь по своим комнатам, — распорядилась она. — Если не хотите оставаться в безопасности здесь наверху, бегите, да побыстрей, к себе. Не шастайте по коридорам и не прячьтесь по углам. Во всем замке не найдешь теперь ни одного трезвого мужчины, а через час они будут еще пьяней. Нынче вечером девушкам тут не место.

Толчком отворив дверь, она осторожно выглянула в коридор. Убедившись, что все спокойно, она начала по одной выпускать девиц из дверей, требуя, чтобы они немедленно отправлялись по своим спальням на верхнем этаже.

— Вам не нужна помощь? — спросила я, идя рядом с ней по коридору. — Я имею в виду — в кухне?

Она покачала головой, но за предложение поблагодарила улыбкой.

— Нет, барышня, ничего такого не надо. Вы тоже отправляйтесь к себе, вам тут так же опасно, как и другим.

И она ласково подтолкнула меня в спину, направляя в довольно-таки темный переход.

После встречи с представителями наружной охраны я была склонна последовать ее совету. Мужчины в холле буйствовали, плясали, продолжали пить, не помышляя ни о сдержанности, ни о контроле. Женщинам тут и вправду не место.

Но найти отсюда дорогу к моей комнате представляло в своем роде задачу. С этой частью замка я была почти не знакома, помнила только, что на следующем этаже есть проход к моей комнате, но никак не могла отыскать лестницу.

Повернув за угол, я наткнулась на группу мужчин. Я их не знала, они приехали из каких-то явно отдаленных владений клана и не привыкли к принятым в замке приличным манерам. Во всяком случае, я так решила, заметив, что один из них, вероятно, отчаявшись найти отхожее место, справлял малую нужду прямо тут, в углу коридора.

Я повернула прочь, намереваясь вернуться туда, откуда пришла, все равно, есть там лестница или нет. Меня остановило сразу несколько рук, и я оказалась прижатой к стене в коридоре, окруженная бородатými горцами,

от которых несло виски и на уме у которых было насилие.

Не находя смысла в долгих церемониях, один из мужчин ухватил меня рукой за талию, а другую руку запустил мне за корсаж. Наклонился поближе, так что я уперлась ухом в его заросшую волосами щеку.

— А что ты думаешь насчет сладкого поцелуя для храбрых парней из клана Макензи? Тулах Ард!

Я ответила грубым ругательством и изо всех сил отпихнула его от себя. Он был так пьян, что на ногах держался неустойчиво и повалился прямо на своего приятеля. Я метнулась в сторону и кинулась бежать, сбросив на ходу свои нелепые туфли.

Еще одна тень выросла передо мной, и я остановилась. Передо мной один, а гонятся за мной по меньшей мере десятеро, и они могут схватить меня несмотря на то, что нагрузились спиртным. Я ринулась вперед, намереваясь обойти его, но он быстро преградил мне дорогу, и я остановилась так неожиданно, что вынуждена была упереться руками ему в грудь — иначе я повалилась бы на него. Это оказался Дугал Макензи.

— Какого дьявола... — начал он, но тут же увидел гнавшихся за мной мужчин. Дугал толкнул меня себе за спину и рывкнул по-гэльски на моих преследователей. Они запротестовали на том же языке, но после короткой перепалки — ни дать ни взять стая грызущихся волков, компания удалилась в поисках лучших возможностей.

— Спасибо вам, — поблагодарила я Дугала, совершенно ошеломленная происшествием. — Спасибо. Я... пожалуй, я пойду. Здесь не стоит оставаться.

Дугал посмотрел на меня, взял за руку и повернул лицом к себе. Он был весь взъерошенный, растрепанный — явно принимал участие в разгуле, который происходил в холле.

— Совершенно правильно, барышня, — сказал он. — Вам здесь оставаться не стоит. Но поскольку вы уже тут, вы мне заплатите выкуп.

В полутьме заблестели его глаза. Он неожиданно привлек меня к себе и поцеловал. Крепко поцеловал, его язык коснулся моего, и я почувствовала во рту вкус и запах виски. Обеими руками он обхватил меня за бедра и притиснул к себе так, что я почувствовала напряженную, твердую мужскую плоть сквозь все мои юбки.

Он отпустил меня столь же неожиданно, как и привлек к себе. Неровно дыша, кивнул и повел рукой в сторону холла. Пригладил упавшую ему на лоб непокорную рыжую прядь.

— Уходите, барышня, — сказал он. — Пока не пришлось заплатить более высокую цену.

И я ушла, босиком.

Имея в виду события прошедшей ночи, я полагала, что обитатели замка наутро подымутся со своих постелей поздно. И спустятся вниз за подбадривающей кружкой эля, когда солнце будет высоко.

Однако шотландские горцы из клана Макензи оказались куда более крепким народом, чем я думала, и еще до рассвета замок уже гудел как улей; громкие голоса перекликались из коридора в коридор, бряцало оружие, топали сапоги — мужчины собирались на тинчал.

Было холодно и туманно, но Руперт, которого я повстречала во дворе по пути в холл, заверил меня, что это самая лучшая погода для охоты на кабана.

— У этого зверя шкура такая толстая, что холод ему нипочем, — объяснял он мне, с энтузиазмом затачивая наконечник копья на точильном камне с ножным приводом. — Кабаны чувствуют себя в безопасности, когда кругом туман, и не замечают охотников, вот какое дело-то.

Я воздержалась от замечания, что и охотники-то увидят кабана только в тот момент, когда наткнутся на него.

Едва, солнце пронизало туман своими красными и золотыми лучами, охотники собрались на переднем дворе, украшенные, словно блестками, каплями воды и сверкающие глазами в радостном предвкушении охоты. Мне приятно было узнать, что женщины в охоте не участвуют, удовлетворяясь такими приношениями отбывающим героям, как лепешки и кружки эля. Я увидела, какое количество мужчин, до зубов вооруженных копьями, топорами, луками и стрелами, кинжалами, направляется в восточный лес и мне стало немного жаль кабана.

Но часом позже на место жалости пришел некий уважительный страх — когда меня поспешно вызвали на окраину леса перевязать раны человеку, в тумане наскочившему на зверя.

— Боже милостивый! — воскликнула я, осматривая зияющую рваную рану от колена до лодыжки. — В этом повинно животное? Это же надо иметь стальные зубы!

— А? — только и смог выговорить раненый, который был бледен от шока и слишком потрясен, чтобы разговаривать, но один из тех, кто помогал донести его сюда из леса, поглядел на меня с откровенным любопытством.

— Все обойдется, — заверила я, потуже затягивая давящую повязку на поврежденной икре. — Отнесите его в замок, попросим мистрисс Фиц дать ему горячей похлебки и теплое одеяло. Рану надо зашить, а у меня нет с собой инструментов.

Эхо в тумане на склоне холма повторяло ритмический треск колотушек. И вдруг над туманом и над деревьями прозвучал такой пронзительный вопль, что поблизости от меня вырвался из своего тайного укрытия фазан и, трепеща крыльями от страха, улетел.

— Господи помилуй, а это что такое?

Я подхватила связку бинтов, оставила своего пациента на попечение его приятелей и бегом кинулась в лес.

Под сводом ветвей туман был гуще, и я что-то могла видеть лишь на расстоянии нескольких футов, но повторяющиеся крики и треск ломаемого подлеска вели меня в правильном направлении.

Он прошел позади меня. Прислушиваясь к крикам впереди, его я не услышала и не видела до той минуты, когда он уже удалялся — темная огромная масса, движущаяся с немыслимой быстротой почти бесшумно на нелепо маленьких раздвоенных копытах.

Я была так поражена неожиданностью его появления, что вначале даже не успела испугаться. Я просто уставилась в туман на том месте, где скрылось с глаз щетинистое темное существо. Потом, подняв руку, чтобы убрать волосы со лба, я увидела на руке красную полосу. Взглянула вниз — такая же полоса осталась на моей юбке. Животное было ранено. Быть может, это оно кричало?

Нет, подумала я. То был крик смертельно раненного человека. А зверь пробежал мимо меня быстро, полный силы. Я перевела дух и снова вступила в стену тумана в поисках раненого.

Я нашла его у подножия невысокого холма, окруженного мужчинами в килтах. Они накрыли раненого своими пледами, чтобы ему было тепло, однако влажная ткань на его ногах была угрожающе темного цвета. Широкая полоса свежей черной земли на склоне показывала, где спустился человек, а втоптанная в грязь сухая листва и перепаханная копытами почва у подножия — место, где на него напал кабан. Я опустилась на колени возле раненого, откинула пледы и приготовилась к осмотру.

Сделать это я не успела: крики мужчин заставили меня повернуть голову, и я еще раз увидела, как из-за деревьев явился бесшумный ночной кошмар.

На этот раз я успела разглядеть кинжал, который торчал в боку у зверя, быть может, дело рук того, кто лежал передо мной на земле. Успела разглядеть окровавленные желтые клыки и бешеные маленькие красные глазки.

Мужчины возле меня, ошеломленные, как и я, этим появлением, начали хвататься за оружие. Быстрее всех действовал высокий человек,

выхвативший копьё у оцепеневшего соседа и выступивший вперед.

То был Дугал Макензи. Он двигался почти небрежно, копьё держал низко, обеими руками, словно полную лопату грязи. Шел на зверя, что-то негромко приговаривая по-гэльски, как будто выманивал кабана из-под прикрытия дерева, под которым тот остановился.

Первая атака зверя была неожиданной, как взрыв. Кабан промчался так быстро и так близко, что коричневый охотничий тартан Дугала шевельнулся от поднятого зверем ветра. Он мгновенно развернулся и кинулся снова — заряд мускульной ярости. Дугал отскочил, как тореадор, и ударил кабана копьём. назад, вперед, снова и снова. Это напоминало танец, соперники с силой взрывали землю, но двигались с такой скоростью, что казалось — они оторвались от нее.

Бой тянулся всего минуту или около того, но она была долгой, эта минута! Кончилось все тем, что Дугал, увернувшись от острых клыков, поставил точку, вонзив копьё между горбатыми лопатками зверя. Тупой удар и жуткий пронзительный визг, от которого у меня мурашки забегали по коже. Маленькие кабаньи глазки заметались из стороны в сторону, отыскивая того, кто совершил возмездие, животное шло, пошатываясь, и острые копыта глубоко уходили в почву. Визг продолжался, дойдя до неимоверной высоты и силы, тяжелое тело клонилось набок, и кинжал все дальше уходил в плоть. Кабан начал рыть копытами землю, разбрасывая комья грязи.

Визг оборвался внезапно. На мгновение наступила тишина, потом зверь хрюкнул и больше не двигался.

Дугал не стал ждать конца агонии; он обошел подергивающуюся тушу и подошел к раненому. Опустился на колени и подсунул руку под плечи жертвы, заменив другого человека, который поддерживал раненого до сих пор. Кровь кабана обрызгала Дугалу лицо, несколько капель, уже высыхающих, попало на волосы сбоку.

— Подбодришь, Джорди, — с неожиданной мягкостью в грубом голосе произнес он. — Держись, дружище. Я убил его. Все в порядке.

— Дугал? Это ты, друг? — Раненый повернул голову к Дугалу и старался открыть глаза.

Я принялась отыскивать пульс и слушала с возрастающим изумлением, как Дугал, неистовый, беспощадный Дугал тихо и ласково разговаривает с пострадавшим, прижимая его к себе, приглаживая ему спутанные волосы.

Я откинулась назад и опустила на грудь одежды, лежавшую на земле. Глубокая рана длиной примерно восемь дюймов шла от паха по

внутренней стороне бедра, кровь из нее лилась непрерывно, однако не толчками — значит, бедренная артерия не задета и кровь можно остановить.

Ничего нельзя было поделаться с другой раной — в животе; острые кабаньи клыки порвали кожу, мышцы, брыжейку и кишечник. Крупных сосудов здесь не было видно, однако кишки порваны, распороты, я хорошо видела это в широком отверстии раны. Подобные ранения ведут к фатальному исходу даже в условиях современной операционной с ее инструментарием, шовным материалом и антибиотиками под рукой. Содержимое кишечника попадает в брюшную полость, заполняет ее и инфицирует полностью. А здесь, не имея никаких препаратов, кроме чеснока да цветков тысячелистника...

Я встретила глазами с Дугалом, который тоже смотрел на ужасную рану. «Он будет жить?» — почти неслышно, еле шевеля губами, спросил Дугал через голову раненого.

Я покачала головой. Дугал помедлил, потом потянулся вперед и распустил наложенный мною жгут на бедре. Дугал посмотрел на меня, видимо, ожидая протеста, но я только кивнула. Я могла остановить кровотечение и заставить перенести раненого в замок на носилках. Обречь его на долгую агонию, обширное нагноение и гангрену, которая в конце концов непременно его убьет, измучив невыносимой болью. Дугал подарил ему более легкую и лучшую смерть — под небом, на ковре из листьев, окрашенных кровью его сердца и кровью зверя, который поразил его. Я подползла на коленях по сырым листьям к умирающему и поддержала ему голову.

— Скоро станет легче, — сказала я, и голос у меня был ровный — к этому-то я приучила себя. — Боль утихнет.

— Да. Уже теперь... легче. Я не чувствую рук... и ног тоже... Дугал... ты здесь? Ты здесь, друг?

Умирающий слепо водил перед лицом онемелыми руками. Дугал твердо взял эти руки в свои и все шептал что-то раненому на ухо.

Спина у Джорди выгнулась дугой, каблуки глубоко ушли в мокрую землю — тело протестовало против того, с чем уже смирился разум. Время от времени он порывисто вздыхал — потеря крови лишила его кислорода, он задыхался.

Тишина стояла в лесу. В тумане не пели птицы, и мужчины, ожидавшие конца, стоя под деревьями, тоже молчали — как эти деревья. Дугал и я склонились над телом, все еще бормоча слова утешения — горестное напутствие тому, кто уходил в небытие.

Дорога вверх по холму к замку прошла в молчании. Я шла рядом с погибшим, которого уложили на носилки из сосновых ветвей. Следом за нами таким же способом несли тело его врага. Дугал шел впереди, в одиночестве.

Едва мы вошли через ворота на главный двор, я увидела толстую коротконогую фигуру отца Бэйна, опоздавшего напутствовать своего прихожанина.

Я сразу повернула к лестнице, которая вела к моему врачебному кабинету, но Дугал удержал меня. Мимо нас пронесли к часовне накрытое пледом тело Джорди и оставили нас вдвоем в опустевшем проходе. Дугал взял меня за руку.

— Вы и раньше видели умирающих мужчин, — сказал он ровным голосом. — Смертельно раненных.

Не вопрос, а почти обвинение.

— Многих и многих, — ответила я так же просто. Высвободила руку и оставила его одного, а сама направилась ухаживать за своим живым пациентом.

Смерть Джорди, пусть и ужасная, прервала течение праздника ненадолго. Похоронную службу над ним отпели в тот же день, а игры начались на следующее утро.

Игр я почти не видела, так как была в основном занята тем, что наскоро чинила их участников. Единственное, что могу с уверенностью сказать о подлинно шотландских играх, — они не для слабых. Я бинтовала ноги тем, кто неудачно пытался танцевать среди мечей, наложила лубок на сломанную ногу незадачливой жертвы неточно брошенного молота, я снабжала касторкой и сиропом из настурции бесчисленных ребятишек, объевшихся сладостями. И к вечеру совершенно обессиленна.

Я взобралась на стол в кабинете, чтобы вдохнуть через окошко хоть немного свежего воздуха. С поля, где проходили игры, все еще доносились крики, смех и музыка. Очень хорошо. Новых пациентов нет, надо надеяться, не будет до завтра. Что там, говорил Руперт, у них на очереди? Стрельба из лука? Хммм. Я проверила запас бинтов и закрыла за собой дверь кабинета.

Покинув замок, я спустилась по склону к конюшням. Могла же я, в конце концов, побыть в компании существ, которые не являются людьми, не болтают и не истекают кровью. Был у меня и умысел отыскать Джейми, как-там-его-настоящая-фамилия, и еще раз попросить у него прощения за то, что втянула его в историю с присягой. Правда, он справился с этим недурно, но явно предпочел бы совсем не принимать участия в процедуре,

храня верность собственному девизу. Что касается сплетен о нашем с Джейми любовном свидании, которые мог распустить тот же Руперт, то об этом я решила не думать.

Не хотелось думать и о собственном затруднительном положении, но рано или поздно придется. Со своим бегством я потерпела сокрушительную неудачу в начале Собрании, а что, если попытаться в конце? Правда, большинство лошадей сейчас в разгоне, но лошади, принадлежащие замку, скорее всего, доступны. Отсутствие одной из них припишут случайной краже — мало ли негодяев самого разбойного вида шатается вокруг ярмарки и на игровом поле? А в суете разъезда по домам меня не сразу хватятся.

Я медленно плелась вдоль забора паддока, обдумывая способы бегства. Главная трудность заключалась в том, что я только в общих чертах представляла, где нахожусь в соотношении с тем, куда мне надо попасть. Благодаря моей медицинской практике во время игр меня теперь фактически знали в лицо все представители клана Макензи от Леоха и до Границы, стало быть, я не смогу расспрашивать о дороге.

Рассказал ли Джейми Дугалу или самому Коламу о моей неудачной попытке бежать в ночь присяги? Возможно, что не рассказал — ни тот, ни другой на это не намекали.

В паддоке лошадей не было. Я толкнула дверь конюшни, и сердце мое так и заколотилось при виде Джейми и Дугала, сидящих рядышком на куче сени. Они не меньше удивились мне, чем я им, однако оба галантно поднялись с мест и предложили мне присесть.

— Не беспокойтесь, — сказала я и повернулась к двери. — Я вовсе не хочу мешать вашей беседе.

— Нисколько, барышня, — возразил Дугал. — То, что я сейчас говорил Джейми, касается и вас.

Я бросила на Джейми быстрый взгляд, но он отрицательно мотнул головой. Значит, не рассказывал Дугалу о моей попытке бежать.

Я села поодаль от Дугала. Сцена в коридоре в ночь присяги была свежа в памяти, хотя он потом не намекнул мне о ней ни звуком, ни жестом.

— Через два дня я уезжаю, — заявил Дугал. — И беру с собой вас обоих.

— Куда вы берете нас? — спросила я, пораженная. Сердце снова усиленно забилося.

— В поездку по землям клана Макензи. Колам путешествовать не может, а надо посетить арендаторов, которые не приехали на Собрание. Это моя задача. Ну и есть кой-какие другие дела в разных местах.

— Но почему я? То есть я хотела сказать, почему мы оба?

Дугал подумал, прежде чем ответить.

— Н-ну, — протянул он, — Джейми прекрасно управляется с лошадьми. Что касается вас, барышня, то Колам считает, что с вами стоит побывать в Форт-Уильяме. Начальник может помочь... разыскать ваших родственников во Франции.

Или помочь вам, подумала я, выяснить, кто я такая на самом деле. А что еще вы от меня скрываете? Дугал стоял и смотрел на меня, ожидая, как я приму новость.

— Очень хорошо, — спокойно сказала я. — Прекрасная мысль.

Внешне я осталась невозмутимой, но в душе у меня все так и пело. Какая удача! Теперь мне уже не надо бежать из замка. Большую часть пути я сделаю с Дугалом, он сам повезет меня. А уж из Форт-Уильяма я найду дорогу без особых трудностей. Дорогу на Крэг-на-Дун. К кольцу стоячих камней. И с Божьей помощью — домой.

Часть третья

В ПУТИ

Глава 11

РАЗГОВОРЫ С ЮРИСТОМ

Мы выехали из замка Леох через два дня, перед рассветом. По две, по три и даже по четыре в ряд, под громкие прощальные восклицания и крики диких гусей на озере лошади осторожным шагом вступали на каменный мост. Я все оглядывалась и оглядывалась назад — до тех пор, пока громада замка не скрылась за мерцающей завесой тумана. Мысль о том, что я никогда больше не увижу ни это мрачное сооружение из камня, ни его обитателей, вызывала во мне странное чувство сожаления.

Топот конских копыт звучал в тумане приглушенно. Необычно звучали в сыром воздухе человеческие голоса: сказанное на одном конце кавалькады порою совершенно четко и ясно слышалось на другом ее конце, а слова, произнесенные совсем рядом, превращались в неясное бормотание. Казалось, что ты едешь по некоей призрачной стране, населенной духами. Голоса, словно бы отделившиеся от тел и начавшие самостоятельное существование, расплывались по воздуху, то отдаляясь, то снова приближаясь.

Мне пришлось ехать посередине между вооруженным мужчиной, имени которого я не знала, и Недом Гоуэном, щуплым писарем, которого я видела в Холле возле Колама во время суда. Впрочем, как я потом узнала, он был не просто писарь, а во время наших с ним разговоров по дороге я окончательно уяснила себе его роль в жизни замка.

Нед Гоуэн был солиситор — ходатай по делам, поверенный, или адвокат, как чаще говорят в наше время. Родился, вырос и получил образование в Эдинбурге. Маленький пожилой человек мелкого и хрупкого сложения, он носил сюртук из тонкого черного сукна с шелковистой отделкой, тонкие шерстяные чулки, полотняную рубашку, широкий воротник которой был отделан полоской кружева, и штаны, материя коих представляла собой хорошо продуманный компромисс между необходимостью уберечься в пути от холода и потребностью соответствовать социальному положению хозяина. Маленькие очки в золотой оправе, опрятная ленточка, которой были перевязаны волосы, и шляпа из синего фетра дополняли картину. Он представлял собой настолько законченный образец законника, что я не могла смотреть на него без улыбки.

Он ехал рядом со мной на смирной кобыле, к седлу которой с обеих

сторон были приторочены две большущие сумки из потертой кожи. Он объяснил мне, что в одной из этих сумок находятся принадлежности его профессии — чернильница, перья и бумага.

— Для чего же предназначена вторая? — спросила я, посмотрев на сумку — в отличие от первой она казалась на вид совсем пустой.

— Она предназначена для денег, собранных с арендаторов нашего лэрда, — отвечал поверенный, похлопав по сумке рукой.

— Очевидно, ожидаются солидные поступления, — предположила я.

Мистер Гоуэн благодушно пожал плечами.

— Не такие уж значительные, моя дорогая. В большинстве своем деньги поступают в пенсах, полупенсах, вообще в мелкой монете. А мелкая монета, как известно, занимает гораздо больше места, чем деньги более крупного номинала. — Он улыбнулся — быстрой, кривоватой улыбкой тонких сухих губ. — Но все же эту увесистую массу меди и серебра легче перевозить, чем остальную часть дохода, получаемого его лэрдетвом.

Он обернулся и бросил быстрый взгляд через плечо на две большие, запряженные мулами телеги, сопровождавшие нас.

— Мешки с зерном и связки репы обладают по — крайней мере тем преимуществом, что они неподвижны. Не возражал бы я и против домашней птицы, если она в клетках, а лапки у нее связаны. Даже против коз, хотя они причиняют определенные неудобства своей всеядностью. Одна из них съела в прошлом году мой носовой платок, но тут я сам был в известной степени виноват — кончик платка торчал у меня из кармана. — Тонкие губы вытянулись в линеечку. — В этом году я, однако, отдал особое приказание. Мы не станем принимать живых свиней.

Необходимость охранять сумки мистера Гоуэна и обе телеги объясняла присутствие двадцати или около того вооруженных мужчин в составе нашего отряда по сбору ренты. Все они ехали верхом, кроме того, нас сопровождали и вьючные животные, нагруженные, как я предполагала, продовольствием для всех участников поездки. Мистрисс Фиц, провожая меня и щедро осыпая различными предупреждениями и увещеваниями, сказала также, что условия путешествия будут самыми первобытными, многие ночи придется провести, расположившись лагерем при дороге.

Мне очень любопытно было узнать, что заставило такого явно образованного и умелого в своей области человека, как мистер Гоуэн, выбрать место для работы в глуши Шотландского нагорья, далеко от удобств и удовольствий цивилизованной жизни, к которым он привык.

— Ну что ж, — отвечал он на мои расспросы, — будучи молодым человеком, я имел небольшую практику в Эдинбурге. Кружевные занавески

на окнах, начищенная медная табличка с моим именем на дверях. Но мне надоело составлять завещания и акты о передаче имущества, надоело видеть каждый день одни и те же лица. Я взял и уехал, — заключил он просто.

Он приобрел лошадь и кое-что из нужных вещей и отправился в путь, сам не зная, куда он едет и что станет делать по прибытии на место. — Видите ли, я должен вам признаться, — продолжал он, слегка прикоснувшись к носу платком с вышитой на нем монограммой, — что у меня есть склонность к... приключениям. Однако ни мое сложение, ни традиции нашей семьи не соответствовали существованию, какое ведут разбойник с большой дороги или мореплаватель, ибо в то время именно эти области деятельности представлялись мне наиболее богатыми с авантюрной точки зрения. В качестве альтернативы я выбрал дорогу вверх, в горы Шотландии. Я думал, что, может быть, мне удастся уговорить главу какого-нибудь клана взять меня к себе на службу.

И во время своего путешествия он как раз и натолкнулся на такого главу.

— На Джейкоба Макензи, — произнес он с улыбкой, в которой читались воспоминания. — И был он злобный рыжий старый негодяй. — Мистер Гоуэн кивнул в ту сторону, где впереди нас сияли сквозь туман яркие волосы Джейми Мактевиша. — Его внук очень на него похож. Впервые мы встретились, когда я оказался под прицелом его пистолета, потому что Джейкоб собирался меня ограбить и сделал это. Я без сопротивления отдал своего коня и свои сумки, иного выбора у меня не было. Но, полагаю, Джейкоб был весьма поражен, когда я настойчиво предложил сопровождать его, хотя бы и пешком.

— Джейкоб Макензи. Это отец Колама и Дугала? — спросила я.

Старый юрист наклонил голову.

— Да. Но, конечно, тогда он не был лэрдом. Он стал им через несколько лет... с моей пусть и незначительной помощью, — скромно добавил он и заметил с оттенком ностальгии: — В те времена все было менее... цивилизованно.

— Вот как? — вежливо вставила я. — Ну, и Колам, так сказать, унаследовал вас?

— Нечто в этом роде, — согласился юрист. — Понимаете ли, после смерти Джейкоба получилось некоторое... замешательство. Колам унаследовал Леох, это так, однако... — Поверенный внимательно поглядел вперед, потом обернулся назад, чтобы убедиться, что никто не может нас подслушать.

Мой вооруженный сосед ускакал вперед и присоединился к своим товарищам, а от следовавших позади телег мы находились по меньшей мере на расстоянии четырех конских корпусов.

— Колам был тогда уже взрослым мужчиной лет восемнадцати или даже постарше, — продолжил Гоуэн свой рассказ. — У него были все задатки будущего главы клана. Он женился на Летиции и тем самым укрепил союз между Макензи и Камеронами. Я составлял для них брачный контракт, — добавил он, — но вскоре после женитьбы с ним произошел несчастный случай во время набега. Сломал большую бедренную кость, и она плохо срослась.

Я кивнула. Так оно и должно было случиться.

— А потом, — со вздохом продолжал Гоуэн, — он слишком рано встал с постели, скатился с лестницы весьма неудачно и сломал вторую ногу. После этого он пролежал в постели почти целый год, но вскоре стало ясно, что он сделался калекой. К несчастью, именно в это время умер Джейкоб.

Маленький юрист замолчал, очевидно, собираясь с мыслями. Снова поглядел вперед, словно кого-то искал. Не найдя, опустил ся в седло.

— И как раз тогда еще поднялась вся эта шумиха в связи с замужеством его сестры, — сказал он. — А Дугал... Дугал, боюсь, держался тогда не слишком правильно. Он, видите ли, мог стать во главе клана, но, вероятно, оказался для этого недостаточно зрелым. — Гоуэн покачал головой. — Суматоха вокруг этого дела поднялась невероятная. В ней приняли участие и двоюродные братья, и дядюшки, и арендаторы... пришлось созвать большое Собрание, чтобы решить вопрос.

— Но они в конце концов выбрали Колама? — спросила я, снова восхитившись силой личности Колама Макензи.

Бросив искоса взгляд на иссохшего маленького человечка, который ехал рядом со мной, я подумала, что Колам к тому же оказался удачлив в выборе союзников.

— Выбрали, но только благодаря тому, что братья неколебимо держались вместе. Никаких сомнений по поводу храбрости или ума Колама, разумеется, не было, сомнения касались только его физического состояния. Было ясно, что он уже никогда не поведет своих людей в бой. Но был еще Дугал, крепкий и здоровый, хотя порою безрассудный и слишком горячий. Он встал за креслом брата и поклялся слушать его во всем, быть его ногами и его рукой, держащей меч в битве. И тогда предложили, чтобы Колам стал лэрдом и руководил всем в обычное, мирное время, а Дугал назначен военачальником клана и руководил им во время военных действий. Так создалось это положение, не имевшее

прецедента.

Скромность, с которой Гоуэн произнес слова «и тогда предложили», сделала совершенно ясным, кто предложил.

— А чей вы человек? — спросила я. — Колама или Дугала?

— Мои интересы связаны с кланом Макензи в целом, — дипломатично ответил юрист, — но присягу по форме я принес Коламу.

Присягу по форме, скажите на милость, подумала я. Видела я, как они присягали, но не заметила среди такого большого скопления народа маленькую фигурку законника. Ни один из тех, кто участвовал в церемонии, не мог остаться к ней равнодушным. И маленький человечек на гнедой кобыле, сухой, как его собственные кости, весь погруженный в мир законов, судя по его собственным рассказам, был в глубине души романтиком.

— Он, должно быть, нашел в вашем лице достойного помощника, — сказала я.

— О, я делаю кое-что время от времени, — ответил он. — Немногое. Как делаю и для других. Если вы, дорогая моя, нуждаетесь в совете, — он просиял сердечнейшей улыбкой, — располагайте мной. Уверяю вас, что на мою дискретность вы можете положиться.

Он любезно поклонился мне.

— До такой же степени, как на вашу лояльность по отношению к Коламу Макензи? — Я подняла брови, задавая этот вопрос.

Маленькие выцветшие карие глазки встретились с моими, и в самой их глубине я увидела не только ум, но и чувство юмора.

— Вот именно, — ответил он, ничуть не смутившись. — Стоит попробовать.

— Наверное, так и есть, — сказала на это я, скорее забавляясь, нежели сердясь. — Но я уверяю вас, мистер Гоуэн, что не нуждаюсь в вашей дискретности, по крайней мере теперь.

Однако это заразительно, подумалось мне, я выражаюсь почти так же, как и он.

— Я английская леди, — твердо продолжала я, — и ничего больше. Колам зря тратит время — свое и ваше, — пытаюсь выведать секреты, которых попросту не существует.

А о тех, что существуют, сказать нельзя, подумала я. Дискретность мистера Гоуэна, возможно, и не имеет границ, но отнюдь не его доверчивость.

— Надеюсь, он послал вас не затем, чтобы вынудить меня к дискредитирующим признаниям? — спросила я, неожиданно пораженная

этой мыслью.

— О нет. — Мистер Гоуэн коротко рассмеялся. — Право же, нет, дорогая моя. Я выполняю весьма ответственное дело: пишу расписки для Дугала и веду отчетность, а также оформляю законные соглашения для членов клана, которые живут в отдаленных местностях. И боюсь, что, несмотря на мой вполне солидный возраст, я не вполне перерос тягу к приключениям. Жизнь сейчас стала гораздо упорядоченнее, чем была когда-то, — он испустил вздох, в котором, возможно, крылось сожаление о тех давних временах, — однако разбойные нападения на дорогах всегда происходят, и стычки на границе тоже. — Он похлопал рукой по второй седельной сумке. — Эта сумка не совсем пустая.

Он отогнул кожаный клапан таким образом, чтобы я могла увидеть поблескивающие рукоятки пары украшенных резьбой пистолетов, закрепленных скобами таким образом, чтобы их удобно было достать.

Он окинул меня взглядом, вобравшим всю мою фигуру, и сказал тоном мягкой укоризны:

— Вам бы тоже надо иметь оружие, дорогая. Хотя Дугал, вероятно, счел это неуместным... пока. Я поговорю с ним об этом.

Остаток дня мы провели в приятной болтовне о добрых старых временах, когда мужчины были мужчинами в полном смысле слова, а пагубные плевелы цивилизации еще не в столь сильной степени засоряли чистые просторы и прекрасную дикущую природу горной Шотландии.

Едва спустилась ночь, мы раскинули лагерь на поляне при дороге. У меня было одеяло, притороченное сзади к седлу; укрывшись им, я готовилась провести свою первую ночь на свободе, вне стен замка. Когда я уходила от костра к деревьям, за которыми хотела устроить себе ложе, я видела, что за мной следят внимательные глаза. Оказалось, что даже под открытым небом свобода имеет пределы.

Первого селения, где мы должны были остановиться, мы достигли примерно в полдень на второй день поездки. Селение представляло собой кучку невзрачных домов — три не то четыре, — и расположены они были у входа в небольшую горную долину. Из какого-то дома вынесли табурет для Дугала, а доску, которую везли в одной из телег, уложили на два других табурета — она должна была заменить письменный стол мистеру Гоуэну.

Гоуэн вытащил из заднего кармана сюртука большой накрахмаленный квадратный кусок полотна и расстелил его с величайшей аккуратностью на здоровенном чурбане, временно сменившем свои обязанности колоды для рубки дров на более почетную должность. Гоуэн уселся на чурбан и принялся раскладывать свою чернильницу, перья, счетные книги с тем же

видом, с каким, вероятно, Делал это за кружевными занавесками в Эдинбурге.

Один за другим подходили владельцы ферм, чтобы совершить свою ежегодную сделку с представителем лэрда. Дело двигалось мешкотно — прежде всего потому, что проводилось с куда меньшим соблюдением формальностей, нежели в замке Леох. Каждый из мужчин подходил, освободившись от работы в поле или в сарае, и приносил с собой табурет, на который усаживался на правах равного рядом с Дугалом, и принимался объяснять что-то, на что-то жаловаться или попросту болтать о том о сем.

Некоторые приходили в сопровождении здоровых, крепких сыновей, кто с одним, а кто и с двумя. Парни тащили мешки с зерном или шерстью. В завершение каждого разговора неутомимый Нед Гоуэн писал расписку в получении ежегодной ренты, пунктуально заносил сведения о сделке в счетную книгу и пальцем указывал фермеру или его сыну на телегу, чтобы тот любезно погрузил в нее мешок. Значительно реже в глубины его кожаной сумки опускалась с легким звоном маленькая горстка монет. Наши вооруженные охранники тем временем либо отдыхали под деревьями, либо отправлялись куда-то в заросли на берегу речки — чтобы поохотиться, как предполагала я.

Различные варианты той же самой сцены повторялись потом изо дня в день. Меня то и дело приглашали в какой-нибудь коттедж выпить сидра или молока; все женщины в таких случаях собирались в маленькой единственной комнатке, чтобы поговорить со мной. Иногда кучка домиков была достаточно велика, чтобы обзавестись таверной или даже гостиницей, в которых Дугал устраивал себе нечто вроде штаб-квартиры на целый день.

Случалось, что арендную плату вносили в виде лошади, овцы или иной живности. Животных, как правило, продавали кому-нибудь по соседству или обменивали на нечто более удобовозимое. Но если Джейми заявлял, что лошадь достойна конюшен Леоха, она присоединялась к нашему отряду.

Присутствие Джейми меня удивляло. Он, конечно, очень хорошо разбирался в лошадях, но тем же умением наделен был любой из наших мужчин, в том числе сам Дугал. К тому же лошади поступали в качестве оплаты не столь уж часто и не такой редкой породы, которая требовала бы услуг эксперта. Только через неделю после нашего отъезда, в деревне с неудобопроизносимым названием, я обнаружила, зачем Дугалу понадобился Джейми.

Деревня была маленькая, но тем не менее имела свою таверну с двумя или тремя столами и несколькими расшатанными табуретами. В ней Дугал

и расположился, чтобы принимать арендную плату и вести записи. После неудобоваримой трапезы, которая состояла из соленой говядины и тушеной репы, он угостил элем арендаторов и работников, засидевшихся в таверне после завершения сделок, а также немногих других обитателей деревни, заглянувших сюда по окончании трудов дневных, чтобы поглазеть на приезжих и послушать новости.

Я тихонько сидела в углу и потягивала горький эль, от души радуясь отдыху от седла. Я почти не обращала внимания на речи Дугала, то и дело переходившего с английского на гэльский и наоборот; он сообщал разные слухи, вел разговоры о хозяйстве, то и дело подпуская грубые шутки и анекдоты.

Я лениво раздумывала, сколько же времени при такой скорости передвижения нам понадобится, чтобы добраться до Форт-Уильяма. И каким образом, попав туда, я могу расстаться с шотландцами из замка Леох, но при этом не попасть в заложники в английский армейский гарнизон? Погруженная в собственные мысли, я не сразу сообразила, что Дугал теперь говорит один, что он вроде бы произносит какую-то речь. Его слушатели внимали ему очень напряженно, время от времени сопровождая его монолог краткими междометиями и восклицаниями. Приглядевшись к окружающим, я убедилась, что Дугал довел свою аудиторию до высшей точки возбуждения по какому-то определенному поводу.

Толстый Руперт и маленький юрист Гоуэн сидели у стены позади Дугала. Забытые кружки с элем стояли возле них на скамейке, оба слушали с величайшей напряженностью. Джейми оперся обоими локтями о стол и уткнулся в свою кружку; его-то слова Дугала, казалось, совершенно не занимали.

И вдруг Дугал вскочил с места, схватил Джейми за воротник и сильно рванул. Старая изношенная рубаха расплзлась по швам, стоило только ее дернуть. Ошарашенный Джейми застыл на месте. Глаза у него превратились в щелочки, он стиснул губы, но не шевельнулся даже тогда, когда Дугал, выпустив из рук обрывки рубахи, показал зрителям его спину.

При виде покрытой рубцами спины раздался общий громкий вздох, потом гул негодования. Я было открыла рот, но, услышав гневно произнесенное слово «саксонка», поспешила сомкнуть уста.

Джейми с каменным лицом встал и отступил от окружившей его небольшой толпы. Осторожно стянул с себя останки рубахи и скатал их в шар. Маленькая пожилая женщина, ростом едва до локтя Джейми, гладила ему спину и что-то негромко приговаривала по-гэльски — как я поняла, нечто успокаивающее. Если так, то ожидаемого воздействия ее слова не

произвели.

Джейми коротко ответил на заданные ему немногие вопросы. Молодые девушки, которые пришли в таверну купить эля к домашнему обеду, сбились в кучку у противоположной стены и оживленно перешептывались, то и дело взглядывая широко раскрытыми глазами на Джейми.

А он в свою очередь такими глазами посмотрел на Дугала, что тот должен был бы по меньшей мере окаменеть. Потом швырнул свернутую в комок рубашку прямо в очаг и тремя большими шагами покинул комнату, избавив себя таким образом от сочувственного ропота собравшихся.

Лишившись зрелища, они снова обратили взоры к Дугалу. Большинство замечаний остались мне непонятными, однако легко было догадаться, что они носят в высшей степени антианглийский характер. Я разрывалась между желанием последовать за Джейми и не менее сильным желанием неприметно оставаться там, где я сидела. Сомнительно, чтобы Джейми сейчас нуждался в обществе, подумалось мне, и я забилась поглубже в свой угол, опустила голову и принялась рассматривать свое неясное, бледное отражение на дне кружки.

Звяканье металла вынудило меня поднять голову. Один из мужчин, здоровяк-фермер в кожаных штанах, бросил на стол перед Дугалом несколько монет и произнес нечто вроде краткой речи. Потом он отступил и, засунув большие пальцы за пояс, казалось, ждал чего-то от остальных. После недолгого замешательства парочка наиболее решительных последовала примеру фермера, за ними и другие полезли в кошельки и спорраны за деньгами. Дугал сердечно всех благодарил и знаком показал хозяину таверны, чтобы он подал каждому еще по кружке эля. Я заметила, что Нед Гоуэн складывал новые поступления совсем не в тот мешок, куда попадала арендная плата, предназначенная для казны Колама, и поняла, зачем Дугал все это проделал.

Восстания, как и любые другие предприятия, требуют капитала. Чтобы содержать и кормить армию, нужно золото, необходимо оно и для поддержки руководителей. Насколько я помнила историю неудачного восстания под водительством Красивого Принца Чарли, Младшего Претендента на трон, часть средств он получал из Франции, но частично они поступали и из полупустых и дырявых карманов тех, кого он собирался превратить в своих подданных. Значит, Колам или Дугал или они оба были якобитами и поддерживали Младшего Претендента в его борьбе против законного обладателя английского трона Георга II.

Работники и арендаторы наконец-то отправились по домам обедать, а

Дугал встал и потянулся с видом скромного удовлетворения — ни дать ни взять кот, который только что напился молока либо даже сливок. Он взвесил на руке меньший мешочек и вернул его Неду Гоуэну на хранение.

— Что ж, вполне прилично, — заметил он. — Большого и нельзя ожидать от такого маленького местечка. Стоит только повторить это еще несколько раз — и наберется порядочная сумма.

— «Порядочная» — это не то слово, каким бы я воспользовалась в данном случае, — выпалила я, появляясь из своего угла.

Дугал повернулся с таким видом, словно впервые увидел меня.

— Вот как? — произнес он с насмешливой улыбкой. — У вас имеются возражения против законного способа сбора скромных пожертвований в пользу и для поддержки их господина?

— Никаких, — ответила я, глядя ему в глаза. — Не имеет значения и то, кто этот господин, Я имею в виду приемы, которыми вы при этом пользуетесь.

Дугал окинул меня пристальным взглядом с головы до ног, словно моя наружность могла ему что-то подсказать.

— Не имеет значения, кто этот господин? — повторил он тихо. — Я считал, что вы не владеете гэльским.

— Я и не владею, — отрезала я. — Но у меня от природы вполне достаточно разума, и слышу я отлично на оба уха. И как бы ни звучали по-гэльски слова «за здоровье короля Георга», я сомневаюсь, чтобы звучали они «брат Стюарт».

Он откинул голову назад и расхохотался.

— Что верно, то верно, — согласился он. — Я бы сказал вам, как называют по-гэльски вашего господина и повелителя, но это выражение не для женских уст, независимо от того, англичанка эта леди или нет. Он подошел к очагу и вытащил из золы свернутую и комок рубаху. Оттряхнул ее от саж.

— Если вам не нравятся мои приемы, может, исправите их? — предложил он и сунул рубаху мне в руки, — Попросите у хозяйки дома иглу и заштопайте это.

— Штопайте сами! — огрызнулась я, кинув ему рубаху, и повернулась к выходу.

— Как вам угодно, — вежливо проговорил Дугал у меня за спиной. — Джейми может и сам починить ее, если вы не хотите помочь.

Я остановилась, повернулась к нему и протянула руку.

— Хорошо, — начала я, но тут через мое плечо протянулась большая рука и выхватила рубашку у Дугала.

Глядя на нас обоих мрачными, потемневшими глазами, Джейми подхватил рубашку под мышку и вышел из комнаты так же молча, как и появился в ней.

Мы нашли приют на ночь в одном из фермерских коттеджей. Вернее сказать, я нашла. Мужчины улеглись снаружи, кто на сеновале, кто в телеге, а кто и просто на земле, поросшей папоротником. Мне постелили тюфяк в доме возле очага — то ли из уважения к моему полу, то ли потому, что я была на положении пленной.

Хотя моим тюфяком довольствовалась на своей единственной кровати целая семья из шести человек, я тем не менее завидовала мужчинам, расположившимся спать на вольном воздухе. Огонь в очаге не был совсем загашен, а только приглушен на ночь, и в комнате было жарко, воздух наполнился запахами и звуками ворочающихся на своем ложе, постанывающих, храпящих, потеющих и громко выпускающих газы из кишечника обитателей коттеджа. Спустя некоторое время я оставила всякую мысль о том, чтобы уснуть в этой удушливой атмосфере. Я встала и потихоньку вышла наружу, прихватив с собой одеяло. Воздух здесь — особенно по контрасту с невероятной духотой в комнате — был такой свежий, что я прислонилась к каменной стене дома и полной грудью вдыхала и выдыхала эту восхитительную прохладу.

Под деревом у дорожки сидел в мирной наблюдательной позиции караульный, но он едва взглянул на меня. Очевидно, решив, что вряд ли я собираюсь идти далеко в одной сорочке, он вернулся к своему занятию и продолжал что-то строгать своим маленьким кинжалом, лезвие которого сверкнуло в тени листвы.

Я обошла вокруг коттеджа и стала подниматься на невысокий пригорок за ним, осторожно обходя спящих в траве. Нашла уютное местечко между двумя валунами и устроила себе удобное ложе из травы, накрыв его одеялом. Вытянувшись на нем во весь рост, я долго смотрела, как полная луна медленно плывет по небосклону.

Точно так же следила я за восходом луны, из окна в замке Леох в первую ночь пребывания там в качестве непрошеной гостьи Колама. И вот уже месяц прошел после моего злосчастного прохода сквозь круг стоячих каменных столбов. Мне подумалось, что теперь я знаю, зачем их туда поставили.

Сами по себе они ничего особенного не представляли, они просто служили знаками. Подобно тому, как особыми предупреждениями указывают места возможных камнепадов у подножия скал, так и тут . поставили знак на опасном месте. Но чем оно опасно? Предупреждают ли

каменные столбы о том, что преграда между временами здесь особенно тонка?

О том, что поблизости находятся некие ворота? Те, кто возводил столбы, совсем не обязательно знали, с чем имеют дело. Для них именно здесь совершалось ужасное, загадочное и сильное волшебство: в этом месте люди исчезали без предупреждения. Или, возможно, появлялись прямо из воздуха.

Это была мысль. Что произошло бы, если бы кто-то увидел, как я внезапно появляюсь на холме Крэг-на-Дун? По-видимому, это зависит от времени появления. Скажем, встретился бы со мной при подобных обстоятельствах какой-нибудь здешний батрак — он бы непременно принял меня за колдунью или волшебницу. Скорее всего, последнее — именно за волшебницу, фею этого холма, заслужившего определенную репутацию.

А репутация, понятное дело, и сложилась на подобном основании. Если люди в течение долгих лет исчезали или, наоборот, появлялись «ниоткуда» на этом самом месте, значит, оно зачарованное.

Я вытащила из-под одеяла одну ногу и пошевелила при свете луны длинными пальцами. Что-то не похоже на ножку феи, критически подумала я. При моем, росте в пять футов шесть дюймов я для того времени, куда попала, была высокой женщиной, выше многих мужчин. Стало быть, я вряд ли сошла бы за представительницу Маленького Народца, меня бы, пожалуй, приняли за ведьму или злого духа. Судя по тому немногому, что я знала об отношении к подобным явлениям в те времена, лучше было бы, чтобы никто меня не увидел.

В полудреме я начала думать о том, что было бы при совсем ином повороте дела. Если бы кто-нибудь из этого времени попал в мое? Собственно говоря, я сама собиралась совершить такой переход, если удастся. А как отреагировал бы современный шотландец, или шотландка, например та же миссис Бьюкенен, владелица почты, что с ней было бы, если бы прямо перед ней как из-под земли появился бы кто-нибудь вроде того же Мурты?

Скорее всего, она бы кинулась бежать или подняла на ноги полицию... а может, ничего такого не сделала бы, а просто рассказала потом соседям и родственникам, что с ней произошло.

Ну а пришелец? Он не мог бы, попав в чужое для него время, не привлечь обостренного внимания, если бы не сообразил сразу, как осторожно следует себя вести, и не был бы при этом удачлив. Я ведь сумела же приспособиться и выглядеть современницей среди тех людей и обстоятельств, к которым и в которые попала, хотя и мой вид, и моя речь

определенно возбуждали немало подозрений.

Что, если бы перемещенное лицо внешне слишком выделялось в новой обстановке или поспешило бы рассказать о том, что с ним случилось? Что касается древних времен, похоже, такого явного чужака убили бы на месте без долгих разговоров. А в более просвещенное время его, наверное, признали бы сумасшедшим и отправили в соответствующее заведение, если бы он попытался шуметь.

Подобные вещи, вероятно, происходили в течение всей истории человечества. Даже в том случае, когда тому находились свидетели, нельзя было подобрать ключ к загадке; единственный, кто мог бы рассказать, в чем дело, исчезал, а там, куда он попадал, он вынужден был держать язык за зубами.

Погрузившись в размышления, я не сразу обратила внимание на приглушенные голоса и звук шагов по траве и очень удивилась, когда совсем поблизости, буквально в нескольких ярдах от меня, кто-то произнес:

— Черт бы тебя побрал, Дугал Макензи, родич я или нет, но этого я делать не обязан.

Голос был низкий и дрожал от гнева.

— Вот как? — отозвался другой голос, слегка насмешливый. — Кажется, стоит напомнить тебе одну клятву, определившую твои обязанности. «До тех пор, пока ноги мои попирают земли клана Макензи»... так, кажется, было сказано... — Вслед за этими словами последовал мягкий тяжелый удар, словно говорящий притопнул ногой о землю. — А это они и есть, владения Макензи, паренек.

— Я давал слово Коламу, а не тебе.

Так. Это Джейми Мактевиш, и нетрудно угадать, чем он недоволен.

— Это одно и то же, малый, да ты и сам знаешь. Послышался легкий шлепок — словно бы рукой по щеке.

— У тебя есть обязанности перед главой клана, а за пределами Леоха я не только ноги Колама, но также его голова и руки.

— Никогда еще я не видел лучшего примера тому, как правая рука не ведает, что делает левая, — последовал быстрый ответ, и хотя тон голоса был горький, в нем прозвучала и некая доля издевки, подчеркнувшая резкость столкновения двух характеров. — Как ты считаешь, что сказала бы правая рука насчет левой, которая собирает деньги для Стюартов?

Дугал некоторое время помолчал, прежде чем ответить:

— Макензи, Макбеолайны и Маквиниши — все они свободные люди. Никто не может заставить их отдать что-либо против воли, но никто и не воспрепятствует им отдать. И кто знает? Может, Колам отдаст принцу

Карлу Эдуарду куда больше, чем все остальные, вместе взятые.

— Может, — отозвался Джейми. — Может, завтра с утра мы увидим дождь, а не солнечный восход. Но это не значит, что я должен стоять на верхней площадке лестницы с ведерком.

— Да ну? Но ведь ты выиграешь от победы Стюартов куда больше, чем я, парень. А от англичан чего, не считая петли. Если ты сам не бережешь свою дурацкую шею...

— Моя шея — это моя забота, — резко перебил его Джейми. — А также и моя спина.

— Но не тогда, когда ты путешествуешь со мной, милый юноша, — насмешливо возразил его дядя. — Если ты хочешь послушать, что скажет тебе Хоррокс, поступай как знаешь. Но попробуй быть благоразумным, и, кстати, взялся бы ты за иголку, ведь у тебя всего одна-единственная чистая рубашка.

Послышалось движение, словно кто-то вставал со своего места на камне, а потом шаги по траве. Шаги одного человека, насколько я могла судить. Я потихоньку села и осторожно выглянула из-за валуна, за которым пряталась.

Джейми все еще был там, сидел, сгорбившись, на камне в нескольких футах от меня, опершись локтями на колени и опустив подбородок в ладони. Почти спиной ко мне. Я начала пятиться — мне не хотелось нарушать его одиночество, но он неожиданно заговорил.

— Я знаю, что вы здесь, — сказал он. — Идите сюда, если хотите.

Судя по тону голоса, это было ему безразлично. Я поднялась и начала выбираться из своего убежища, но спохватилась, что я в нижней рубашке. Я подумала, что Джейми есть о чем беспокоиться, кроме как краснеть при моем появлении, и накинула на себя одеяло.

Я села рядом с ним и прислонилась спиной к камню. Взглянула неуверенно на Джейми. Он не обратил на меня особого внимания, только кивнул в знак приветствия, полностью поглощенный своими размышлениями — невеселыми, судя по хмурому выражению лица. Одной ногой он машинально и безостановочно притопывал по камню, на котором сидел, и то сцеплял, то разжимал пальцы рук с такой силой, что они то и дело потрескивали в суставах.

Потрескивающие суставы напомнили мне о капитане Мэнсоне. Интендант нашего полевого госпиталя капитан Мэнсон переживал недостатки, нехватки и недопоставки, а также бесконечный идиотизм армейской бюрократии как свои личные горести и несчастья. В обычном состоянии мягкий и приятный в обращении человек, он, когда

неприятности становились особенно крупными уединялся в своем офисе и изо всех сил колотил кулаками по стене за дверью. Посетители в приемной ошеломленно наблюдали, как тонкая перегородка сотрясается от ударов. Вскоре капитан Мэнсон появлялся перед ними с разбитыми костяшками пальцев, но в достаточно уравновешенном настроении, чтобы продолжать борьбу с очередным кризисом. Со временем его перевели в другую часть, и тогда за дверью в его кабинете обнаружили в стене множество выемок размером с кулак.

Глядя теперь на молодого человека на камне, ломающего пальцы, я живо вспомнила капитана с его неразрешимыми проблемами снабжения.

— Вам надо дать выход гневу, — сказала я.

— А? — восторженно воскликнул он, явно забыв о том, что я сижу рядом.

— Побейте что-нибудь, поколотите кулаками, — повторила я свой совет. — Вам станет легче.

Губы Джейми дрогнули, словно он собирался что-то сказать, но вместо этого встал с камня, подошел к довольно толстому вишневому дереву и нанес по стволу сильный удар. Очевидно, это показалось ему подходящим способом излияния чувств, потому что он ударил еще несколько раз по вздрагивающему дереву, вызвав обильный дождь бледно-розовых лепестков, посыпавшихся ему на голову.

Посасывая ободранные костяшки пальцев, он вернулся на место.

— Спасибо, — поблагодарил он с кривоватой улыбкой. — Может, я после этого усну.

— Вы поранили руку? — спросила я и приподнялась, чтобы осмотреть ее, но он покачал головой, легонько потирая костяшки ладонью другой руки.

— Ничего, не беспокойтесь, — сказал он.

Мы минуту постояли в неловком молчании. Я не хотела возвращаться к тому, что я только что услышала, или к более ранним событиям сегодняшнего вечера и потому сказала, только чтобы прервать молчание:

— Я не знала, что вы левша.

— Левша? — не сразу понял он. — А, вы имеете в виду, леворучка. Да, от рождения. Школьный учитель привязывал мне эту руку к спине, чтобы научить писать правой.

— И вы научились? То есть можете писать правой рукой?

Он кивнул, снова поднеся к губам разбитую руку.

— Да. Но от этого у меня болит голова.

— А сражаетесь вы тоже левой? — спросила я, стараясь отвлечь его. — Мечом?

Сейчас при нем не было иного оружия, кроме кинжала, но днем он, как и все, был вооружен саблей и пистолетами.

— Нет, саблей я владею одинаково обеими руками. Кто орудует саблей только левой, может оказаться в невыгодном для себя положении, особенно если сабля короткая. Когда ведешь бой, то открываешь противнику левый бок, а сердце-то у нас слева, верно?

Переполюнявшая Джейми нервная энергия не давала ему оставаться на месте; он начал быстро перемещаться по лужайке, демонстрируя приемы с воображаемым мечом.

— Вот если у тебя в руках палаш, тогда это не имеет значения, — добавил он и вытянул вперед обе руки с сомкнутыми кистями так, что они образовали нечто вроде изящной арки, когда он поднял их над головой и потом резко опустил со словами: — В таких случаях обычно действуешь обеими руками. А если находишься на близком расстоянии и можешь рубить одной, то и тогда не важно какой, потому что удар наносишь сверху вниз по плечу врага, — продолжал он наставительно. — Ни в коем случае не по голове, палаш может соскользнуть. Если попадешь точно в желобок, — он ткнул пальцем в место, где шея соединяется с плечом, — то он готов. Даже и не попадешь точно — он уже не боец в этот день, а может, и навсегда.

Он опустил левую руку на пояс и легким движением выхватил из ножен кинжал.

— Можно сражаться саблей и кинжалом одновременно. Если у тебя нет маленького щита, чтобы заслонить руку с кинжалом, тогда держи саблю в правой руке и с близкого расстояния наноси удар кинжалом снизу вверх. А если рука с кинжалом прикрыта щитом, можешь орудовать с другой стороны и уворачивайся вот так.

Он показал, как надо увернуться.

— Отбивай удары врага и пользуйся в этом случае кинжалом, только если потерял саблю или не можешь ею действовать из-за раны.

Мягким, но несущим смерть движением снизу вверх он нанес удар, остановив конец лезвия буквально в одном дюйме от моей груди, Я невольно отпрянула, и Джейми тотчас выпрямился и с виноватой улыбкой вложил кинжал в ножны.

— Простите, я увлекся. Я не хотел пугать вас.

— Вы владеете оружием прекрасно, — совершенно искренне похвалила его я. — Кто научил вас боевым приемам? Это должен быть человек, который умеет сражаться левой.

— Да, он таким и был. Лучший из всех, кого я знал. — Джейми

улыбнулся с откровенным восхищением. — Это Дугал Макензи.

Большая часть вишневых лепестков к этому времени осыпалась с его головы, лишь несколько пристало к плечам, и я протянула руку, чтобы стряхнуть их. Его рубашка была хоть и не слишком красиво, но достаточно аккуратно зашита, скреплены между собой и края разрыва, а не только расплзшиеся швы.

— Он сделает это снова? — спросила я, не в силах удержаться.

Джейми помолчал, но было ясно, что он понял мой вопрос.

— Да, — сказал он наконец, — он получит то, что желает.

— Вы позволите ему это? Позволите использовать вас подобным образом? ;

Поверх моей головы он бросил взгляд вниз с холма на таверну — слабый свет еще пробивался наружу сквозь щели в деревянной стене. Лицо у него было очень спокойное и очень бледное.

— Пока что да.

Мы продолжили наш путь, делая всего по несколько миль за день, с частыми остановками, во время которых Дугал занимался делами на перекрестках или возле ферм, где собирались арендаторы с мешками зерна или накопленными жалкими грошами. Все заносилось в книги быстрым пером Неда Гоуэна, а нужные расписки неизменно появлялись из его сумки с пергаментом и бумагой и выдавались на руки.

Когда мы добирались до деревушки или деревни, где имелась таверна или даже гостиница, Дугал повторял все тот же спектакль: ставил выпивку, рассказывал разные истории, произносил речи и, как только находил виды благоприятными, заставлял Джейми встать и показать свои рубцы. Второй мешочек пополнялся еще несколькими монетами, предназначенными для отправки во Францию ко двору претендента.

Я старалась наблюдать за ходом действия в этих сценах и удалялась перед самой кульминацией — никогда не испытывала вкуса к публичным страданиям. Первой реакцией собравшихся при виде спины Джейми, естественно, было полное ужаса сострадание, за ним следовал поток проклятий по адресу английской армии и короля Георга, однако я улавливала в сострадании оттенок презрительной жалости. Однажды мне довелось услышать, как кто-то из присутствующих негромко сказал приятелю по-английски: «Жуткий вид, правда? Клянусь Богом, я бы лучше захлебнулся собственной кровью, чем позволил поганым англичанам сотворить со мной такое».

Разгневанный и полный горечи после первого такого представления, Джейми теперь с каждым днем выглядел все более жалким. Он как можно

скорее натягивал на себя рубашку, уклонялся от расспросов и соболезнований и искал предлога побыстрее покинуть собрание, избегая всех вплоть до следующего утра, когда мы вновь садились в седла.

Разрядка наступила через несколько дней в маленькой деревушке под названием Туннэг. На этот раз Дугал продолжал разжигать толпу, положив руку на обнаженное плечо Джейми; один из зрителей, неотесанный деревенский парень с длинными грязно-бурыми космами, обратился к Джейми с какими-то чисто личными замечаниями. Я не могла разобрать, что там было сказано, однако реакция оказалась мгновенной. Джейми вырвался от Дугала и одним ударом в живот уложил парня наповал.

Мало-помалу я научилась составлять какие-то словосочетания по-гэльски, но живую речь еще не понимала. Заметила, однако, что сама поза говорящего позволяла мне уловить общий смысл сказанного, если не отдельные слова.

«Попробуй встать и повторить, что ты сказал» — это выглядит одинаково на школьном дворе, в пабе или на любой дороге земного шара.

Точно так же, как «Молодец, парень!» или «Всыпь ему как надо!».

Джейми исчез под кучей грязной рабочей одежды — на него навалились, опрокинув стол, грязно-буроволосый и два его дружка. Не заинтересованные в стычке односельчане парня отошли к стенам таверны и приготовились полюбоваться зрелищем. Я подобралась поближе к Неду Гоуэну и Мурте, со страхом глядя на катающийся по земле клубок тел. Прядь рыжих волос лишь однажды на мгновение мелькнула у меня перед глазами.

— Вы не придете к нему на помощь? — бормотнула я уголком рта в сторону Мурты.

Он, казалось, был немало удивлен:

— Нет, зачем? С какой стати?

— Он позовет на помощь, если она ему понадобится, — совершенно спокойно заметил Нед Гоуэн, наблюдая за дракой с места по другую сторону от меня.

Я не была уверена в том, что Джейми сможет позвать на помощь, если она ему понадобится; в это время он задыхался под тяжестью здорового парня в зеленом. Лично я считала, что Дугал должен немедленно прекратить побоище, но сам он, по-видимому, вовсе так не думал. Вообще как будто бы никто из зрителей ничуть не беспокоился об увечьях, которые могли быть нанесены прямо тут, у нас под ногами. Заключили даже несколько пари, и в помещении витала мирная радость по поводу такого развлечения.

Я обрадовалась, когда Руперт молча преградил дорогу двоим, которые как будто собирались ввязаться в драку. С отсутствующим выражением лица он встал перед ними, небрежно коснувшись рукой кинжала у себя на поясе. Эти двое поспешно отступили.

Кажется, никому не приходило в голову, что соотношение один к трем вроде бы неприемлемо. Возможно, тут была своя правда, если учесть, что этот один — крупного сложения, опытный воин и дерется с яростью берсерка^[20].

Сражение вроде бы пошло на убыль с той минуты, как из него выбыл, вытирая кровь после умело направленного удара в нос, верзила в зеленом.

Остальные все еще дрались, но исход становился все более ясен, когда второй противник Джейми откатился под стол, со стонами прижимая руку к паху. Джейми и его первоначальный обидчик еще мутузили друг друга на полу, но сторонники Джейми уже собирали выигранные на пари деньги. Прижатое к дыхательному горлу предплечье противника и крепкий пинок в поясницу убедили грязноволосого, что благоразумие паче доблести.

Я внесла выражение «хватит, я сдаюсь» в качестве пополнения в мой мысленный гэльско-английский словарь.

Джейми медленно поднялся со своего последнего поверженного противника под приветственные восклицания зрителей. Неровно дыша, он кивнул в знак признательности, за одобрение, дотащился до одной из немногих устоявших скамеек и, весь залитый потом и кровью, опустился на нее, чтобы принять из рук трактирщика кружку эля. Проглотив эль, он поставил пустую кружку на скамью, перевел дыхание и наклонился вперед, опершись локтями на колени; рубцы на спине у него обозначились особенно резко.

На этот раз он не спешил надеть рубашку; несмотря на то что в таверне было прохладно, он оставался полуголым до той самой поры, когда надо было идти устраиваться на ночлег. Он вышел, сопровождаемый целым хором пожеланий доброй ночи, и вид у него был куда спокойнее, чем во все последние дни, — несмотря на боль от многочисленных ссадин, царапин и ушибов.

— Одна ободранная голень, одна рассеченная бровь, одна разбитая губа, один кровоточащий нос, шесть ссадин на костяшках пальцев, одно растяжение связки на большом пальце и два выбитых зуба. Плюс такое количество разных ушибов, сосчитать которое я не в состоянии, — со вздохом завершила я свой перечень. — Как вы себя чувствуете?

Мы были одни в небольшом сарае на заднем дворе таверны, куда я отвела Джейми, чтобы оказать первую помощь.

— Отлично, — улыбнулся он, попытался встать, но не смог распрямиться и болезненно поморщился. — Да, все в порядке, только ребра немного болят.

— Разумеется, они болят. Вы опять весь черно-синий. Зачем вы делаете подобные вещи? Как вы думаете, во имя Господа, из чего вы сделаны? Из железа? — раздраженно спросила я.

Он виновато улыбнулся и потрогал распухший нос.

— Нет. Но хотел бы.

Я вздохнула еще раз и осторожно ощупала его торс.

— Не думаю, что есть переломы ребер, пожалуй, только ушибы. На всякий случай я сделаю тугую повязку. Стойте прямо и закатайте рубашку, а руки не прижимайте к бокам.

Я принялась разрывать на отдельные полосы старый платок, который пожертвовала мне жена хозяина таверны. Проклиная про себя отсутствие пластыря и других привычных атрибутов цивилизованной жизни, я наложила как можно более тугую повязку и закрепила ее заколкой с пледа Джейми.

— Я не могу дышать, — пожаловался он.

— Свободно дышать вам будет больно. Не двигайтесь. У кого вы научились так драться? Тоже у Дугала?

— Нет. — Он поморщился, когда я приложила уксусную примочку к рассеченной брови. — Меня научил отец.

— Правда? Кем же был ваш отец? Местным чемпионом по боксу?

— Что такое бокс? Нет, он был фермером. И тоже объезжал лошадей. — Джейми со свистом втянул в себя воздух — теперь я накладывала уксусную примочку на голень. — Мне было лет десять или одиннадцать, когда отец мне сказал, что ростом и статью я пошел в материну родню, значит, надо мне научиться драться.

Он вздохнул с облегчением и протянул мне руку, чтобы я могла протереть настоем календулы разбитые костяшки пальцев.

— Отец говорил: «Раз ты будешь рослый и сильный, половина мужиков, с которыми встретишься, тебя испугается, а половина захочет с тобой подраться. Уложи одного — тогда остальные оставят тебя в покое. И научись делать это быстро и чисто, не то придется тебе драться всю твою жизнь». Он отвел меня на гумно и швырял на солому до тех пор, пока я не научился давать сдачи... Ой как жжет!

— Раны от ногтей очень опасны, — сказала я, прижигая царапины ему на шее. — Особенно если руки не моют регулярно. А я сильно сомневаюсь, чтобы этот грязноволосый мылся хоть раз в год. Я бы не сказала, что

сегодня вы сделали это «быстро и чисто», но впечатление осталось сильное. Ваш отец гордился бы вами.

Я говорила с некоторой долей иронии и удивилась, заметив, что по его лицу скользнула легкая тень.

— Мой отец умер, — произнес он серьезно.

— Простите. — Я закончила обработку царапин и сказала как можно мягче: — Я в самом деле так считаю. Он гордился бы вами.

Джейми молча улыбнулся в ответ. Он вдруг показался мне совсем юным. Сколько же ему лет? Я уже хотела спросить об этом, но тут позади нас раздался чей-то хриплый кашель — в сарай явился посетитель. Это оказался вездесущий коротышка Мурта. Не без веселого любопытства он поглядел на перевязанные ребра Джейми и вдруг швырнул ему маленький кожаный кисет или кошелек. Джейми поймал его своей большой рукой, причем кошелек звякнул.

— Что тут? — спросил Джейми. Мурта высоко поднял жидкие брови.

— Твоя доля от пари, что же еще?

Джейми покачал головой и собирался перебросить кошелек обратно.

— Я никаких пари не заключал.

Мурта выставил вперед ладонь, чтобы удержать его.

— Ты сделал дело. Ты сейчас самый популярный парень, по крайней мере у тех, кто тебя поддерживал.

— Только не у Дугала, — вставила словечко я. Мурта был из тех мужчин, которых каждый раз удивляет, что у женщин тоже есть голос, но он кивнул вполне вежливо.

— Это верно, — сказал он и добавил, обращаясь к Джейми: — Но тебя-то это не должно особенно беспокоить.

— Вот как?

Мужчины обменялись взглядами, значения которых я, понятно, не уловила. Джейми медленно выпустил воздух сквозь зубы и наклонил голову.

— Когда? — спросил он.

— Через неделю. Может, через десять дней. Возле Лаг Круйма. Знаешь такое место?

Джейми еще раз наклонил голову; он явно был чем-то доволен.

— Знаю, — ответил он.

Я переводила глаза с одного лица на другое — оба были совершенно непроницаемы. Значит, Мурта что-то узнал. Быть может, это «что-то» связано с загадочными Хорроксами? Я пожала плечами. Что бы там ни было, но с демонстрацией рубцов на спине у Джейми покончено.

— А что, если бы Дугал вместо этого сплясал чечетку? — проговорила я.

Непроницаемые лица тотчас превратились в лица недоумевающие.

— Что?

— Ничего, не обращайтесь внимания. Спокойной ночи, — пожелала я и удалилась со своим медицинским коробом, чтобы найти себе место для отдыха.

Глава 12

КОМАНДИР ГАРНИЗОНА

Мы все ближе подъезжали к Форт-Уильяму, и я начала всерьез обдумывать, как мне следует действовать, когда мы прибудем туда.

Я считала, что в основном это зависит от поведения командира гарнизона. Если он поверит, что я — благородная дама в беде, то, вероятно, даст мне сопровождающих до побережья и моего мнимого отплытия во Францию.

Однако он может отнестись ко мне и с подозрением по случаю того, что я приезжаю вместе с Макензи. Сама я определенно не шотландка, но тем не менее не примет ли он меня за шпионку? Ведь и Колам и Дугал полагали, что я английская шпионка.

Но с какой стати, по какой причине я могла быть подослана к ним в подобном качестве? Видимо, из-за их антипатриотической деятельности, одним из проявлений которой был сбор денег для поддержки принца Карла Эдуарда Стюарта, претендента на трон.

Но в таком случае почему же Дугал позволял мне наблюдать, как он это делает? Он с легкостью мог выпроводить меня из помещения перед началом этой процедуры. Но ведь разговоры при этом велись по-гэльски, возражала я себе.

Впрочем, и тут есть своя сложность. Я припомнила странный блеск в глазах у Дугала, когда он задал мне вопрос: «Я полагал, что вы не знаете гэльского?» Возможно, это было своего рода проверкой, на самом ли деле язык мне незнаком. Вряд ли бы заслали в горы Шотландии шпиона или шпионку, которые не могут объясниться более чем с половиной тамошнего населения.

Ну а разговор между Дугалом и Джейми, который я подслушала? Из него стало ясно, что Дугал действительно якобит, а Колам — пока еще нет...

Голова у меня начинала кружиться от всех этих предположений, и я от души обрадовалась, увидев, что мы подъезжаем к большой деревне. Это по крайней мере обещало хорошую гостиницу и приличный ужин.

Гостиница и вправду оказалась удобная — по тем меркам, к которым я уже начала привыкать. И если кровать явно предназначалась для карликов — причем кусаемых блохами, — то, во всяком случае, она помещалась в отдельной комнате. В некоторых маленьких гостиницах мне приходилось

спать на скамье в общей комнате в окружении храпящих существ мужского пола и уродливо-горбатых теней завернутых в пледы телес.

Обычно я засыпала сразу, несмотря на условия, в которых доводилось отходить ко сну, засыпала, утомленная целым днем езды в седле и вечерними политиканскими митингами Дугала. Правда, в первый вечер в гостинице я бодрствовала примерно полчаса, зачарованная невероятным разнообразием звуков, издаваемых дыхательными органами мужчин. Общей спальне для студенток — будущих медсестер — до этого далеко.

Прислушиваясь к этому хору, я думала о том, что ведь мужчины в госпитальной палате по-настоящему не храпят. Дышат тяжело, это да. Вскрикивают, иногда стонут, а порою всхлипывают или плачут во сне. Никакого сравнения с такой вот бандой здоровых мужиков. Возможно, что больные или раненые мужчины не могут уснуть достаточно глубоко и как следует разрядиться в эдаком вот шуме.

Если мои наблюдения соответствовали истине, мои спутники отличались выдающимся здоровьем. Да так они и выглядели с их разбросанными во сне как попало крепкими конечностями, с лицами, ярко румяными при свете очага. Незаметно убаюканная всей этой какофонией, я завернулась в свой дорожный плащ и тоже уснула.

По сравнению с этим я чувствовала себя одинокой в персональном великолепии моей крохотной зловонной мансарды. Я сняла постельное белье, перетряхнула матрас, чтобы распугать возможных нежеланных сожителей, но как-то все не могла уснуть — уж очень тихо и темно сделалось в комнате, когда я задула свечу.

Из общей комнаты двумя этажами ниже слабым эхом доносились чьи-то голоса, а порою еще какой-то шум и движение, но все это лишь усиливало во мне чувство объединенности. Впервые после приезда в замок я осталась совершенно одна и не могу сказать, чтобы мне это особенно нравилось.

Хоть и с трудом, но я почти готова была погрузиться в сон, когда вдруг услышала злое потрескивание досок пола в коридоре. Шаги... медленные и неуверенные, словно идущий приостанавливался перед каждым следующим шагом, выбирая место, куда поставить ногу, чтобы доски скрипели поменьше. Я тотчас села на постели и начала ошупью отыскивать свечу и ящичек с огнивом.

Шаря рукой вслепую, я наткнулась на огниво, но уронила его на пол. Я замерла, замерли и шаги за дверью.

Потом у двери что-то зацарапало — видимо, кто-то проверял задвижку. Я знала, что дверь не заперта. К ней были прикреплены скобы

для болта, но самый болт я перед сном искала безуспешно. Я ухватила подсвечник, вытащила из него огарок свечи и как можно тише выскользнула из постели, сжимая в руке тяжелый глиняный предмет.

Дверь со слабым скрипом повернулась на петлях. Единственное окно в комнате было наглухо закрыто ставнями, не пропускавшими ни веяния стихий, ни света снаружи; тем не менее, когда дверь приотворилась, я разглядела в щели мутный просвет. Щель все расширялась, но затем, к моему удивлению, сузилась и вскоре совсем исчезла: дверь затворилась. И вновь настала тишина.

Я стояла, прижавшись к стене, как мне показалось, целую вечность; стояла, сдерживая дыхание и стараясь расслышать что-нибудь, кроме биения собственного сердца. В конце концов я дюйм за дюймом начала подвигаться к двери, держась как можно ближе к стене, возле которой, как я считала, доски были поплотнее. Я вытягивала ногу вперед, касалась ею пола и постепенно переносила на нее вес тела; ждала, ощупывая босыми пальцами щель между половицами, прежде чем подтянуть и твердо поставить на пол рядом с первой вторую ногу.

Возле двери я остановилась и прижала ухо к тонкой филенке, обеими руками ухватившись за дверную раму, вся насторожившись перед возможным вторжением в комнату. Мне казалось, что из-за двери слышны какие-то звуки, но я не была в этом уверена. Если они и в самом деле существуют, то, может, они по-прежнему доносятся снизу? Или я улавливаю чье-то сдерживаемое дыхание по ту сторону филенки?

Меня слегка поташнивало из-за непрерывных выбросов адреналина в кровь. Наконец я устала от этой бессмыслицы, покрепче зажала в руке подсвечник, толчком распахнула дверь и выскочила в коридор. Я говорю «выскочила», но на самом деле я сделала всего два шага, тяжело споткнулась обо что-то мягкое и во весь рост шлепнулась на пол, ссадив косточки пальцев на руке и больно ударившись головой о какой-то твердый предмет.

Я села, обхватив ладонями лоб, совершенно не думая о том, что меня могут попросту убить.

Человек, на которого я наступила, негромко, почти неслышно бранился. Сквозь волны боли я как в тумане увидела, что он (судя по росту и запаху пота, это был мужчина) встал и взялся за запоры ставней у нас над головой.

От внезапного тока свежего воздуха я вздрогнула и прикрыла глаза. Едва я их открыла, в коридоре оказалось достаточно света, чтобы разглядеть незваного гостя.

— Что вы тут делаете? — В моем вопросе ясно прозвучало обвинение. В ту же самую секунду Джейми задал свой вопрос — и тем же тоном, что и я:

— Сколько вы весите, Саксоночка?

Все еще ошарашенная, я машинально ответила:

— Девять стонов^[21]. — И только потом добавила: — А что?

— А то, что вы чуть не раздавили мне печенку, — ответил он, осторожно потирая больное место. — Не говоря уж о том, что напугали меня до смерти. — Он протянул мне руку и помог встать. — У вас все в порядке?

— Нет, я ушибла голову. — Потрогав лоб, я взглядела в пустой коридор. — Обо что же я долбанулась? — задала я не слишком литературно выраженный вопрос.

— О мою голову, — ответил Джейми, как мне послышалось, с некоторым неудовольствием.

— Так вам и надо, — не без яда заявила я. — Чего это вам понадобилось шастать у меня под дверью?

Он бросил на меня испытующий взгляд.

— Я вовсе не шастал у вас под дверью, упаси меня Боже от этого. Я там спал — или, вернее, пытался уснуть.

Теперь он потер макушку, где, по-видимому, набухла шишка.

— Спать? Здесь? — Я оглядела еще раз холодный, пустынный и грязный коридор с возрастающим изумлением. — Странные места вы для этой цели выбираете! То конюшня, то этот вот коридор.

— Возможно, вам интересно было бы узнать, что в гостинице остановилось несколько английских драгун, — холодно сообщил он. — Они собрались в буфетной и уже крепко набрались. Теперь довольно шумно развлекаются с двумя девицами из города. Девиц две, а мужчин пятеро, и некоторые из этих солдат порываются подняться на верхние этажи и поискать себе... партнерш. Я не думаю, что вам были бы столь уж приятны их ухаживания.

Он поднял плед и перекинул его себе через плечо.

— Если я ошибся в своих предположениях, прошу меня извинить. Я не имел намерения мешать вашему отдыху. Доброй ночи.

— Подождите минуту.

Он остановился, но не обернулся, так что мне пришлось подойти и встать перед ним. Он смотрел на меня сверху вниз, вежливый, но замкнутый.

— Благодарю вас, — сказала я. — Вы очень добры. Простите, что я

наступила на вас.

Он улыбнулся, неприятная маска исчезла, и лицо Джейми приняло обычное, свойственное ему приветливое выражение.

— Ничего страшного, Саксоночка, — сказал он. — Голова скоро пройдет, ребра перестанут ныть, и я снова буду как новенький.

Он подошел и открыл дверь моей комнаты, которая сама по себе захлопнулась после моего поспешного выхода — благодаря тому, что строитель возводил гостиницу, явно не пользуясь отвесом. В доме не было ни одного прямого угла.

— Ложитесь в постель, — предложил Джейми. — Я останусь в коридоре.

Я посмотрела на пол. Дубовые половицы, мало того, что твердые и холодные, были затоптаны, заплеваны, словом, так загажены, что и говорить об этом не хочется. Над входной дверью стояла дата 1732 — явно, что тогда полы вымыли в первый и последний раз.

— Вам нельзя тут спать, — сказала я. — Входите. В комнате пол все-таки почище.

Джейми замер, опершись рукой о притолоку.

— Спать с вами в одной комнате? — Он был по-настоящему ошеломлен. — Я этого не могу. Ваша репутация погибнет.

Он говорил совершенно искренне. Я чуть было не расхохоталась, но тактично обратила смех в кашель. Принимая во внимание условия нашего путешествия, переполненность гостиниц, убогое состояние или полное отсутствие санитарных удобств, я находилась в столь тесном физическом общении с этими мужчинами, включая Джейми, что мысль о подобной щепетильности показалась мне смешной.

— Но вы уже спали в одной комнате со мной до этого, — заметила я, овладев собой. — Вы и еще двадцать мужчин.

— Но это не одно и то же! То есть я имею в виду, что там была общая комната... — Он вдруг запнулся, как если бы что-то неприятное поразило его. — Вы не подумали, что я решил, будто вы предлагаете мне что-то неприличное? Уверяю вас...

— Нет-нет, ничего подобного, — поспешила заверить его я.

Поняв, что переубедить его не удастся, я настояла на том, чтобы он по крайней мере взял из моей комнаты одеяла и постелил их на пол. Он согласился неохотно и только после того, как я несколько раз повторила, что пользоваться одеялами не собираюсь, так как сплю, завернувшись в свой дорожный плащ.

Я еще раз поблагодарила его, остановившись возле его временного

ложа, перед тем как удалиться в свое вонючее убежище, но он только махнул небрежно рукой в ответ на мои слова.

— Не такая уж это бескорыстная услуга с моей стороны, — сказал он. — Мне лучше не попадаться им на глаза.

Я совершенно позабыла о том, что у него есть свои резоны держаться подальше от английской солдатни. Но мне тут же пришло в голову, что гораздо удобнее и безопаснее он мог бы устроиться на ночлег в теплой конюшне, нежели у моей двери на полу.

— Но ведь сюда может кто-нибудь прийти, — сказала я, — тогда вас обнаружат.

Он вытянул длинную руку и прикрыл распахнутый ставень. В коридоре стало темным-темно, и Джейми обратился в некую бесформенную массу.

— Они не увидят моего лица, — сказал он. — К тому же мое имя не представляет для них никакого интереса, даже если я назову настоящее, чего я не собираюсь делать.

— Так-то так, — с сомнением заметила я, — но не покажется ли им странным, что вы торчите тут в темноте?

Лица его я не видела, но, судя по голосу, он улыбался.

— Ничего подобного, Саксоночка. Они просто подумают, что я жду своей очереди.

Я рассмеялась и ушла в комнату. Легла на постель и уснула в полном восторге от Джейми: позволяет себе вольные шуточки, а сам испугался даже мысли о том, чтобы спать со мной в одной комнате.

Когда я проснулась, Джейми уже ушел. Спускаясь к завтраку, я увидела Дугала — он стоял у лестницы и ждал меня.

— Ешьте поскорее, барышня, — сказал он. — Мы с вами едем в Броктон.

Он уклонился от объяснений, но мне показалось, что он чем-то озабочен. Я поела быстро, и вскоре мы уже скакали рысью сквозь дымку летнего утра. Птицы суетились среди ветвей, и все предвещало теплый и ясный день.

— С кем нам предстоит встретиться? — спросила я. — Вы можете со спокойной душой сказать мне об этом. Поскольку я не знаю, то буду удивлена, это так, но ведь я достаточно умна, чтобы разыграть удивление, даже если буду знать.

Дугал покосился на меня в раздумье, но потом все же решил, что аргумент мой убедителен.

— С командиром гарнизона Форт-Уильяма, — ответил он.

Я ощутила небольшой шок. Я была не вполне готова к такой встрече. Считала, что у меня впереди еще три дня дороги до Форт-Уильяма.

— Но ведь до Форт-Уильяма еще далеко! — воскликнула я.

— Мм-ф-мм...

Как выяснилось, этот командир гарнизона был из энергичных. Ему не нравилось управлять гарнизоном, сидя на одном месте, и он отправился в инспекционную поездку по округу с отрядом драгун. Солдаты, которые приходили в нашу гостиницу накануне вечером, входили в этот отряд; они и сообщили Дугалу, что командир в настоящее время остановился в гостинице в Броктоне.

Это представляло собой целую проблему, и я весь остаток пути молчала, обдумывая ситуацию. Я рассчитывала оторваться от компании Дугала в Форт-Уильяме, который, как я полагала, находился в одном дне пути от холма Крэг-на-Дун. Даже не подготовленная к тому, чтобы ночевать под открытым небом, не имея ни съестных, ни каких-то других припасов, я могла бы проделать этот путь одна и найти дорогу к каменному кругу. А что произойдет после этого... неизвестно, что произойдет, но попасть туда необходимо.

Сегодняшнее событие нарушало все мои планы. Если я расстанусь с Дугалом и компанией здесь, то до холма мне останется не один день пути, а четыре. И я не могла полагаться в достаточной степени на свое чувство направления, не говоря уже о выносливости, которая потребуется от меня в пешем путешествии по диким холмам и болотам. За последние недели нелегкого пути у меня создалось достаточно яркое впечатление об острозубых скалах и гремящих водопадах горной Шотландии, наслушалась я и о диких зверях. Я не имела ни малейшего желания встретиться лицом к лицу, скажем, с кабаном в каком-нибудь пустынном ущелье.

Мы приехали в Броктон поздним утром. Туман рассеялся, и день оказался достаточно ясным, чтобы внушить мне оптимизм. Возможно, что совсем просто будет убедить командира гарнизона дать мне небольшой эскорт, который проводит меня до холма.

Я поняла, почему командир гарнизона избрал Броктон своей временной штаб-квартирой. Селение было достаточно большое, чтобы иметь две таверны; одна из них представляла собой трехэтажное здание с пристроенной к нему конюшней. Мы остановились здесь, препоручив наших лошадей вниманию конюха, который двигался медленно, словно окостенелый. Мы с Дугалом вошли в дом, Дугал успел заказать хозяину еду, а конюх все еще не добрал до ворот конюшни.

Я осталась внизу, созерцая блюдо с черствыми на вид овсяными

лепешками, а Дугал поднялся по лестнице в кабинет командира. Я смотрела на него со странным чувством. Трое или четверо английских солдат ошивались в буфетной; они то и дело поглядывали на меня, о чем-то негромко переговариваясь. Больше месяца я пробыла среди шотландцев клана Макензи, и теперь присутствие английских драгун отчего-то нервировало меня. Я твердила себе, что становлюсь глупой. В конце концов, это же мои соотечественники, не важно, из какого времени.

Я обнаружила, что мне явно не хватает общества близкого мне по духу мистера Гоуэна, а также симпатичной фамильярности Джейми как-там-его-фамилия. Я сожалела, что не имела возможности попрощаться со всеми и с каждым до отъезда нынче утром, но тут меня окликнул Дугал, который стоял на лестнице позади меня; он стоял на верхней площадке и приглашал подняться к нему.

Выглядел он еще более озабоченным, чем обычно, подумалось мне, когда он молча, жестом предложил мне войти в комнату. Начальник гарнизона стоял у открытого окна, его стройная, высокая фигура была обведена ореолом света. Увидев меня, он рассмеялся — вернее сказать, то был один короткий смешок.

— Да, я так и думал. Судя по описанию Макензи, это должны были оказаться именно вы.

Дверь за мной затворилась, и я обнаружила себя наедине с капитаном его величества восьмого драгунского полка Джонатаном Рэндоллом.

Он был на этот раз в красно-коричневом мундире, с воротником, обшитым галуном, в аккуратно завитом и напудренном парике. Но лицо все то же самое — — лицо Фрэнка. У меня перехватило дыхание. Но теперь я заметила небольшие жесткие складки вокруг рта и надменную осанку. Однако он достаточно вежливо улыбнулся мне и пригласил сесть.

Мебели в комнате было немного: письменный стол и кресло, еще один простой сосновый стол и несколько стульев. Капитан Рэндолл кивнул молодому капралу, который стоял у двери, и передо мной на столе появилась полная кружка эля.

Капитан мановением руки отослал капрала на место, налил эля себе и грациозно опустился на стул напротив меня.

— Отлично, — произнес он самым любезным тоном. — А теперь почему бы вам не рассказать мне, кто вы такая и как очутились здесь?

Выбора у меня не было, и я поведала ему ту же историю, что и Коламу, опустив не слишком тактичное изложение подробностей нашего с ним столкновения, которые он, разумеется, помнил и сам. Я не имела представления о том, что рассказал ему Дугал, и не хотела угодить в

ловушку.

Капитан слушал мое повествование с вежливым, но скептическим выражением лица. Я заметила, что, в отличие от Колама, он и не думал его скрывать. Откинулся на спинку стула и подумал.

— Вы назвали Оксфордшир, не так ли? Но я что-то не припомню там никаких Бошанов.

— Откуда вам их знать? — огрызнулась я. — Ведь сами-то вы из Суссекса.

Он удивленно раскрыл глаза. Я готова была откусить себе язык.

— Могу ли я спросить, откуда вам это известно? — сказал он.

— Э-э... ваша речь. Точнее, ваш выговор, — поспешила я с объяснением. — Чисто суссекский.

Красивые брови поднялись почти до самого парика.

— Моим учителям, а также моим родителям было бы неприятно услышать, что мой выговор так выдает место моего рождения, — сухо произнес он. — Ведь они пошли на определенные усилия и затраты, чтобы исправить его. Но поскольку вы, как видно, настоящий знаток по части следов местных особенностей речи... — он повернулся к человеку у стены, — то нет сомнения, что вы сможете определить место рождения моего капрала. Капрал Хоукинс, будьте добры произнести что-нибудь. Все что угодно, — добавил он, заметив смущение на лице молодого человека. — Какой-нибудь известный стишок, например.

Капрал, молодой парень с глупым мясистым лицом, обвел комнату растерянным взглядом в поисках вдохновения, собрал все силы и проговорил:

Милашка Мэг мне платье постирала
И с ним бежать пустилась во всю прыть.
Вот так беда! Но скоро я заставил
Красотку заплатить.

— Этого достаточно, капрал, благодарю вас. — Рэндолл жестом отпустил солдата, и тот снова встал у стены, обливаясь потом. — Ну и?.. — обратился Рэндолл ко мне.

— Мм... Чешир? — предположила я.

— Близко. Ланкашир. — Рэндолл, сощурившись, посмотрел на меня.

Заложив руки за спину, он подошел к окну и выглянул. Зачем? Чтобы проверить, взял ли Дугал с собой еще людей?

Неожиданно он повернулся ко мне с вопросом:

— Parlez vous francais?^[22]

— Tres bien^[23], — немедленно откликнулась я. — А что такое?

Он испытующе глядел на меня, склонив голову набок.

— Черт меня побери, если вы француженка, — произнес он, как бы разговаривая сам с собой. — Возможно, оно и так, но встретить француженку, которая может отличить кокни от корнуольца^[24]... — Он постукивал холеными пальцами по крышке стола. — Как ваша девичья фамилия, мистрисс Бошан?

— Послушайте, капитан, — я улыбнулась со всем доступным мне очарованием, — играть с вами в игру «двадцать вопросов» весьма интересно, но мне хотелось бы поскорее покончить с предварительными церемониями и договориться о продолжении моего путешествия. Я и так уж задержалась надолго и...

— Ваши игривые манеры не помогут вам, мадам, — перебил он меня, снова прищулив глаза.

Фрэнк это делал в тех случаях, когда ему очень сильно что-нибудь не нравилось, и я ощутила некоторую слабость в коленях.

— Я и не рассчитываю на помощь, — ответила я как можно смелее. — У меня нет никаких требований ни к вам лично, ни к гарнизону, ни к Макензи. Все, чего я хочу, это получить разрешение продолжать мое путешествие. И не вижу причин, по которым вы бы могли против этого возражать.

Он смотрел на меня, крепко стиснув губы. — Ах вот как? Не видите? Прекрасно. Однако поставьте себя на мое место, мадам, и, возможно, мои возражения сделаются для вас ясными. Месяц назад я и мои люди преследовали по горячим следам шайку неизвестных шотландских бандитов, которые угнали небольшое стадо скота из имения возле границы...

— Ах вот они чем занимались! — воскликнула я. — Мне это не было известно, — добавила я малоубедительным тоном.

Капитан Рэндолл тяжело задышал, но сдержался и продолжил свой рассказ:

— В разгар этой законной погони я встречаю полуодетую англичанку в таком месте, где ей не положено быть даже в сопровождении собственного эскорта, англичанку, которая отказывается отвечать на мои вопросы, которая на меня нападает...

— Вы первый напали на меня! — не удержалась я от восклицания.

— ...соучастник которой оглушает меня во время внезапного коварного нападения и которая затем покидает место действия, скорее всего, с чьей-то помощью. Я и мои люди тщательно обыскали все кругом, и уверяю вас, мадам, не обнаружили никаких следов вашего убитого слуги или отнятого у вас имущества, вашего платья и вообще ни малейших доказательств того, что рассказанная вами история правдива.

— Вот как? — только и нашлась выговорить я.

— Да, вот так. Мало того, в течение четырех месяцев не поступало никаких сообщений о разбойниках. И вот теперь, мадам, вы появляетесь здесь в обществе военачальника клана Макензи, и он сообщает мне, что его брат Колам считает, будто вы шпионка, работающая на меня!

— Но ведь это не так, — резонно возразила я. — Вы-то это знаете.

— Да, это я знаю, — с подчеркнутым терпением подтвердил он. — Не знаю я лишь того, кто вы есть на самом деле, черт меня побери! Но я намерен это установить, уверяю вас, мадам! Я начальник здешнего гарнизона. И как таковой я уполномочен предпринимать определенные шаги для того, чтобы обезопасить округ от предателей, шпионов и любых других внушающих подозрение личностей. И эти шаги, мадам, я полностью готов предпринять.

— И что же это за шаги, нельзя ли узнать? — поинтересовалась я — совершенно искренне, хотя в словах моих, возможно, прозвучала насмешка.

Он встал, посмотрел на меня сверху вниз в некоем раздумье, обошел вокруг стола и, протянув руку, вынудил меня подняться со стула.

— Капрал Хоукинс, — произнес он, все еще глядя на меня, — мне понадобится ваша помощь.

Капрал явно смутился, но тем не менее бочком-бочком подошел к нам.

— Встаньте позади этой леди, капрал, — скучным голосом приказал Рэндолл. — И крепко возьмите ее за локти.

Он отвел назад руку и ударил меня под ложечку.

Я не закричала, потому что не могла дышать. Я опустилась на пол, согнувшись вдвое, пытаюсь вобрать в легкие хотя бы глоток воздуха. Я испытала невероятное потрясение — не от боли, которая, конечно, тоже дала себя чувствовать вместе с нахлынувшей слабостью. Просто за всю мою сознательную жизнь никто и никогда не бил меня намеренно.

Капитан присел на корточки возле меня. Его парик слегка покосился набок, но, кроме этого, да еще сильного, какого-то особенного блеска в глазах, он не вышел из рамок своей привычной и тщательно сохраняемой элегантности.

— Надеюсь, что вы не беременны, мадам, — произнес он вполне разговорным тоном, — потому что в противном случае беременность ваша вскоре прервется.

Я начала дышать с каким-то странным присвистом — и первые глотки кислорода причиняли мне боль в горле. Опершись на руки и колени, я приподнялась и ухватила за край стола. Капрал, бросив на своего начальника испуганный взгляд, все-таки помог мне встать.

Черные волны то и дело прокатывались по комнате. Я опустилась на стул и закрыла глаза.

— Посмотрите на меня. — Голос был ясный и спокойный, словно мне предлагали чашечку чая.

Я открыла глаза и сквозь редящий туман посмотрела на капитана. Он стоял передо мной, держа руки на своих изящных бедрах.

— У вас есть что сказать мне теперь, мадам? — спросил он.

— Ваш парик сбил набок, — ответила я и снова закрыла глаза.

Глава 13

НАМЕЧАЕТСЯ БРАКОСОЧЕТАНИЕ

Я села к столу в буфетной, глядя в чашку с молоком и пытаюсь побороть приступы тошноты. Дугал взглянул на мое лицо, когда я спускалась по лестнице, поддерживаемая мускулистым молодым капралом, и тотчас, пройдя мимо меня по лестнице, поднялся в комнату Рэндолла. Полы и двери в гостинице были толстые и прочные, но мне слышны были громкие голоса наверху.

Я подняла чашку с молоком, но руки у меня еще дрожали, и пить из чашки я не могла.

Я постепенно приходила в себя от физической боли, но от потрясения — нет. Я знала, что этот человек — не мой муж, но сходство было столь велико, а мои привычки так укоренились, что я была почти готова довериться ему и, рассказать все так, как я рассказала бы Фрэнку, полагаясь хотя бы на воспитанность, если не на активное сочувствие. Его злобное нападение перевернуло мои представления и чувства, именно из-за этого я ощущала себя совершенно больной.

Больной и напуганной. Я близко видела его глаза, когда он опустился возле меня на корточки. На короткое мгновение что-то промелькнуло в глубине этих глаз. Всего только вспышка, не более, но я не хотела бы увидеть ее еще хоть раз в жизни.

Звук открываемой наверху двери вывел меня из задумчивости. Тяжелые и быстрые шаги возвестили о появлении Дугала, следом за которым на очень близком расстоянии шел капитан Рэндолл — на столь близком, что, когда Дугал, увидев меня, неожиданно остановился внизу, Рэндолл едва не уткнулся ему в спину.

Бросив на капитана Рэндолла короткий взгляд через плечо, Дугал быстро подошел ко мне, швырнул на стол монету в уплату за еду и, не говоря ни слова, рывком поднял меня с места. Он так стремительно вывел меня за дверь, что я только и успела заметить устремленный в мою сторону пристальный и хищный взгляд офицера в красном мундире.

Мы уселись в седла и тронули лошадей, прежде чем я успела обмотать вокруг ног свои широкие юбки, и волны ткани вздымались на ветру, словно непогашенный парашют. Дугал молчал, но, казалось, нашим лошадям передался его настойчивый порыв к движению — едва мы достигли большой дороги, они понеслись галопом.

На перекрестке, отмеченном пиктским крестом^[25], Дугал внезапно натянул поводья. Мы остановились.

Дугал спешил и привязал обеих лошадей за уздечки к какому-то деревцу. Потом помог мне сойти с седла и тотчас нырнул в кусты, знаком приказав следовать за ним.

Я поднималась по склону холма, ориентируясь на мелькающий в листве килт Дугала и то и дело быстро наклоняя голову, чтобы отпущенная Дугалом ветка не хлестнула меня по лицу. Холм порос дубками и молодыми соснами. Слева от меня щебетали в подлеске синицы, и чуть поодаль трещала, должно быть, целая стайка соек, отыскивающих корм. Свежая, ярко-зеленая трава раннего лета густо росла среди скал и камней, ковром устилала землю под дубами; под соснами трава не росла, земля под ними была устлана толстым слоем опавших иголок, среди которых кишмя кишели муравьи и другие мелкие насекомые, укрываясь от солнечных лучей и хищных птиц.

Резкие лесные запахи щекотали горло. Я бывала и раньше на таких холмах и дышала теми же весенними запахами, но тогда они смешивались с вонью выхлопных газов, доносившейся с дороги, а щебет птиц заглушался голосами туристов. В последний раз перед этим, когда я подымалась по такой вот тропе, земля была усеяна обертками от сэндвичей и пустыми пачками из-под сигарет, а не распускающимися бутонами мальвы и цветами фиалок. Обертки от сэндвичей казались достаточно умеренной платой за такие блага цивилизации, как, предположим, антибиотики и телефон, однако нынче я испытывала благодарность к фиалкам. Я очень нуждалась в мире и покое, и здесь я их чувствовала.

Почти у самой вершины холма Дугал вдруг свернул в сторону и скрылся в густом ракитнике. С некоторым трудом проложив себе дорогу за ним, я обнаружила его сидящим на плоском камне возле небольшого водоема. Покосившаяся каменная стела с полустертым, почти неопределенным изображением человеческой фигуры возвышалась чуть поодаль. Я сообразила, что передо мною святой источник. Таких вот мест поклонения в Шотландии было полным-полно, и они часто скрывались в уединенных местах, а возле этого на ветвях склонившейся над водой рябины было повязано множество выцветших тряпочек — подношений от тех, кто молил святого о здоровье или о благополучии в дальней дороге.

Дугал кивком приветствовал мое появление. Он перекрестился, склонил голову и зачерпнул из источника воды в сложенные вместе пригоршни. Вода была необычно темного цвета и отдавала неприятным запахом — как видно, серный источник, решила про себя я. День стоял

жаркий, мне очень хотелось пить, и я последовала примеру Дугала. Вода чуть горчила, но была холодная и нельзя сказать, чтобы невкусная. Я выпила немного, потом ополоснула лицо от дорожной пыли.

Я подняла голову, не вытирая лица, и увидела, что Дугал смотрит на меня с каким-то странным выражением. Нечто среднее между любопытством и расчетом — так бы я определила это выражение.

— Пришлось вскарабкаться в гору, чтобы испить водицы? — беспечно спросила я.

Бутылки с водой были у нас в седельных сумках. И я сомневалась, что Дугал поднялся сюда, чтобы просить святого о благополучном возвращении в гостиницу. Мне казалось, что его намерение носит более мирской характер.

— Вы хорошо знаете капитана? — неожиданно спросил он.

— Хуже, чем вы, — ответила я. — Я видела его до этого всего один раз, да и то случайно. Мы не пришли друг другу по вкусу.

К моему удивлению, суровое лицо Дугала смягчилось.

— Не могу сказать, что и мне он сильно по душе, — сказал он.

Побарабанил пальцами о край каменной ограды водоема, о чем-то размышляя, и повернулся ко мне.

— А кое-кто о нем весьма высокого мнения. Дескать, храбрый солдат и прекрасный воин.

Я подняла брови.

— Поскольку я не генерал английской армии, на меня эти качества не производят впечатления.

Дугал громко рассмеялся моей шутке, показав ослепительно белые зубы; смех вспугнул трех грачей с дерева над нами, и они улетели, хриплыми криками выражая полное свое неудовольствие.

— На кого вы шпионите — на англичан или на французов? — спросил Дугал, вновь меняя тему разговора самым неожиданным образом. — Или вы не шпионка?

— Конечно же нет! — резко ответила я. — Я Клэр Бошан, и более ничего.

Я обмакнула в воду свой носовой платок и обтерла им шею. Прохладные струйки побежали по спине под серой саржей моего дорожного платья, Я прижала посильнее мокрый платок к груди, и получилось то же самое.

Дугал молча внимательно наблюдал за тем, как я совершаю это омовение.

— Вы видели спину Джейми, — вдруг сказал он.

— Да, хоть и помимо моей воли, — сухо ответила я.

Мне по-прежнему было непонятно, чего он добивается своими бессвязными расспросами. Вероятно, сам объяснит, когда найдет нужным.

— Вы хотите узнать, известно ли мне, что это дело рук Рэндолла? Вы знали об этом сами?

— Я-то знал, — ответил он, глядя на меня оценивающим взглядом, — но не был осведомлен, в курсе ли вы.

Я пожала плечами, давая понять, что его вообще не касается, в курсе я или нет.

— Я, видите ли, был там, — с нажимом произнес Дугал.

— Где?

— В Форт-Уильяме. Я вел кое-какие дела с гарнизоном. Тамошний клерк знал, что Джейми мне родственник, и известил меня, когда они его арестовали. Ну я и отправился туда, чтобы попробовать помочь Джейми.

— Но, кажется, не слишком преуспели, — колко вставила я.

— К сожалению, не преуспел. — Дугал пожал плечами. — Если бы у них за старшего оставался прежний главный сержант, я мог бы по крайней мере избавить Джейми от второй порки, но Рэндолл только что приступил к командованию. Меня он не знал и был не расположен прислушиваться к моим доводам. Мне тогда пришло в голову, что он решил на Джейми показать всем для начала, какой он жесткий командир. Мягкости, мол, от него не ждите. Ежели ты командуешь мужчинами, опирайся на твердые правила. Либо завоюй их уважение — если сумеешь. Либо запугай их.

Я вспомнила выражение лица молодого капрала и подумала, что способ, выбранный Рэндоллом, мне ясен.

Глубоко посаженные глаза Дугала уставились на меня с нескрываемым любопытством.

— Вы знали, что это сделал Рэндолл. Джейми вам об этом рассказывал?

— Немного.

— Значит, он хорошо к вам относится, — раздумчиво проговорил Дугал. — Обычно он никому об этом не говорит.

— Даже представить себе не могу, почему бы это? — съязвила я.

До сих пор, когда мы прибывали в очередную таверну или гостиницу, я чутко прислушивалась, задерживая дыхание, к тому, как ведут себя мужчины, и успокаивалась, лишь определив, что они просто уселись на целый вечер поболтать и выпить у камина. Дугал понял, о чем я думаю, и насмешливо улыбнулся.

— Ну, мне об этом незачем было рассказывать, поскольку я и без того

знал.

Он опустил руку в таинственно-темную воду и провел линию, над которой поднялось облачко сернистых испарений.

— Не знаю, как это бывает в Оксфордшире, — продолжал он со все той же насмешливой улыбкой, от которой я себя почему-то почувствовала неуютно, — но здесь у нас леди обычно не присутствуют на таких зрелищах, как наказание плетьюми. Вы такое когда-нибудь видели?

— Нет, и не хотела бы увидеть, — ответила я. — Можно себе вообразить, каково это, если остаются такие рубцы, как на спине у Джейми.

Дугал покачал головой и плеснул водой в любопытную сойку, подобравшуюся к нам слишком близко.

— Нет, барышня, вы ошибаетесь, позвольте вам сказать. Воображение — вещь хорошая, но видеть, как человека хлещут по голой спине, — это совсем другое. Скверная штука, рассчитанная на то, чтобы сломить человека, да часто оно так и бывает.

— Но не Джейми.

Ответ мой прозвучал поспешнее, чем я бы хотела, но Джейми был моим пациентом, а потом мало-помалу сделался моим другом. Я не имела ни малейшего желания обсуждать его личную историю с Дугалом, но невольно уступала некоему болезненному любопытству. Я никогда не встречала человека более откровенного и вместе с тем более загадочного, нежели высокий юный Мактевиш.

Дугал коротко рассмеялся и провел влажной рукой по волосам, приглаживая пряди, выбившиеся во время нашего бегства — я считала это именно бегством — из гостиницы.

— Ну, надо сказать, что Джейми такой же упорный, как и вся их семья, — не люди, а камни, и он самый твердый из всех. — В словах Дугала, произнесенных брюзгливым тоном, тем не менее звучало уважение. — Джейми сказал вам, что его наказали плетьюми за побег? — спросил он.

— Да.

— Он перелез через стену, едва стемнело, в тот самый день; как его привезли туда. Случай достаточно обычный, потому что условия содержания заключенных были не особенно строгими, но англичане установили ночное патрулирование вокруг стен. Гарнизонный клерк рассказал мне, что Джейми ввязался в драку, и, судя по его виду, драку крепкую, но он дрался один против шестерых, да еще вооруженных мушкетами, так что продержался недолго. Ночь он провел в цепях, а наутро его первым делом повели к столбу, возле которого наказывали плетьюми.

Экзекуцию проводили сразу после поверки, чтобы, так сказать, дать мозгам направление на целый день. На этот раз к плетям были приговорены трое, Джейми — последний по порядку.

— Вы и в самом деле видели это?

— О да! И я скажу вам, барышня, видеть, как мужчин порют плетями, — зрелище не из приятных. Мне, к счастью, не довелось испытать такое самому, но думаю, что ожидать своей очереди тоже не сладко. Наблюдать, как хлещут плетями кого-то в ожидании того же для себя... не приведи Боже!

— Не сомневаюсь, — пробормотала я. Дугал кивнул.

— Джейми выглядел достаточно мрачно, но у него ни один волосок не дрогнул, даже когда он слышал крики и другое... могли бы вы слушать, как разрывается живая плоть?

— Уфф!..

— Точно так же думал я, барышня, — сказал Дугал, поморщившись при воспоминании. — Не говоря уже о крови и рубцах.

Он сплюнул, стараясь не попасть в воду или на ограду водоема.

— Меня просто выворачивало наизнанку от этого зрелища, а я человек не слишком деликатный, прямо вам скажу.

Дугал помолчал и продолжил свой ужасный рассказ:

— Пришел черед Джейми — и он идет к столбу. Другого пришлось бы волочить, но только не его. Подходит и протягивает капралу руки, чтобы тот разомкнул наручники. Капрал потом хотел взять его за руку и отвести на место, но он его оттолкнул и отступил на шаг. Я было решил, что он вздумал дать стрекача, но он просто снял рубашку. Она была вся изорвана и грязная, как тряпка, но Джейми сложил ее так аккуратно, словно самую лучшую воскресную. Сложил и опустил на землю... Ну, подходит он к столбу, прямой, как солдат в строю, и поднимает руки, Чтобы их привязали.

Солнце, пробиваясь сквозь листву рябины, осыпало Дугала пятнами света и тени; казалось, что смотришь на него через кружевную салфетку. Я улыбнулась пришедшему в голову сравнению, и Дугал одобрительно кивнул мне, полагая, что улыбка моя относится к его рассказу.

— Да, барышня, подобная смелость встречается очень редко. И заметьте себе, что она шла не от незнания: только что у него на глазах отхлестали двоих, Джейми знал, на что идет. Храбрость в сражении не является чем-то выдающимся для шотландца, вы это знаете, но победить страх, когда ты в спокойном, обычном состоянии, — редкое свойство. А Джейми тогда было всего девятнадцать, — добавил Дугал.

— Смотреть на все это было, наверное, ужасно, — сказала я не без

иронии. — Как еще вы в обморок не упали.

Дугал уловил иронию, но предпочел ее не заметить.

— Я и в самом деле едва не лишился сознания, барышня, — заговорил он снова, задумчиво глядя прямо перед собой. — Кровь полилась после первого же удара, а через минуту спина у парня сделалась красно-синей. Он не кричал и не просил пощады, не увертывался от плети. Он просто крепко прижался лбом к столбу и так стоял. Он вздрагивал, когда плеть опускалась на спину, и только. Сомневаюсь, чтобы сам я мог так держаться, да и немногие могли бы. Джейми потерял сознание, получив половину ударов, его облили водой из кувшина и закончили дело.

— Все это ужасно, — сказала я. — Зачем вы мне рассказываете?

— Я еще не кончил свой рассказ, — сказал на это Дугал, вытащил из ножен кинжал и принялся кончиком чистить ногти.

Он вообще тщательно следил за собой, хотя в дороге соблюдать чистоту и опрятность было трудно.

— Джейми обвис на веревках, кровь текла ручьем и пачкала его килт. Я не думаю, что он был в обмороке, просто чувствовал себя слишком скверно, чтобы встать. Но как раз в это время капитан Рэндолл спустился во двор. Не знаю, почему он отсутствовал на экзекуции, возможно, у него были дела. — Джейми увидел его и сообразил закрыть глаза и опустить голову, как будто бы он без памяти.

Дугал сдвинул брови, весь сосредоточившись на не поддающемся его усилиям ногте.

— Капитан был явно вне себя оттого, что Джейми отхлестали в его отсутствие: кажется, он хотел бы сохранить это удовольствие для себя. Но тут уж ничего нельзя было поделать. И тогда он придумал расследовать обстоятельства побега Джейми.

Дугал принялся ощупывать лезвие кинжала, отыскивая неровности и зазубрины, потом принялся точить его о камень, на котором сидел.

— Начал он с того, что запугал нескольких солдат до одури. Со словами этот тип управляется недурно, надо отдать ему должное.

— Да, этого у него не отнимешь, — согласилась я. Кинжал ритмически двигался по камню — ширк-ширк, туда-сюда; когда лезвие натыкалось на особенно твердый участок, из-под него вылетала искра.

— Ну, во время этого расследования выяснилось, что у Джейми, когда его схватили, обнаружили ломоть хлеба и кусок сыра — он взял их с собой, собираясь перелезть через стену. Над этим обстоятельством капитан минутку подумал и улыбнулся такой улыбкой, какую не хотел бы я увидеть на физиономии у моей бабушки. Он объявил, что кража есть серьезное

преступление, наказание должно ему соответствовать, и тут же приговорил вlepить Джейми еще одну сотню плетей.

Я невольно вздрогнула.

— Это убило бы его!

— Да, то же самое сказал и гарнизонный доктор. Он заявил, что не может этого разрешить, что по совести заключенному надо дать неделю, чтобы он оправился и мог выдержать вторую экзекуцию.

— Как это гуманно с его стороны! — воскликнула я. — По совести, скажите на милость! А что на этот счет думал капитан Рэндолл?

— Вначале очень огорчился, однако потом смирился. Тогда главный сержант, который умел распознать настоящий обморок, отвязал Джейми. Парень зашатался, однако устоял на ногах, и несколько человек ему высказали свое одобрение, хоть капитану это и не пришлось по вкусу. Не по нраву ему пришлось и то, что сержант поднял рубашку Джейми и подал ее ему, но остальным это понравилось.

Дугал повертел лезвие так и эдак, проверяя, хорошо ли наточилось, положил кинжал на колено и посмотрел мне прямо в лицо.

— Понимаете, барышня, очень легко быть храбрым, когда сидишь в таверне за кружкой эля. Куда труднее приходится, ежели торчишь на карачках в мерзлом поле, а мушкетные пули свистят у тебя над головой и колючий вереск царапает задницу. Но еще труднее стоять лицом к лицу с твоим врагом, когда кровь твоя льется тебе на ноги.

— Вот бы не подумала, — сказала на это я, хотя было мне дурно и тошно.

Я опустила в воду обе руки, чтобы остудить запястья и приободриться.

— На той же неделе я снова съездил туда повидаться с капитаном Рэндоллом, — сказал Дугал таким тоном, словно его поступок нуждался в оправдании. — Мы с ним потолковали, и я даже предложил ему денежное возмещение...

— Я просто потрясена... — проговорила я, но опустила глаза под взглядом Дугала. — Нет, в самом деле. Это было великодушно с вашей стороны. Полагаю, Рэндолл отклонил ваше предложение?

— Да, отклонил. Не знаю почему; мне до сих пор не встречались английские офицеры, которым служебное рвение было дороже собственного кошелька, а ведь такой мундир, как у Рэндолла, обходится недешево.

— Возможно, у него есть иные источники дохода, — предположила я.

— Разумеется, есть, — согласился Дугал, — и все-таки... — Он помолчал, потом продолжил, но уже спокойнее: — Я опять приехал туда,

когда Джейми снова должны были сечь, но никакой другой помощи я не мог оказать бедняге. На этот раз он был единственным заключенным, приговоренным к наказанию плетью. Стражники сняли с него рубашку, прежде чем вывести его к столбу сразу после восхода солнца в холодное октябрьское утро. Мне было видно, что он весь исполосован, но он шел сам и не позволял стражникам дотрагиваться до себя. Он дрожал — и от холода и от волнения, на руках и на груди выступила гусиная кожа, но по лицу катился пот. Через несколько минут появился Рэндолл, плеть он держал под мышкой, и свинцовые наконечники позвякивали в такт его шагам. Он оглядел Джейми холодными глазами и велел главному сержанту повернуть его, чтобы осмотреть спину. — Дугал сморщился. — Вид был ужасный. Свежие рубцы только-только начали подживать и затягиваться черной коростой, а все между рубцами пожелтело. Одна мысль о том, что на эту жуть обрушится плеть, заставила меня побелеть. Рэндолл повернулся к сержанту и говорит: «Отличная работа, сержант Уилкс. Посмотрим, удастся ли мне сделать ее лучше». Соблюдая формальность, он велел позвать гарнизонного врача, чтобы тот официально подтвердил, что Джейми достаточно окреп и может вынести наказание. Вы видели, как кот играет с мышью? — обратился Дугал ко мне. — Вот так оно и выглядело. Рэндолл крутился вокруг парня, отпуская одно замечание за другим, и все до одного они были грустные. А Джейми стоял прямой, как дуб, не говоря ни слова, стоял и смотрел на столб, а не на Рэндолла. Я увидел, как он стиснул ладонями локти, чтобы унять дрожь, и Рэндолл тоже заметил это. Поджал губы, а потом и говорит: «Это ведь тот самый молодой человек, который неделю назад кричал, что не боится смерти. Разумеется, тому, кто не боится смерти, не страшны и несколько ударов плетью, не так ли?» И ткнул рукоятью плети Джейми в живот. Джейми прямо встретил взгляд Рэндолла и отвечает ему: «Нет, но я боюсь, что совсем окоченею, пока вы кончите разговоры разговаривать». — Дугал вздохнул. — Ну, это была речь смелая, но совершенно безрассудная. Когда с человека сдирают кожу, хорошего мало, но к тому же есть способы сделать такое как нельзя хуже — хлестнуть сбоку, чтобы плеть глубже врезалась, или ударить твердым наконечником по почкам. — Он покачал головой и добавил: — Такая мерзость! — Сдвинув брови, Дугал заговорил дальше медленно, тщательно выбирая слова: — У Рэндолла лицо было... я бы сказал, внимательное... и вроде бы светлое такое... так смотрит мужчина на девушку, которая ему нравится, если вам понятно, что я хочу сказать. Словно бы он собирался сделать с Джейми что-нибудь похуже, чем живьем содрать с него кожу. После пятнадцатого удара кровь полилась Джейми на ноги, а на лице у него

пот мешался со слезами.

Я покачнулась и оперлась рукой о каменную ограду водоема.

— Ладно, — оборвал себя Дугал, обратив наконец внимание на мой вид, — больше я ничего не скажу, кроме того, что Джейми пережил это. Когда капрал развязал ему руки, он пошатнулся, но капрал и главный сержант поддержали его под руки и держали до тех пор, пока он не укрепился на ногах. Его всего трясло от боли и холода, но голову он держал высоко, и глаза у него сверкали — мне это было видно с расстояния в двадцать футов. Ему помогли сойти с помоста — он шел, оставляя кровавые следы, и все время смотрел на Рэндолла. Казалось, он только потому и держится на ногах, что глаз не сводит с капитана. У Рэндолла лицо было почти такое же бледное, как у Джейми, и он тоже не отводил глаз от парня, словно и его только это держало на ногах.

У самого Дугала глаза остановились, как будто он и сейчас видел перед собой ужасную сцену.

На маленькой прогалине стало очень тихо, только ветер еле слышно шелестел среди ветвей рябины. Я закрыла глаза и некоторое время прислушивалась к шелесту листьев.

— Зачем? — спросила я, не открывая глаз. — Зачем вы мне рассказали?

Когда я наконец открыла глаза, то встретила напряженно-внимательный взгляд Дугала. Я снова опустила руку в водоем и смочила прохладной водой виски.

— Я считал, что это может помочь вам понять характер, — ответил Дугал.

— Рэндолла? — Я рассмеялась коротким, невеселым смехом. — Благодарю вас, но я не нуждаюсь более в иллюстрациях к его характеру.

— Рэндолла, — подтвердил Дугал. — Но и Джейми, Мне вдруг стало как-то не по себе.

— Видите ли, я получил предписание, — Дугал подчеркнул интонацией последнее слово — не без сарказма, — от нашего славного капитана.

— Предписание какого рода? — спросила я с возрастающим беспокойством.

— Препроводить английскую подданную по имени Клэр Бошан в Форт-Уильям в понедельник восемнадцатого июня. Для допроса.

Мой вид, вероятно, по-настоящему встревожил Дугала, потому что он вскочил на ноги и подошел ко мне.

— Опустите голову между колен, — велел он, нажимая рукой сзади

мне на шею, — и держите так, пока не пройдет слабость.

— Я знаю, что делать, — резко ответила я, но поступила именно так, как он мне сказал.

Закрыв глаза, я почувствовала, как постепенно делается все сильнее ослабевшее было биение крови в висках. Исчезло ощущение липкой и холодной влажности на лице и около ушей, только руки по-прежнему оставались ледяными. Я сосредоточилась на дыхании и начала считать: вдох — раз, два, три, четыре, выдох — раз, два... и так далее.

Наконец я выпрямилась, почувствовав, что вполне овладела всеми своими способностями. Дугал снова уселся на ограду источника и терпеливо ждал, все еще опасаясь, что я вдруг свалюсь в водоем.

— Есть выход из положения, — вдруг произнес он. — Единственный, как я считаю.

— Укажите мне его, — попросила я, пытаясь улыбнуться — не слишком удачно.

— Ну что ж, хорошо. — Он подвинулся ближе, наклонился ко мне и принялся объяснять: — Рэндолл имеет право взять вас на допрос, поскольку вы являетесь подданной английской короны. Но мы можем это изменить.

Я уставилась на него с непонимающим видом.

— Что вы имеете в виду? Вы тоже подданный короля, не так ли? Как вы можете изменить подобную вещь?

— Шотландский закон и английский очень похожи, — нахмурившись, сказал Дугал, — но не одинаковы. И английский офицер не может принудить к чему-то шотландца, если не имеет твердых доказательств, что тот совершил преступление, или по крайней мере серьезных подозрений. Но на основании одних лишь подозрений он не имеет права забрать шотландского подданного из владений клана без разрешения соответствующего лэрда.

— Вы советовались с Недом Гоуэном, — предположила я, вновь испытывая легкое головокружение.

Дугал кивнул.

— Да, советовался. Видите ли, я предполагал, что до этого дойдет. И Нед подтвердил то, о чем я сам уже думал: единственная уловка, при помощи которой я вправе отказать выдать вас Рэндоллу, — это превратить вас из англичанки в шотландку.

— В шотландку? — переспросила я, позабыв о головокружении под воздействием испугавшего меня подозрения.

Слова Дугала подтвердили мою догадку.

— Да, — сказал он, — вы должны выйти замуж за шотландца. За молодого Джейми.

— Это для меня невозможно!

— Хорошо. — Он сдвинул брови и немного подумал. — Тогда я мог бы предложить вам Руперта. Он вдовец и арендует небольшую ферму. Правда, он постарше, к тому же...

— Я и за Руперта не собираюсь выходить! Это же... это совершенный абсурд... бессмыслица... — Мне не хватало слов. В сильнейшем возбуждении я вскочила на ноги и забегала по полянке.

— Джейми — славный юноша, — заговорил Дугал, не вставая с места. — У него, правда, нет сейчас никакой собственности, но человек он добросердечный. Он не станет плохо обращаться с вами. К тому же он опытный воин и имеет веские причины ненавидеть Рэндолла. Нет, выходите за него, и он станет защищать вас до последнего дыхания.

— Но... но я ни за кого не могу выйти замуж! — выкрикнула я.

Глаза Дугала сделались острыми.

— Почему же, барышня? Разве у вас есть живой муж?

— Нет. Я просто... это же смешно! Такого быть не может!

Дугал явно успокоился, когда я сказала «нет». Он посмотрел на солнце и встал.

— Нам пора двигаться, барышня. Надо еще кое-что уладить. Понадобится особое разрешение на брак, — пробормотал он, — но Нед это уладит.

Он взял меня за руку, но я вырвала ее у него. — Я ни за кого не пойду замуж, — твердо заявила я.

— Вы хотите, чтобы я передал вас Рэндоллу?

— Нет! — И тут меня осенило, — Значит, вы поверили, что я не английская шпионка?

— Теперь поверил, — ответил он с нажимом на первом слове.

— Почему только теперь, а не раньше?

Он указал на источник и на полустершееся изображение святого на камне. Должно быть, камню этому была не одна сотня лет, куда больше, чем огромной старой рябине, осенявшей родник и сыпавшей в темную воду свои мелкие белые цветки.

— Это источник Святого Ниниана, — сказал Дугал. — Вы напились воды из него, прежде чем я задал вам вопрос.

— Ну и что из этого? — удивилась я от всей души. Дугал тоже удивился, но тотчас улыбнулся.

— Вы не знали? Его называют источником лжецов. Вода пахнет

пламенем ада. Кто напьется воды, а потом скажет неправду, у того глотку спалит огнем.

—Понятно, —процедила я сквозь зубы. — С глоткой у меня все в порядке, так что можете верить — я не шпионю ни для англичан, ни для французов. И поверьте еще одному, Дугал Макензи: ни за кого я замуж не пойду!

Он меня уже не слушал. Прокладывал себе дорогу через кусты вокруг источника. Только трепещущая ветка дуба обозначала место, где он скрылся. Пылая негодованием, я последовала за ним.

По дороге я еще некоторое время громко выражала свой протест. В конце концов Дугал посоветовал мне уняться и поберечь легкие, после чего наш путь продолжался в молчании.

Едва мы добрались до гостиницы, я бросила поводья и поспешила подняться по лестнице к себе в комнату.

Мысль о браке казалась мне не столько чудовищной или ужасной, сколько невероятной, немыслимой. Я мерила и мерила шагами узкую комнатку, чувствуя себя загнанной, словно крыса в ловушке. И какого дьявола я, несмотря на риск, не сбежала от шотландцев раньше?

Я присела на кровать и попыталась обдумать все спокойно. Если подходить к проблеме с точки зрения Дугала, замужество имело свой смысл. Если бы он попросту категорически отказался выдать меня Рэндоллу, тот вполне мог попытаться взять меня силой. И независимо от того, верил мне Дугал или нет, он вряд ли захотел бы ввязываться в схватку с английскими драгунами во имя моего спасения.

Рассуждая хладнокровно, мысль о браке имела свои преимущества и с моей собственной точки зрения. Поскольку я выйду замуж за шотландца, за мной перестанут следить, перестанут меня сторожить. И мне легче будет удрать, когда придет удобный момент. Что касается Джейми, то я ему, безусловно, нравлюсь. Шотландские горы он знает как свои пять пальцев. Возможно, он отвезет меня к холму Крэг-на-Дун или хотя бы покажет направление. Да, пожалуй что, брак — это наилучший способ достигнуть моей цели.

Так это выглядело, если подойти хладнокровно. Однако моя кровь была какой угодно, только не холодной. Я была дико взбудоражена и никак не могла успокоиться, я металась, обуреваемая гневом, в поисках выхода. Любого. Через час лицо мое пылало, кровь бурно пульсировала в голове. Я открыла ставни, высунулась в окно и подставила пылающее лицо прохладному бризу.

За спиной у меня послышался властный стук в дверь. Едва я успела

отвернуться от окна, как в комнату вошел Дугал. В руке на манер подноса он держал пачку твердой бумаги; за ним следовали Руперт и опрятнейший Нед Гоуэн — ни дать ни взять королевские конюшие.

— Милости прошу, — произнесла я с изысканной вежливостью.

Дугал, по обыкновению, не обращая на меня внимания, сдвинул в сторону возвышавшийся прямо на столе ночной горшок и торжественно разложил веером на неровной дубовой столешнице принесенные бумаги. — Все готово, — изрек он с гордостью человека, который благополучно завершил весьма нелегкое дело. — Нед выправил бумаги. Не только как юрист, но и как ваш сторонник, а, Нед?

Мужчины добродушно рассмеялись.

— Это не столь уж трудно, — скромно заметил Нед. — Контракт очень простой.

Указательным пальцем он перелистал бумаги, помолчал и сдвинул брови, словно ему неожиданно что-то пришло в голову.

— У вас нет собственности во Франции? — обеспокоенно спросил он, глядя на меня поверх бифокальных очков, которыми пользовался во время работы.

Я отрицательно покачала головой, и он с явным облегчением собрал бумаги снова в пачку и аккуратно выровнял края.

— Тогда все в порядке. Вам нужно подписаться вот здесь внизу, а Дугал и Руперт поставят свои подписи как свидетели.

Законник поставил на стол чернильницу, которую принес с собой, вынул из кармана гусиное перо и церемонно протянул его мне.

— А что это такое? — спросила я.

Вопрос был чисто риторический, потому что на верхней странице каллиграфическим почерком и буквами вышиной в два дюйма, узкими и четкими, было начертано: «Брачный контракт».

Дугал подавил вздох нетерпения по поводу моего упорства.

— Вы отлично знаете, что это такое, — отрывисто бросил он. — И если у вас нет другой блестящей мысли, как избежать рук Рэндолла, подпишите это, и конец делу. Времени у нас мало.

Светлых мыслей в запасе не оказалось, несмотря на то, что я целый час мучительно обдумывала проблему. Мне и в самом деле начинало казаться, что невероятный выход, предложенный мне, является наилучшим вопреки моему внутреннему протесту.

— Но я не хочу выходить замуж! — упрямо повторила я.

Мне пришло в голову, что я не единственное заинтересованное лицо в этом вопросе. Вспомнилась девушка со светлыми волосами, которая

целовалась с Джейми в алькове в замке.

— Может и Джейми не хочет на мне жениться! — заявила я. — Что вы на это скажете?

Дугал на это только рукой махнул.

— Джейми — солдат, он сделает то, что ему прикажут. И вы тоже, — добавил он, — если, конечно, не предпочтете английскую тюрьму.

Я уставилась на него, тяжело дыша. Все время с той минуты, как мы оставили комнату Рэндолла, я находилась в состоянии почти что паники, и теперь уровень моего возбуждения сильно возрос перед необходимостью выбора между черным и белым.

— Я хочу с ним поговорить, — сказала я. Дугал поднял брови.

— С Джейми? Зачем?

— Зачем? Вы принуждаете меня выйти за него замуж, и, насколько я понимаю, ему вы попросту не сообщили об этом!

Дугал явно считал мою затею совершенно неуместной, но тем не менее он согласился и отправился вместе со своими приспешниками за Джейми в буфетную.

Джейми появился очень скоро, и выглядел он, понятное дело, весьма удивленным.

— Вы знаете, что Дугал собирается нас поженить? — прямо в лоб спросила я его.

Лицо у него сразу прояснилось.

— Да-а. Я это знаю.

— Но все же, — заговорила я, — вы человек совсем молодой... я имею в виду, нет ли кого-то еще, в ком вы заинтересованы?

Некоторое время он смотрел на меня непонимающими глазами, потом сообразил.

— То есть не помолвлен ли я? Нет, мне ведь особо нечем привлечь девушку, — сказал он, но, тотчас сообразив, что это звучит обидно и даже оскорбительно, поспешил добавить: — То есть имущества у меня никакого, ничего, кроме солдатского жалованья, на которое я существую.

Он потер рукой подбородок, в глазах промелькнуло сомнение.

— Ну а потом, есть такое маленькое затруднение — за мою голову назначена награда. Ни один отец не захочет выдать дочку за того, кому грозят арест и виселица. Вы об этом подумали?

Я махнула рукой; то, что он поставлен вне закона, казалось мне несущественным по сравнению с нелепостью положения в целом. Я сделала последнюю попытку:

— Вас не смущает то, что я не являюсь девственницей?

Джейми слегка помедлил с ответом.

— Да нет, — медленно проговорил он, — если вас не смущает то, что я им являюсь.

Он усмехнулся при виде моей отвисшей челюсти и повернулся к двери.

— Стало быть, один из нас знает что к чему, — сказал он на прощанье.

Дверь за ним тихо затворилась, и на этом закончился период ухаживанья.

Бумаги были подписаны, после чего я осторожно спустилась по крутой лестнице в буфетную и подошла к стойке.

— Виски, — обратилась я к взъерошенному старикашке за стойкой.

Он скорчил кислую мину, однако кивок Дугала вынудил его взяться за стакан и бутылку. Стакан был из толстого зеленоватого стекла и не слишком чистый, к тому же с отбитым краем, но в данный момент для меня имело значение лишь то, что он являлся емкостью, в которую можно что-то налить.

Когда прошло ощущение ожога от проглоченной жидкости, я почувствовала некое, пусть и обманчивое, успокоение. Должно быть, поэтому я с какой-то особой ясностью начала замечать детали окружающей меня обстановки: небольшой витраж над стойкой, цветные стекла которого бросали пестрые тени на хозяина и его товары; оправленную в медь изогнутую ручку ковша, висящего на стене поблизости от меня; зеленую муху, которая копошилась в липкой лужице на столе, пытаясь высвободиться. С неким подобием товарищеского чувства я подтолкнула ее доньшком стакана на сухое место.

Постепенно до меня все отчетливее стали доноситься громкие голоса из-за закрытой двери в дальнем конце зала. Дугал скрылся именно за этой дверью, закончив дело со мной, и теперь, очевидно, улаживал соглашения с другой заинтересованной стороной. Я была рада услышать, что, судя по шумным дебатам, мой будущий жених сильно сопротивлялся, несмотря на отсутствие возражений в недавнем разговоре со мной. Возможно, он не хотел обидеть меня.

Держись, парень, пробормотала я про себя и сделала еще один глоток.

Немного погодя я обнаружила, что кто-то пытается разогнуть мои пальцы и отнять у меня стакан. Другая рука поддерживала меня под локоть.

— Господи Иисусе, да она пьяна, как старая карга в своей хибарке, — произнес чей-то голос у меня над ухом. Голос неприятный — как будто его обладатель жевал наждачную бумагу. Сравнение меня насмешило, и я хихикнула.

— Уймись, женщина! — проскрежетал тот же наждачный голос. Прозвучал он несколько тише — видимо, потому, что говоривший отвернулся, чтобы сказать кому-то еще: — Пьет, как лэрд, а каркает, как попугай. Чего же еще...

Его перебили, но я не могла разобрать, что говорит другой: слова были какие-то смутные и нечленораздельные. Правда, голос куда приятнее — глубокий и успокаивающий. Он приблизился, и я даже начала разбирать отдельные слова, но мое внимание тут же рассредоточилось, уплыло куда-то.

Муха снова заползла в лужу и барахталась в самой ее середине, окончательно увязая. Свет из разноцветного окна упал на нее и заискрился на зеленом брюшке. Мой взгляд остановился на зеленом пятнышке, которое подергивалось в такт усилиям насекомого.

— Дружище... у тебя нет ни единого шанса, — выговорила я, и искры погасли.

Глава 14

БРАКОСОЧЕТАНИЕ ИМЕЕТ МЕСТО

Проснувшись, я увидела над головой низко нависший, перекрещенный балками потолок; сама я была до подбородка укрыта толстым пледом. Одета, кажется, только в нижнюю рубашку. Я попыталась было сесть и дотянуться до своей одежды, но сочла за лучшее прервать свою попытку на половине. Очень осторожно я улеглась снова, закрыла глаза и схватилась за голову — иначе она, пожалуй, сорвалась бы у меня с плеч и запрыгала по полу.

Через некоторое время я пробудилась снова оттого, что кто-то отворил дверь. Я рискнула приоткрыть один глаз. Волнистые линии мало-помалу преобразовались в суровую фигуру Мурты, который стоял в ногах кровати и смотрел на меня в высшей степени неодобрительно. Я закрыла глаз. Послышалось «шотландское фыркание», также весьма неодобрительное, но, когда я решилась еще раз открыть глаза, Мурта уже исчез.

С чувством благодарности я уже готова была снова погрузиться в небытие, когда дверь отворилась опять — на этот раз, чтобы пропустить женщину средних лет, в которой я признала жену хозяина гостиницы. Она принесла с собой кувшин и таз. Бодрой поступью она прошла по комнате и отворила ставни с таким грохотом, что у меня по голове словно танк проехал. Женщина надвинулась теперь на меня уже как целый танковый дивизион, вытянула край пледа из моих ослабевших пальцев и отбросила плед в сторону, выставив на обозрение мое жалкое дрожащее тело.

— Подымайтесь, милочка, — сказала женщина. — Мы должны вас подготовить.

Крепкой своей рукой она приподняла меня за плечи и усадила на постели. Я приложила одну руку ко лбу, другую — к тому месту, где у меня находился желудок; сквозь вонючую массу, наполнившую рот, с трудом выговорила:

— Подготовить?

Женщина принялась быстрыми движениями мыть мне лицо.

— Ну да, — ответила она. — Вы же не хотите пропустить собственную свадьбу, не так ли?

— Хочу, — сказала я, но она, не обращая на это внимания, бесцеремонно стащила с меня рубашку и поставила меня на середину комнаты для дальнейших интимных процедур.

Немного погодя я уже сидела на кровати, полностью одетая, чувствуя себя одновременно и ошеломленной и протестующей, но весьма благодарная доброй женщине за предложенный мне ею стакан портвейна. Я осторожными глотками потягивала второй стакан в то время, как моя благодетельница расчесывала мне волосы гребнем.

Я дернулась и едва не подпрыгнула, пролив портвейн, когда дверь отворилась еще раз. Час от часу не легче, со злостью подумала я. В комнату теперь явились двое, Мурта и Нед Тоуэн, и у обоих на лицах было написано осуждение. Мы обменялись взглядами с Недом, а Мурта тем временем вошел в комнату и медленно обошел вокруг кровати, разглядывая меня со всех сторон; Вернулся к Неду и что-то негромко ему сказал — я не расслышала ни слова. Бросив на меня последний негодующий взор, Мурта удалился, затворив за собой дверь.

Моя прическа наконец-то удовлетворила женщину: волосы зачесаны со лба и собраны на макушке так, чтобы локоны свободно падали сзади на шею, а на щеках возле ушей уложены два колечка. Волосы были стянуты так сильно, что казалось, с меня снимают скальп, но впечатление при взгляде в зеркало, протянутое мне женщиной, складывалось вполне благоприятное. Я почувствовала себя почти что человеком и даже нашла силы поблагодарить женщину за ее старания. Она оставила мне зеркало и отбыла, заметив на прощанье, что очень приятно выходить замуж летом — так много цветов, которыми можно украсить голову.

— Итак, мы умереть готовы, — произнесла я, обращаясь к своему отражению в зеркале, и сделала приветственный жест.

Потом рухнула на постель, прикрыла лицо влажным полотенцем и снова уснула.

Мне снился приятный сон, какие-то зеленые луга со множеством цветов, но, увы, то, что я принимала за прикосновение легкого игривого ветерка, забивающегося мне в рукава, оказалось наяву чьими-то не слишком нежными руками, которые тормозили меня. Я рывком села на постели и начала отмахиваться вслепую.

Кое-как разлепив веки, я вдруг увидела перед собой не свою крохотную комнатку, а станцию метро — и человеческие лица по стенам: Нед Тоуэн, Мурта, хозяин гостиницы, его жена и долговязый юнец — должно быть, сын хозяина — с целой охапкой цветов в руках, в полном соответствии с моим сном. Была тут и молодая женщина с плетеной корзинкой, она приветливо улыбалась мне, обнаруживая в улыбке отсутствие нескольких зубов.

Как выяснилось, то была деревенская портниха, мобилизованная для

того, чтобы пополнить недостатки моего гардероба, подогнав по мне одеяния, которые хозяин гостиницы благодаря своим связям смог в короткий срок позаимствовать у местных жителей. Нед нес некое платье; перекинутое через его руку, оно напоминало охотничий трофей. Разложенное на кровати, оно оказалось роскошным туалетом из тяжелого кремового шелка, с низким вырезом и отдельным корсажем, который был усеян маленькими пуговицами, обтянутыми материей; на каждой пуговице была вышита золотыми нитками геральдическая лилия. Вырез ворота и рукава-колокольчики богато отделаны кружевными рюшками, так же, как и подол вышитой верхней юбки из шоколадно-коричневого бархата. Хозяин гостиницы, можно сказать, утонул в нижних юбках, которые он нес, его щетинистые бакенбарды были еле видны среди пышных, как пена, оборок.

Я взглянула на пятно от портвейна на моей серой саржевой юбке — и суетность одержала победу. Если мне и в самом деле предстояло сочетаться браком, то я не хотела выглядеть при этом словно деревенская батрачка.

После короткого приступа бешеной деятельности — я при этом стояла недвижимо, словно портновский манекен, а все прочие метались по комнате, что-то подавали, что-то критиковали и без конца спотыкались друг о друга — конечный продукт был готов, украшен белыми астрами и желтыми розами в волосах, причем сердце у него колотилось по-сумасшедшему под кружевным тесным корсажем. Платье подогнали не слишком хорошо, и оно сохраняло достаточно сильный запах предыдущей владелицы, однако шелк был тяжелый и дивно шуршал вокруг моих ног от соприкосновения со складками и оборками нижних юбок. Я чувствовала себя королевой — и не такой уж дурнушкой.

— Вы не заставите меня сделать это, так и знайте! — угрожающе шипела я в спину Мурте, спускаясь следом за ним по лестнице, но мы с ним оба отлично знали, что мои слова — пустая бравада. Если и была у меня достаточная сила характера оказать сопротивление Дугалу и попытать удачи с англичанами, то она улетучилась вместе с парами виски.

Дугал, Нед и все прочие находились в главном зале буфетной возле лестницы, выпивая и обмениваясь любезностями с несколькими местными жителями, которым, как видно, во второй половине дня только и оставалось, что ошиваться тут.

Дугал увидел меня, когда я медленно спускалась по лестнице, — и внезапно замолчал. Вслед за ним умолкли и остальные, и я приплыла вниз, окруженная весьма приятным облаком почтительного восхищения. Глубоко посаженные глазки Дугала не спеша окинули меня с головы до ног и обратно, после чего он кивнул мне с явным одобрением.

Что бы там ни было, но уже немало времени прошло с тех пор, как мужчина смотрел на меня подобным образом, и я как можно грациознее кивнула в ответ.

После недолгого молчания собравшиеся в буфетной выразили свое восхищение словами, и даже Мурта позволил себе еле заметную улыбку, в полном удовлетворении от результатов своих усилий. Тебя-то кто назначал законодателем моды? — сердито подумала я, но в глубине души вынуждена была признать, что именно он устроил так, что я венчаюсь не в серой сарже.

Венчаюсь. Боже ты мой! Портвейн и кремовые кружева временно вернули мне жизнерадостность, и я решила забыть о значительности момента.

Окинув собравшихся взглядом, я заметила одно существенное упущение. Жениха моего тут не было. Подбодренная мыслью о том, что ему, возможно, удалось удрать через окно и он теперь уже далеко, я приняла очередную порцию вина из рук хозяина гостиницы, прежде чем последовать за Дугалом на улицу.

Нед и Руперт пошли за лошадьми. Мурта куда-то исчез, возможно, отправился на поиски следов Джейми.

Дугал поддерживал меня одной рукой — как бы на тот случай, если я оступлюсь в своих длинных и узких шелковых туфлях, но скорее всего — чтобы предотвратить попытку обрести свободу в последнюю минуту.

Стоял так называемый теплый шотландский, денек, то есть туман был не настолько густым, чтобы превратиться в изморось. Внезапно дверь гостиницы распахнулась — и явилось солнце во образе Джеймса. Если я выглядела сияющей невестой, то жених был поистине великолепен. Я прямо-таки замерла с разинутым ртом.

Шотландский горец при всех регалиях являет собой впечатляющее зрелище — любой шотландский горец, пусть даже старый, некрасивый или мрачный. А при виде стройного, отнюдь не безобразного и молодого шотландского горца попросту захватывает дух.

Густые золотисто-рыжие волосы были гладко причесаны и падали волной на воротник тонкой батистовой сорочки со складочками спереди, с широкими рукавами и кружевными манжетами, которые соответствовали пышному кружевному жабо у ворота, заколотого рубиновой булавкой.

Тартан у Джейми был ярко-малиновый с черным и выделялся на фоне тартанов клана Макензи, выдержанных в более спокойном сочетании зеленого с белым. Пламенно яркий плед, скрепленный круглой серебряной брошью, красивыми складками ниспадал с правого плеча; на талии он был

схвачен поясом с серебряной отделкой, а ниже пояса спускался на стройные ноги, облаченные в шерстяные штаны немного не доходившие до кожаных башмаков с серебряными пряжками. Меч, кинжал и спорран из барсучьего меха дополняли ансамбль.

Ростом более шести футов, пропорционально сложенный, красивый, он сейчас ничуть не походил на неряшливо одетого конюха, каким я привыкла его видеть, — и он это знал. Отставив ногу на придворный манер, он поклонился мне с безупречным изяществом и проговорил:

— Ваш слуга, мадам, — но в глазах у него так и искрилось лукавое озорство.

— О, — слабым голосом отозвалась я.

Мне до сих пор не приходилось видеть, чтобы не слишком разговорчивый Дугал вообще потерял дар речи. Густые брови взлетели вверх на покрасневшем лице, он на свой лад не меньше моего был потрясен явлением Джейми.

— Ты что, спятил? — выговорил он наконец. — Что, если тебя кто-нибудь увидит?

Джейми насмешливо приподнял одну бровь.

— Дядя, ведь нынче день моей свадьбы! Вы же не хотите, чтобы я осрамил свою жену, верно? А кроме того, — добавил он со злым огоньком в глазах, — вряд ли брак признают законным, если я женюсь под чужим именем. А ведь вы хотите, чтобы он был законным, не так ли?

Дугал явным усилием воли овладел собой.

— Если ты готов, Джейми, давайте кончим с этим делом, — сказал он.

Но выяснилось, что Джейми был еще не вполне готов. Не обращая внимания на волнение Дугала, он вытянул из своего споррана нитку белых бус. Подошел ко мне и застегнул ожерелье на моей шее. Опустив глаза, я увидела нанизанные на нитку небольшие жемчужины причудливой формы, какие добывают из раковин пресноводных мидий. Жемчужины перемежались крохотными золотыми колечками.

— Это всего лишь шотландский жемчуг, — извиняющимся тоном проговорил Джейми, — но на вас он выглядит красиво.

Его пальцы слегка задержались у меня на шее. — Но ведь это жемчуг твоей матери! — сказал Дугал, взглянув на ожерелье.

— Да, — спокойно согласился Джейми. — А теперь он принадлежит моей жене... Ну что, в путь?

Место, куда мы направлялись, находилось в некотором отдалении от деревни. Мы являли собой несколько мрачный свадебный кортеж: жених с невестой, окруженные сопровождающими, словно двое арестантов,

которых отправляли в тюрьму. Единственными произнесенными за дорогу словами были извинения Джейми по поводу его опоздания. Как он объяснил, причина заключалась в том, что трудно оказалось найти чистую рубашку и куртку подходящего для него размера.

— Я думаю, что эта рубашка принадлежит сыну местного сквайра, — сказал он, щелкнув пальцем по кружевному жабо. — Прямо как у настоящего денди.

Мы спешили и оставили лошадей у подножия невысокого холма. Пешая тропинка вела наверх через заросли вереска.

Я услышала, как Дугал негромко спросил Руперта:

— Вы обо всем договорились?

— Да-а, — протянул тот, и в черной бороде сверкнули белые зубы. — Немножко трудно было уговорить падре, но мы показали ему особое разрешение. — Он хлопнул рукой по споррану, отозвавшемуся музыкальным звоном, и я догадалась, какого рода было это особое разрешение.

Сквозь изморось и туман проступили над кустами вереска очертания церкви. Не веря своим глазам, я смотрела на округленной формы крышу и необычные маленькие окошки со множеством мелких стекол, которые я видела в последний раз ясным солнечным утром в день моего венчания с Фрэнком.

— Нет! — закричала я. — Только не здесь! Я не могу!

— Шшш, тихо. Не волнуйтесь, барышня, не волнуйтесь. Все будет в порядке.

Дугал положил мне на плечо свою огромную лапу, продолжая издавать успокаивающие чисто шотландские звуки, словно я была норовистой лошастью.

— Вполне естественно, что она немного нервничает, — объяснил он всем и твердой рукой направил меня на тропинку, подтолкнув пониже спины.

Туфли мои с чавкающим звуком погрузились в сырой толстый слой опавшей листвы.

Джейми и Дугал шли совсем рядом со мной, исключая всякую возможность к бегству. Их укутанные пледами бесформенные фигуры нервировали меня, я чувствовала, что близка к истерике. Примерно двести лет «тому вперед» я венчалась в этой церкви, очаровавшей меня своей древней живописью. Теперь эта церковь была совсем новенькая, и очарование не коснулось ее стен. А я собиралась вступить в брак с двадцатитрехлетним шотландским католиком, за голову которого назначена

премия...

Я повернулась к Джейми во внезапном приступе паники:

— Я не могу выйти за вас! Я даже не знаю вашего полного имени!

Он поглядел на меня сверху вниз и приподнял рыжеватую бровь.

— О, моя фамилия Фрэзер. Джеймс Александер Малкольм Макензи Фрэзер, — произнес он медленно, официально, выделяя каждое слово.

В полном возбуждении я совершенно по-идиотски протянула ему руку и произнесла:

— Клэр Элизабет Бошан.

Джейми понял мой жест как просьбу о поддержке и крепко прижал мою руку локтем к своему боку. Плененная столь надежным способом, я зашлепала вверх по тропинке на свою свадьбу.

Руперт и Мурта ожидали нас в церкви, взяв под стражу духовное лицо — худого и длинного молодого священника с красным носом и выражением страха на лице, что при данных обстоятельствах было вполне объяснимо. Руперт лениво обстругивал ивовый прутик большим ножом; свои отделанные роговыми пластинками пистолеты он оставил при входе в церковь, и они там лежали рядом с крестильной купелью.

Остальные мужчины тоже разоружились, как и подобает в доме Бога, уложив орудия смерти весьма впечатляющей ошетилившейся грудой на задней церковной скамье. Только Джейми оставил при себе кинжал и меч — очевидно, так полагалось по жениховскому церемониалу.

Мы преклонили колени перед деревянным алтарем, Мурта и Дугал заняли свои места как свидетели, и церемония началась.

За два столетия форма католического венчального обряда не изменилась, и слова, связывавшие меня с молодым чужеземцем, который стоял на коленях рядом со мной, были в большинстве своем те же, что связали меня с Фрэнком. Внутри себя я ощущала холодную пустоту. Слова, которые, запинаясь, произносил молодой священник, эхом отдавались в пустой раковине моего желудка.

Я автоматически поднялась на ноги, когда настало время давать обет, и застыла как зачарованная; пальцы мои, совершенно оледенелые, скрылись в сильной руке моего жениха. Пальцы у него были такие же холодные, как мои, и я впервые за все это время подумала, что, невзирая на внешнюю сдержанность, он нервничает не меньше моего.

Я очень долго избегала смотреть на него, однако теперь подняла глаза и увидела, что он тоже смотрит на меня. Лицо у него было белое и ничего не выражало; он выглядел точно так же, как в то время, когда я перевязывала ему плечо. Я попыталась улыбнуться, но уголки губ у меня

предательски дрогнули. Джейми крепче сжал мои пальцы. Мне показалось, что мы оба стремимся поддержать друг друга: отведи один глаза, он бы хлопнулся на пол. Как ни странно, то было успокаивающее чувство. Как бы там ни было, но нас двое.

— Я беру тебя, Клэр, себе в жены...

Голос у Джейми не дрожал, но рука — да. Я сжала пальцы крепче, они теперь тесно сплелись с пальцами Джейми.

— ...любить, почитать и защищать... в радости и в горе...

Слова словно доносились откуда-то издалека. Кровь отлила от головы. Твердый корсаж был дьявольски тесен, и хотя мне было холодно, пот ручьями струился по телу под тяжелым шелком платья. Я от души надеялась, что не упаду в обморок.

Высоко в стене сбоку от алтарного придела находилось небольшое окно с витражом, изображающим Иоанна Крестителя в медвежьей шкуре. Зеленоватые и голубые отсветы упали на рукав моего платья, напомнив о буфетном зале в гостинице, и я вдруг ощутила сильную жажду.

Настала моя очередь. К собственному негодованию, я заговорила, заикаясь:

— Я б-беру т-тебя, Джеймс... — Я выпрямила спину. Джейми справился со своей задачей неплохо, я должна постараться сделать это не хуже. — Беречь и лелеять, с этого дня и дальше... — Голос мой окреп. — Пока смерть нас не разлучит.

Слова прозвучали в церкви с пугающей законченностью. Настала полная тишина, замерло всякое движение. Потом священник попросил дать ему кольца.

Наступило замешательство; мне бросилось в глаза озабоченное лицо Мурты. Я едва успела осознать тот факт, что о кольцах забыли, когда Джейми на некоторое довольно продолжительное время отпустил мою руку и снял кольцо со своего пальца.

На левой руке я все еще носила кольцо Фрэнка. Пальцы правой казались в голубоватом отсвете витража холодными, бледными и застывшими, в то время как большой металлический обруч наделся на четвертый палец. Кольцо было мне велико и легко могло соскользнуть, если бы Джейми не согнул пальцы, а потом обхватил ладонью мой кулак.

Еще какое-то бормотание священника, потом Джейми наклонился поцеловать меня. Было ясно, что он в соответствии с обрядом собираются лишь слегка коснуться моих губ, но его губы оказались мягкими и теплыми, и я невольно подалась ему навстречу. Я смутно воспринимала поднявшийся шум, шотландские восторженные вопли и ободряющие

восклицания зрителей, реально я не замечала ничего, кроме обволакивающей и согревающей силы. Прибежище.

Мы отпрянули друг от друга, оба чувствуя себя немного увереннее, однако улыбаясь беспокойно. Я увидела, как Дугал извлекает кинжал Джейми из ножен, но не поняла, зачем он это делает. Все еще глядя на меня, Джейми вытянул правую руку ладонью вверх. Конец кинжала глубоко врезался в его запястье и оставил за собой темную кровавую полосу. Я не успела опомниться, как моя собственная рука была вытянута, и я ощутила обжигающее прикосновение лезвия. Мягким движением Дугал прижал мое запястье к запястью Джейми и связал наши руки полоской белого полотна.

Должно быть, я пошатнулась, потому что Джейми подхватил меня под локоть свободной левой рукой.

— Держись, милая, — проговорил он с мягкой настойчивостью. — Осталось совсем немного. Повторяй слова за мной.

Говорить пришлось по-гэльски, но всего несколько фраз. Для меня они ничего не значили, но я послушно повторяла их за Джейми, запинаясь на кратких гласных. После этого повязку сняли, ранки обмыли, и мы стали мужем и женой.

На обратном пути по тропинке все чувствовали себя раскованно и весело. Это был радостный, хотя и немногочисленный свадебный кортеж, состоявший только из мужчин, если не считать новобрачной.

Мы были где-то на полпути, когда отсутствие еды, остатки похмелья и общее напряжение этого дня одержали надо мной верх. Очнулась я, лежа на влажных листьях, головой на коленях у моего новоиспеченного мужа. Он убрал мокрый платок, которым обтирал мне лицо.

— Неужели такой плохой?

Он задал этот вопрос с улыбкой, но в глазах было выражение неуверенности, тронувшее меня. Я улыбнулась.

— Ты здесь ни при чем, — разуверила я его. — Это просто... Я ведь не ела ничего со вчерашнего завтрака и, боюсь, слишком много выпила.

У Джейми дрогнули губы.

— Да, я слышал. Ну, это я в состоянии исправить. Я уже говорил, что мне особо нечего предложить жене, но могу обещать, что сытой ты будешь.

Он улыбнулся и робким движением убрал с моего лба непослушную прядь.

Я попробовала сесть и поморщилась от легкого жжения в запястье. Я совсем позабыла о последнем акте церемонии. Края пореза разошлись, очевидно, в результате падения. Я взяла у Джейми платок и кое-как

перевязала запястье.

— Я подумал, что ты из-за этого упала в обморок, — сказал Джейми, наблюдая за мной. — Я должен был тебя предупредить, но я не предполагал, что ты об этом не знаешь, пока не поглядел на твое лицо.

— А что это такое, в самом-то деле? — спросила я.

— Это обряд, конечно, языческий, но у нас тут принято клясться на крови после законного венчания. Некоторые священники не разрешают этого, но я не думаю, чтобы этот стал бы возражать против чего бы то ни было. Он был почти так же перепуган, как я сам, — объяснил Джейми с улыбкой.

— Клятва на крови? Что это значит? Какие там слова?

Джейми взял меня за правую руку и осторожно подвернул высвободившийся конец повязки.

— Слова похожи на стихи. Я тебе переведу, слушай:

Ты кровь от крови моей и кость от кости моей, Я тело свое отдаю тебе, чтобы двое мы стали одно, И душу мою отдаю тебе в залог до конца моих дней.

Он пожал плечами.

— Брачный обет говорит о том же... но в клятве это более... как бы сказать? А, более примитивно. Я взглянула на свое перевязанное запястье.

— Пожалуй, так и следовало это определить.

Я осмотрелась. На тропинке мы остались одни и сидели под осиной. Круглые мертвые листья лежали на земле, похожие на заржавленные монеты. Было совсем тихо, только с деревьев порой падали с легким стуком капли воды.

— А где все остальные? Вернулись в гостиницу?

Джейми поморщился.

— Нет. Я попросил их отойти, чтобы я мог позаботиться о тебе, но они дожидаются вон там. — Он указал направление движением подбородка, как это обычно делают деревенские жители. — Они не доверят нам остаться одним, пока все не произошло официально.

— А разве это уже не произошло? — удивилась я. — Ведь мы женаты, верно?

Он явно смутился, отвернулся от меня и принялся счищать листья, приставшие к его килту.

— Мм-ф-м... Да, мы женаты, все правильно. Но это не считается законным, понимаешь ли, пока не осуществлены брачные отношения.

Темно-алая волна румянца медленно поднялась вверх от кружевного жабо.

— Мм-ф-м, — промычала и я. — Давай пойдем и поищем чего-нибудь поесть.

Глава 15

ОТКРОВЕНИЯ БРАЧНОГО ЧЕРТОГА

В гостинице еда была уже готова — скромное свадебное угощение: вино, свежий хлеб и ростбиф. Я направилась было к лестнице в свою комнату, мне надо было привести себя в порядок перед трапезой, но Дугал удержал меня за руку.

— Я хочу, чтобы ваши брачные отношения осуществились полностью и без малейшей недостоверности, — сказал он негромко, но твердо. — Не должно оставаться никаких сомнений в том, что это законный союз, ни одной лазейки для его аннулирования, в противном случае мы все рискуем своими головами.

— Мне кажется, что вы действуете именно в этом направлении, — сердито ответила я. — В особенности это относится к моей голове.

Дугал крепко шлепнул меня пониже спины.

— Об этом вы не беспокойтесь, только сделайте вашу часть работы.

И он окинул меня критическим взглядом, словно не вполне полагался на мои возможности.

— Я знал отца Джейми. Если сын пошел в него, хлопот у вас не будет... Эй, Джейми! — окликнул он и быстрым шагом пересек комнату, в которой Джейми только что появился после того, как поставил лошадей в конюшню. Судя по лицу Джейми, он тоже получил инструкции.

Каким образом, во имя Господа, могло все это произойти? Именно об этом спрашивала я себя чуть позже. Всего шесть недель назад я самым невинным образом собирала полевые цветы на шотландском холме и собиралась отнести их домой к моему мужу. А теперь я сижу за закрытой дверью в комнате деревенской гостиницы и дожидаясь совершенно другого мужа, которого я едва успела узнать, со строгими предписаниями осуществить отношения навязанного мне силой брака, рискуя при всем при том и жизнью своей и свободой.

Напряженная и сильно обеспокоенная, я уселась на кровать в своем заимствованном роскошном одеянии. Послышался слабый звук отворяемой, а потом затворяемой двери.

Джейми, опершись спиной о дверь, стоял и смотрел на меня. Чувство взаимного смущения все усиливалось. Джейми первым нарушил молчание.

— Ты не должна меня бояться, — мягко произнес он. — Я не собираюсь кидаться на тебя.

Я засмеялась, преодолев себя.

— Но я ничего подобного и не думаю.

В глубине души я считала, что он не посмеет даже дотронуться до меня, если я сама ему этого не предложу, но суть дела заключалась в том, что я должна была предложить ему гораздо большее — и в самое ближайшее время.

Я посмотрела на него в сомнении. Я предполагала, что мне было бы труднее, если бы я находила его непривлекательным; на деле все оказалось наоборот. Во-первых, я восемь лет не была близка ни с одним мужчиной, кроме Фрэнка. А во-вторых, этот молодой человек, по его собственному признанию, не имел никакого опыта в таких отношениях. Мне в жизни не приходилось лишать кого-либо девственности. Даже оставив в стороне мой внутренний протест против ситуации в целом и подходя к проблеме с чисто практической точки зрения, как мы вообще приступим к делу? С подобными темпами мы можем торчать здесь несколько дней, уставившись друг на друга.

Я откашлялась и похлопала рукой по кровати возле меня.

— Может, ты сел бы?

— Да.

Он пересек комнату, двигаясь словно большая кошка. Сел не на постель возле меня, а, пододвинув стул, напротив. Не слишком уверенным движением взял мои руки в свои. У него руки были большие, с огрубевшими пальцами, и очень теплые, с тыльной стороны покрытые негустыми рыжеватыми волосками. Я ощутила небольшое волнение при его прикосновении и вспомнила слова из Ветхого Завета: «потому что кожа Иакова была гладкая, а брат его Исав был человек косматый»^[26]. У Фрэнка руки длинные и тонкие, почти безволосые и аристократические на вид. Мне нравилось смотреть на них, когда он читал лекции.

— Расскажи мне о твоём муже, — попросил Джейми — словно он прочел мои мысли.

Пораженная, я чуть не вырвала из его рук свои.

— Что?

— Послушай, милая. Мы здесь уже несколько дней вместе. Хотя я и не пытаюсь утверждать, что знаю все как следует, но я значительную часть своей жизни провел на ферме. Конечно, люди сильно отличаются от животных, но не настолько, чтобы понадобилось долго разбираться в том, как делается то, что нам предстоит совершить. У нас есть время поговорить друг с другом и перестать друг друга бояться.

Столь прямая оценка нашей ситуации принесла мне некоторое

облегчение.

— А ты разве боишься меня?

По его виду нельзя было этого предположить. Вероятно, он нервничал, но и только. Хотя он и не был робким шестнадцатилетним юношей, однако с ним это должно произойти впервые. Он посмотрел мне в глаза и улыбнулся.

— Да, боюсь. Думаю, больше, чем ты. Вот почему я держу тебя за руки — чтобы мои не так дрожали.

Я этому не поверила, но крепче сжала его руки — с благодарностью.

— Это хорошая мысль. Разговаривать гораздо легче, когда мы вот так касаемся друг друга. Но все-таки почему ты спросил о моем муже?

Быть может, он хочет, чтобы я рассказала ему о своей сексуальной жизни с Фрэнком, и таким образом понять, чего я жду от него?

— Видишь ли, я понял, что ты думаешь о нем. Не можешь не думать при таких обстоятельствах. И не хочу, чтобы ты считала, что не следует говорить со мной о нем. Хотя я теперь твой муж — как это странно звучит, правда? — было бы неправильно, если бы ты забыла его или постаралась сделать это. Раз ты его любила, значит, он был хороший человек.

— Да, он... был.

Голос мой дрогнул, и Джейми провел большими пальцами по тыльной стороне моих рук. Потом поднял их и бережно поцеловал каждую. Я снова откашлялась.

— Ты произнес замечательную речь, Джейми.

— Да. — Он внезапно улыбнулся. — Я подготовил ее в то время, когда Дугал там внизу произносил тосты.

Я глубоко вздохнула.

— У меня есть к тебе вопросы.

Он опустил глаза и погасил улыбку.

— Я так и предполагал, — сказал он. — Прекрасно понимаю, что при данных обстоятельствах ты имеешь право на любопытство. Что же ты хочешь узнать? — Он поднял взгляд, и при свете лампы в голубых глазах сверкнуло озорство. — Почему я до сих пор девственник?

— Э-э, я бы сказала, что это более или менее твое личное дело, — пробормотала я.

Мне вдруг стало жарко, и, высвободив одну руку, я потянулась за платком в карман платья и нащупала там что-то твердое.

— Ой, я забыла! У меня до сих пор твое кольцо. Вынув кольцо из кармана, я отдала его Джейми — тяжелый золотой обруч, украшенный рубином-кабошоном. Он не надел его себе на палец, а опустил в свой

спорран.

— Это обручальное кольцо моего отца, — объяснил он. — Обычно я его не ношу, но сегодня мне хотелось предстать перед тобой в наилучшем виде.

При этих словах он покраснел и принялся возиться с застежкой споррана.

— Ты оказал мне большую честь, — сказала я, не удержавшись от улыбки.

Добавлять кольцо с рубином к сверкающему великолепию его костюма было все равно что ввозить уголь в Ньюкасл^[27], но я была тронута благородством замысла.

— Я куплю тебе подходящее кольцо, как только смогу, — пообещал Джейми.

— Это не так уж важно, — сказала я, испытывая некоторую неловкость — ведь в скором времени я собиралась отсюда улизнуть. — У меня есть главный вопрос, — продолжала я, возвращая разговор в прежнее русло. — Если ты не возражаешь, ответь мне, почему ты согласился на мне жениться?

Джейми, отпустив мои руки, слегка откинулся назад. Помолчал немного, разглаживая шерстяную ткань панталон у себя на бедрах. Мне хорошо была видна длинная линия напряженных мускулов под тяжелой тканью.

— С одной стороны, вроде бы и не стоило говорить об этом, — проговорил он, улыбаясь.

— Нет, я хочу знать, — настаивала я. — Почему? Он посерьезнел.

— Прежде чем я отвечу тебе, Клэр, я сам хочу тебя кое о чем попросить, — медленно произнес он.

— О чем же?

— О честности.

Я слегка вздрогнула, когда он все с тем же серьезным выражением на лице наклонился ко мне, уперев руки в колени.

— Я знаю, Клэр, что есть вещи, о которых ты не хочешь говорить мне. Скорее даже не можешь говорить о них.

Знал бы ты, насколько ты прав, подумала я.

— Я никогда не стану принуждать тебя или настаивать на том, чтобы узнать о вещах, касающихся только тебя, — серьезно сказал он, посмотрел на свои руки и сжал их ладонь в ладонь. — Есть вещи, которые я не могу рассказать тебе, по крайней мере пока. И не прошу тебя о том, чего ты не можешь мне дать. Прошу лишь об одном: пусть будет правдой то, что ты

найдешь нужным сказать мне. И я обещаю тебе то же самое. Между нами сейчас ничего нет — кроме уважения, вероятно. И я думаю, что уважение дает место тайне, но не лжи. Ты согласна?

Он разжал руки и протянул их мне ладонями вверх. Так мне была видна темная полоска пореза на запястье. Я положила ему на ладони свои руки.

— Да, я согласна. Обещаю быть честной. Его пальцы сомкнулись над моими.

— Я обещаю тебе то же. Ну а теперь... — Он глубоко вздохнул. — Ты спрашиваешь, почему я на тебе женился?

— Мне просто немножечко любопытно это узнать. Широкая улыбка словно вобрала в себя юмор, который прятался у него в глазах.

— Не могу сказать, что порицаю твоё любопытство.. Причин несколько. Об одной, даже, скорее, о двух я сейчас не вправе говорить, но позже ты их узнаешь. Но главная причина — та же самая, что и у тебя, это необходимость спасти тебя от рук Джека Рэндолла.

Я вздрогнула при упоминании имени капитана, и руки Джейми крепче сжали мои.

— Ты в безопасности, — сказал он твердо. — Ты носишь мое имя, ты под защитой клана и под моей защитой. Он больше не дотронется до тебя, пока я жив.

— Благодарю тебя, — сказала я.

И, глядя на это строгое, молодое, решительное лицо с широкими скулами и крупным подбородком, я впервые почувствовала, что в нелепом плане Дугала заложена разумная основа.

«Под моей защитой...» То была не просто фраза — стоило посмотреть на Джейми, на твердый разворот его широких плеч, стоило вспомнить его диковатую грацию, когда он показывал мне при лунном свете приемы боя на мечах. Он знал, что говорит. Совсем еще молодой, он имел право так говорить, и его рубцы подтверждали это право. Он был не старше многих летчиков и пехотинцев, за которыми мне пришлось ухаживать в госпитале, и так же, как они, Он знал цену ответственности. Он давал мне не романтический обет, а твердое обещание защищать мою безопасность ценой своей собственной. Я могла лишь надеяться, что дам ему что-то взамен.

— Это просто великолепно с твоей стороны, — совершенно искренне сказала я, — но стоило ли это брака?

— Стоило. — Он кивком подкрепил слово. — Я имею основания судить об этом человеке, ты же знаешь. Я не хотел бы, чтобы в его власти

оказалась даже собака, и не допустил бы этого, если бы мог. Что же сказать о беспомощной женщине?

— Весьма похвально, — кисло заметила я, и Джейми рассмеялся.

Он встал и подошел к столику у окна. Кто-то — должно быть, хозяйка гостиницы — поставил букет полевых цветов в высокий стакан для виски. Рядом с букетом стояли два бокала для вина и бутылка.

Джейми налил вино в бокалы, вернулся на свое место и протянул мне бокал.

— Не такое хорошее, как из личных запасов Колама, — сказал он с улыбкой, — но все же недурное.

Он поднял бокал.

— За миссис Фрэзер, — мягко произнес он, а меня вдруг охватил новый приступ паники, но я твердо подавила его и подняла свой бокал.

— За честность, — сказала я, и мы оба выпили. — Ну хорошо, — продолжала я, опустив пустой бокал, — это одна причина. А есть другие, о которых ты мог бы мне сказать?

Он принялся внимательно изучать свой бокал.

— Вероятно, просто потому, что хочу спать с тобой. — Он быстро взглянул на меня. — Ты думала об этом?

Если он хотел смутить меня, то вполне преуспел, но я решила этого не показывать.

— Это правда? — смело спросила я.

— Если быть честным, то да, правда, — ответил он, и голубые глаза прямо смотрели на меня поверх бокала.

— Для этого вовсе не обязательно было жениться на мне, — возразила я.

Джейми был по-настоящему шокирован таким заявлением.

— Неужели ты думаешь, что я стал бы это делать, не предложив тебе выйти за меня замуж?

— Многих мужчин это не смутило бы, — сказала я, забавляясь его наивностью.

В явном затруднении он забормотал что-то невнятное, но тут же собрался и заявил с полным достоинством:

— Может быть, я чересчур самоуверен, говоря так, но я предпочитаю думать, что я не «многие мужчины», и не считаю необходимым вести себя в соответствии с наиболее низким общественным знаменателем.

Я была тронута его словами и поспешила заверить, что нахожу его поведение в высшей степени порядочным и джентльменским и прошу извинить меня за неумышленные сомнения по поводу его мотивов.

На этой высокой дипломатической ноте мы прервали разговор на то время, пока Джейми вновь наполнял бокалы.

Некоторое время мы молча потягивали вино, оба несколько смущенные откровенностью последнего диалога. Совершенно ясно, что я могла ему что-то предложить; по совести, нельзя сказать, чтобы сама мысль не приходила мне в голову, несмотря на всю нелепость ситуации, в которой мы оба оказались. Джейми был весьма привлекательный молодой человек. И ведь случилось так, что сразу после приезда в замок я сидела у него на коленях... и...

Я подняла свой бокал и выпила вино. Похлопала рукой по постели рядом с собой.

— Садись сюда, — предложила я. — И... — Я запнулась в поисках более или менее нейтральной темы разговора, которая сняла бы неловкость от неизбежных мыслей о предстоящей близости, — и расскажи мне о своей семье. Где ты рос?

Постель заметно опустилась под тяжестью тела Джейми, и я уперлась рукой, чтобы не скатиться на него. Он уселся достаточно близко от меня: рукав его рубашки прикоснулся к моей руке. Я положила ее ладонью вверх себе на бедро, и Джейми, усевшись, естественно взял ее своей рукой. Мы откинулись к стене, ни он, ни я не опустили глаз, но оба мы чувствовали, что этот жест как бы связал нас воедино.

— Ну, так с чего же мне начать?

Джейми уложил на стул свои отнюдь не маленькие ноги и скрестил их в лодыжках. Мне стало немного забавно, когда я распознала в эту минуту в нем типичного шотландского горца, готового пуститься в разбор, медленный и неторопливый, сложного сплетения семейных и клановых взаимоотношений, которые составляют неизбежный фон любого сколько-нибудь значительного события в горной Шотландии. Мы с Фрэнком провели один из вечеров в пабе, просто зачарованные разговором между двумя чудаками, в котором ответственность за разрушение какого-то старинного амбара восходила к запутанной междоусобице, ведущей начало, если я правильно поняла, с 1790 года. С ощущением небольшого шока, к которому я уже начала привыкать, я вдруг осознала, что эта междоусобица, происхождение которой терялось для меня в тумане времен, теперь еще не началась. Усилием воли подавив сумятицу, начавшуюся у меня в мозгу при этой мысли, я заставила себя сосредоточиться на том, о чем повествовал Джейми.

— Мой отец был из Фрэзеров, это уж само собой разумеется. Младший сводный брат нынешнего владельца Ловата. А моя мать была

Макензи. Ты знаешь, что Колам и Дугал мои дядья?

Я кивнула. Сходство было достаточно определенным, несмотря на различие красок. Широкие скулы и прямой нос со спинкой, узкой, словно лезвие ножа, — несомненное наследие Макензи.

— Ну так вот. Моя мать приходилась им сестрой, а кроме нее были еще две сестры. Моя тетя Джанет умерла, как и моя мать, а тетя Джокаста замужем за двоюродным братом Руперта и живет возле озера Эйлин. У тети Джанет было шестеро детей, четыре сына и две дочери, у тети Джокасты детей трое, все девочки, у Дугала четыре дочери, а у Колама один только маленький Хэмиш. У моих родителей нас было двое, я и моя сестра, которую называли Джанет в честь моей тетки, но дома мы ее всегда называли Дженни.

— Значит, Руперт тоже из рода Макензи? — спросила я, стараясь не перепутать, кто есть кто.

— Да. Он... — Джейми минутку подумал. — Он приходится Коламу, Дугалу и Джокасте двоюродным братом, значит, мне он троюродный брат. Отец Руперта и мой дедушка. Джейкоб были братьями, стало быть...

— Подожди. Не надо углубляться дальше, иначе я совсем запутаюсь. Мы даже не добрались еще до Фрэзеров, а я уже потеряла счет твоим кузенам.

— Ммм... — Джейми потер подбородок, что-то соображая. — что касается Фрэзеров, тут дело посложнее, потому что мой дед Саймон был женат трижды, и у моего отца было два выводка сводных братьев и сестер. Давай остановимся пока на том, что у меня шестеро живых дядьев Фрэзеров и три тетки, а пересчитывать двоюродных братьев и сестер не будем.

— Да, уж пожалуйста, — сказала я и наклонилась, чтобы налить нам обоим еще вина.

Как выяснилось из дальнейшего, земли кланов Макензи и Фрэзеров имели на некотором расстоянии общую границу, она начиналась у морского побережья и тянулась до нижнего конца озера Лох-Несс. Эта граница, как, впрочем, и многие другие границы, не была нанесена на карту и представляла неопределенную по очертаниям линию, передвигаемую то туда, то сюда в зависимости от времени, обычая и союзнических отношений. Возле этой границы, у южного окончания земель Фрэзеров, находилось небольшое владение Брок Туарах, собственность Брайана Фрэзера, отца Джейми.

— Земли там достаточно, земля хорошая, и рыбная ловля прекрасная, и порядочный участок леса для охоты. Там примерно шестьдесят

небольших ферм, а еще маленькая деревушка Брох Мордха, так она называется. Есть, конечно, помещичий дом, вполне современный, — не без гордости сказал Джейми, — ну и старый дом, в котором держат скотину и зерно, а не живут. Дугал и Колам не хотели, чтобы их сестра выходила за Фрэзера, и настояли на том, чтобы она не жила на земле этого клана, а получила свободный участок. Поэтому Лаллиброх, как называют это место тамошние жители, был передан по акту моему отцу, но в акте оговорили, что земля может перейти только к потомкам моей матери Эллен. Если бы она умерла бездетной, земля вернулась бы назад лорду Ловату после смерти моего отца, даже если бы у него родились дети от второго брака. Только отец не женился во второй раз, а я сын моей матери. Значит, Лаллиброх принадлежит мне.

— Но ты, кажется, вчера говорил мне, что у тебя нет никакой собственности.

Я снова глотнула вина и нашла его превосходным; чем больше я его пила, тем оно становилось лучше. Наверно, стоит остановиться.

Джейми повел головой из стороны в сторону.

— Да, эта земля точно принадлежит мне. Дело только в том, что; теперь мне нет от этого никакого прока, ведь я не могу там жить. — Он произнес эти слова с виноватым видом. — И то, что за мою голову назначена цена, не самая главная из причин.

После того как Джейми покинул Форт-Уильям, он находился в доме Дугала, Беаннахе (он перевёл мне это название, оно значит «Счастливый»), поправляясь от своих ран и от вызванной ими лихорадки. Оттуда он уехал, во Францию и провел два года, сражаясь в рядах французской армии на границе с Испанией.

— Ты провел два года во французской армии и остался девственником? — выпалила я в полном недоверии.

На моем попечении находилось некоторое количество раненых французов, и я весьма сомневалась, что галльское пристрастие к женскому полу претерпело существенные изменения за двести лет.

Уголок рта у Джейми дернулся, и он покосился на меня.

— Если бы ты, Саксоночка, видела, какие шлюхи обслуживали французскую армию, ты бы поверила, что я не могу дотронуться до такой женщины, не говоря уж о том, чтобы лечь с ней в постель.

Я задыхнулась от смеха, поперхнулась вином, закашлялась и не могла остановиться до тех пор, пока Джейми не похлопал меня по спине. Отдышавшись, вся красная, я попросила Джейми продолжить рассказ.

Оказалось, что он вернулся в Шотландию год с чем-то назад и полгода

после этого жил в одиночестве либо водился с бездомными скитальцами, людьми без клана, без роду-племени, которые бродили по, лесам, питаясь чем попало, и при случае угоняли чужой скот.

— А потом кто-то ударил меня по голове топором или чем-то вроде, — весь передернувшись, продолжал Джейми. — О следующих за этим случаем двух месяцев я могу рассказывать только со слов Дугала, потому что сам я ничего не помню.

Во время нападения на Джейми Дугал находился в поместье поблизости. Друзья Джейми сообщили Дугалу о случившемся, и тот сумел переправить племянника во Францию.

— Почему во Францию? — спросила я. — Рискованно было перевозить тяжелораненого на такое большое расстояние?

— Еще более рискованно было оставить меня там, где я находился. По всей округе шастали английские патрули, потому что мы с парнями наделали много шума. Я думаю, Дугал опасался, как бы меня не нашли в бессознательном состоянии в хижине у какого-нибудь батрака.

— Или у него в доме, — добавила я с некоторой долей цинизма.

— Мне кажется, он не перевез меня к себе по двум причинам, — ответил на это Джейми. — Во-первых, у него в это время гостил какой-то англичанин, а во-вторых, он по моему виду решил, что мне так и так помирать, и потому отправил меня в аббатство.

Аббатство Святой Анны де Бопре на побережье Франции, как выяснилось, было управляемо удалившимся от суеты мирской Александром Фрэзером, ныне настоятелем этой обители учености и служения Богу.

— Они с Дугалом не очень-то друг друга жалуют, — говорил Джейми, — но Дугал рассудил, что здесь мало что можно для меня сделать, а там, ежели так суждено, только и помогут.

Так оно и вышло. Благодаря медицинским познаниям монахов и собственному крепкому сложению Джейми выжил и начал поправляться, окруженный заботами святых братьев доминиканцев.

— Когда я выздоровел, то вернулся сюда, — сказал Джейми в завершение своей повести. — Дугал и его люди встретили меня на берегу, и мы как раз направлялись во владения Макензи, когда... э-э... столкнулись с тобой.

— Капитан Рэндолл говорил, что вы угнали скот, — заметила я.

Он улыбнулся, несколько не задетый обвинением.

— Ну, Дугал не из тех, кто упустит случай нагреть на чем-нибудь руки, — сказал он. — Мы наткнулись на хорошее стадо, оно паслось на

поле, а кругом ни души. Ну и... — Джейми пожал плечами с видом фаталистической покорности житейской неизбежности. Стало быть, я угодила туда в самом конце стычки между людьми Дугала и драгунами Рэндолла. Дугал, увидав, что англичане вот-вот налетят на них, отправил половину своей команды в чащу, скотину они гнали перед собой, а остальные шотландцы затаились в дубках, поджидая англичан в засаде.

— Сработало здорово, — одобрительно высказался по этому поводу Джейми. — Мы с криком напали на них из засады и пронеслись сквозь их ряды. Они, ясное дело, погнались за нами, и мы им устроили веселую охоту — вверх по холму, через ручьи и скалы и так далее. Тем временем остальные наши люди перешли границу и коров угнали с собой. А мы оторвались от «раков» и укрылись в коттедже, в котором я в первый раз увидел тебя. Мы там дожидались темноты, чтобы улизнуть.

— Понимаю, — сказала я. — Но почему ты первым делом вернулся в Шотландию? Мне кажется, во Франции тебе было бы безопаснее.

Он открыл было рот, собираясь ответить, но передумал и отпил вина. Как видно, я чересчур близко подобралась к тому закоулку, где хранились его тайны.

— Это долгая история, Саксоночка, — произнес он, явно избегая разговора на нежелательную тему. — Я потом расскажу ее тебе, а пока давай поговорим и о тебе. Ты расскажешь мне о своей семье? Если, конечно, считаешь это возможным, — поспешно добавил он.

Я ненадолго задумалась, но решила, что рассказать ему о моих родителях и о дяде Лэме вполне можно. Дядя к тому же выбрал вполне подходящую профессию: заниматься изучением античности имело столь же большой — или столь же малый — смысл в восемнадцатом столетии, как и в двадцатом.

Итак, я поведала Джейми обо всем этом, избегая упоминать о таких «мелочах», как автомобили и самолеты, ну и, разумеется, о войне. Он слушал меня внимательно, иногда задавая вопросы, выразил мне свое сочувствие по поводу гибели родителей и проявил интерес к дяде Лэму и его изысканиям.

— А потом я встретила Фрэнка, — закончила я. Помолчала, не уверенная в том, сколько я могу еще сказать, не рискуя вступить на опасную почву. К счастью, Джейми мне помог.

— Но тебе, наверное, не хотелось бы говорить о нем прямо сейчас, — понимающе проговорил он.

Я кивнула, глаза мне затуманило слезами. Джейми отпустил мою руку, привлек меня к себе и мягким движением прижал мою голову к своему

плечу.

— Все хорошо, милая, — сказал он, глядя меня по голове. — Ты не устала? Дать тебе уснуть?

Какой-то момент я хотела ответить утвердительно, но тотчас поняла, что это было бы нечестно и трусливо.

— Нет, — сказала я и глубоко вздохнула. От Джейми слегка пахло мылом и вином. — Нет, я в полном порядке. Расскажи мне, в какие игры ты играл, когда был мальчиком.

В комнате стояла свеча-часы: кольца темного воска отмечали каждый час. Мы проговорили целых три кольца, разжимая руки только затем, чтобы налить еще вина или навестить примитивный стульчак в углу за занавеской. Возвращаясь после одной из таких вылазок, Джейми зевнул и потянулся.

— Уже очень поздно, — отозвалась я на его жест. — Может, нам пора в постель?

— Пожалуй, — согласился он, потирая шею сзади. — Лечь в постель? Или улечься спать?

Он насмешливо приподнял бровь и усмехнулся чуть заметно уголком губ.

По правде говоря, я чувствовала себя с ним так уютно, что совершенно забыла, зачем мы здесь. Слова Джейми ввергли меня в легкую панику.

— Ну-у... — протянула я ослабевшим голосом.

— Как бы то ни было, но ты же не собираешься укладываться в постель в платье? — спросил он в обычной для него чисто практической манере.

— Полагаю, что нет.

Я спохватилась, что в водовороте событий последнего времени я как-то ни разу не подумала о ночной рубашке. Впрочем, у меня ее все равно не было. Я спала либо в нижней кофте, либо попросту нагишом — в зависимости от погоды.

У Джейми не было ничего, кроме того, что на нем надето, и спать он явно собирался в рубашке или голым, и такое положение вещей, вероятно, вскоре привело бы к ожидаемому завершению.

— Иди сюда, я помогу тебе со всякими твоими завязками...

Когда он начал раздевать меня, руки у него слегка дрожали. И он несколько утратил свое обычное самообладание, сражаясь со множеством крохотных крючков на моем корсаже.

— Ха! — произнес он торжествующе, справившись, наконец, с, последним из них, и мы оба рассмеялись.

— Позволь мне теперь помочь тебе, — предложила я, решив, что пора

кончать с проволочками.

Я распустила ворот его рубашки, дотронулась руками до его обнаженных плеч. Медленно провела ладонями по груди, ощутив пружинистые волосы и мягкую кожу вокруг сосков. Он стоял неподвижно, почти не дыша, и я опустилась на колени, чтобы расстегнуть украшенный серебряными бляшками пояс на бедрах.

Если уж этому суждено произойти, то почему бы и не сейчас, подумалось мне; я медленно провела руками по его твердым, худощавым бедрам под килтом. Теперь-то я точно узнала, что носят шотландцы под своей юбкой — ровным счетом ничего, и меня это несколько поразило.

Джейми поднял меня на ноги и наклонился поцеловать в губы. Поцелуй затянулся, а тем временем руки его шарили по мне, отыскивая завязки нижней юбки и распуская их; юбка соскользнула на пол грудой накрахмаленных оборок, и я осталась в своей длинной нижней блузе.

— Где ты научился так целоваться? — спросила я, слегка задыхаясь.

Он улыбнулся и снова притянул меня к себе.

— Я говорил, что я девственник, но я не монах, — ответил он, поцеловав меня еще раз. — Если мне в чем-нибудь понадобится помощь, я о ней попрошу.

Он крепко прижал меня к себе, и я почувствовала, что он более чем готов к делу. С некоторым удивлением я поняла, что тоже готова. Было ли то следствием позднего времени, выпитого вина, привлекательности Джейми или просто долгого воздержания, но я хотела его — и очень сильно.

Я приподняла его рубашку и провела руками вверх до груди. Кончиками больших пальцев дотронулась до сосков, покрутила их, и они тотчас отвердели. Джейми вдруг изо всей силы притиснул меня к груди.

— Уф! — вырвалось у меня — я не могла вздохнуть.

Он отпустил меня и попросил прощения.

— Ничего, не беспокойся. Поцелуй меня еще.

Он поцеловал, одновременно спуская с плеч мою блузку. Приподнял потом одной рукой мои груди, а другой потрогал мои соски так же, как я перед этим — его. Я пыталась отстегнуть пряжку у него на килте, он помог мне, и пряжка отстегнулась.

Он взял меня на руки и уселся на постель, держа меня на коленях. Заговорил немного охрипшим голосом:

— Скажи мне, если я буду слишком груб, или вели перестать, если хочешь. В любую минуту... пока мы еще не вместе, потому что после этого я уже не смогу остановиться.

В ответ я обхватила руками его за шею и опрокинула на себя. Потом помогла ему попасть в увлажнившийся промежуток у меня между ног.

— Боже снятый! — произнес Джеймс Фрэзер, никогда не упоминавший имя Господа своего всуе.

— Теперь не останавливайся, — сказала я.

Лежа рядом со мной после совершившегося, он простым и естественным жестом привлек мою голову к себе на грудь. Нам было хорошо вместе; первоначальная неловкость и напряженность почти исчезли, растворившись во взаимном тяготении и новизне познания друг друга.

— Это было так, как ты себе представлял? — с любопытством спросила я.

— Почти. — Он вдруг хихикнул мне в самое ухо. — Но я думал... хотя нет, ничего.

— Нет, скажи мне! Что ты думал?

— Не скажу, ты будешь надо мной смеяться.

— Обещаю тебе не смеяться. Скажи!

Он пригладил мне волосы, убрав кудряшки с уха.

— Ну ладно. Я не знал, что это можно делать лицом к лицу. Я считал, что ты должна повернуться ко мне спиной... ну, понимаешь, как лошади...

Сдержатъ обещание было очень трудно, однако я не засмеялась.

— Я понимаю, что это звучит глупо, — сказал Джейми в свою защиту. — Просто... ну, ты, наверное, знаешь, что если в молодости что засядет в голову, так уж крепко.

— Ты никогда не видел, как люди занимаются любовью?

Я была удивлена этим, потому что успела повидать немало коттеджей, в которых на всю семью приходилась одна-единственная комната. Родители Джейми, правда, не принадлежали к числу мелких фермеров, но вообще-то, как я думала, редкий шотландский ребенок никогда не просыпался в то время, когда его отец и мать совокуплялись поблизости от него.

— Конечно, видел, но, в общем-то, оно происходило под одеялом. Я ничего не мог узнать, кроме того, что мужчина был сверху. Только и всего, не больше.

— Мм, это я заметила.

— Я тебя сильно придавил? — обеспокоенно спросил он.

— Не слишком. Но правда, это было так, как ты думал?

Я не рассмеялась, но не смогла удержать широкую улыбку. Он слегка покраснел — заметнее всего возле ушей.

— Да. Один раз я видел, как мужчина овладел женщиной на открытом

месте, но... это было... это было насилие, самое настоящее, и он овладел ею сзади. Это произвело на меня сильное впечатление, я никак не мог от него отделаться.

Он продолжал держать меня в объятиях и тихонько гладил — теми же движениями, как своих лошадей, когда хотел их приласкать. Мало-помалу эти поглаживания меняли характер — в соответствии с определенной целью.

— Я хочу спросить тебя об одной вещи, — сказал он, ведя рукой сверху вниз у меня по спине.

— О какой же?

— Тебе понравилось? — не без робости задал он свой вопрос.

— Да, — ответила я совершенно честно.

— Я так и подумал, хотя Мурта уверял меня, что женщинам это безразлично, поэтому я должен кончить как можно скорее.

— Что твой Мурта знает об этом? — возмутилась я. — Чем дольше, тем лучше, так считает большинство женщин!

Джейми снова хихикнул.

— Ясно, ты знаешь лучше, чем Мурта. На этот счет мне прошлым вечером давали множество добрых советов и Мурта, и Руперт, и Нед, только мне они большей частью не понравились, их советы, поэтому я решил вести себя по собственному разумению.

— И оно тебя не подвело, — сказала я, наматывая на палец волосок у него на груди. — Какие же еще мудрые советы они тебе дали?

В свете свечи кожа Джейми слегка золотилась; меня позабавило, что при этих моих словах она снова покраснела от смущения.

— Большинство из них я не мог бы повторить. Я тебе уже говорил, что они не пришлись мне по вкусу. Я видел, как многие и разные животные делают это, и они, вероятно, обходятся без советов. Мне подумалось, что люди, во всяком случае, способны на то же самое.

Д мне подумалось, что, пожалуй, куда лучше искать учителей по технике секса на скотном дворе или в лесу, чем в запертых комнатухах или грязных журнальчиках.

— А каких животных ты видел в такие моменты?

— Да всяких. Наша ферма стояла возле леса, а я проводил в лесу много времени, охотился, искал заблудившихся коров и тому подобное. Конечно же, видел лошадей, коров, свиней, ну и кур, голубей, собак, кошек, оленей, белок, кроликов, диких кабанов, а один раз даже змей.

— Змей?

— Ага. Ты знаешь, что у змеи два члена? Я имею в виду самцов.

— Нет, не знаю. Ты в этом уверен?

— Вполне. И оба эти члена к тому же раздвоены, вот так. — Он раздвинул два пальца, средний и указательный, в качестве иллюстрации.

— Самке это, должно быть, зверски неудобно, — заметила я и хихикнула.

— Мне кажется, ей, наоборот, очень нравилось, — возразил Джейми. — Насколько я мог судить — у змей не слишком выразительные морды.

Во внезапном приступе неудержимого веселья я уткнулась лицом ему в грудь. Собственный запах Джейми, приятно отдававший мускусом, смешивался с грубоватым запахом полотна.

— Сними рубашку, — попросила я, села и потянула за край его одеяния.

— Зачем? — удивился он, но тоже сел и повиновался.

Я опустилась на колени перед ним, любуясь обнаженным телом.

— Потому что я хочу на тебя посмотреть, — ответила я.

Он был великолепно сложен: конечности длинные и красивые, твердые плоские мускулы четко выступали на выпуклой груди и плечах, на впадине живота и на бедрах. Он поднял брови.

— Ну что ж, на ярмарке как на ярмарке. Сними свою тоже.

Он помог мне освободиться от моей измятой рубашки, стянув ее вниз через бедра. Когда она упала к ногам, Джейми взял меня за руку и принялся разглядывать с пристальным интересом, я даже смутилась.

— Ты что, никогда не видел голый женщины? — спросила я;

— Видел, но не так близко. — Он широко улыбнулся. — И ни одна из них не была моей.

Обеими руками он обхватил мои бедра. — У тебя хорошие широкие бедра, я думаю, ты будешь доброй производительницей.

— Что?! — возмутилась я, вырываясь от него, но он прижал меня к себе и повалился вместе со мной спиной на кровать. Он удерживал меня, пока я не перестала сопротивляться, потом приподнял так, что наши губы соприкоснулись.

— Я знаю, что для законности одного раза достаточно, но... — Он умолк в замешательстве.

— Ты хочешь еще?

— А ты не слишком против?

Я и теперь удержалась от смеха, но почувствовала, что ребра у меня трещат.

— Нет, — серьезно ответила я. — Не слишком.

— Ты есть хочешь? — спросила я через некоторое время.

— Просто умираю с голоду. — Он наклонил голову и легонько куснул меня за грудь, потом с улыбкой посмотрел на меня и добавил: — Против обыкновенной еды тоже не возражал бы.

Он перекатился на край постели.

— В кухне есть холодное мясо и хлеб, да и вино найдется. Пойду схожу и принесу нам что-нибудь на ужин.

— Нет, ты не вставай. Я сама схожу. — Я соскочила с кровати и направилась к двери, накинув поверх рубашки шаль, так как в коридоре было, конечно, холодно.

— погоди, Клэр! — окликнул меня Джейми. — Лучше позволь мне...

Но я уже отворила дверь.

Мое появление было встречено хриплым приветственным ревом пятнадцати мужских глоток, обладатели которых расположились у камина в большой нижней комнате, выпивая, закусывая и занимаясь игрой в кости. На мгновение я застыла в полном ошеломлении у перил галереи, а пятнадцать ухмыляющихся рож пялились на меня снизу, освещаемые отблесками огня.

— Эй, барышня! — гаркнул этот обормот Руперт. — Вы еще держитесь на ногах? Может, Джейми не справился со своими обязанностями?

Его остроумная реплика была встречена взрывом смеха, и тотчас посыпались шуточки по адресу Джейми и его удали — одна грубее другой.

— Если вы привели Джейми в негодность, я буду счастлив заменить его, — предложил молодой парень, черномазый коротышка.

— — Нет-нет, барышня, он не подойдет вам, возьмите лучше меня! — заорал другой.

— Она не возьмет никого из вас, ребята! — проревел буйно пьяный Мурта. — После Джейми ей вот что нужно! — И он взмахнул над головой огромной бараньей костью, вызвав в комнате еще один приступ невероятного хохота.

Я бросилась назад в свое убежище, захлопнула за собой дверь и прислонилась к ней спиной, уставившись на Джейми — он лежал голый на постели и содрогался от смеха.

— Я пытался тебя предупредить, — задыхаясь, еле выговорил он. — Видела бы ты сейчас свое лицо!

— Что делают там все эти люди? — прошипела я.

Джейми ловким и красивым движением соскользнул с кровати и, передвигаясь по полу на коленях, принялся собирать разбросанную как

попало одежду.

— Свидетели, — коротко пояснил он. — Дугал хочет не допустить ни малейшей возможности к расторжению нашего брака.

Он встал на ноги, держа в руках свой килт, и, улыбаясь мне, обернул его вокруг бедер.

— Думаю, что твоя репутация, Саксоночка, непоправимо испорчена.

Даже не накинув рубашку, он направился к двери.

— Не ходи туда! — воскликнула я в приступе внезапного страха.

Взявшись рукой за щеколду, он улыбнулся мне.

— Не бойся, милая. Раз уж они свидетели, должны же они что-то увидеть. К тому же я не собираюсь голодать три дня из страха перед шутками.

Он вышел из комнаты, встреченный шумным хором одобрительных непристойностей; нашу дверь он оставил приоткрытой. Мне было слышно, как он продвигается к кухне, сопровождаемый поздравительными выкриками, грубыми вопросами и советами.

— Каково пришлось в первый раз, Джейми? Было у тебя кровотечение? — выкрикнул легко распознаваемый нахальный голос Руперта.

— Нет, но у тебя оно будет, старый негодяй, если ты не укоротишь язык, — отпарировал Джейми, и его ответ был встречен восторженным одобрением. Шутки и насмешки продолжались все время, пока он находился в кухне, а потом возвращался и подымался по лестнице.

Я открыла дверь пошире, чтобы пропустить его; лицо у него пылало жарче огня в камине там внизу, а руки полны были снеди. Он переступил порог, преследуемый финальным взрывом веселья, который я оборвала, захлопнув дверь и опустив щеколду.

— Я принес достаточно, чтобы мы с тобой некоторое время могли отсюда не выходить, — сказал Джейми, расставляя тарелки на столе и не глядя на меня. — Хочешь поклевать?

Я протянула руку у него за спиной, чтобы взять бутылку.

— Не сию минуту, — ответила я. — Первым делом я хочу выпить.

Несмотря на неопытность, от Джейми исходила напористая мужская сила, которая и возбуждала и покоряла меня. Я не хотела ни наставлять его, ни демонстрировать ему свой опыт и позволяла ему делать, что он хочет, изредка предлагая небольшие «коррективы» — например, попросила его переносить вес на локти, а не на мою грудь.

Все еще не насытившийся и слишком неловкий, чтобы быть нежным, он тем не менее отдавался любви с такой неослабевающей радостью, что я

впервые подумала о девственности как о недостаточно оцененном товаре. При этом Джейми столь беспокоился, как бы не причинить мне боль, что это и умиляло меня, и несколько раздражало.

Во время нашего третьего сближения я вдруг напряженно изогнулась и вскрикнула. Джейми мгновенно отпрянул и замер с виноватым видом.

— Прости, — сказал он. — Я не хотел причинить тебе боль.

— Ты и не причинил, — ответила я, вытянувшись в блаженной истоме.

— Правда? — недоверчиво спросил он, внимательно оглядев меня.

И тут мне пришло в голову, что Руперт и Мурта во время своих поспешных уроков упустили из виду кое-какие весьма существенные пункты.

— Так бывает каждый раз? — спросил он в полном, упоении, когда я просветила его.

Я почувствовала себя кем-то вроде японской гейши. Никогда не воображала себя в роли инструктора искусства любви, но заметила про себя, что в ней, оказывается, есть свои привлекательные стороны.

— Нет, не каждый раз, — ответила я, забавляясь его непосредственностью. — Только если мужчина — настоящий любовник.

— О! — У Джейми порозовели уши.

Я почувствовала некоторое волнение, заметив, что отвлеченный интерес сменяется возрастающей решимостью приступить к действию.

— Ты скажешь мне, как я должен вести себя в следующий раз? — спросил он.

— А ничего особенного и не надо делать, — ответила я. — Просто двигайся медленнее и будь внимателен. А зачем ждать? Ведь ты все еще готов к действию.

Джейми был удивлен.

— А тебе не нужно подождать? Я, например, не могу сразу же после...

— Ну, у женщин это по-другому.

— Да, я заметил, — пробормотал он.

Он обхватил мое запястье большим и указательным пальцами.

— Просто... ты такая маленькая. Я боюсь сделать тебе больно.

— Ничего подобного не произойдет, — нетерпеливо возразила я. — А если бы и так, то я вовсе не против.

На лице у него было написано удивленное непонимание, и я решила показать, что я имею в виду.

— Что ты делаешь? — в полном изумлении спросил он.

— То, что ты видишь. Не дергайся.

Немного погодя я пустила в ход зубы и надавливала ими до тех пор,

пока он не втянул в себя воздух со свистом. Я остановилась.

— Я причинила тебе боль?

— Да. Немного, — ответил он сдавленно.

— Ты хочешь, чтобы я перестала?

— Нет!

И я продолжала — достаточно грубо — до тех пор, пока он вдруг содрогнулся в конвульсии и застонал так, словно я вырвала у него сердце. Он откинулся на спину, вздрагивая и тяжело дыша. Лежал и бормотал что-то по-гэльски, смежив веки.

— Что ты сказал?

— Я сказал, — отвечал он, открыв глаза, — что думал, сердце у меня разорвется.

Я усмехнулась, довольная собой.

— Мурта и компания не сказали тебе об этом?

— Они сказали. Но это было то, чему я не поверил.

Я рассмеялась.

— В таком случае лучше бы ты не рассказывал мне, что еще они тебе говорили. Ведь ты теперь понял, что я имела в виду, когда сказала о грубости. О том, что я не против?

— Да. — Он сделал очень глубокий вдох и медленно выдохнул воздух. — А если бы я сделал то же с тобой, ты испытала бы такие же вещи?

— Понимаешь ли... — начала я и запнулась. — Я не могу сказать точно...

Все это время я делала все возможное, чтобы прогнать всякую мысль о Фрэнке, считая, что в постели должны быть только двое, независимо от того, почему и как они там оказались. Джейми очень отличался от Фрэнка, телесно и душевно, но ведь существует сравнительно небольшое количество способов соединения двух тел, и для нас еще не определилась область интимности, в которой акт любви принимает определенный вариант. Чисто плотские сопоставления и сходства неизбежны, но оставалось и неизведанное, пусть и небольшое.

Джейми сдвинул брови с выражением притворной угрозы.

— Так, значит, есть что-то такое, чего ты не знаешь? Что ж, попробуем узнать это вместе, ладно? Как только я наберусь сил для этого. — Он снова закрыл глаза. — Где-нибудь на следующей неделе.

Я проснулась перед рассветом, промерзшая и оцепеневшая от страха. Я не могла бы пересказать кошмар, от которого я пробудилась, но внезапное возвращение к реальной действительности оказалось в равной

степени пугающим. Возможно было на время забыть о своем положении прошлым вечером, отдаваясь радостям вновь обретенной интимности. Но теперь я вновь осталась одна рядом со спящим незнакомцем, с которым нерасторжимо связана моя жизнь, одна в месте, полном невидимой опасности.

Наверное, я неосторожно повернулась, потому что одеяла задвигались, и мой незнакомец соскочил с постели с ошеломляющей внезапностью фазана, вспорхнувшего из-под самых ног. Пригнувшись, он замер возле двери в комнату, еле видный в предутреннем сумраке.

Настороженно прислушиваясь, он некоторое время пробыл у двери, потом быстро обследовал комнату, бесшумно скользя к окну, а затем — к кровати. Рука была согнута таким образом, что было ясно — он держит какое-то оружие, хотя в полутьме я не могла разглядеть, какое именно. Усевшись на постель возле меня, удовлетворенный тем, что все спокойно, он сунул нож или какое-то другое оружие куда-то в изголовье кровати, где он его прятал до того.

— С тобой все в порядке? — шепнул он и провел пальцами по моей влажной щеке.

— Да. Жаль, что разбудила тебя, извини. Мне приснился какой-то кошмар. Но чего ради... — Я хотела спросить, отчего он вскочил с постели как встрепанный, но он прервал меня, коснувшись своей большой и теплой рукой моего обнаженного плеча.

— Не удивительно, ты совсем заоченела, — сказал он и втянул меня под грудку пледов на свое еще не остывшее место. — Это я виноват, — пробормотал он. — Забрал себе все покрывашки. Боюсь, что еще не привык делить с кем-нибудь постель.

Он уютно обернул пледы вокруг нас обоих и улегся рядом со мной. Немного погодя снова выпростал руку и потрогал мое лицо.

— Это из-за меня? — спросил он ласково. — Ты меня не выносишь?

Я засмеялась прерывистым смехом, скорее похожим на всхлип.

— Нет, не из-за тебя. — Я пошарила в темноте, чтобы отыскать его руку и сжать ее, подтверждая свои слова.

Пальцы нашарили перепутаницу пледов, потом — теплую плоть, и только после этого я нащупала руку, которую искала. Мы лежали бок о бок и смотрели на низкий, опирающийся на балки потолок.

— Ну а если бы я сказала, что не выношу тебя, что тогда? — спросила я. — Что бы ты мог поделать?

Джейми передернул плечами, и кровать скрипнула под ним.

— Сказал бы Дугалу, что ты настаиваешь на расторжении брака на

основании неосуществимости брачных отношений.

На этот раз я неудержимо расхохоталась.

— Ничего себе неосуществимость! А все эти свидетели?

В комнате было уже достаточно светло, чтобы я могла разглядеть улыбку на его лице, повернутом ко мне.

— Какие бы там ни были свидетели, но с полной уверенностью сказать можем только мы с тобой, верно? И я предпочел бы претерпеть стыд, чем жениться на той, которая меня ненавидит.

Я повернулась к нему.

— Я не питаю к тебе ненависти.

— И я к тебе тоже. А многие и многие браки начинались при менее благоприятных обстоятельствах. Он ласково и нежно повернул меня спиной к себе, прижался тесно, и мы теперь лежали, как в гнездышке. Руку он положил мне под грудь — не потому, что предлагал что-то или на что-то намекал, но потому, что там ей было удобно.

— Не бойся, — шепнул он. — Нас теперь двое.

Мне стало тепло, спокойно и безопасно — впервые за много дней. Я уже погружалась в сон при первых лучах занимающегося дня, как вдруг вспомнила про нож в изголовье кровати и спросила себя, какая угроза может заставить человека спать вооруженным в своей брачной комнате.

Глава 16

ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ

Так трудно достигнутая ночью близость, казалось мне, испарилась вместе с утренней росой: утром между мной и Джейми возникла некоторая принужденность. Мы позавтракали в нашей комнате в молчании, а потом поднялись на пригорок позади гостиницы, время от времени обмениваясь натянутыми вежливыми фразами.

На верхушке пригорка я опустилась отдохнуть на бревно, а Джейми присел прямо на землю в нескольких футах от меня, опершись спиной на ствол молодой сосенки. Какая-то птица возилась в кустах позади меня, то ли чиж, то ли дрозд. Я прислушивалась к неспешным птичьим шорохам, разглядывала Проплывающие по небу маленькие пушистые облака и обдумывала сложившуюся деликатную ситуацию.

Затянувшееся молчание делалось трудновыносимым, но тут Джейми неожиданно произнес:

— Я надеюсь... — запнулся и покраснел.

Хоть я сама была не из тех, кто краснеет по любому поводу, мне стало приятно, что один из нас обладает такой способностью.

— На что? — спросила я, чтобы подбодрить Джейми.

Все еще залитый краской, он помотал головой.

— Ничего. Не имеет значения.

— Продолжай, пожалуйста! — Я вытянула ногу и слегка подтолкнула его. — Честность, ты помнишь?

Это было недобросовестно с моей стороны, но я просто не в силах была дольше выносить нервное покашливание и бегающие глаза.

Джейми обхватил ладонями колени, откинулся назад, но смотрел, теперь прямо на меня.

— Я собирался сказать... — мягко выговорил он, — то есть выразить надежду, что мужчина, который был у тебя первым, был так же великодушен с тобой, как ты со мной. — Он улыбнулся чуть смущенно. — Но потом мне подумалось, что это звучит не очень верно. Я имел в виду... словом, я просто хотел поблагодарить тебя.

— Великодушные здесь ни при чем, — сердито отрезала я, опустив глаза и отчищая с подола воображаемое пятно.

В поле моего зрения появился большущий башмак и дотронулся до моей лодыжки.

— Честность, да? — повторил Джейми мою уловку. Я подняла глаза и увидела поднятые брови и широкую улыбку.

— Ну, — заговорила я уже в оборонительном тоне, — во всяком случае, не после первого раза.

Он расхохотался, и я, к своему ужасу, обнаружила, что не утратила способности краснеть.

Прохладная тень упала на мое пылающее лицо, две большие руки крепко обхватили меня и подняли на ноги. Джейми занял мое место на бревне и хлопнул себя по колену.

— Садись, — предложил он.

Я не слишком охотно повиновалась, отвернувшись от него. Он усадил меня поудобнее, привлек к груди и обвил руками мою талию. Я ощущала спиной ровное биение его сердца.

— Если нам трудно разговаривать свободно, не держась друг за друга, давай будем держаться. Дай мне знать, когда снова привыкнешь ко мне.

Он отодвинулся назад так, что мы оказались в тени дуба, и молча прижал меня к себе. Он дышал медленно, грудь вздымалась и опадала, а его дыхание шевелило мне волосы.

— Все хорошо, — сказала я через минуту.

— Прекрасно. — Он ослабил объятия и повернул меня лицом к себе.

Совсем близко я увидела рыжеватую щетину на щеках и подбородке. Провела по ней пальцами — щетина была, как плюш на старомодном диване, жесткая и мягкая в одно и то же время.

— Прости, — сказал он. — Сегодня утром я не мог побриться. Дугал дал мне бритву вчера перед венчанием, но потом отобрал, наверное, боялся, что я перережу себе глотку после свадьбы и брачной ночи.

Джейми улыбнулся мне, и я ответила улыбкой. Имя Дугала напомнило мне наш ночной разговор.

— Я подумала... — начала я. — Ты говорил ночью, что Дугал и его люди встретили тебя на берегу, когда ты вернулся из Франции. Почему ты поехал с ним, а не к себе домой или хотя бы просто на земли Фрэзеров? Я имею в виду, после того как Дугал поступил с тобой... — Я оборвала свои слова.

— А... — только и произнес Джейми и распрямил ноги, чтобы ровнее распределить мой вес.

Я почти слышала, как ворочаются мысли у него в голове, но собрался он с этими мыслями очень скоро.

— Ладно, об этом тебе, пожалуй, надо узнать, — сказал он, сдвинув брови. — Я тебе уже говорил, почему я вне закона. Ну, после того, как я

покинул Форт-Уильям, я некоторое время ни о чем... не заботился, что ли. Отец мой вскорости умер, а сестра...

Он опять умолк, и я чувствовала, как в нем происходит внутренняя борьба. Я обернулась посмотреть на него. На лицо, обычно светлое, легла тень сильного переживания.

— Дугал мне сообщил... — медленно продолжал Джейми. — Дугал сообщил, что моя сестра забеременела. От Рэндолла.

— О Боже!

Он искоса, поглядел на меня и отвел глаза. Они блестели, словно сапфиры, и я заметила, что он быстро сморгнул раз, потом другой.

— Я... я не мог заставить себя туда поехать, — заговорил он, понизив голос. — Увидеть ее после того, что произошло... А еще... — Прежде чем продолжить, он вздохнул и крепко стиснул губы. — Дугал сказал мне, что после того, как ребенок родился, она... конечно, что она могла поделать, совсем одна... это я, черт побери, оставил ее одну! Дугал сказал, что она сошлась еще с одним английским солдатом, из гарнизона, Дугал не знал, с кем именно. — Он с трудом сглотнул, затем заговорил уже тверже: — Я послал ей деньги, сколько было, конечно, но я не мог, просто не мог заставить себя написать ей. Что мне было написать? — Он беспомощно пожал плечами. — Мне в конце концов надоело быть солдатом во Франции. К тому же я узнал от дяди Алекса, что он слышал об английском дезертире по фамилии Хоррокс. Он сбежал из армии и поступил служить к Фрэнсису Маклину из Данверри. Однажды он выпил и проболтался, что как раз был в Форт-Уильяме, когда я пытался бежать. И он узнал человека, который в тот день застрелил главного сержанта.

— Значит, он может дать показания, что это был не ты!

Это была хорошая новость, я так и сказала Джейми. Он кивнул.

— Да, это так. Хотя со словами дезертира мало будут считаться. Но это уже какое-то начало. В конце концов я бы дознался сам, кто это был. Но пока я... словом, я не понимаю, как мне вернуться в Лаллиброх, но было бы хорошо, чтобы я мог находиться на шотландской земле без риска угодить на виселицу.

— Что ж, мысль недурна, — сухо заметила я. — Но почему во всем этом замешаны Макензи?

Сначала последовало долгое объяснение, сложный анализ семейных отношений и связей между кланами, но после того, как дым рассеялся, выяснилось, что Фрэнсис Маклин связан с Макензи и что он послал сведения о Хорроксе Коламу, а Колам велел Дугалу связаться с Джейми.

— Так он и оказался поблизости от того места, где меня ранили, —

закончил Джейми и помолчал, щурясь на солнце. — Я, знаешь ли, думал потом, уж не он ли это сделал?

— Ударил тебя топором? Твой родной дядя? Чего ради?

Он нахмурился, как бы взвешивая, стоит ли говорить мне, потом пожал плечами.

— Мне неизвестно, что ты знаешь о клане Макензи, — сказал он, — но думается, вряд ли ты могла целыми днями ехать рядом с Недом Гоуэном и ничего от него об этом не услышать. Он о клане Макензи готов говорить в любое время. — Он кивнул в ответ на мою улыбку. — Колама ты видела сама. Любому ясно, что долго он не протянет. А маленькому Хэмишу и восьми не исполнилось, он не сможет руководить кланом еще по крайней мере лет десять. А что произойдет, если Колам умрет раньше, чем Хэмиш станет взрослым? — обратился Джейми ко мне.

— Я полагаю, Дугал станет лэрдом, — ответила я. — Пока Хэмиш не подрастет.

— Верно, — согласился Джейми. — Только Дутал совсем не такой человек, как Колам, и не все члены клана захотят последовать за ним, особенно если есть другая возможность.

— Понятно, — медленно, почти по слогам выговорила я. — И эта возможность — ты.

Я внимательно посмотрела на него и не могла не признать, что такая возможность вполне реальна. Он внук старого Джейкоба, Макензи по крови, хоть и с материнской стороны. Большой, привлекательный, крепкий парень, явно умный и унаследовавший семейное умение управлять людьми. Воевал во Франции и доказал, что может повести людей в бой, это весьма существенное соображение. И даже премия, назначенная за его голову, не оказалась бы непреодолимым препятствием, сделайся он лэрдом.

У англичан достаточно хлопот в горной Шотландии с постоянными небольшими очагами восстаний, нападениями на границу и столкновениями между кланами, чтобы они захотели рисковать крупным выступлением по поводу обвинения главы большого клана в убийстве, которое к тому же в глазах членов клана и убийством-то не является.

Повесить никому не известного члена клана Фрэзеров — это одно дело, а осадить замок Леох с целью арестовать лэрда клана Макензи и передать его в руки английского правосудия — совсем другое.

— Ты хотел бы стать лэрдом, если бы умер Колам?

Это был один из способов разрешить все затруднения Джейми, хотя я подозревала, что по чисто личным соображениям он не захочет к этому способу прибегнуть.

Он усмехнулся, услышав мой вопрос.

— Нет. Даже если бы я чувствовал себя вправе — а я не чувствую, — это раскололо бы клан на тех, кто захотел бы последовать за Дугалом, и на моих сторонников. У меня нет никакого желания получить власть ценой человеческой крови. Но Дугал и Колам не могут быть в этом уверены, согласна? Поэтому они скорее предпочли бы убить меня, чем рисковать.

Нахмурившись, я некоторое время обдумывала все это.

— Но ты мог бы сказать Коламу и Дугалу, что не намерен... ох, погоди... — Я посмотрела на Джейми с уважением. — Но ты же сделал это. Во время присяги.

Я вдруг поняла, как здорово он разрешил тогда опаснейшую ситуацию, — и поняла, насколько опасной она была. Члены клана, конечно же, хотели, чтобы Джейми принес присягу, а Колам не хотел. Принести подобную присягу значило бы объявить себя членом клана Макензи, а следовательно, возможным претендентом на место главы клана. Джейми рисковал открытым насилием или даже смертью за отказ и рисковал тем же — только в конфиденциальном плане — за согласие.

Понимая опасность, он избрал благоразумное решение уклониться от церемонии. И когда я в результате своей дурацкой и необдуманной попытки бежать привела его на край пропасти, он смело и уверенно вступил на туго натянутый канат и перешел на другую сторону. Вот уж в самом деле — *je suis prest!*

Он кивнул, прочитав мои мысли по выражению лица.

— Вот именно. Принеси я в ту ночь присягу, я бы, вероятно, не дожил до рассвета.

Я ощутила легкую дрожь при мысли о том, что невольно ввергла его в подобную опасность. Нож в изголовье постели казался мне теперь не более чем необходимой предосторожностью. Я подумала, сколько же ночей он спал в Леохе вооруженный в ожидании явления смерти.

— Я всегда сплю вооруженным, Саксоночка, — произнес он, хотя я не выговорила ни слова. — Если не считать монастыря, то прошлая ночь была первой за много месяцев, когда я улегся без кинжала в руке.

И он улыбнулся, явно вспомнив, что он держал в руке в эту ночь.

— Откуда, черт побери, ты знаешь, о чем я думаю? — вспыхнула я, не обращая внимания на его улыбку.

Он добродушно покачал головой.

— Из тебя очень плохой шпион, Саксоночка. Все, о чем ты думаешь, написано у тебя на лице ясно, как день. Ты посмотрела на мой кинжал и сразу покраснела. — Он, склонив набок рыжую голову, некоторое время

изучал меня взглядом. — Ночью я просил тебя о честности, но в этом не было нужды. Ты не умеешь лгать.

— Да уж могу признать, что в этом я не сильна. — Я бросила на него сердитый взгляд. — Могу ли я после этих твоих слов полагать, что хотя бы ты не считаешь меня шпионкой?

Он не ответил. Он смотрел поверх моего плеча в сторону гостиницы, тело его напряглось. На мгновение я растерялась, но тотчас услышала звуки, привлёкшие внимание Джейми. Топот конских копыт и позвякивание сбруи; большая группа всадников спускалась по дороге к гостинице.

Двигаясь очень осторожно, Джейми пробрался в самую гущу кустов, откуда ему хорошо была видна дорога. Подобрал юбки, я прокралась к нему тихо, как только могла.

Возле голого каменного выступа дорога делала крутой поворот, а после него более плавно тянулась к низине, где находилась гостиница. Утренний ветер доносил до нас звуки приближающихся всадников, но прошла минута или две, прежде чем морда первой лошади появилась в поле зрения.

Группа состояла из двадцати или даже тридцати мужчин; на многих были надеты кожаные штаны и тартаны, но не одинакового цвета и узора. Все без исключения были хорошо вооружены. К седлу каждой лошади был приторочен по меньшей мере один мушкет; бросалось в глаза множество пистолетов, кинжалов и сабель, да, скорее всего, достаточное количество дополнительного оружия было укрыто в седельных сумках четырех вьючных лошадей. Шестеро всадников вели в поводу по одному лишнему коню, без поклажи и седла.

Несмотря на то что мужчины были вооружены как на войне, настроены они были вполне мирно и спокойно; разбившись на небольшие группки по несколько человек, они болтали и смеялись, но время от времени кто-нибудь из них поднимал голову и приглядывался к окружающему. Я даже попятилась и пригнулась, когда взгляд одного из них скользнул прямо по тем зарослям, в которых мы притаились; мне показалось, что этот испытанный глаз вполне мог бы заметить случайный отблеск солнца на светлых волосах Джейми.

Судя по всему, Джейми пришло в голову то же самое, потому что он быстро набросил край своего пледа на голову и плечи. Тусклая раскраска охотничьего пледа сливалась с зеленью кустов. Едва последний из всадников въехал во двор гостиницы, как Джейми сбросил край пледа с головы и направился к тропинке, которая вела на вершину холма.

— Ты знаешь, кто они? — спросила я, тяжело дыша оттого, что едва поспевала за ним через заросли вереска.

— Да-а, — отозвался он, легко, словно горная коза, поднимаясь по крутой тропинке и не теряя при этом ни ритма дыхания, ни самообладания.

Обернувшись, он увидел, как трудно мне приходится, остановился и протянул мне руку помощи.

— Это Стража, — он кивнул по направлению к гостинице. — В общем-то, мы в безопасности, но мне подумалось, что все же лучше убраться подальше.

Я слышала о знаменитой Черной Страже, неофициальной полицейской службе, которая поддерживала порядок в шотландских горах, слышала также и о других Стражах, патрулирующих каждая в своем округе и занимающихся сбором «пожертвований» от клиентов за безопасность скота и имущества. Клиенты-задолжники вполне могли однажды утром обнаружить, что их домашний скот за ночь исчез неведомо куда, никто не мог им этого сказать, и уж тем более не участники Стражи. Я вдруг почувствовала внезапный и безотчетный страх.

— Они ищут тебя?

Растерявшись, Джейми обернулся, словно ожидал увидеть на тропе позади себя преследователей, но там никого не было, и он поглядел на меня с улыбкой облегчения. Протянул руку и, обхватив меня за талию, помог подняться выше.

— Нет, сомневаюсь. Десять фунтов стерлингов не столь уж значительная сумма, чтобы за мной охотился такой большой отряд. К тому же, если бы они узнали, что я в гостинице, то не подъехали бы прямо так, всем отрядом к дверям. Нет, когда они кого-то отслеживают, то посылают людей караулить черный ход и окна, прежде чем подойти к главному входу. Похоже, они просто решили передохнуть и освежиться.

Мы продолжали карабкаться по каменистой тропе, пока она не оборвалась в зарослях вереска и дрока. Мы очутились в предгорье, и гранитные скалы здесь уже были выше роста Джейми, неприятно напоминая мне о стоячих камнях Крэг-на-Дун.

Остановились мы на вершине небольшого холма, и перед нами открылся потрясающий душу вид во все стороны — нагромождение скал среди зелени. Многие места в шотландских горах вызывали у меня ощущение, что я попала в тесное окружение деревьев, скал и вершин, но здесь мы были открыты порывам ветра и лучам солнца, которое поднималось все выше, словно поздравляя нас с нашим необычным браком.

Я испытывала всеохватывающее чувство свободы — вдали от подавляющего воздействия личности Дугала и от вызывающего почти клаустрофобию общества его людей. Мне захотелось предложить Джейми бежать и взять меня с собой, но победил здравый смысл. У нас — ни у него, ни у меня — не было денег и хоть мало-мальского запаса еды, за исключением завтрака, лежащего в спорране у Джейми. Не явись мы к закату в гостиницу, за нами бросились бы в погоню. И если Джейми мог целый день карабкаться по скалам, не потев и не теряя дыхания, то мне для этого не хватало тренировки. Заметив мое покрасневшее лицо, он подвел меня к камню и уселся рядом со мной, любуясь холмами и горами и дожидаясь, пока я задышу нормально. Тут мы были в безопасности.

Вспомнив о Страже, я невольно положила свою руку на рукав Джейми.

— Я ужасно рада, что ты стоишь не слишком много, — сказала я.

Он посмотрел на меня, потирая нос, который уже начал краснеть.

— Я мог бы понять твои слова по-разному, Саксоночка, но в данных обстоятельствах спасибо тебе за них.

— Это я должна благодарить тебя за то, что ты на мне женился, — возразила я. — Должна заявить, что здесь мне куда лучше, чем было бы в Форт-Уильяме.

— Спасибо за комплимент, леди, — произнес он с легким поклоном. — Мне тоже. И поскольку мы принялись благодарить друг друга, я хочу поблагодарить тебя за то, что ты за меня вышла.

— Да ладно тебе... — Я покраснела.

— Не только за это, Саксоночка. — Он широко улыбнулся. — Хотя за это, конечно, тоже. Но я полагаю, что ты к тому же спасла мне жизнь, во всяком случае от посягательств Макензи.

— Что ты имеешь в виду?

— Быть наполовину Макензи — это одно дело, а иметь при этом жену-англичанку — совсем другое. Почти нет шансов, чтобы саксонская девушка стала когда-либо хозяйкой Леоха, как бы ни относились члены клана ко мне самому. Именно поэтому Дугал так хотел выдать тебя за меня. — Он приподнял одну бровь, красновато-золотистую в лучах утреннего солнца. — Надеюсь, ты не предпочла бы Руперта, в конце-то концов?

— Ни в коем случае! — вылетело у меня. Джейми засмеялся, встал и отряхнул с килта сосновые иголки.

— Стало быть, верно говорила когда-то моя мать, что придет час — и выберет меня милая девушка. — Он протянул руку и помог мне встать, потом продолжил: — Я ей отвечал тогда, что выбирать — дело мужчины.

— А она что? — спросила я.

— Она делала круглые глаза и говорила: «Сам все узнаешь, мой маленький красивый петушок, все узнаешь сам». — Он снова засмеялся. — Вот я и узнал.

Он посмотрел вверх, туда, где солнечные лучи пробивались лимонно-желтыми полосками сквозь сосновые ветви.

— Какой нынче хороший денек. Идем, Саксоночка, я возьму тебя на рыбную ловлю.

Мы пошли дальше по холмам. На этот раз Джейми повел меня через нагромождение камней и узкие расщелины на север, ко входу в крошечную долину, окруженную скалами, зеленую, полную журчанием воды в ручье, который питала дюжина маленьких водопадиков, льющихся по скалам. Ручей резво и шумно бежал по долине и потом разделялся на несколько более мелких ручейков, наполняя водой небольшие водоемы.

Мы уселись, опустив ноги в воду и передвигаясь то на солнышко, то снова в тень, когда нас чересчур припекало; болтали о том о сем, а больше ни о чем, замечая малейшее движение другого и оба радостно ожидая, когда взгляд станет многозначительным, а прикосновение — зовущим.

Джейми показал мне, как ловят форель. Пригнувшись, чтобы не задевать низко нависающие ветви, он склонился с выступа над темной водой, удерживая равновесие распростертыми руками. Осторожно повернулся ко мне и протянул одну руку, чтобы помочь мне следовать за ним.

Юбки у меня уже были подвернуты, я это сделала, прежде чем войти в заросли, так что я теперь справилась с задачей успешно. Мы вытянулись во всю длину на прохладных камнях, голова к голове, и смотрели вниз в воду, а ивовые ветви гладили нас по спинам.

— Все, что надо, — сказал Джейми, — это найти подходящее местечко, а потом ждать.

Он опустил одну руку под воду мягко, без всплеска, и оперся тыльной стороной руки о песчаное дно совсем рядом с границей тени, которую отбрасывала прибрежная скала. Длинные пальцы слегка пригнулись по направлению к ладони, благодаря преломлению света в воде казалось, что они колышутся туда-сюда в унисон, словно листья водяных растений, хотя, судя по расслабленности мышц предплечья, Джейми вообще не шевелил рукой. Опущенная в воду рука словно бы вышла из сустава — как в тот день месяц назад или чуть больше, когда я впервые увидела его. Господи, прошел всего только месяц!

Встретились месяц назад, день назад поженились. Связаны обетом и клятвой крови. И дружбой тоже. Я надеялась, что не причиню Джейми

слишком сильную боль, когда придет время расстаться. Я рада была тому, что сейчас мне не нужно об этом думать; мы находились далеко от Крэг-на-Дун, и не было ни малейшей возможности сбежать от Дугала теперь.

— Вот она, — скорее выдохнул, чем сказал Джейми — еще раньше он говорил мне, что у форели очень чуткие уши.

С моей точки зрения, форель была не больше чем блики на пестром песке. Глубоко в тени от скалы даже поблескивания чешуи нельзя было разглядеть. Пятнышки набегали, на пятнышки, перемещавшиеся движением расправленных веером плавников, которые шевелились почти неуловимо. Мальки, собравшиеся возле руки Джейми и с любопытством теребившие волоски у него на запястье, вдруг шарахнулись и уплыли в освещенную часть водоема.

Один палец слабо задвигался, так слабо, что это почти невозможно было заметить. Я сказала бы, что он просто чуть-чуть изменил свое положение относительно других пальцев. Еще один палец слегка согнулся. И после долгого, долгого времени — еще один.

Я едва осмеливалась дышать, казалось, что сердце колотится прямо о холодный камень подо мной в ритме более быстром, чем дыхание рыбы. Пальцы медленно распрямились, один за другим, ладонь раскрылась, а потом еле заметное гипнотизирующее движение началось снова — один палец, еще один, еще, чуть дрожа, как подрагивает край рыбьего плавника.

Словно замороженная этими медленными колебаниями, форель подвинулась вперед, рот то и дело слегка приоткрывался в такт движению дышащих жабер, розоватая линия которых то показывалась, то исчезала под жаберными крышками.

Шевелящиеся рыбы губы заглатывали воду. Все тело форели было теперь на виду, хоть и в тени; она зависла в воде, словно бы невесомая. Мне был виден один глаз, он подергивался, ничего не выражая и никуда в особенности не глядя.

Еще чуть больше дюйма — и похлопывающие жаберные крышки окажутся прямо над предательски заманивающими пальцами. Я вдруг обнаружила, что вцепилась в камень обеими руками, прижалась щекой к твердому граниту, стараясь сделаться как можно незаметней.

И внезапно — взрыв движения. Все случилось так молниеносно что я не могла уследить, как оно произошло. Тяжелый всплеск воды, шлепнувшейся о землю в одном дюйме от моего лица, взмах пледа, когда Джейми перекатился через камень надо мной, и влажный удар тяжелого тела рыбы, пролетевшего по воздуху и упавшего на усыпанный листьями песок. Джейми вскочил с уступа и бросился к своей добыче, чтобы не дать

оглушенной рыбе ускользнуть в свое убежище под водой. Ухватив форель за хвост, он умертвил ее одним ловким ударом о камень и показал мне.

— Не маленькая, — гордо сказал он, держа в руке рыбу длиной примерно дюймов в четырнадцать. — На завтрак хватит. — Он улыбнулся мне, мокрый чуть не до пояса, с упавшими на лицо волосами, в забрызганной водой и усыпанной опавшими листьями рубашке. — Я же говорил, что не дам тебе голодать.

Он обернул рыбу листьями лопуха, а поверх них — влажной и холодной тиной. Ополоснул пальцы в воде ручейка, выбрался на камень и протянул мне аккуратный сверток.

— Станный свадебный подарок, — он кивнул на форель, — но не беспрецедентный, как выражается Нед Гоуэн.

— А что, есть такие прецеденты, когда молодой жене дарят рыбу? — спросила я.

Джейми снял с себя чулки и разложил их сушиться на камне, освещенном солнцем. Подвигал длинными босыми пальцами ног, которым явно было приятно тепло.

— Это старинная любовная песня, с Островов. Хочешь послушать?

— Разумеется, хочу. Только, если можно, пой по-английски.

— Хорошо. Только голос у меня не музыкальный, я тебе просто скажу слова. — Откинув волосы со лба, он продекламировал речитативом:

Ты, о дочь короля из пресветлых чертогов,
В ночь, когда нашу долгожданную свадьбу сыграют,
Я, если в Дунталме мне улыбнется удача,
Пред тобой появлюсь, нагруженный дарами:
Сто барсуков принесу с побережья речного,
Сто рыжих выдр, что ныряют в быстрых потоках,
Сто форелей, резвящихся в озере тихом...

Он продолжал все тем же речитативом перечислять животных и растения с Островов, а я сидела, слушала его декламацию и думала о том, как все это странно: вот сижу на камне у шотландского водоема, внимаю гэльской любовной песне, а на коленях у меня лежит большая мертвая рыба. А самое странное то, что все это доставляет мне неподдельную радость.

Когда Джейми кончил, я заплодировала, зажав рыбину между колен, чтобы не уронить.

— Мне эта песня очень понравилась! Особенно слова: «Я пред тобой появлюсь, нагруженный дарами». Настоящий влюбленный.

Джейми рассмеялся, сощурившись от солнца.

— Я мог бы добавить строчку от себя: «Ради тебя готов я в воду нырнуть».

Мы посмеялись, потом посидели молча, греясь на солнышке раннего лета. Здесь было так мирно — и тихо, только журчал ручей, сбегая в озерцо. Дыхание Джейми сделалось спокойным. Мне было видно, как его грудь то подымается слегка, то опускается и как медленно пульсирует жилка у него на шее, где у самого основания горла виднелся небольшой треугольный шрам.

Между нами снова возникла натянутость и принужденность. Я протянула руку и дотронулась до Джейми, надеясь, что прикосновение восстановит непосредственность, как это уже было прежде. Он обнял меня за плечи, но это лишь дало мне почувствовать твердые линии его тела под тонкой рубашкой. Я отодвинулась — под предлогом, что хочу сорвать несколько цветков розовой лесной герани, выросшей среди камней.

— Помогает от головной боли, — объяснила я, сунув маленький букетик за пояс.

— Это беспокоит тебя, — отозвался Джейми, повернув голову и пристально посмотрев на меня. — Я не о головной боли, понятное дело. О Фрэнке. Ты думаешь о нем, и тебе беспокойно, когда я дотрагиваюсь до тебя, потому что думать о нас обоих одновременно ты не можешь. Верно?

— Ты очень восприимчивый, — сказала я на это, удивленная.

Он улыбнулся, но больше ко мне не прикасался.

— Это не слишком сложная задача, милая. Когда мы вступали в брак, я представлял себе, что хочешь ты этого или не хочешь, но непременно часто станешь думать о нем.

Я не думала перед этим о Фрэнке, но Джейми был прав: с этим ничего не поделаешь.

— Я сильно похож на него? — вдруг спросил Джейми.

— Нет.

Трудно было бы представить себе большую противоположность. Фрэнк был стройный, гибкий и смуглый, а Джейми крупный, крепкий и светлый, точно солнечный луч. Оба они были наделены атлетической грацией, но Фрэнк обладал сложением теннисиста, а Джейми — воина, борца, сформированного — и закаленного — ударами неблагоприятных физических обстоятельств. Фрэнк был на неполных четыре дюйма выше моего роста в пять футов шесть дюймов. Стоя лицом к лицу с Джейми, я

весьма уютно утыкалась носом в маленькую ямку посредине его груди, и он с легкостью мог бы положить свой подбородок мне на макушку.

Но эти двое мужчин отличались один от другого далеко не только физически. Разница в возрасте составляла почти пятнадцать лет, что вполне соответствовало чисто городской сдержанности и замкнутости Фрэнка и непосредственной открытости Джейми. Фрэнк был блестящий, изощренный, но вместе с тем деликатный любовник — и очень к тому же опытный. Не обладая опытом и не претендуя на это, Джейми просто отдавал мне всего себя — без остатка. И глубина моего отклика на это совершенно выбивала меня из колеи. Джейми наблюдал за моей внутренней борьбой не без сочувствия.

— Мне кажется, у меня в связи с этим есть только два выхода, — сказал он. — Либо предоставить это твоей заботе, либо...

Он наклонился ко мне и прижался губами к моим губам. Мне приходилось целовать мужчин, особенно во время войны, когда флирт и постоянные романы были легкомысленными спутниками смерти и неуверенности в завтрашнем дне. С Джейми это было совсем по-другому. Его исключительная нежность ни в малой мере не была продиктована опытом; скорее, она была проявлением силы, осознающей, но сдерживающей себя; вызовом и побуждением тем более примечательными, что в них не заключалось требования. Я твой, как бы говорила она. И если ты меня принимаешь, значит...

Я принимала, губы мои приоткрылись навстречу его губам, да, я принимала от всего сердца и вызов и побуждение. После долгого поцелуя он поднял голову и улыбнулся мне.

— ...либо я должен попытаться отвлечь тебя от твоих мыслей, — закончил он.

Он прижал мою голову к своему плечу, гладил меня по волосам и заправлял за ухо выбившиеся кудряшки.

— Я не знаю, поможет ли это, — тихонько продолжал он, — но скажу тебе одно: для меня большой подарок и чудо знать, что я доставляю тебе радость, что твое тело откликается мне. Я думать не думал о таких вещах — раньше.

Я глубоко-глубоко вдохнула, прежде чем ответить.

— Да, — произнесла я. — Думаю, это поможет. Мы умолкли опять — как мне показалось, надолго.

Потом Джейми отодвинулся от меня.

— Я ведь говорил тебе, Саксоночка, что у меня нет ни денег, ни собственности? — спросил он, с улыбкой глядя на меня сверху вниз.

Я кивнула, не понимая, к чему он клонит.

— Я предупреждал тебя, что придется нам ночевать в стогах сена, ничего не имея на ужин, кроме глотка верескового эля да хлебной тюри.

— А я не против, — сказала я. Не сводя с меня глаз, он указал подбородком на просвет между деревьями.

— Стог сена я сейчас не могу тебе предложить, но вон там растет молодой папоротник. Если ты не прочь попробовать...

Немного погодя я потрогала его спину, влажную от напряжения и сока раздавленных папоротников.

— Если ты еще раз скажешь мне спасибо, я тебя отхлопаю, — сказала я.

В ответ раздался легкий храп. Надломившийся лист папоротника щекотал ему щеку, по руке полз любознательный муравей, и Джейми, пытаясь отделаться от него, шевелил во сне пальцами.

Я стряхнула муравья, потом, опершись на локоть, принялась разглядывать Джейми. У него были длинные ресницы, особенно заметные при закрытых глазах, длинные и густые. Странно — на концах они имели совсем темную окраску, а у корня — почти белесые.

Твердая линия рта расслабилась во сне. Уголки губ только чуть тронула усмешка, но нижняя губа изогнулась сильно и казалась одновременно чувственной и невинной.

— Черт возьми! — тихонько выругалась я.

Я боролась с этим вот уже некоторое время. Еще до нашей комической свадьбы я уяснила себе, что он меня привлекает. Такое случалось со мной и прежде, как это случается практически с каждым из нас. Внезапно возникшая чувствительность к присутствию, к появлению какого-то мужчины или женщины. Следишь за ним глазами, устраиваешь «неумышленные» встречи, наблюдаешь за тем, как он занимается своим делом, и при этом испытываешь особые ощущения, глядя на движущиеся под рубашкой плечи, на выступающие косточки запястья или на то место под подбородком, откуда начинает расти борода.

Увлечение. Оно так обычно между медсестрой и врачом или медсестрой и пациентом, вообще между людьми в случайно возникшем на более или менее длительное время сообществе.

Нередко это приводит к коротким, бурным романам. Если все идет удачно, роман ярко полыхает в течение нескольких месяцев — и сходит на нет. А если нет... ну, тогда беременность, развод, а то и вовсе нелепый случай вроде венерического заболевания. Опасная это штука — увлечение.

Я испытала такое несколько раз, но мне хватило здравого смысла не

поддаваться увлечению. И, как обычно, с течением времени тяга ослабевала, мужчина терял свою золотую ауру и занимал привычное место в моей жизни, не причинив боли ни себе, ни мне, ни Фрэнку.

И вот теперь. Я была вынуждена, даже принуждена пойти на это. И одному только Господу известно, что все это принесет с собой, какие боли и тревоги. Но назад дороги нет.

Он лежал спокойно, растянувшись на животе. Солнце золотило его рыжую гриву и высвечивало маленькие мягкие волоски, что росли на спине, рыжеватый пушок на ягодницах и бедрах, проникало и к густым и мягким каштановым завиткам, которые виднелись сзади между раскинутых ног.

Я села и залюбовалась длинными ногами, плавной линией мускулов бедер, кончавшейся у колен, чтобы перейти в другие — от колен до длинных, красивых стоп. Подошвы ног были мягкие и розовые, слегка мозолистые оттого, что он ходил босиком.

У меня прямо-таки зудели пальцы от желания дотронуться до его маленького аккуратного уха, погладить закругленный угол челюсти. Дело сделано, и теперь уже можно не сдерживать себя. Что бы я себе ни позволила, хуже не будет ни мне, ни ему. Я потянулась и легонько дотронулась до него.

Он спал очень чутко. Внезапно, так, что я подпрыгнула на месте, он перевернулся и оперся на локти, готовый вскочить; но, увидев меня, сразу опомнился и рассмеялся.

— Мадам, вы застали меня врасплох!

Он отвесил короткий поклон — весьма ловкий для человека, растянувшегося во всю длину на ложе из папоротников и не прикрытого ничем, кроме множества солнечных пятен. Улыбка еще сохранялась у него на лице, но выражение его изменилось, едва он взглянул на меня, нагую среди папоротников. Голос внезапно сделался хриплым.

— Мадам, я весь в вашей власти...

— В самом деле? — очень тихо спросила я.

Он не пошевелился, когда я снова протянула руку и провела ею вниз по щеке, по шее, по освещенному солнцем плечу — и ниже... Он не двигался, но закрыл глаза.

— Милостивый Боже, — проговорил он. И шумно втянул в себя воздух.

— Не беспокойся, — сказала я. — Тебе не будет больно.

— Слава Богу за милосердие.

— Лежи тихо.

Его пальцы глубоко воткнулись в мягкую рыхлую землю, но он повиновался.

— Пожалуйста, — произнес он немного погодя, и я, взглянув на него, увидела, что глаза у него открыты.

— Нет, — ответила я, забавляясь от души. Он снова опустил веки.

— Ты мне за это заплатишь, — сказал он. Бисеринка пота сверкнула у него на переносице.

— Неужели? — отозвалась я. — Что же ты собираешься сделать?

Он так притиснул ладони к земле, что на предплечьях проступили сухожилия, и заговорил с усилием сквозь сжатые зубы:

— Я еще не знаю... но клянусь Господом Христом и его ангелами, что... придумаю... Боже! Ну пожалуйста!

— Ладно уж. — Я отпустила его.

Я невольно вскрикнула, когда он перекатился на меня, прижав к папоротникам.

— Твоя очередь, — заявил он с откровенным удовлетворением.

Мы вернулись в гостиницу на закате, задержавшись на вершине холма до тех пор, пока не убедились, что лошади Стражи больше не бродят по двору.

Гостиница выглядела приветливо, в окнах горели огни, полосы света пробивались и сквозь щели в стенах. Лучи солнца все еще сияли позади нас, и все предметы на холме отбрасывали двойные тени. Поднявшийся ветерок нес с собой вечернюю прохладу, и тени трепещущих листьев танцевали на траве. Я вообразила, что это феи пляшут на холме среди теней, прокладывая себе путь между стройными стволами деревьев в темную глубину леса.

— А Дугал еще не вернулся, — заметила я, когда мы спустились с холма.

Крупного вороного мерина, на котором Дугал обычно ездил, не было в маленькой конюшне гостиницы. Отсутствовало и еще несколько лошадей, в их числе — лошадка Неда Гоуэна.

— Нет, он, может, и завтра не вернется, а то и послезавтра. — Джейми продолжал поддерживать меня за руку, потому что на склоне, по которому мы спускались, торчали там и сям в короткой траве острые камни.

— Куда же это его унесло? — Захваченная событиями последних дней, я ни разу до сих пор не поинтересовалась отсутствием Дугала, даже не замечала этого отсутствия.

Джейми помог мне перебраться через перелаз на заднем дворе гостиницы.

— Заканчивает дела с мелкими арендаторами поблизости. У него, как ты помнишь, оставалось всего два дня до того, как его обязали привезти тебя в Форт. — Джейми сжал мне руку, подбадривая. — Капитан Рэндолл не слишком обрадуется, когда Дугал сообщит ему, что тебя он не заполучит, так что после этого Дугалу здесь особо задерживаться не стоит.

— Это очень благоразумно, — сказала я. — И, кроме того, весьма любезно с его стороны, что он оставил нас тут и... дал возможность поближе познакомиться друг с другом.

Джейми фыркнул.

— Никакой любезности. Я ему поставил это как одно из условий моей женитьбы на тебе. Сказал, что женюсь, если надо, но черт меня побери, если я соглашусь совершить это под кустом да еще в присутствии двадцати клансменов, которые начнут давать советы.

— Одно из условий? — медленно выговорила я. — А какие еще?

Уже настолько стемнело, что я не видела лица Джейми, но почувствовала, что он смущен.

— Еще только два, — ответил он наконец.

— Какие же, какие именно?

— Ну, — заговорил он, отбросив с дороги камешек, — я сказал, что свадьба должна быть по чину, в церкви, и чтобы нас венчал священник. А не только по контракту. Потом еще он должен был найти для тебя подходящее платье. — Джейми отвернулся, избегая моего взгляда, и говорил очень тихо, так что я едва его слышала. — Я... я знал, что ты не хочешь идти за меня. И хотел сделать так, чтобы тебе было по возможности приятнее. Думал, что так тебе... словом, хотел, чтобы у тебя было красивое платье, вот и все.

Я было открыла рот и собиралась заговорить, но Джейми резко повернулся и зашагал к гостинице.

— Идем скорей, Саксоночка, — проговорил он сердито. — Я голоден.

Ужинать придется в большом обществе — это нам стало ясно, едва мы переступили порог главного зала в гостинице. Нас приветствовали хриплыми выкриками, чуть ли не силой усадили на места за столом; ужин был в разгаре.

На этот раз я была более или менее подготовлена к такой встрече и поэтому не обращала особого внимания на разухабистые шуточки и развязные жесты. Первым долгом забилась подальше в уголок и предоставила Джейми самому справляться с грубым поддразниванием и непристойными предположениями насчет того, чем мы с ним занимались целый день.

— Спали, — ответил Джейми на заданный ему об этом вопрос. — Ночью-то мы глаз не сомкнули.

Взрыв хохота, сопровождавший эти слова, сменился еще более оглушительным взрывом, когда Джейми добавил:

— Она, знаете ли, храпит.

Я шлепнула его по уху, а он притянул меня к себе и звонко расцеловал под общие аплодисменты.

После ужина состоялись танцы под аккомпанемент скрипки. Я никогда не отличалась особым умением танцевать, а если волновалась, то и вообще начинала спотыкаться. А тут, в длинном платье и нелепых туфлях... Вряд ли у меня вышло бы что-нибудь приличное. Однако, сбросив башмаки на деревянной подошве, я, к своему удивлению, обнаружила, что танцую легко, и это меня радовало.

Число женщин ограничивалось мною и хозяйкой гостиницы, и мы с ней, подобрав юбки, плясали без отдыха джиги, рилы и стратспей^[28], пока я не свалилась на скамью, не в силах перевести дух.

Но мужчины были неутомимы, кружились и кружились в своих тартанах парами и поодиночке. Наконец они выстроились в ряд у стены и смотрели, хлопая в ладоши и выкрикивая одобрения, как Джейми, держа за обе руки, неистово вертит меня в безумной пляске под странным названием «Северный петушок».

Наконец Джейми, обхватив меня за талию, покружил и остановился у перил лестницы. Стоя здесь, он произнес короткую речь, мешая гэльский с английским; речь вызвала новые аплодисменты, усилившиеся после того, как Джейми вытащил из споррана замшевый мешочек и протянул его хозяину, наказав подавать всем виски до тех пор, пока не кончатся деньги. Я узнала мешочек — это была доля Джейми от пари за сражение в таверне Туннайга. Похоже, то были единственные его деньги, но, на мой взгляд, он нашел им наилучшее употребление.

Мы уже поднимались к себе на галерею, сопровождаемые нескромными добрыми пожеланиями, когда чей-то голос, перекрывший все остальные, выкрикнул имя Джейми.

Обернувшись, я увидела широкое лицо Руперта, скалившегося, глядя снизу вверх на нас; толстые щеки над зарослями черной бороды так и пылали.

— Нехорошо, Руперт, — отозвался Джейми. — Она моя.

— Досталась тебе, парень. — Руперт вытер лицо рукавом. — Слабаки они, эти молодые парни, — обратился он ко мне. — Вам, барышня, нужен мужик, , который не станет тратить время на сон, уж я-то знаю. Ну да

ладно, держите... — Он подбросил что-то вверх.

Туго набитый маленький мешочек звякнул о пол у моих ног.

— Свадебный подарок, — объявил Руперт. — С поклоном от мужчин из Стражи Шими Богил.

— Что это? — Джейми нагнулся поднять кошелек.

— Кое-кто из нас не валялся на солнышке целый день, не терял время, лежа на бережку на зеленой травке. — Руперт похотливо выкатил на меня глазищи, делая этот выговор. — Денежки заработаны тяжелым трудом!

— Ах вот оно что! — рассмеялся Джейми. — Кости или карты?

— И то и другое. — Нахальная ухмылка раздвинула черные заросли. — Обчистил их до костей, парень! До костей!

Джейми открыл было рот, но Руперт вытянул вперед широкую мозолистую ладонь.

— Нет, парень, не благодари. Просто сделай ей подарок от меня, ладно?

Я прижала пальцы к губам и послала ему воздушный поцелуй. Он хлопнул себя по щеке, словно бы потрясенный, откинулся назад с громким возгласом и ринулся в распивочную, раскачиваясь на ходу, хоть и не был настолько уж пьян.

После шумного веселья внизу комната казалась воистину прибежищем мира и тишины. Джейми, все еще посмеиваясь негромко про себя, растянулся на кровати перевести дух.

Я расслабила чудовищно тугой корсаж и присела расчесать растрепавшиеся во время танцев волосы.

— У тебя чудесные волосы, — сказал Джейми, глядя на меня.

— Что? — удивилась я. — Вот эти? — Я дернула себя за гриву, о которой обычно только из вежливости можно было сказать, что она «в некотором беспорядке».

Он засмеялся.

— Ну, другие мне нравятся тоже, — заявил он с обезоруживающей прямоотой, — но я имею в виду именно эти.

— Но они... — я слегка покраснела, — такие кудрявые.

— Да, конечно. — Джейми, казалось, удивился. — Я слышал, как одна из дочерей Дугала говорила своей подружке в замке, что ей приходится целых три часа возиться с нагретыми щипцами, чтобы добиться этого. И добавила, что готова выцарапать тебе глаза за то, что тебе для этого и рукой шевельнуть не надо.

Он сел и потянул меня за одну кудряшку; выпрямил ее, и она дотянулась почти до моей груди.

— У моей сестры Дженни волосы кудрявые, но не настолько, как твои.

— У твоей сестры волосы такие же рыжие, как у тебя? — спросила я, пытаюсь представить себе, как выглядит эта загадочная Дженни. Джейми, как мне казалось, часто вспоминал о ней.

Он покачал головой, все еще перебирая мои кудряшки между пальцами.

— Нет, у Дженни волосы черные. Как ночь. Я рыжий в мать, а Дженни у нас в отца. Его называли Брайан Дью, то есть Черный Брайан, за черные волосы и бороду.

— Я слышала, что капитана Рэндолла называют Черным Джеком, — рискнула заметить я.

Джейми невесело рассмеялся.

— Да, это правда. Но это относится к цвету его души, а не волос. — Джейми обратил ко мне посерьезневший взгляд. — Ты ведь не боишься его, милая? Не бойся. — Он оставил в покое мои волосы и властным жестом обнял меня за плечи. — Я имел это в виду, — сказал он негромко. — Я защищу тебя. От него и от кого угодно. Буду защищать до последней капли крови, *mo duinne*.

— *Mo duinne*? — спросила я, немного обеспокоенная страстностью его слов, — я вовсе не хотела быть ответственной ни за одну каплю крови Джейми, будь то последняя или первая.

— Это значит «моя темно-русая». — Он поднес мой локон к губам и улыбнулся с таким выражением в глазах, от которого все капельки моей собственной крови быстрее побежали по жилам. — *Mo duinne*, — повторил он тихонько. — Мне так хотелось назвать тебя этими словами.

— Мне всегда казалось, что это какой-то нелепый цвет волос, — заметила нарочито трезвым голосом я — с намерением задержать развитие событий. Мне казалось, что они закручиваются быстрее, чем мне бы этого хотелось.

Джейми снова покачал головой, улыбаясь.

— Нет, я бы этого не сказал, Саксоночка. Нисколько не нелепый. — Он обеими руками поднял копну моих волос и распустил их веером. — Они как вода в ручье, когда он прыгает по камням. Темные в глубине волн и блестящие там, где на них попадает солнечный свет.

Я волновалась и дышала чаще обычного, когда, отстранившись от Джейми, нагнулась поднять упавший гребень. Выпрямившись, я обнаружила, что Джейми смотрит на меня твердо и спокойно.

— Я обещал тебе, что не стану спрашивать о том, о чем ты не хочешь говорить, — сказал он. — Я и не стану, но ведь мои собственные

заклучения я могу делать, верно? Колам предполагал, что ты английская шпионка, но не мог себе представить, что ты при этом не знаешь гэльского. Дугал думает, что вроде бы ты похожа на французскую шпионку, возможно, работающую в пользу Стюартов, но тогда непонятно, почему ты была одна.

— Ну а ты? — спросила я, ей-богу, доведенная до изнеможения всей этой чепухой. — Ты за кого меня принимаешь?

Он наклонил голову к плечу, как бы что-то прикидывая, и некоторое время пристально разглядывал меня.

— На первый взгляд ты вроде бы француженка. У тебя изящные и тонкие черты лица, это напоминает женщин из Анжу^[29]. У французских женщин обычно желтоватые лица, и у тебя кожа словно опал.

Он провел пальцем по моей ключице, и я почувствовала, как теплеет кожа от его прикосновения.

Палец поднялся к лицу, прошелся от виска по щеке и пригладил волосы за ухом. Я оставалась неподвижной, стараясь даже не вздрогнуть, когда его рука коснулась моей шеи сзади, а большой палец щекотнул мочку уха.

— Золотистые глаза, я видел такие однажды — у леопарда. — Джейми покачал головой. — Нет, моя милая, ты похожа на француженку, но ты не француженка.

— Откуда тебе знать?

— Я много разговаривал с тобой и слушал, как ты разговариваешь с другими. Дугал считает тебя француженкой, потому что ты хорошо говоришь по-французски, даже очень хорошо.

— Весьма признательна, — насмешливо поблагодарила я. — А по-твоему, тот факт, что я говорю по-французски, и говорю хорошо, доказывает, что я не француженка?

Он засмеялся и крепче сжал мне шею.

— Vous parlez tres bien^[30] — но далеко не так хорошо, как я, — добавил он, переходя с французского снова на английский, причем неожиданно отпустив меня. — Я провел год во Франции после того, как оставил замок, а потом еще два года с армией. Мне легко узнать того, для кого французский язык родной. Для тебя это не родной язык... — Он медленно покачал головой. — Испанка? Возможно, но откуда же? У Испании нет никаких интересов в наших горах. Немка? Конечно же, нет. — Он пожал плечами. — Но кем бы ты ни была, англичанам захочется это узнать. Они не желают мириться с присутствием непонятных незнакомцев в то время, когда кланы неспокойны, а принц Чарли того и гляди пустится

сюда из Франции на всех парусах. Но приемы их дознаний не слишком мягкие, уж мне-то это хорошо известно!

— Но откуда тебе опять-таки знать, что я не английская шпионка? Дугал так думал обо мне, ты же сам это говорил.

— Это возможно, но ты ведь и по-английски говоришь немного странно. Но если бы ты была англичанкой, зачем тебе предпочесть брак со мной, а не просто возвращение к собственному народу? И это еще одна причина, по которой Дугал заставил тебя выйти за меня, — чтобы проверить, не сбежишь ли ты, когда дело дойдет до точки.

— Но я не сбежала. И что же это доказывает? Он засмеялся и откинулся спиной на кровать, загородив рукой глаза от света лампы.

— Дьявол меня заberi, если я знаю, Саксоночка. Дьявол меня заberi. Я не могу придумать для тебя никакого разумного объяснения. Может, ты из Маленького Народца? — Он покосился на меня из-под ладони. — Нет, думаю, не так, ты для этого слишком крупная.

— А ты не боишься, что я, неизвестно кто такая, убью тебя ночью, пока ты будешь спать?

Он не ответил, но отвел руку от глаз, и улыбка его расплылась очень широко. Я подумала, что глаза он унаследовал от Фрэзеров: они не были глубоко посажены, как у Макензи, но расположены под необычным углом, а из-за высоких скул казались немного приподнятыми.

Не поднимая головы, он распахнул рубашку, так что грудь оказалась открытой чуть ли не до пояса. Вытащил из ножен кинжал и бросил его мне. Сталь звякнула о пол у моих ног.

Он снова прикрыл рукой глаза и закинул голову назад, открыв горло до того самого места, где уже не росли волоски его немного отросшей бородки.

— Рази сюда, прямо под грудную кость, — посоветовал он. — Быстро и аккуратно, хоть и требует немалой силы. Перерезать глотку легче, но это очень грязно.

Я нагнулась за кинжалом.

— Уж я бы сделала все как надо, — заметила я. — Нахальный ты ублюдок!

Усмешка, заметная сквозь раздвинутые пальцы, превратилась в широкую улыбку.

— Саксоночка?

Я все еще стояла с кинжалом в руке.

— Ну?

— Я умру счастливым человеком.

Глава 17

МЫ ВСТРЕЧАЕМ НИЩЕГО

На следующее утро мы спали очень долго: солнце поднялось высоко, когда мы покинули гостиницу, направляясь на этот раз к югу. В конюшне почти не оставалось лошадей, и поблизости не было видно ни одного человека из нашего отряда. Я громко выразила удивление по поводу того, куда они все подевались.

Джейми усмехнулся.

— С уверенностью не скажу, но предположить кое-что могу. Стража направилась вчера в ту сторону, — он указал на запад, — стало быть, Руперт и все прочие двинулись вон туда, — и он указал на восток. — Скот, — пояснил он, заметив, что я не поняла. — Владельцы поместий и арендаторы платят стражникам за охрану и в этом случае получают назад скот, украденный во время набега. Но если Стража отправляется на запад в сторону Лаг Круйма, стада, пусть и ненадолго, остаются без охраны. Ниже этого места лежат земли Грантов, а Руперт — самый ловкий угонщик скота из тех, кого я знал. Скотина пойдет за ним куда хочешь, даже и не мычит. А поскольку здесь у нас не предстоит больше никаких развлечений, Руперту не сидится на месте.

Казалось, Джейми тоже не сидится на месте, потому что он сделал широкий шаг. Через вереск вела оленья тропа, идти по ней было легко, так что я успевала за ним без труда. Немного погодя мы вышли на обширную вересковую пустошь, где можно было идти рядом.

— А что с Хорроксом? — вдруг спросила я — упоминание о Лаг Круйме вызвало в памяти рассказ Джейми об англичанине-дезертире и о тех сведениях, которые он мог сообщить. — Ты ведь собирался повидаться с ним именно в Лаг Круйме, верно?

Джейми кивнул.

— Да. Но я не могу отправиться туда сейчас, когда там и Рэндолл и Стража. Слишком опасно.

— А мог бы кто-нибудь сделать это вместо тебя? Ты кому-нибудь доверяешь полностью?

Он опустил на меня глаза и улыбнулся.

— Да. Например, тебе. Поскольку ты не убила меня прошедшей ночью, я думаю, что могу тебе довериться. Но боюсь, что тебе одной нельзя ехать в Лаг Круйм. Нет, если понадобится, вместо меня съездит Мурта. Но

я должен уладить еще кое-что, так что посмотрим.

— Ты доверяешь Мурте? — спросила я.

По отношению к этому маленькому неряшливому человечку я не испытывала особо дружественных чувств, тем более что он в той или иной степени был ответствен за мое нынешнее положение, утащив меня с собой. Но между ним и Джейми явно была дружба.

— О да, конечно. — Джейми поглядел на меня с удивлением. — Мурта знает меня всю жизнь, он, по-моему, приходится моему отцу троюродным братом. Его отец был моим...

— Ты хочешь сказать, что он тоже из Фрэзеров, — поспешно перебила его я. — А я считала, что он из Макензи. Он был вместе с Дугалом тогда, когда я встретила вас.

— Да, — снова кивнул Джейми. — Когда я решил уехать из Франции, я послал ему весточку и попросил встретить меня на побережье. Ты ведь помнишь, что я не знал, не Дугал ли пытался меня прикончить. И мне ничуть не улыбалась мысль встретиться в одиночку с несколькими Макензи. Не хотелось кончить жизнь среди бурунов Ская, если именно это они задумали.

— Понимаю. Значит, Дугал из тех, кто считается со свидетелями.

— Да, свидетели — штука тонкая.

По ту сторону пустоши высилась гряда причудливых камней, источенных отверстиями и ямками еще в то давнее время, когда ледники то наступали, то отступали. Дождевая вода наполняла более глубокие из этих ям, пижма, чертополох и таволга густо росли по берегам маленьких карстовых озер, и цветы отражались в тихой воде.

В чистых водоемах рыба не водилась, они испещрили весь ландшафт и представляли собой ловушки для неосторожных путников: в темноте легко было угодить в такое озерко, а потом вынужденно провести сырую и неуютную ночь на пустоши. Мы с Джейми уселись возле одного из таких водоемов, чтобы совершить утреннюю трапезу, которая состояла из хлеба и сыра.

На озерке были свои птицы: ласточки спускались к воде, чтобы напиться, а ржанки и кроншнепы запускали глубоко во влажную землю свои длинные носы, отыскивая корм.

Я набросала крошек хлеба на землю для птиц. Кроншнеп приглядывался к ним с крайне подозрительным видом, но, пока он раскидывал умом, быстрая ласточка выхватила угощение у него из-под носа и стрелой взмыла вверх. Кроншнеп сердито встряхнул перьями и вернулся к прежнему занятию.

Джейми обратил мое внимание на ржанку, которая с криками прыгала возле нас, приволакивая будто бы сломанное крыло.

— У нее гнездо где-нибудь поблизости, — сказала я.

— Вон оно.

Но Джейми пришлось показать мне несколько раз, прежде чем я наконец-то заметила гнездо — неглубокую ямку прямо на открытом месте, но четыре лежавших в гнезде яичка по окраске совершенно сливались с почвой, усыпанной опавшими листьями; стоило мне моргнуть — и я уже снова потеряла гнездо из вида.

Подобрав прутик, Джейми потрогал гнездо и сдвинул с места одно яичко. Ржанка-мать, невероятно взволнованная, подбежала близко-близко к Джейми. Он опустил на пятки и сидел неподвижно, глядя, как птичка мечется, пронзительно крича. Еле уловимый быстрый жест — и вот уже ржанка у него в руке, смирная и притихшая.

Он заговорил с птичкой на гэльском, тихим шепотом, а тем временем гладил одним пальцем пестренький хохолок. Ржанка не шевелилась, сжавшись в комочек у Джейми на ладони, даже отблески света замерли в ее круглых черных глазках.

Он осторожно опустил птичку на землю, но она не двигалась до тех пор, пока он не произнес еще несколько слов и медленно помахал рукой перед нею — взад и вперед. Тогда только ржанка быстрым броском скрылась в траве. Джейми посмотрел ей вслед и перекрестился машинальным, бессознательным движением.

— Зачем ты так сделал? — спросила я.

— Что? — встрепенулся он.

Он, вероятно, позабыл о моем присутствии. — Ты перекрестился, когда птичка улетела, я поинтересовалась, зачем это.

Джейми смущенно пожал плечами.

— Как тебе сказать? Это просто старая сказка, вот и все. Почему у ржанок такой крик и почему они, крича, увиваются возле гнезда, как вон та, посмотри.

Он показал мне на дальний от нас конец озера, где другая ржанка вела себя точно так же, как первая. Несколько минут Джейми в задумчивости следил за птицей.

— В этих птичек вселяются души молодых матерей, умерших во время родов, — сказал он, обернувшись ко мне. — Говорят, они кричат и бегают вокруг гнезда, потому что не верят, что птенцы выведутся благополучно. Они печалются о том, кого потеряли, — ищут ребенка, оставшегося сиротой.

Он присел на корточки возле гнезда и прутиком до тех пор поворачивал сдвинутое яичко, пока оно не, улеглось на место так же, как остальные, — острым кончиком внутрь. Но и после этого он продолжал все так же сидеть на корточках, положив прутик поперек бедер и глядя на тихие воды озера.

— Я думаю, это просто обычай такой, — заговорил он. — Привычка. Я впервые сделал так, когда был намного моложе, после того, как услышал эту историю. На самом деле я не верю, что у них есть душа, но, понимаешь, как-то из чувства уважения. — Не окончив фразу, он взглянул на меня и вдруг улыбнулся. — Я так привык это делать, что даже не заметил. В Шотландии очень мало ржанок...

Он поднялся и отбросил прутик.

— Пошли дальше. Тут есть местечко, которое я хочу тебе показать. Вон там, у вершины холма.

Он взял меня под локоть и помог встать с земли. Мы стали подниматься по склону.

Я слышала, что он сказал ржанке, когда отпустил ее. И хотя я знала еще очень немного гэльских слов, это старое приветствие я слышала достаточно часто, чтобы понять его. «Господь да пребудет с тобою, матушка» — вот что сказал Джейми.

Молодая мать, умершая во время родов. И дитя, которое осталось сиротой. Я тронула Джейми за рукав, и он повернул ко мне голову.

— Сколько тебе было? — спросила я.

— Восемь, — ответил он. — Уже не младенец. Больше он ничего не сказал и вел меня все выше на холм. Мы теперь находились в предгорье, густо поросшем вереском. Дальше ландшафт резко менялся, повсюду из земли поднимались мощные гранитные скалы, окруженные зарослями кленов и лиственниц. Мы наконец поднялись на вершину холма, оставив позади ржанок, кричащих у озера.

Солнце начало припекать, и после того, как мы целый час пробирались сквозь заросли — хотя пробивался в основном Джейми, прокладывая путь, — я нуждалась в отдыхе.

Мы выбрали место в тени под гранитной скалой. Чем-то оно напоминало ту площадку, на которой я впервые увидела Мурту — и где избавилась от общества капитана Рэндолла. Но здесь было куда приятнее. Джейми объяснил мне, что мы с ним тут одни, потому что птицы вокруг заливались вовсю. Если бы кто-то подошел к нам, большинство птиц умолкло бы, только сойки и галки раскричались бы, подняв тревогу.

— Прячься всегда в лесу, Саксоночка, — посоветовал он мне. — Если

ты сама станешь вести себя тихо, птицы вовремя предупредят тебя о появлении кого-то.

Он обернулся посмотреть на сойку, громко кричащую на дереве над нами, и глаза наши встретились. Мы уселись и замерли, вытянув руки, но не касаясь друг друга и еле дыша. Немного погодя мы, как видно, наскучили сойке, и она улетела. Джейми первый огляделся по сторонам, слегка, почти незаметно вздрагивая, словно ему было холодно.

Белесые шероховатые шляпки грибов пробивались под папоротниками из рыхлой земли. Джейми отломил указательным пальцем одну шляпку от ножки и заговорил, разглядывая пластинки под шляпкой, где прятались споры. Когда он говорил медленно и спокойно, как теперь, в его речи совершенно не чувствовался шотландский акцент, обычно довольно заметный.

— Я не хотел бы... то есть... я не имею в виду... — Он поднял на меня глаза и засмеялся с беспомощным жестом. — Я не хотел бы задеть тебя... то есть не принимай мои слова в том смысле, будто бы я считаю, что у тебя большой опыт близости с мужчинами. Но было бы глупо изображать дело так, что ты об этих вещах знаешь меньше моего. Я вот только хотел бы спросить: это... обычно? То, что происходит между нами, когда я обнимаю тебя, когда ты... лежишь со мной? Это так всегда между мужчиной и женщиной?

Несмотря на все его запинки, я прекрасно поняла, что он имеет в виду. Он прямо смотрел мне в глаза, ожидая ответа. Я хотела отвести взгляд, но не смогла.

— Часто бывает похоже на это, — заговорила я, но должна была прервать свои слова и откашляться. — Но нет. Обычно это не так. Не имею представления, почему, но нет. Это... по-другому.

Он немного расслабился, словно я поддержала его в том, что внушало ему опасения.

— Я так и думал, что нет. Я еще никогда не был близок с женщиной... но я обнимал нескольких. — Он смущенно улыбнулся и встряхнул головой. — Это было *не то же* самое. Я имею в виду, что держал женщин в объятиях и целовал их и... — Он махнул рукой, отбрасывая это последнее «и». — Было приятно, в самом деле приятно. Сердце сильно билось, и дыхание становилось частым, и все такое. Но это было не так, как с тобой, когда я обнимаю и целую тебя.

У него глаза цвета озер и неба, подумала я, и они такие же бездонные.

Он протянул руку и дотронулся до моей нижней губы, коснувшись края.

— Начинается так же, но через мгновение, — продолжал он негромко, — через мгновение мне кажется, что я держу в руках живой огонь. — Он нажал сильнее, обведя мои губы и погладив подбородок. — И я хочу лишь одного — броситься в этот огонь и сгореть.

Я слушала его и думала, что его прикосновения опаляют мою кожу и зажигают огонь у меня в крови. И я уже пылала и светилась, как раскаленный металл. Закрыв глаза, я чувствовала возбуждающие прикосновения к щеке, виску, уху и шее, я вздрогнула, когда он обнял меня за талию и привлек к себе.

Джейми, по-видимому, точно знал, куда именно мы направляемся. Он остановился у подножия огромной скалы, высотой футов двадцать, бугристой от множества выступов и рассеченной множеством расселин. В расщелинах укоренились пижма и дикая роза. Джейми взял меня за руку и кивнул в сторону скалы.

— Ты видишь там ступеньки, Саксоночка? Можешь их одолеть?

Там и в самом деле виднелись какие-то уступы, тянущиеся цепочкой по скале под углом. Некоторые из них выглядели как настоящие ступени, зато другие годились только для того, чтобы к ним прицепились лишайники. Я не могла определить, природная это лестница или не обошлось без чьего-то участия; в общем, взобраться по ней было можно даже в длинном платье и тесном корсаже.

И я поднялась на вершину — несколько раз оступившись, порою вскрикивая от страха и не без помощи Джейми, который подталкивал меня сзади. Наверху я остановилась и огляделась. Вид был ошеломительный. К востоку вздымалась темная громада горы, а далеко внизу, к югу, подножия холмов постепенно переходили в пустынные безбрежные вересковые заросли. Вершина нашей скалы имела форму блюдца, равномерно углубленного со всех краев. В середине этого «блюдца» виднелся черный круг с остатками покрытых сажей обгорелых сучьев. Значит, мы здесь не первые посетители.

— Ты раньше знал это место?

Джейми стоял чуть поодаль; ему явно пришлось по душе мое восхищение. Пожал плечами — вопрос, как видно, задел его самолюбие.

— Конечно! В этой части гор я знаю большинство мест. Иди сюда, здесь можно сесть и посмотреть вниз на дорогу, которая проходит за холмом.

Отсюда было видно и гостиницу, на таком расстоянии она казалась детской игрушкой — кукольным домиком. Несколько лошадей было привязано у дороги под деревьями, они превратились в маленькие черные и

коричневые пятнышки.

На вершине скалы не росли деревья, и солнце здорово припекало мне спину. Мы уселись рядышком, спустив ноги с обрыва, и компанейски разделили бутылку эля, одну из трех предусмотрительно захваченных Джейми из гостиницы, где они хранились опущенными в колодец.

Деревьев на скале, как я уже говорила, не росло, но более мелкие растения, из тех, что сумели отвоевать себе местечко в узких расселинах и укоренились на скудной почве, виднелись здесь и там, бодро обращая личики цветов навстречу горячему весеннему солнцу. Совсем рядом со мной, под защитой каменного выступа, поселилась семейка маргариток, и я протянула было руку сорвать одну.

Послышалось легкое жужжание, и маргаритка, сорвавшись со стебелька, упала мне на колени. Я тупо уставилась на нее, не в состоянии сообразить, как могло произойти нечто столь странное. Джейми, который реагировал на все значительно быстрее меня, плашмя упал на землю.

— Ложись! — велел он мне.

Большая рука ухватила меня за локоть и распростерла рядом с Джейми. Повалившись на влажный мох, я вдруг увидела древко стрелы, угодившей в трещину на камне; древко еще трепетало.

Я замерла, не смея даже повернуть голову от страха, и попыталась еще теснее вжаться в землю. Джейми лежал возле меня неподвижно, словно бы окаменевший. Казалось, даже птицы и насекомые умолкли, даже воздух застыл в ожидании. И вдруг Джейми начал смеяться.

Он сел и, ухватив стрелу за древко, осторожно извлек ее из расселины. Я увидела, что она оперена хвостовыми перьями дятла, обвязанными на полдюйма в ширину голубой ниткой.

Отложив стрелу в сторону, Джейми сложил ладони рупором возле рта и издал крик, потрясаяще похожий на крик дятла. Опустил руки и подождал. Очень скоро из рожицы внизу под нами донесся ответный крик. Джейми широко улыбнулся.

— Твой друг? — предположила я.

Джейми кивнул, пристально глядя на узкую дорожку в скале.

— Да, это Хью Мунро, если только кто-нибудь не научился делать стрелы, как у него.

Он подождал еще, но никто не являлся на тропинке.

— А! — негромко спохватился Джейми и повернулся как раз вовремя, чтобы прямо перед собой увидеть лицо, медленно поднимающееся над краем скалы позади нас.

Лицо расплылось в улыбку, похожую на те, какие прорезают на пустой

тыкве, когда из нее делают фонарь; рот был полон тесно посаженных зубов, а обладатель улыбки явно радовался тому, что удивил нас. Голова и сама по себе напоминала тыкву, сходство дополнялось оранжевато-коричневым оттенком загорелой кожи, обтягивающей не только лицо, но и круглую, лысую голову. Но вряд ли какая-нибудь тыква могла бы похвастаться такой густущей бородой и такой парой ярко-голубых глаз. Рядом с бородой появились две короткопалые руки с грязными ногтями, и вскоре на скалу поднялся обладатель тыквенной улыбки.

Тело оказалось голове под стать, определенно напоминая изображения домовых, какие делают в канун Дня всех святых^[31]. Плечи были широкие, но сгорбленные и покатые, одно намного выше другого. Одна нога, казалось, тоже была короче другой, и оттого человек выступал прихрамывая и ковыляя.

Мунро, если это и в самом деле был друг Джейми, был облачен в некие многослойные лохмотья: сквозь дыры его бесформенного верхнего одеяния, которое, возможно, когда-то представляло собой женский халат, проглядывала ткань — правда, сильно полинявшая — цвета раздавленных ягод.

Он не носил на поясе спорран, а сам пояс представлял собой обрывок веревки, с которой свисали вниз головой два покрытых мехом тельца. Вместо споррана у него висел, причем на груди, а не на животе, кожаный кошель на удивление хорошего качества по сравнению с прочей его амуницией. На завязке кошеля болталась целая коллекция странных металлических побрякушек: религиозные медали, старые форменные военные пуговицы, потертые монеты и три либо четыре прямоугольных кусочка металла, темно-серых и с, некими загадочными знаками, вырезанными на их поверхности.

Пока это странное создание шустро пробиралось между каменными выступами, Джейми поднялся ему навстречу, и мужчины тепло обнялись, награждая при этом друг друга крепкими тумаками по спине — странное приветствие, принятое у особой мужского пола.

— Ну как дела в доме у Мунро? — спросил Джейми, отступив и разглядывая своего старого приятеля.

Мунро помотал головой и издал какой-то непонятный кулдыкающий звук. Затем, приподняв брови, он кивнул в мою сторону и помахал своими корявыми руками; в этом, как ни странно, изящном жесте заключался явно выраженный вопрос.

— Моя жена, — слегка покраснев, представил меня Джейми, и в его словах гордость соединилась со стыдливостью. — Женился два дня назад.

Мунро встретил новость еще более широкой, чем прежняя, улыбкой и отвесил чрезвычайно сложный изысканный поклон, коснувшись сначала головы, потом сердца и губ и в заключение почти распростершись по земле у моих ног. Прodelав свой ошеломительный маневр, он вскочил на ноги с ловкостью акробата и дал Джейми еще одного тумака — на сей раз в качестве поздравления.

После этого Мунро принялся изображать руками необычайный балет, указывая то на себя, то на лес, то на меня, потом снова на себя, используя такую массу жестов, что я едва могла уследить за его летающими руками. Мне приходилось видеть и раньше общение глухонемых, но никогда оно не совершалось так быстро и грациозно. — Вот оно что! — воскликнул Джейми. Как видно, настал его черед дать приятелю тычок в виде поздравления. Не случайно мужчины так нечувствительны к поверхностной боли, подумалось мне. Закалились, постоянно колошматя один другого.

— Он тоже женился, — объяснил мне Джейми. — Шесть месяцев назад, на вдове... причем на толстой вдове, — дополнил он, истолковывая выразительный жест Мунро. — У нее шестеро детей, живет внизу в деревне Дублайрн.

— Как славно, — вежливо сказала я. — Кажется, им всем будет что поесть. — Я показала на кроликов, свисавших с пояса у Мунро.

Тот в мгновение ока отвязал одну из тушек и вручил ее мне с таким сияющим доброжелательством, что не принять подарок я не могла, улыбнулась в ответ, про себя надеясь, что на кролике нет блох.

— Свадебный подарок, — сказал Джейми. — И такой приятный. Ты должен позволить нам ответить любезностью на любезность. — С этими словами он извлек бутылку эля из углубления во мху и вручил ее Мунро.

Любезности продолжались в том же духе: втроем мы уселись распить третью бутылку. Джейми и Мунро принялись обмениваться новостями и сплетнями, и разговор не казался менее свободным оттого, что по-настоящему говорить мог лишь один из собеседников.

Я почти не принимала участия в беседе, так как не могла читать знаки Мунро, хотя Джейми и пытался подключить меня, кое-что переводя, а кое-что поясняя.

Джейми ткнул пальцем в прямоугольные кусочки свинца, прикрепленные к завязке кошелька.

— Чтобы все по закону? — спросил он. — Или это на случай, когда игра идет плохо?

Мунро наклонил голову и закивал, словно чертик из коробочки.

— Зачем они? — поинтересовалась я.

— Это габерланзии.

— Ах вот оно что! — сказала я. — Прошу прощения, что спросила.

— Габерланзии — это разрешения на нищенство, Саксоночка, — объяснил Джейми. — Они действительны только в границах одного прихода и один день в неделю, когда попрошайничество разрешено. Каждый приход имеет свою собственную габерланзию, так что нищие одного прихода не имеют права попрошайничать в других и рассчитывать там на милостыню.

— Система с некоторой претензией на гибкость, как мне кажется, — заметила я, приглядываясь к четырем «лицензиям» Мунро.

— А, так Мунро — случай особый. Он был захвачен турками в плен на море. Много лет был гребцом на галере, а потом еще некоторое время рабом в Алжире. Там он и потерял язык.

— Они... его отрезали? — Мне чуть не сделалось дурно.

Джейми, казалось, ничуть не был обеспокоен, он ведь знал Мунро не один год.

— Да. И к тому же сломали ногу. И спину, верно, Мунро?.. Нет, — поправился он после целой серии знаков Мунро. — Со спиной произошел несчастный случай, это произошло, когда он спрыгнул со стены в Александрии. А еще ступни ног, это уж турки довершили.

Я больше ни о чем не хотела знать, но и Мунро и Джейми не терпелось сообщить мне.

— Ладно, — сдалась я. — Что же случилось с его стопами?

С чувством откровенной гордости Мунро сбросил свои битые-перебитые деревянные башмаки, потом чулки и продемонстрировал широкие, вывернутые носками наружу ступни с огрубевшей толстой кожей, на которой ярко-белые рубцы чередовались с темно-красными участками.

— Кипящее масло, — сказал Джейми. — Таким способом они вынуждают христиан перейти в мусульманскую веру.

— Весьма действенное средство убеждения, — сказала я. — И поэтому несколько приходов разрешают ему просить милостыню? За то, что он принял мучения во имя христианской веры?

— Совершенно верно. — Джейми был явно доволен тем, что я быстро разобралась в ситуации.

Мунро также выразил свое восхищение еще одним глубоким восточным приветствием-поклоном, за которым последовали жесты весьма выразительные, чтобы не сказать нескромные, во славу моих физических совершенств.

— Спасибо, дружище. Я тоже считаю, что могу ею гордиться, — сказал Джейми, заметив мое недовольство, и повернул Мунро спиной ко мне, так что я больше не видела его жестикуляции. — Ну а теперь расскажи мне, что там делается в деревнях.

Мужчины придвинулись поближе друг к другу и продолжили свой странный на вид разговор с новой энергией. Участие Джейми в этой беседе почти ограничивалось нечленораздельным мычанием и междометиями, выражающими одобрение или интерес, и потому я смогла уловить лишь немного, постепенно переключившись на совсем другое занятие — собирала незнакомые и странные маленькие горные растения на том карнизе, где мы сидели.

Я собрала порядочный букетик, пока разговор кончился и Мунро собрался уходить. Поклонившись мне в последний раз и стукнув Джейми по спине, он заковылял к обрыву и исчез за ним так же быстро, как мог бы юркнуть в свою норку один из убитых им кроликов.

— У тебя просто замечательные друзья, — сказала я.

— Да, Хью прекрасный парень. В прошлом году я охотился с ним и еще несколькими ребятами. Теперь он нищенствует по закону, и его работа вынуждает его переходить из прихода в приход. Благодаря этому он отлично знает все, что происходит в границах Арды и Честхилла.

— В том числе и кое-что о Хорроксе? Джейми кивнул:

— Да. И он передаст ему весточку от меня, чтобы договориться о месте встречи.

— И таким образом обвести Дугала вокруг пальца, — заметила я. — Если у него была мысль удержать тебя от оправдания при помощи Хоррокса.

Джейми снова кивнул, и улыбка тронула уголки его губ.

— Примерно так.

Мы снова вернулись в гостиницу только к ужину. На этот раз, однако, большой вороной конь Дугала и лошади его спутников стояли во дворе гостиницы и с аппетитом жевали сено.

Сам Дугал находился в доме, смывая кислым элем набившуюся в горло за дорогу пыль. Он кивнул мне и повернулся к племяннику, чтобы приветствовать его, но не произнес ни слова, а просто стоял и, склонив голову набок, насмешливо разглядывал Джейми. Наконец он заговорил.

— Так вот в чем дело, — сказал он удовлетворенно, как человек, решивший трудную задачу. — Теперь я понял, чего ты от меня добивался, парень.

Он повернулся ко мне.

— Вы когда-нибудь видели оленя-самца в конце гона? — спросил он доверительно. — Бедные животные в это время не спят и не едят по нескольку недель, потому что не могут зря тратить время, которое им нужно либо для того, чтобы драться с другими самцами, либо для того, чтобы обхаживать самок. К концу сезона от них остаются кожа да кости. Глаза ввалившиеся, а единственной частью тела, которая все еще действует...

Конец фразы потонул во взрыве всеобщего хохота; Джейми тем временем тащил меня по лестнице вверх. К ужину мы не спускались.

Гораздо позже, уже полусонная, я почувствовала руку Джейми на своей талии, щеку обожгло его горячее дыхание.

— Кончится ли это когда-нибудь? Мое желание обладать тобой? — Он провел рукой по моей груди. — Даже когда мы не вместе, я хочу тебя так сильно, что у меня теснит грудь и пальцы болят от желания дотронуться до тебя снова. — Он взял в темноте мое лицо в обе ладони и провел большими пальцами по бровям. — Когда я обнимаю тебя обеими руками и чувствую, что ты дрожишь, как сейчас, от желания... Боже мой, я так хочу, чтобы ты вскрикнула и открылась для меня, радуясь мне. И когда я вхожу в тебя, мне кажется, что вместе с моим членом я отдаю тебе душу.

Он накрыл меня своим телом, я раздвинула ноги и слегка вздрогнула, когда он вошел в меня. Джейми тихонько засмеялся.

— Мне тоже немного больно. Перестать?

В ответ я обвила ногами его бедра и притянула его к себе.

— А ты хотел бы перестать?

— Нет. Я не могу.

Мы засмеялись оба, продолжая медленно двигаться, целуя и лаская друг друга.

— Я понял, почему церковь называет это таинством, — задумчиво проговорил Джейми.

— Это? — удивилась я. — Почему же?

— Я чувствую себя, как сам Бог, когда я в тебе.

Я так расхохоталась, что он едва не вышел из меня. Перестал двигаться и ухватил меня за плечи. — Что тут смешного?

— Трудно представить себе Бога, который занимается этим.

Джейми возобновил свои движения.

— Но если Бог создал человека по своему образу и подобию, я думаю, у него есть член. — Он вдруг тоже начал смеяться, нарушив свой ритм. — Но ты не слишком напоминаешь мне святую деву, Саксоночка.

Мы вздрагивали от смеха в объятиях друг у друга и смеялись, пока не

кончили и не разомкнули объятия. Восстановив силы, Джейми шлепнул меня по бедру.

— Встань на колени, Саксоночка.

— Зачем?

— Если ты не хочешь воспринимать меня в одухотворенной сути, тебе придется познакомиться с низменной стороной моей натуры. — Он куснул меня за шею. — Кем ты хочешь меня видеть — конем, медведем или псом?

— Ежом.

— Ежом? А как ежи занимаются любовью?

Нет, подумала я. Не стану этого делать. Ни за что. Но все-таки сделала. И ответила ему, беспомощно захихикав:

— Очень осторожно.

Джейми повалился на кровать, задыхаясь от смеха. Потом перевернулся, встал на колени и потянулся к столику за коробочкой с огнивом. Янтарно-рыжий ореол обрисовал его фигуру на фоне темной стены, когда позади него загорелся фитиль и по комнате начал разливаться свет.

Он снова плюхнулся на кровать у меня в ногах и с веселой усмешкой глядел на меня — я все еще тряслась на подушке от приступов неудержимого хохота. Джейми провел тыльной стороной ладони по лицу и принял притворно строгое выражение.

— Приготовься, женщина! Настал час, когда я должен утвердить над тобой свою власть мужа.

— Вот как?

— Да!

Он бросился на меня, ухватил за бедра и раздвинул их. Я пискнула и попыталась перевернуться на спину.

— Не надо, не делай так!

— Почему?

Он вытянулся во весь рост у меня между ногами и смотрел на меня искоса. Бедра мои держал крепко, чтобы я не могла их сдвинуть.

— Скажи мне, Саксоночка, почему ты этого не хочешь?

Он потерся щекой о внутреннюю сторону моего бедра; отросшая щетина уколола нежную кожу.

— Ну скажи честно: почему?

Он потерся другой щекой. Я дала ему пинок и попыталась извернуться, но без малейшей пользы для себя.

Я опустила лицо на подушку, прохладную по сравнению с моей горящей щекой.

— Ну хорошо, если ты хочешь знать, то... — забормотала я, — не думаю... нет, я просто боюсь, что... словом, запах... — Мой голос потонул в растерянном молчании.

Джейми зашевелился и приподнялся. Обнял меня за бедра снова прижался щекой и смеялся до слез.

— Господи Иисусе, Саксоночка, — выговорил он наконец, радостно фыркнув, — да знаешь ли ты, что надо делать первым делом, когда познакомишься с новой лошадкой?

— Нет, — ответила я, совершенно сбитая с толку. Он поднял руку, показав мягкий пучок светло-рыжих волос.

— Ты несколько раз проводишь своей подмышкой ей по носу, чтобы она узнала твой запах, привыкла к нему и не была беспокойной. То же самое сделаешь ты со мной, Саксоночка. Ты позволишь мне провести лицом у тебя между ног. И я после этого не буду норовистым.

— Норовистым!

Он опустил лицо и провел им осторожно назад и вперед, отфыркиваясь, как лошадь, которая к чему-то принюхивается. Я дергалась и колотила его по ребрам ногами — с тем же результатом, как если бы пинала кирпичную стену. Наконец он опустил мои бедра и поднял голову.

— Теперь, — сказал он тоном, не допускающим возражения, — лежи спокойно.

Распластанная, я чувствовала себя покоренной и беспомощной — словно бы распавшейся на отдельные элементы. Дыхание Джейми веяло на меня то теплом, то холодом.

Я воспринимала окружающее как цепочку маленьких отдельных явлений: шершавое прикосновение подушки, вышитой цветами, запах горелого масла от лампы, мешавшийся с запахом ростбифа и эля, слабо долетавшие веяния свежести от букета полевых цветов в стакане, прохладное прикосновение деревянной стены к подошве левой ноги, крепкие руки у меня на бедрах. Ощущения кружились и объединялись за моими опущенными веками в некое подобие сияющего солнца, которое то увеличивалось, то уменьшалось и в конце концов бесшумно взорвалось, оставив меня в теплой и пульсирующей тьме.

Смутно, словно издали, я услышала, как Джейми сел.

— Ну, так-то немного лучше, — произнес задыхающийся голос. — Стоит потратить силы, чтобы ты стала покорной, согласна?

Кровать скрипнула под тяжестью опустившегося на нее тела, и тот же голос, уже с более близкого расстояния — где-то у меня над ухом, — проговорил:

— Надеюсь, ты живей, чем кажется?

— Господи Иисусе, — только и сказала я. Над ухом раздался коротенький смешок.

— Саксоночка, я ведь говорил, что чувствую себя, как Бог, но никогда не утверждал, что стал им.

Позднее, когда солнечный свет сделал тусклым сияние лампы, я пробудилась от наплывающего сна, услышав, как Джейми повторяет еще раз:

— Исчезнет оно когда-нибудь, Клэр? Желание исчезнет?

Моя голова снова упала ему на плечо.

— Я не знаю, Джейми. Правда не знаю.

Глава 18

НАБЕГ СРЕДИ СКАЛ

— Что же сказал капитан Рэндолл? — спросила я.

Я ехала между Дугалом и Джейми, и на узкой дороге едва хватало места для трех лошадей в ряд. Время от времени один или даже оба моих спутника были вынуждены приотстать или, наоборот, проехать вперед, чтобы не запутаться в густых зарослях, вплотную обступивших грязную тропу.

Дугал взглянул на меня, потом снова на дорогу, чтобы обвести коня вокруг большого камня. Злая улыбка медленно раздвинула его губы.

— Он не слишком обрадовался, — осторожно выразился Дугал. — Но я не уверен, могу ли повторить вам, что именно он при этом сказал. Полагаю, что все-таки есть границы вашей терпимости к сквернословию, мистрисс Фрэзер.

Я пренебрегла и насмешливым тоном, каким он произнес мое новое имя, так же, как и заключенным в этом выпадом, но Джейми, я это сразу заметила, заерзал в седле.

— Могу ли я быть уверена, что он не предпримет по этому поводу каких-либо чрезвычайных мер? — спросила я.

Вопреки уверениям Джейми я все же не могла отделаться от видения: красные драгуны выскакивают из кустов, устраивают кровопролитное сражение с шотландцами и увозят меня в логовище Рэндолла для допроса. При этом я с тяжестью на сердце думала, что представления Рэндолла о допросах имеют по меньшей мере своеобразный характер.

— Не думаю, что он на это решится, — небрежно заметил Дугал. — У него слишком много других забот, чтобы заниматься заблудившейся саксонкой, хотя бы и очень хорошенькой.

Он приподнял одну бровь и отвесил полупоклон в мою сторону, как бы извиняясь за свой комплимент.

— К тому же, думаю, у него хватит здравого смысла не раздражать Колама похищением его племянницы.

Племянница. У меня мурашки пробежали по спине, несмотря на теплую погоду. Племянница главы клана Макензи. Не говоря уже о военачальнике этого клана, который ехал беспечно рядом со мной. А по другой линии я была теперь связана с лордом Ловатом, главой клана Фрэзер, с аббатом, возглавлявшим могущественный монастырь во

Франции, и бог знает со сколькими другими Фрэзерами. Нет, пожалуй, капитан Джонатан Рэндолл не сочтет стоящей затеей преследовать меня. В конце концов, в этом и заключался главный смысл всей этой комической истории.

Я бросила взгляд на Джейми, который сейчас ехал впереди. Спина у него была прямая, как ствол молодой ольхи, а волосы блестели на солнце, словно шлем из начищенного металла.

Дугал перехватил мой взгляд.

— Могло быть и хуже, не так ли? — сказал он, иронически приподняв бровь по своей привычке.

Спустя две ночи мы расположились лагерем на поросшей вереском площадке под защитой отполированных ледниками гранитных выступов. Перед этим мы ехали целый день и только один раз наспех перекусили прямо в седлах, так что все радовались перспективе горячего ужина. Раньше я несколько раз пробовала предложить свою помощь в приготовлении еды, но это предложение неизменно отклонялось в более или менее вежливой форме молчаливым клансменом, который выполнял обязанности повара.

Один из наших людей утром убил оленя, и порция свежего мяса, приготовленного с огурцами, репой и чем-то там еще, представлялась весьма соблазнительной трапезой. Сытые и довольные, мы все собрались вокруг огня, слушая рассказы и песни. У маленького Мурты, который так редко открывал рот, чтобы заговорить, оказался на удивление чистый и красивый тенор. Уговорить его спеть было нелегко, но игра стоила свеч.

Я устроилась поближе к Джейми, стараясь найти местечко поудобнее на твердом граните. Мы расположились на самом краю каменного уступа, где широкая плита красноватого гранита дала возможность устроить очаг, а торчащие в беспорядке на заднем плане скалистые выступы послужили укрытием для лошадей. Я спросила, не устроиться ли нам все же на ночь на мягкой весенней травке близлежащей пустоши, но Нед Гоуэн просветил меня, объяснив, что мы находимся теперь на южной границе владений Макензи, а стало быть, в непосредственной близости от земель Грантов и Чизхолмов.

— Разведчики Дугала сообщили, что в окрестностях никого не видно, — сказал он, взгромоздившись на большой валун, чтобы самолично посмотреть на запад, — но никогда не знаешь наверняка. Лучше обезопасить себя, чем потом жалеть.

Когда Мурта спел свое, Руперт принялся рассказывать. Ему не хватало красоты слов Гуиллина, однако запас историй у него был поистине

неисчерпаем — о феях, призраках, таннасах, то бишь злых духах, и прочих обитателях шотландских гор, в их числе и о водяных конях. Эти последние, как я поняла, обитали в воде повсеместно, особенно часто в потоках и на переправах через реки, но многие жили и в глубинах озер.

— Есть такое местечко на восточном конце озера Лох-Гарв, — говорил Руперт, обводя глазами собравшихся, чтобы убедиться, что все его слушают, — которое никогда не замерзает. Там всегда открытая вода, даже когда вся остальная часть озера покрыта крепким льдом. Это потому, что там находится дымовая труба водяного коня. Водяной конь из Лох-Гарва, как это делают и другие такие же кони, похитил молодую девушку, которая пришла на озеро по воду. Он утащил ее в глубину, чтобы взять себе в жены. Горе той девице или мужчине, кто увидит у воды на берегу красивого коня и захочет прокатиться на нем, потому как сесть-то на коня легко, а вот слезть с него невозможно. Конь вступает в воду, оборачивается рыбой и плывет в свой дом вместе с несчастным, который накрепко прилипает к его спине.

Руперт, раскрыв ладонь, изобразил, как плывет рыба по волнам, и продолжал:

— Под водой и зубы у водяного коня рыбы, он ест улиток и водяные растения, все сырое и холодное. И кровь у него холодная, как вода, и в огне он не нуждается, но молодая женщина, как вы понимаете, это совсем другое дело. — При этих словах он подмигнул мне и посмотрел на меня с откровенным вожделием — ко всеобщей радости слушателей. — Ну так вот, жена водяного коня была очень грустная, холодная и голодная в своем новом доме на дне озера и не желала есть улиток и водяные растения. Конь ей попался из добросердечных, и отправился он на берег к дому человека, который был каменщиком. Пришел этот человек на берег и увидел красивого золотого коня с серебряной уздечкой, так и сверкавшей на солнце. Не удержался он, охватил коня за уздечку и сел на него верхом. Водяной конь, ясное дело, уволок его прямо под воду в свой холодный рыбий дом. И сказал каменщику, что отпустит его, если он сложит ему хорошую печь, с трубой, как положено, чтобы жена водяного коня могла погреть руки у огня и поджарить для себя рыбу.

Я отдыхала, положив голову Джейми на плечо, чувствуя приятную сонливость и поглядывая на свое ложе, хотя то было всего лишь разостланное на твердом граните одеяло. Внезапно я ощутила, что Джейми весь напрягся. Он положил руку мне на шею, как бы предупреждая: не двигайся! Я оглядела лагерь: все оставалось в прежнем положении, но я уловила этот передававшийся от человека к человеку дух напряженности.

Переведя глаза на Руперта, я увидела, что он еле заметно кивнул, перехватив взгляд Дугала, но продолжал свой рассказ.

— Ну, каменщик, делать нечего, выбора-то у него особого не было, исполнил что ему велели. И водяной конь сдержал слово, вынес человека на берег возле его дома. А жена водяного коня обогрелась и была счастлива и жарила себе сколько угодно рыбы на ужин. Потому вот и не замерзает вода у восточного конца Лох-Гарва, тепло из печной трубы водяного коня растапливает лед.

Руперт сидел на камне правым боком ко мне. Продолжая говорить, он наклонился, будто бы почесать ногу. Без малейшего намека на поспешность движения он взял в руку кинжал, лежавший на земле возле его ноги, и все с тем же спокойствием спрятал его на коленях в складках килта.

Я придвинулась поближе к Джейми и, как бы влюбленно лаская, пригнула к себе его голову.

— В чем дело? — шепнула я ему на ухо.

Он сжал зубами мочку моего уха и прошептал в ответ:

— Лошади беспокоятся. Кто-то есть поблизости. Один из мужчин встал и подошел к самому краю выступа помочиться. Вернувшись, он сел на другое место, рядом с погонщиком. Встал другой человек, заглянул в котел и вытащил кусок оленины. И так по всему лагерю началось не слишком заметное на первый взгляд общее передвижение, а Руперт все говорил.

Приглядевшись повнимательней, между тем как рука Джейми все теснее обнимала меня, я убедилась, что каждый из мужчин стремился подобраться поближе к своему оружию. Все они, ложась спать, оставляли кинжалы при себе, но палаши, пистолеты и круглые обтянутые кожей щиты аккуратно укладывали на землю на границе лагеря. Пара пистолетов Джейми лежала сейчас на земле неподалеку вместе с палашом.

Мне были видны отблески огня на дамасской стали. Пистолеты у Джейми были самые обычные, большие, рукоятки отделаны рогом, словом, такие же точно, как у остальных мужчин в отряде, но зато сабля и старинный шотландский палаш выглядели совсем особо. Он с гордостью показывал их мне на одной из стоянок, любовно поворачивая в руках блестящие лезвия.

Шотландский палаш был завернут в одеяло; я видела огромную Т-образную рукоять и эфес, который, чтобы он был шероховатым, тщательно натирали песком. Я подняла его — и чуть не выронила. Джейми сказал, что весит он около пятнадцати фунтов.

Палаш был на вид мрачный, смертельно грозный, но сабля... она была

прекрасна. Две трети веса более крупного оружия, смертоносная, сверкающая, украшенная по всему лезвию арабской вязью, доходящей по голубоватой стали до самой рукоятки, имеющей форму спиральной корзинки, выложенной красной и голубой эмалью. Я видела, как Джейми упражнялся с ней, сначала правой рукой с одним из членов отряда, потом левой — с Дугалом. Джейми был тогда великолепен, легкий, уверенный, грациозный, что особенно впечатляло при его росте. Но у меня сразу пересохло во рту при мысли, что придется увидеть такое во время настоящего боя.

Джейми наклонился ко мне, поцеловал в щеку и при этом повернул меня лицом к одному из причудливых каменных выступов.

— Кажется, уже скоро, — пробормотал он, целуя меня уже чисто механически. — Ты видишь небольшой просвет между скалами?

Я видела: проход не более трех футов высотой, образовавшийся оттого, что один камень навалился на другой.

Он погладил меня по лицу, нежно подышал носом.

— Когда я скажу, иди туда и стой там. У тебя есть кинжал?

Он настоял, чтобы я взяла у него кинжал, который он тогда бросил мне в гостинице, хотя я твердила, что совершенно не умею с ним обращаться, да и не хочу учиться этому. Судя по тому, как он настаивал, Дугал был прав: Джейми упрям.

Кинжал находился в одном из самых глубоких карманов моего платья. Целый день он самым неудобным образом давил своим весом мне на ногу, но теперь я как-то успела о нем позабыть. Джейми слегка провел рукой по моему бедру, чтобы убедиться, что кинжал тут.

Потом он поднял голову, словно кошка, когда она нюхает ветер. Я заметила, как он отыскал взглядом Мурту, а потом перевел глаза на меня. Маленький человечек не сделал никакого ответного знака, но встал и перешел на другое место. Оно оказалось в нескольких футах от меня.

Позади нас беспокойно заржала лошадь. И словно по сигналу, они появились среди скал. Не англичане, как я опасалась, и не бандиты. Шотландские горцы, вопящие, словно одержимые злым духом. Гранты. Или Кэмпбеллы.

Чуть ли не на четвереньках я добралась до скал. Ушибла голову и расцарапала колени, но успела укрыться в тесной расщелине. Сердце билось молотом; я сунула руку в карман за кинжалом и по неловкости едва не ткнула им в себя. Я не имела ни малейшего представления, как обращаться с этим длинным и острым ножом, но чувствовала себя спокойнее оттого, что он у меня был. В рукоятку был вделан лунный

камень, он как-то по-уютному упирался бугорком в мою ладонь. Во всяком случае, я была уверена, что в темноте ухватила кинжал за тот конец, который нужно.

Свалка началась такая, что вначале я не могла понять, что же происходит. Небольшая площадка полна была орущих людей, мечущихся из стороны в сторону, катающихся по земле, перебегающих с места на место. Мое убежище, к счастью, находилось в стороне от поля битвы, так что пока я была в безопасности. Оглядевшись, я заметила возле своей скалы небольшую, согнутую и прижавшуюся к камню человеческую фигуру. Я крепче схватилась за кинжал, но тут же сообразила, что это Мурта.

Так вот в чем заключался смысл знака, поданного Джейми. Он поручил Мурте охранять меня. Самого Джейми я нигде не видела. Большинство дралось на площадке возле скал и у телег.

Разумеется, именно лошади и телеги и могли быть, скорее всего, целью нападения. Нападающие представляли собой хорошо организованную и прекрасно вооруженную банду вполне сытых людей — насколько я могла разглядеть их при слабом свете костра. Если это были Гранты, то они в равной степени могли гнаться за добычей и жаждать отомстить за недавний угон скота, совершенный Рупертом и компанией. Поставленный задним числом в известность об этом импровизированном набеге, Дугал отнесся к нему неодобрительно, но он был недоволен не столько набегом как таковым, сколько тем, что угнанный скот задержит наше продвижение. Он распорядился отделаться от него как можно скорее и продать на рынке в ближайшей деревне.

Вскоре стало ясно, что нападающие не слишком стремятся причинить увечья нашим людям; им хотелось поживиться за счет лошадей и телег. Кое-кто из них в этом преуспел. Я пригнулась пониже, когда неоседланная лошадь с завывающим, словно ошалелый кот, всадником на спине, крепко вцепившимся в гриву, перескочила через костер и унеслась в темноту.

Еще двое или трое пеших налетчиков уволокли мешки с зерном, предназначенным Коламу; наши преследовали их, изрытая проклятия по-гэльски. Судя по звукам, налет шел к концу. Но тут возле костра появилась группа мужчин, и свалка началась снова.

Драка казалась серьезной, это впечатление подтверждалось той яростью, с которой ее участники взмахивали сверкающим оружием; они запаленно выкрикивали что-то, но уже не орали и не выли. Мало-помалу я разобралась, кто с кем тут вел сражение. В центре схватки находились Джейми и Дугал, они вели бой спина к спине. Каждый из них держал

тяжелый палаш в левой руке, а кинжал — в правой, и, насколько я могла судить, справлялись с делом отлично.

Их окружали четверо или даже пятеро, мечущиеся тени мешали сосчитать точно; эти люди орудовали легкими саблями, хотя у одного из нападавших висел на поясе тяжелый палаш, а по крайней мере у двоих — пистолеты.

Очевидно, они хотели захватить Дугала или Джейми, а может, и обоих вместе. Захватить живыми. Ради выкупа, решила я. В пользу такого предположения свидетельствовал выбор более легкого оружия, которое могло, скорее, ранить и не было смертельно опасно в той степени, как тяжелые палаши или пистолеты.

Дугал и Джейми, наоборот, вели бой ничтоже сумняшеся, дрались всерьез, жестоко и умело. Спина к спине, они образовали замкнутый круг угрозы, каждый из них прикрывал уязвимое место другого. Когда Дугал взмахивал рукой, вооруженной кинжалом, мне казалось, что по отношению к нему слово «уязвимое» вряд ли уместно.

Вся эта возбужденная, рычащая, сыплющая проклятиями масса тел приближалась ко мне. Я как можно глубже втиснулась в расщелину, но она и всего-то глубиной была в два фута. Уголком глаза я уловила рядом с собой какое-то движение. Мурта решил принять более активное участие в деле.

Я никак не могла отвести полные страха глаза от Джейми, но все же заметила, как маленький клансмен неторопливым движением извлек свой пистолет. Тщательно проверил спусковой механизм и, вытерев пистолет о рукав, пристроил его на предплечье. И стал ждать.

Он ждал. А я сходила с ума от тревоги за Джейми, который продолжал показывать свое искусство и размахивал оружием с дикой силой туда и сюда, тесня наступавших на него теперь уже с откровенно кровожадными намерениями двух врагов. Какого черта этот парень не стреляет, с яростью думала я, но потом поняла почему. Оба — Джейми и Дугал — находились на линии огня. И я вспомнила, что кремневые пистолеты не отличались точностью боя.

Это предположение подтвердилось в следующую минуту, когда один из противников Дугала, сделав неожиданный выпад, нанес ему удар в запястье. Лезвие вспороло Дугалу предплечье во всю длину, и он упал на одно колено. Почувствовав, что его дядя упал, Джейми отмахнулся собственным кинжалом и быстро отступил шага на два. Теперь он прижался спиной к скале, а Дугал припал на один бок, защищаясь только при помощи кинжала. Это приблизило нападающих к моему укрытию, а

следовательно, и к пистолету Мурты.

Прогремевший совсем рядом выстрел показался невероятно громким. Он был неожиданным для нападающих, особенно для того, в которого попал заряд. Секунду человек оставался стоять, беспомощно покачивая головой, потом медленно сел, повалился на спину и покатился вниз по склону на затухающий костер.

Оправившись от неожиданности, Джейми выбил палаш из руки нападающего. Дугал успел встать на ноги, и Джейми отодвинулся в сторону, чтобы дать Дугалу возможность орудовать палашом. Один из нападающих покинул место сражения и побежал вниз, чтобы оттащить раненого товарища с горячих углей. Оставались еще трое из нападавших, причем Дугал был ранен. Мне было видно, как падают на камень капли крови, едва он взмахнет палашом.

Они находились достаточно близко ко мне, и я видела лицо Джейми, спокойное и сосредоточенное и вместе с тем горящее восторгом битвы. Дугал вдруг что-то крикнул ему. Джейми на мгновение отвел взгляд от лица противника и посмотрел вниз. Обернувшись снова как раз вовремя, чтобы избежать разящего удара, он отклонился в сторону и метнул свой палаш кате копье.

Его противник в полном ошеломлении глядел на воткнувшийся в ногу палаш. Дотронулся до лезвия, ухватил палаш и выдернул из раны. Судя по той легкости, с какой он сделал это, я решила, что рана неглубока. Человек все еще казался удивленным и словно бы собирался спросить, что обозначает такое неправильное поведение.

Потом он закричал, швырнул палаш на землю и побежал прочь, тяжело прихрамывая. Двое оставшихся налетчиков обернулись на его крик и тоже пустились удирать, преследуемые Джейми, настигавшим их с неотвратимостью снежной лавины. На бегу он успел выхватить из свертка тяжелый палаш и вознес его над головой в виде несущей смерть арки из двух рук, сжимающих грозное оружие. Следом за ним несли Мурта, выкрикивая на гэльском нечто весьма далекое от комплиментарности и размахивая разряженным пистолетом в одной руке и палашом — в другой.

После этого вся картина сражения очень быстро переменялась, и уже через четверть часа или около того отряд Макензи воссоединился, и начался подсчет ущерба.

Он оказался не столь уж велик: увели двух лошадей и унесли три мешка с зерном, но погонщики, спавшие при оружии, не допустили дальнейшего грабежа, в то время как вооруженные члены отряда отогнали тех, кто пытался увести лошадей. Наибольшей потерей было исчезновение

одного из наших мужчин.

Я подумала вначале, что он, вероятно, ранен или даже убит в свалке, но самые придирчивые поиски не принесли результата.

— Его похитили, — мрачно заявил Дугал. — Черт побери, выкуп за него придется внести не меньше чем в сумме месячного дохода.

— Могло быть хуже, Дугал, — сказал Джейми, вытирая лицо рукавом. — Подумай, что сказал бы Колам, если бы они уволокли тебя.

— А если бы они уволокли тебя, я отдал бы тебя им, и пришлось бы тебе менять фамилию на Грант, — отпарировал Дугал, но настроение у всей компании от этого только улучшилось.

Я взяла свою коробку с медикаментами и занялась пострадавшими, рассортировав их по степени серьезности ранений. С радостью убедилась, что ничего особо скверного нет. По-видимому, самой тяжелой была рана Дугала.

У Неда Гоуэна горели глаза, и весь он так и сиял оживлением, слишком увлеченный возбуждением схватки, чтобы сразу заметить собственную потерю: зуб, сломанный от неудачно направленного удара рукояткой кинжала. У него, однако, хватило сообразительности сунуть отломок себе под язык.

— Просто на всякий случай, — объяснил он мне и выплюнул отломок на ладонь. Корень не был сломан, и лунка еще кровоточила, так что я воткнула отломок на место и прижала покрепче. Маленький юрист сильно побледнел, но не издал ни звука. С благодарностью сполоснул рот виски — для дезинфекции, но тут же это виски проглотил — возможно, из привычки к бережливости.

На рану Дугала я как можно скорее наложила давящую повязку и была рада тому, что, когда потом повязку сняла, кровотечение не возобновилось. Разрез был чистый, но глубокий. Тонкая линия желтого жира виднелась по краям зияющей раны, которая уходила в мышцу по крайней мере на дюйм. Крупные сосуды, слава Богу, не были затронуты, но рану пришлось зашивать.

В качестве иглы можно было использовать только нечто вроде тонкого шила, при помощи этой так называемой иглы погонщики чинили порванную сбрую, но Дугал вытянул руку и отвернулся.

— Я не боюсь крови, — объяснил он, — но у меня нет желания видеть собственную.

Он уселся на камень и крепко стиснул зубы — видно было, как у него подрагивают челюстные мышцы. Ночь была прохладная, но на лбу у Дугала крупными каплями выступил пот. Один раз он попросил меня на

минутку перестать и отвернулся в сторону, бледный, в полуобморочном состоянии, но справился с собой и снова протянул мне руку.

К счастью, один из владельцев таверны предпочел заплатить налог за эту четверть года в виде бочонка виски, и теперь оно чрезвычайно пригодилось. Я пользовалась им, промывая открытые раны, а затем предоставляя пациентам возможность лечиться самим, если они того пожелают. После завершения своих обязанностей врача я и сама пропустила глоток-другой. Выпила я с удовольствием и с не меньшим удовольствием улеглась на свое одеяло. Луна клонилась к закату, и я дрожала наполовину от холода, наполовину от нервного потрясения. Было так хорошо оттого, что Джейми лежит рядом и крепко прижимает меня к своему большому теплему телу.

— Они не вернутся, как ты считаешь? — спросила я, и Джейми в ответ покачал головой.

— Нет. Это был Малкольм Грант и два его сына, старшего я ранил в ногу. Сейчас они уже должны быть дома в своих постелях, — сказал он, потом погладил меня по голове и добавил: — Ты сегодня много поработала, милая. Я тобой гордился.

Я повернулась и обняла его за шею.

— Но не настолько, насколько я гордилась тобой. Ты держался великолепно, Джейми. Я никогда не видела ничего подобного.

В ответ он фыркнул пренебрежительно, но, думаю, был доволен похвалой.

— Это всего лишь набег, Саксоночка. Я к ним привык с четырнадцати лет. Это так, забава. Совсем другое дело, если сражаешься с тем, кто по-настоящему хочет тебя убить.

— Забава, — повторила я ослабевшим голосом. — Вот уж действительно.

Он обнял меня сильнее, одна рука скользнула вниз, к подолу моей рубашки. Стало ясно, что горячка недавнего сражения обратилась теперь в иной вид возбуждения.

— Джейми! Только не здесь! — Я отодвинулась и одернула подол.

— Ты устала, Саксоночка? — озабоченно спросил он. — Не беспокойся. На этот раз недолго.

Он работал уже обеими руками, задирая мне подол.

— Нет! — решительно заявила я, помня о двадцати мужчинах, лежащих в нескольких футах от нас. — Я не устала, но рядом с нами спят двадцать человек!

— Недолго они проспят, если ты будешь продолжать разговор. — Он

навалился на меня, коленом раздвинул мне ноги, и я почувствовала, что поддаюсь — даже не ему, а себе. Двадцать семь лет хорошего воспитания уступили позиции тысячелетнему инстинкту. Разум восставал против того, чтобы мною овладели на голом камне, поблизости от спящих солдат, а тело с этим мирилось и, более того, отвечало на призыв. Джейми поцеловал меня долгим и глубоким поцелуем и шепотом повторил, что это «не будет долго». Он сказал правду — все кончилось быстро, и он лежал теперь рядом, положив руку мне на грудь, руку нежную и тяжелую. Повернув голову, я увидела смутную фигуру часового, привалившегося к камню по ту сторону костра. Часовой тактично отвернулся и сидел спиной к нам. Я была настолько ошарашена этим, что даже не смутилась. Вяло подумала, не буду ли чувствовать себя неловко завтра утром, — и провалилась в сон.

Наутро все вели себя как обычно, разве что двигались немного скованно после вчерашней стычки и сна на голых камнях. Настроение у всех было бодрое — даже у тех, кого ранили. И оно улучшилось еще больше после того, как Дугал объявил, что поездке нашей конец возле вон той рощи, которая виднеется даже отсюда, с края нашего каменного уступа. Там мы можем напоить лошадей, дать им поpastись и отдохнем немного сами. Я подумала, не помешает ли такое изменение планов свиданию Джейми с таинственным Хорроксом, но Джейми, услышав объявление, не проявил никакого беспокойства.

День был облачный, но не дождливый, и воздух теплый. Когда был разбит новый лагерь, лошади обихожены, а я осмотрела раненых, каждого предоставили самому себе: хочешь — спи на травке, или охотись, или полови рыбу... а можешь и просто поваляться, вытянув ноги, уставшие от седла.

Я сидела под деревом и разговаривала с Джейми и Недом Гоуэном, когда к нам подошел один из солдат и бросил что-то Джейми на колени. Оказалось, что это кинжал, в рукоятку которого вставлен лунный камень.

— Это твой? — спросил солдат. — Я его нашел нынче утром среди камней.

— Я, должно быть, выронила его во время всей этой суматохи, — сказала я. — Все равно я понятия не имела, как с ним обращаться. Чуть не поранила себя, когда попробовала им воспользоваться.

Нед строго поглядел на Джейми сквозь очки.

— Ты отдал ей нож и не научил, как им пользоваться?

— Времени не было в тех обстоятельствах, — возразил Джейми в свою защиту. — Однако Нед прав, Саксоночка, ты должна научиться обращению с оружием. Мало ли что может произойти в дороге, как мы

убедились вчера вечером.

Меня немедленно препроводили на полянку, и урок начался. Заметив движение, некоторые из Макензи пришли посмотреть, в чем дело, и остались, чтобы давать советы. В самое короткое время я была окружена полудюжиной инструкторов, которые горячо спорили о сложных вопросах техники. После долгой дружеской дискуссии все сошлись на том, что самый большой мастер кинжала — Руперт, и он стал моим преподавателем.

Он нашел относительно ровную площадку, без камней и сосновых шишек под ногами, где удобно было показывать приемы обращения с кинжалом.

— Глядите, барышня, — сказал он и уравновесил кинжал на среднем пальце таким образом, что до конца-рукоятки оставалось примерно около дюйма. — Вы должны его держать в точке равновесия, тогда он придется удобно вам по руке.

Я попыталась сделать то же самое со своим кинжалом. Когда у меня это хорошо вышло, Руперт объяснил мне разницу между ударом сверху и более хитрым ударом снизу.

— В общем, вам следует бить снизу, верхний удар хорош, если вы нападаете на кого-то сверху, с силой. — Он окинул меня изучающим взглядом и покачал головой: — Для женщины у вас рост высокий, но, даже если вы дотянетесь до шеи, вам не хватит силы вонзить кинжал глубоко, разве что тот, в кого вы метите, будет в это время сидеть. Лучше бить снизу вверх.

Он поднял подол рубахи, обнажив волосатое брюхо, уже вспотевшее.

— Вот сюда, — показал он на углубление под грудиной. — Самое подходящее место, ежели вы находитесь лицом к лицу. Нанесите удар снизу вверх и вовнутрь со всей вашей силой. Тогда попадете прямо в сердце, и через минуту или две вашему врагу каюк. Главное не наткнуться на грудную кость, она ведь опущена ниже, чем кажется на вид, и если ваш Кинжал в нее воткнется, хотя бы в самый кончик, он не слишком побеспокоит вашу жертву, а вы останетесь без оружия во власти врага. Мурта! У тебя спина тощая, иди сюда, мы покажем барышне, как наносить удар в спину.

Повернув упирающегося Мурту, он стянул с него рубаху и обнажил узловатую спину с выпирающими ребрами. Ткнул толстым указательным пальцем под нижнее ребро справа, так что Мурта вскрикнул от неожиданности.

— Вот оно, нужное место — с обеих сторон. Видите, тут ребра, и попасть в опасное для жизни место трудно, когда бьешь в спину. Если вы

сумеете протолкнуть нож между ребрами, тогда другое дело, но такому научиться куда труднее, чем вы думаете. Но здесь, под ребрами, вы наносите удар прямо в почку. Бейте сильнее, и он у вас повалится, как камень.

После этого Руперт заставил меня наносить удары по-разному и из разных положений. Когда он выдохся, все прочие мужчины по очереди разыгрывали роль жертвы, но было совершенно ясно, что мои усилия их смешат. Тем не менее они покорно падали на траву, поворачивались ко мне спиной, чтобы я могла напасть на них «из засады», или, наоборот, подступали ко мне сзади, или же делали вид, что собираются задушить меня, в то время как я наносила удар в живот.

Зрители всячески подбадривали меня криками, а Руперт все твердил, чтобы я не отступала назад в решающий момент.

— Делайте выпад как следует, барышня, — говорил он. — Когда дело дойдет до настоящей схватки, отступить и пятиться нельзя. Если кто-нибудь из этих увальней не сумеет вовремя увернуться, он получит по заслугам.

Вначале я действовала робко и неуклюже, но Руперт оказался хорошим учителем, он терпеливо показывал нужные движения еще и еще раз. Он выкатывал глаза с притворной похотливостью, подбираясь ко мне сзади и обхватывая за талию, но это совершалось чисто по-деловому — чтобы показать мне, как в этот момент полоснуть насильника по глазам.

Дугал сидел под деревом, оберегая раненую руку и время от времени иронически комментируя наши занятия. Однако это он предложил сделать чучело.

— Дайте же ей что-нибудь, во что она может воткнуть свой кинжал, — посоветовал он, когда у меня начало получаться нечто похожее на выпады и удары. — Попервоначально это здорово действует.

— Верно! — согласился Джейми. — Отдохни немного, Саксоночка, пока я кое-что сооружу.

Он удалился к телегам вместе с двумя охранниками, и я видела, что они постояли там немного, сблизив головы и оживленно жестикулируя, а потом начали доставать что-то из телег. Еле переводя дух, я почти упала под дерево рядом с Дугалом. Он кивнул и улыбнулся. Как и большинство наших мужчин, он в дороге не брился, густая каштановая борода обрамляла рот, подчеркивая полную нижнюю губу.

— Ну что, каково оно? — спросил он, отнюдь не имея в виду искусство владения малым оружием.

— Неплохо, — осторожно ответила я, точно так же не имея в виду обращение с кинжалом.

Взгляд Дугала обратился на Джейми, все еще занятого чем-то у телег.

— Брак, мне кажется, пошел парню на пользу, — заметил он.

— Полезно для здоровья — при данных обстоятельствах, — холодно согласилась я.

Дугал усмехнулся — он заметил мой тон.

— И для вас, барышня, это недурно. Одним словом, доброе соглашение для всех, так мне кажется.

— Особенно для вас и для вашего брата. Кстати, о нем: что, по-вашему, скажет Колам, когда узнает об этом?

Улыбка сделалась шире.

— Колам? Я склонен думать, что он будет рад приветствовать такую племянницу в лоне семьи.

Чучело было готово, и я вернулась на тренировку. Чучело представляло собой большой мешок, набитый шерстью, примерно в форме человеческого туловища. Мешок был обвязан куском дубленой воловьей кожи, закрепленной веревками. На нем я должна была упражняться в нанесении ударов; вначале его привязали к дереву на высоте человеческого роста, потом бросали или накатывали на меня.

Джейми не сообщил мне лишь об одном: что они засунули между мешком и кожей несколько кусков дерева — для того, чтобы они выполняли роль костей, как он пояснил мне позже.

Первые несколько ударов оказались безрезультатными, хоть я и пыталась проткнуть воловью кожу. Но она была куда толще, чем мне представлялось. Мне сообщили, что у человека на животе примерно такая кожа. В следующий раз я попробовала нанести прямой удар сверху и угодила в одну из деревяшек.

В первое мгновение я подумала, что рука моя отвалилась. Сила удара отдала мне в плечо, и кинжал вывалился из онемевших пальцев. Окоченела и вся рука ниже локтя, но неприятное покалывание подсказало мне, что это ненадолго.

— Иисус твою Рузвельт Христос! — произнесла я, ухватив себя за локоть и вникая всеобщему веселью.

Джейми взял меня за плечо и помассировал руку, вернув ей чувствительность: он надавливал при этом сухожилие с тыльной стороны локтя, а большим пальцем — ямку у основания запястья.

— Все в порядке, — выговорила я сквозь зубы, потихоньку растирая правую руку, по которой еще бегали мурашки. — Что же остается делать, если ты наткнулся на кость и уронил нож? Имеется ли подходящее указание на этот счет?

— Имеется, — ответил, ухмыляясь, Руперт. — Выхвати пистолет левой рукой и пристрели ублюдка.

Его слова вызвали новый приступ громового хохота, который я проигнорировала.

— Отлично, — сказала я более или менее спокойно. — В таком случае ты покажешь мне, как заряжать эту штуковину и стрелять из нее? — Я показала на пистолет с изогнутой, словно коготь, рукояткой, который висел у Джейми на левом бедре.

— Нет, не покажу, — очень твердо ответил он.

— Почему нет? — ошетибилась я.

— Потому что ты женщина, Саксоночка.

Я почувствовала, как лицо мое заливают краской.

— Вот как? — выговорила я саркастически. — Ты полагаешь, что женщины недостаточно умны, чтобы понять, как обращаться с огнестрельным оружием?

Он спокойно посмотрел на меня; губы у него слегка двигались, пока он обдумывал ответ.

— Могу дать попробовать, — сказал он наконец. — Сработает как надо.

Руперт сердито прищелкнул языком, глядя на нас.

— Джейми, не будь безрассудным, — сказал он. — А вы, барышня, поймите, дело не в том, что женщины глупые, хотя некоторым из них и в самом деле не хватает ума. Дело в том, что они маленькие.

— Да? — Я уставилась на него с глупым видом. Джейми фыркнул и снял с пояса пистолет. При ближайшем рассмотрении он оказался очень большим: полных восемнадцать дюймов серебристого металла от рукоятки до дула.

— Посмотри, — сказал он, держа пистолет передо мной. — Ты его берешь, пристраиваешь на предплечье и прицеливаешься. Потом спускаешь курок, и пистолет лягает тебя, словно мул копытом. Я почти на целый фут выше тебя, на четыре стона тяжелее, и я знаю, что делаю. Когда я стреляю из него, он набивает мне здоровый синяк. Тебя он может швырнуть плашмя на спину, если не разворотит все лицо.

Он повернул пистолет и сунул его обратно в петлю, на пояс.

— Я бы дал тебе самой попробовать, — продолжал Джейми, — но я предпочитаю, чтобы у тебя все зубы остались целы. У тебя приятная улыбка, Саксоночка, хоть ты иногда и кусаешься.

Получив такой урок, я без возражений приняла суждение мужчин насчет того, что даже самая маленькая сабля была бы для меня тяжела и я

бы с ней не управилась. Наиболее подходящим признали маленький шотландский кинжал и снабдили меня им — зловещим на вид, острейшим куском черного металла длиной в три дюйма, с короткой рукояткой. Я попрактиковалась некоторое время под критическими взглядами мужчин выхватывать его из тайного укрытия: надо было одним ловким движением достать нож из складок платья, принять соответствующую позу, держа нож лезвием вверх, и быть готовой перерезать глотку врагу.

В конце концов я выдержала испытание как новичок кинжального боя, и мне позволили усестись за обед, во время которого меня поздравили все, за исключением Мурты. Он только головой покачал и заметил:

— Я бы сказал, что самое хорошее оружие для женщины — это яд.

— Возможно, — ответил ему Дугал, — но оно имеет свои недостатки, если вступаешь в схватку лицом к лицу.

Глава 19

ВОДЯНОЙ КОНЬ

Следующим вечером мы расположились на берегу озера Лох-Несс. Странное чувство овладело мной, когда я вновь увидела это место: оно почти не изменилось. То есть я хочу сказать, что таким оно оставалось и двести лет спустя. Лиственницы и ольховник казались сейчас зеленее, но ведь стояла середина лета, а не ранняя весна. Бледно-розовые и белые краски майских первоцветов сменила золотистая желтизна утесника и ракитника. Небо над нами было более голубым, но поверхность озера оставалась все та же — ровная темно-синяя вода, отражающая берега и прячущая отражения словно бы под дымчатым стеклом.

Даже рыбацкие лодки, как и тогда, виднелись вдали на воде. Только когда одна из них подплыла ближе, я увидела, что это не обычная и привычная для меня деревянная лодка, а суденышко с каркасом из ивовых прутьев, обтянутым выдубленной кожей.

Воздух был напоен тем же резким запахом, какой обычно стоит над водой: острая смесь запахов свежей зелени и гниющих листьев, чистой воды, мертвой рыбы и нагретого ила. И над всем главенствовало все то же ощущение скрытой необычности этого места. Наши мужчины, как, впрочем, и наши лошади, казалось, чувствовали это, и атмосфера в лагере была какая-то стесненная.

Отыскав местечко поудобнее для нашей с Джейми постели, я спустилась к самой воде, чтобы умыться перед ужином.

Берег круто спускался вниз, к беспорядочному нагромождению каменных плит, образующих нечто похожее на пристань. Так тихо было здесь под берегом, вдали от лагеря с его шумом, что я уселась под деревом, чтобы порадоваться хотя бы недолгому уединению. Со дня моего скоропалительного замужества за мной перестали следить ежеминутно, однако сейчас покой был полным.

Я лениво обрывала кисточки крылатых семян с нависшей надо мною ветки и бросала их в воду, но вдруг заметила, что еле заметная рябь на воде сделалась крупнее, словно бы налетел внезапный порыв ветра.

Большая плоская голова появилась над поверхностью воды не далее чем в десяти футах. Я увидела, как вода сбегает с чешуи, покрывающей изогнутую шею. Вода волновалась и бурлила на довольно значительной площади, и под нею я заметила движение темного массивного тела, хотя

голова почти не шевелилась.

Я тоже не шевелилась. Как ни странно, мне не было страшно. Я чувствовала некую родственную связь с этим созданием, которое удалилось от своего времени на еще большее расстояние, нежели я от своего. Плоские глаза, старые, как древние моря эоцена, глаза, помутневшие в мрачных глубинах последнего прибежища. Блестящая кожа была ровной, темно-голубой, с живыми отблесками зеленого цвета и сверкающими радужными переливами на шее под нижней челюстью. Цвет странных, лишенных зрачков глаз напоминал темный янтарь.

Какая разница между этим существом и сравнительно маленьким, цвета ила, муляжом, который, помнится, я видела в большой диораме Британского музея. Но форма тела была, безусловно, та же. Краски живых созданий меркнут с последним дыханием, мягкая, упругая кожа и гибкие мышцы разлагаются в течение каких-нибудь недель. Но кости порой сохраняются как достоверная основа формы и доносят до нас свидетельства былого великолепия.

Закрытые клапанами ноздри внезапно раскрылись, послышалось ошеломительное свистящее дыхание. Мгновенное движение — и существо нырнуло, оставив после себя только взбудораженную, вспененную поверхность воды.

При его появлении я встала на ноги. И, должно быть, бессознательно подошла к кромке воды, чтобы получше разглядеть это диво, потому что я обнаружила себя стоящей на каменной плите, одним концом погруженной в воду; я стояла и смотрела, как постепенно опадающие волны сливаются с гладью озера.

Я недолго простояла так, глядя на бескрайние воды. Потом сказала: «Прощай!», обратившись к пустынной глади, стряхнула с себя чары и вернулась на берег.

Над самым спуском стоял мужчина. Вначале я испугалась, но тотчас узнала в нем одного из наших погонщиков. Вспомнила, что зовут его Питером; ведро, которое он держал в руке, объясняло его присутствие. Я хотела спросить его, видел ли он чудовище, но выражение его лица было более чем утвердительным ответом. Весь белый, чуть ли не белее маргариток, что росли у него под ногами, капли пота стекают одна за другой и прячутся в бороде. И выкаченные глаза белые, как у испуганной лошади, руки так дрожат, что ведро бьет его по ноге.

— Все в порядке, — сказала я, подходя к нему. — Оно ушло.

Вместо того чтобы его успокоить, эти слова вызвали еще большую тревогу. Он выронил ведро, упал передо мной на колени и прекрестился.

— Смилуйтесь, леди, — заикаясь, еле выговорил он и, к моему величайшему — смущению, повалился ничком к моим ногам и припал лицом к подолу моего платья.

— Это просто смешно, — сердито произнесла я. — Встаньте сейчас же!

Я легонько подтолкнула его носком своей туфли, но он весь трясся, распластавшись по земле, словно раскисшая плесень.

— Да встаньте же! — повторила я. — Глупый вы человек, ведь это всего-навсего... — Тут я запнулась, обдумывая, что ему сказать. Приводить латинское название животного явно не имело смысла.

— Это всего лишь небольшое чудовище, — решила я наконец.

Взяла его за руку и помогла встать на ноги. Мне пришлось также спуститься к берегу и наполнить водой ведро, потому что он ни за что бы не решился — и не без определенного резона — сделать это. Он шел следом за мной к лагерю, соблюдая почтительную дистанцию, и поспешил удрать к своим мулам, то и дело оглядываясь по пути на меня через плечо.

Казалось, он не собирался упоминать кому-нибудь еще о таинственном существе, и я подумала, что могу не волноваться по этому поводу. Промолчу. Если Дугал, Джейми и Нед были образованными людьми, то все остальные — просто неграмотные горцы, обитающие среди утесов и ущелий на землях клана Макензи. Они смелые бойцы, бесстрашные воители, но они столь же суеверны, как любой их примитивный собрат из Африки или со Среднего Востока.

Итак, я спокойно поужинала и отправилась спать, постоянно ощущая на себе подозрительный и настороженный взгляд погонщика Питера.

Глава 20

ПУСТЫННЫЕ ПРОСТОРЫ

Через два дня после набега мы снова повернули на север. Теперь мы приближались к месту встречи с Хорроксом, и Джейми время от времени погружался в глубокие размышления — возможно, о том, какое значение для него могут иметь сведения английского дезертира.

Я больше не видела Хью Мунро, но прошлой ночью, пробудившись, не обнаружила Джейми возле себя на одеяле. Я хотела было не засыпать и дожждаться его возвращения, но не выдержала и уснула, когда луна пошла на убыль. Наутро Джейми крепко спал рядышком со мной, а на одеяле лежало что-то завернутое в листок тонкой бумаги; сверток был скреплен хвостовым пером дятла, словно булавкой. Осторожно развернув сверток, я увидела большой кусок необработанного янтаря. Только одна сторона его была обточена и отполирована, и в этом окошечке виднелось изящное тельце маленькой темной стрекозы, застывшей в вечном полете.

Я разгладила бумагу. Послание было начертано на испачканном белом листке маленькими и удивительно красивыми буквами.

— Что тут написано? — спросила я у Джейми, разглядывая непонятные буквы и знаки. — Кажется, это по-гэльски.

Джейми приподнялся на локте и взглянул на бумагу.

— Нет, это не гэльский. Латынь. Мунро был школьным учителем, прежде чем попал в плен к туркам. Это отрывок из Катулла.

...da mi basia mille, diende centum,
dein mille altera, dein secunda centum...

У него слегка порозовели мочки ушей, пока он переводил мне:

Дай же тысячу сто мне поцелуев,
Снова тысячу дай и снова сотню... [\[32\]](#)

— Да, это повыше классом, чем ваши домашние лепешки, — заметила я.

— Что такое? — удивился Джейми.

— Ничего, не обращай внимания, — спохватилась я. — Мунро отыскал для тебя Хоррокса?

— Да. Это улажено. Я встречу с ним в одном известном мне местечке в горах, милях в двух от Лаг Круйма. Через четыре дня, если все будет идти без происшествий.

Упоминание о возможных происшествиях беспокоило меня.

— Ты думаешь, это вполне безопасно? Я имею в виду, можно ли доверять Хорроксу?

Он уселся, протирая все еще сонные глаза и помаргивая.

— Английскому-то дезертиру? Бог мой, конечно же нет! Я думаю, что ему продать меня Рэндоллу — раз плюнуть, да только он не может сам явиться к англичанам. Дезертиров они вешают. Нет, я ему нисколько не доверяю. Потому и поехал вместе с отрядом Дугала вместо того, чтобы разыскивать Хоррокса одному. Если он замышляет что-нибудь, то я по крайней мере буду не один.

— Ах вот как!

Я была не слишком уверена, что присутствие Дугала — столь уж надежная опора, если иметь в виду отношения между Джейми и двумя его дядьями, погрязшими в интригах.

— Ну хорошо, если ты так думаешь, проговорила я тоном, в котором явно прозвучало сомнение. — Надеюсь, Дугалу не представится возможность подстрелить тебя.

— Он это уже сделал однажды, — беспечно заявил Джейми, застегивая рубашку. — Ты сама меня перевязывала.

Я выронила гребень, которым расчесывала волосы.

— Дугал! Я считала, что тебя ранили англичане.

— Англичане стреляли в меня, — уточнил он. — И я не уверен, что именно Дугал ранил меня. Возможно, это был Руперт, он самый лучший стрелок среди людей Дугала. Нет, когда мы удирали от англичан, я сообразил, что мы поблизости от границы владений Фрэзеров, и решил использовать шанс. Пришпорил коня и свернул влево, в сторону от Дугала и остальных. Пули летели градом, но та которая попала в меня, прилетела сзади. А позади меня тогда находились Дугал, Мурта и Руперт. Все англичане были впереди — когда я свалился с коня и покатился вниз по холму и чуть не угодил им под ноги.

Он наклонился над ведром с водой, которую я принесла, и, черпая пригоршнями, ополоснул лицо. Встряхнул головой, чтобы окончательно прояснить глаза, и посмотрел на меня с улыбкой; мелкие капельки блестели у него на бровях и на густых ресницах.

— Когда так вышло, Дугал вступил в жестокую схватку — только бы отбить меня. Я валялся на земле, а он стоял надо мной, одной рукой ухватив меня за пояс, в другой руке держа саблю, и рубился с драгуном, который считал меня своей добычей. Дугал его убил, а меня взвалил на своего коня. — Джейми помотал головой. — Передо мной все было как в тумане, помню только, что думал, как это тяжело — подниматься на лошади вверх по крутому холму с грузом в четыреста фунтов у нее на спине.

Я снова села, несколько ошеломленная.

— Но... если бы Дугал захотел, он мог бы убить тебя тогда.

Джейми покачал головой, принимаясь за опасную бритву, которую одолжил у Дугала. Он немного подвинул ведро, чтобы поверхность воды давала отражение, и, изобразив на лице ту мучительную гримасу, которая появляется у всех бреющихся мужчин, принялся скоблить свою щетину.

— Нет, только не перед всеми людьми. Кроме того, Дугал и Колам не желают моей смерти, особенно Дугал.

— Но... — Тут голова моя начала кружиться — как всегда, когда мне приходилось сталкиваться со сложностями шотландских семейных отношений.

Слова Джейми звучали теперь глуховато; выпятив подбородок, он вертел головой, стараясь сбрить волосы под нижней челюстью.

— Это все Лаллиброх, — пояснил он, ощупывая свободной рукой, не осталось ли несбритых волосков. — Мало того, что это здоровый кусок земли, расположен он у начала горного прохода. Единственный удобный проход в горы на десять миль в обе стороны. Если бы дело дошло до одного восстания^[33], цены бы этому участку не было: контроль над всей округой. Умри я до женитьбы, владение, скорее всего, отошло бы к Фрэзерам. — Он усмехнулся, вытирая шею. — Нет, я представляю собой хорошенькую проблему для братьев Макензи. С одной стороны, я могу стать препятствием для юного Хэмиша в его претензиях на главенство в клане — и братья желают мне смерти. С другой стороны, если, предположим, я Хэмишу не помеха, они хотели бы, чтобы и я и моя собственность были на их стороне в случае войны, а не на стороне Фрэзеров. Вот почему они хотят помочь мне в деле с Хорроксом. Ведь, пока я вне закона, я не могу хозяйничать в Лаллиброхе, хоть он и принадлежит мне.

Я свертывала одеяла и покачивала головой, поражаясь сложности — и опасности — обстоятельств, сквозь которые Джейми проходил с такой беспечностью. И вдруг меня осенило, что теперь не он один втянут во все это. Я подняла голову.

— Ты сказал, что, если бы ты умер до, женитьбы, владение отошло бы к Фрэзерам, — сказала я. — Но ты женат. Так кто же...

— Вот-вот, — подхватил Джейми, усмехнувшись одним уголком губ. Утреннее солнце пылало золотом и медью на его волосах. — Если меня убьют сейчас, Саксоночка, то Лаллиброх твой.

Утро было прекрасное, мгла рассеялась. В зарослях вереска хлопотали птицы; дорога здесь, в отличие от многих других мест, была широкая, копыта лошадей мягко ступали по пыли.

На вершину невысокого холма мы с Джейми подымались рядом. Он кивнул направо:

— Ты видишь вон ту небольшую рощицу внизу?

— Да.

Это был маленький кусочек смешанного леса чуть в стороне от дороги — сосны, дубы, осинки.

— Там есть родничок под деревьями, он разливается озерцом. Мягкая травка. Чудесное местечко.

Я посмотрела на него насмешливо.

— Не слишком ли рано для ленча?

— Я совсем не это имел в виду.

Джейми, как я случайно заметила несколько дней назад, не умел подмигивать одним глазом. Вместо этого он хлопал глазами, словно большая рыжая сова.

— А что именно ты имел в виду?

Мой испытующий взгляд столкнулся с невинным, почти детским взором голубых глаз.

— Я просто подумал, как бы ты выглядела... там на траве, у воды... в платье, поднятом до ушей...

— О... — только и произнесла я.

— Я скажу Дугалу, что мы спустимся набрать воды. Он пришпорил лошадь, проехал вперед и скоро вернулся, прихватив бутылки для воды с других лошадей. Я слышала, как Руперт что-то кричал нам по-гэльски, когда мы уже спускались с холма, но слов не разобрала.

Я первая добралась до рощицы. Соскользнув с седла, я растянулась на траве, зажмурив глаза от яркого солнца. Минутой позже Джейми остановился поблизости и спрыгнул на землю. Он шлепнул коня по крупу и отправил его пастись на травке вместе с моим, со свободно отпущенными поводьями. Потом опустился на колени рядом со мной. Я притянула его к себе.

То был теплый день, благоухающий травой и цветами. Джейми и сам

пахнул словно только что сорванный стебель травы — остро и сладко.

— Нам надо поспешить, — сказала я. — Они будут удивлены, что мы так долго набираем воду.

— Не будут, — ответил он, с привычной легкостью распутывая мои завязки. — Они знают.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве ты не слышала, что кричал нам вслед Руперт?

— Слышала, но не поняла.

По-гэльски я уже понимала большинство обыденных слов, но не быструю разговорную речь.

— Ну и хорошо. Это не для твоих ушей. Высвободив мои груди, он зарылся в них лицом, целуя и нежно покусывая — до тех пор, пока я уже не могла терпеть больше и, подняв юбки, прильнула к нему. Я чувствовала себя весьма неловко после нашего яростного и примитивного соития на камнях и больше не позволяла Джейми заниматься любовью в лагере, а леса кругом были чересчур густые, чтобы можно было уйти далеко от лагеря. Оба мы испытывали некое мягкое и приятное напряжение от воздержания, и теперь, в безопасном отдалении от любопытных глаз и ушей, отдавались друг другу с пылом, от которого мои губы и пальцы покалывало притоком крови.

Мы оба уже были близки к концу, когда Джейми вдруг замер. Открыв глаза, я увидела его темное на фоне солнца лицо, а на лице — совершенно неопишное выражение. К его голове было прижато что-то черное. Едва мои глаза привыкли к свету, я поняла, что это дуло мушкета.

— Вставай, ты, похотливый ублюдок!

Дуло мушкета резко дернулось и уперлось Джейми в висок. Очень медленно он встал на ноги. Капля крови сбежала из ранки на виске, очень темная на белом лице.

Их было двое. Английские дезертиры — судя по тому, в какие лохмотья превратились их мундиры. Оба были вооружены мушкетами и пистолетами и выглядели весьма довольными тем, какая добыча угодила им в лапы. Джейми стоял с поднятыми руками, дуло мушкета упиралось ему в грудь; лицо без всякого выражения.

— Ты бы дал ему кончить, Арри, — сказал второй с типичным акцентом лондонского кокни. Он улыбнулся, продемонстрировав полный набор гнилых зубов. — Прерываться на середине вредно для здоровья.

Первый ткнул Джейми в грудь дулом мушкета.

— Мне нет дела до его здоровья. И ему скоро тоже не будет дела до него. И я не прочь отведать кусочек вот этого. — Он мотнул подбородком в

мою сторону. — Мне плевать, что я буду вторым, пускай даже после этого шотландского ублюдка.

Гнилозубый расхохотался.

— Так прикончи его и займись ею!

Гарри, малорослый, плотный, косоглазый человечешка, раздумывал о чем-то, глядя на меня похотливо. Я все еще сидела на земле, подобрав колени и обмотав юбкой ноги. Попробовала стянуть лиф, но не слишком в этом преуспела. Гарри в конце концов ухмыльнулся и кивнул своему компаньону:

— Нет, пускай он посмотрит. Подойди сюда, Арнольд, и наставь на него твой мушкет.

Арнольд повиновался, все так же скаля зубы. Гарри положил свой мушкет на землю и снял пояс, на котором висел пистолет.

Одергивая юбки, я наткнулась на что-то твердое в правом кармане. Маленький кинжал, который дал мне Джейми. Сумею ли я им воспользоваться? Да, решила я, глядя на прыщавую похотливую рожу Гарри, да, я сумею. Смогу.

Но я должна была ждать до самой последней возможной секунды — и сомневалась, что Джейми сохранит до того власть над собой. На лице у него написано было одно: убить, и в ближайший момент обстоятельства сложатся так, что его ничем не удержать.

Я не смела со всей определенностью выразить на лице то, что хотела, но сощурила глаза и посмотрела на него так твердо, как только могла, как бы приказывая ему не двигаться. На шее у Джейми напряглись жилы, а лицо потемнело от прилива крови, но я заметила, что он ответил на мой взгляд крохотнейшим кивком — он понял!

Гарри опрокинул меня на землю и старался задрать мне юбку, а я сопротивлялась, но главной моей целью было схватить за рукоятку кинжал. Он изо всех сил ударил меня по лицу и приказал лежать тихо; щека у меня горела огнем, из глаз полились слезы, но кинжал был в руке, под складками платья.

Тяжело дыша, я откинулась назад. Сосредоточилась только на одном, стараясь отбросить все остальное, ни о чем не думать, кроме единственной цели. Ударить придется в спину, до глотки не добраться из такого положения.

Грязные пальцы вцепились в мои бедра, пытаюсь их раздвинуть. Я представила себе толстый палец Руперта, ткнувшийся в спину Мурты под ребрами, я слышала его голос: «Вот сюда, сверху вниз, под последнее ребро и поближе к позвоночнику. Бейте сильнее, прямо в почку, и он

свалится, как камень».

Нужный момент был совсем близок. Вонючее дыхание Гарри обжигало мне лицо, он шарил у меня между ногами, добираясь до цели.

— Ты, козел, гляди хорошенько, как это делается, — задыхаясь, выпалил он. — Я заставлю твою сучку визжать, как...

Я обхватила левой рукой его за шею и притянула к себе, а правую с кинжалом подняла повыше и ударила изо всех сил. Отдача от удара едва не заставила меня выронить кинжал. Гарри взвыл и попытался отскочить прочь. Я ударила вслепую, чересчур высоко, и лезвие кинжала соскользнуло по ребру.

Но я не могла отпустить его — ни за что! К счастью, ноги у меня, были свободны от юбок. Я обхватила ими потные ляжки Гарри, удержав его на несколько секунд, необходимых для второй попытки. Я ударила снова, с отчаянной силой, — и на этот раз попала.

Руперт был прав. Гарри изогнулся, изображая собой некую чудовищную пародию на акт любви, потом без звука рухнул на меня своим обмякшим телом.

Кровь толчками, постепенно ослабевающими, выбивалась из раны в спине.

Внимание Арнольда было на секунду отвлечено тем, что происходило на земле, но этой секунды оказалось более чем достаточно для обезумевшего шотландца. К тому времени, как я собралась с мыслями настолько, чтобы выбраться из-под трупа Гарри, Арнольд уже последовал за своим приятелем на тот свет. Глотка его была перерезана от уха до уха маленьким кинжалом, который Джейми носил в чулке.

Джейми опустился возле меня на колени и помог выбраться из-под мертвого тела. Нас обоих сотрясала дрожь, мы молча прижались друг к другу и стояли так несколько минут. Потом все так же молча он поднял меня на руки и отнес подальше от двух мертвецов, на покрытую травой полянку за осинником.

Опустив на землю, он не то чтобы сел, а повалился на траву рядом со мной, словно у него подогнулись колени. Я чувствовала себя в какой-то холодной пустоте, словно зимний ветер прохватил меня до костей, — и потянулась к Джейми. Он поднял голову с колен, лицо казалось измученным, и взглянул на меня так, будто видел впервые в жизни. Когда я положила руки ему на плечи, он крепко прижал меня к груди с невнятным звуком, напоминающим то ли стон, то ли рыдание.

Потом мы отдались друг другу в неистовом, диком молчании, подчинившись побуждению, которое я не в силах была понять, но оба мы, я

уверена, знали одно: мы должны ему подчиниться — иначе навсегда потеряем друг друга. То был не акт любви, но необходимость, без этого, оставшись в одиночестве, мы не смогли бы подняться. Единственное спасение заключалось в слиянии, только оно могло прогнать из потока мыслей воспоминание о недавнем насилии и о смерти.

Потом мы лежали на траве, прижавшись друг к другу, растерзанные, в пятнах крови, дрожащие на солнце. Джейми пробормотал что-то, но так тихо, что я уловила лишь слово «прости».

— Это не твоя вина, — отозвалась я, погладив его по голове. — Теперь все прошло, мы оба в порядке.

Я была как в тумане, все вокруг утратило значение реальности, и я смутно ощущала признаки глубокого потрясения.

— Не в этом дело, — заговорил Джейми. — Не в этом. Я был виноват... так глупо и неосторожно кинуться сюда. И допустить, чтобы ты... Но я не об этом. Я прошу прощения за то, что сейчас овладел тобой вот так... Взять тебя сразу после того, что произошло... словно какое-нибудь животное... Клэр, прости... Я не знаю, как... Я ничего не мог поделать, но... Господи, ты такая холодная, mo duinne, у тебя ледяные руки. Позволь мне согреть их.

Тоже шок, по-прежнему как в тумане подумала я. Странно, что у некоторых людей это выражается в многословии. Большинство просто молча дрожат. Вроде меня. Я прижала его губы к своему плечу, чтобы успокоить.

— Все прошло, — повторяла я снова и снова. — Все уже прошло.

Внезапно на нас упала чья-то тень — мы оба так и подскочили. Дугал, сложив руки на груди, стоял и смотрел на нас сверху вниз. Он вежливо отвернулся, пока я справлялась со своими застёжками, стоял и сурово глядел на Джейми.

— Послушай, парень, — заговорил он наконец. — Прекрасно, что ты так увлечен своей женой, но ты заставил нас ждать больше часа, а теперь вы так занялись друг другом, что даже не слышали как я подошел. Такое поведение когда-нибудь доведёт тебя до беды, паренек. Что, если кто-нибудь подкрадется сзади и приставит пистолет к твоей голове...

Он прервал свою тираду и с недоумением уставился на то, как я в истерике покатила по траве. Джейми, красный, как свекла, повел Дугала на другую сторону осинника, что-то виновато объясняя по пути. Я продолжала рыдать и хохотать, не в силах овладеть собой, но все же заткнула рот платком, чтобы заглушить звуки. Внезапное высвобождение эмоций в сочетании со словами Дугала вызвало в воображении лицо

Джейми, каким оно сделалось, когда нас застукали, и почему-то сейчас оно казалось мне, в моем неуправляемом состоянии, невероятно смешным. Я хохотала и рыдала, пока у меня не заболели бока. Я наконец села и вытерла платком глаза. Джейми и Дугал стояли надо мной, и лица у обоих выражали неодобрение. Джейми помог мне встать и повел меня — я все еще всхлипывала время от времени — туда, где остальные ждали нас с лошадьми.

Если не считать находивших иногда на меня приступов беспричинного истерического смеха, я не страдала от каких-либо болезненных последствий встречи с дезертирами, разве что весьма неохотно удалялась от лагеря. Дугал уверял меня, что на горных дорогах бандитов обычно не бывает, потому что здесь редко встречаются путники, которых стоило бы грабить, но звуки леса внушали мне теперь тревогу, и я спешила уйти оттуда, где шелест листьев мешался с журчанием воды, к отряду Макензи с его обычными и привычными видом и звуками. Я даже находила некое успокоение в храпе мужчин, который раздавался вокруг меня по ночам, и перестала стыдиться наших с Джейми тайных утех под одеялами.

Я все еще боялась оставаться одна, когда несколькими днями позже настал срок встречи с Хорроксом.

— Остаться здесь? — переспросила я, не веря собственным ушам. — Нет! Я поеду с тобой.

— Ты не можешь, — терпеливо повторил Джейми. — Часть отряда поедет с Недом в Лаг Круйм собирать налог, как и намечалось. Дугал и еще несколько человек отправятся со мной на встречу на случай предательства со стороны Хоррокса. Тебе нельзя показываться в открытую возле Лаг Круйма, там могут крутиться люди Рэндолла, и я не сумею воспрепятствовать его попытке увезти тебя силой. Что касается встречи с Хорроксом, неизвестно, что там может произойти. Вон там за поворотом дороги есть рощица, густая, и травы там много, и вода есть поблизости. Там тебе будет удобно, а я скоро приеду за тобой.

— Нет, — упорствовала я. — Поеду с тобой.

Самолюбие не позволяло мне признаться, что я боюсь оставаться одна без него. Я решила сказать, что боюсь за него.

— Ты же сам говоришь: неизвестно, что произойдет во время встречи с Хорроксом, — продолжала я приводить аргументы. — Я не хочу ждать здесь, весь день только и думая, что там с тобой. Позволь мне поехать! Даю слово, что во время встречи я скроюсь с глаз. Но не хочу я оставаться здесь одна и волноваться целый день.

Он нетерпеливо вздохнул, но больше не спорил. Но когда мы доехали

до роши, он перегнулся с седла, взял мою лошадь под уздцы и вынудил меня съехать с дороги на траву. Спрыгнул с седла, замотал оба поводка за куст. Не обращая внимания на мои громогласные протесты, скрылся за деревьями. Я из упрямства отказалась сойти с седла. Решила, что он меня не заставит остаться здесь.

Наконец он спустился к дороге. Все остальные уже уехали вперед, но Джейми, памятуя наш печальный опыт на пустынной поляне, не хотел уезжать, пока не обыщет всю рощу самым тщательным образом; он методично шел от дерева к дереву, раздвигая палкой высокую траву. Вернувшись, он отвязал лошадей и вскочил в седло.

— Все спокойно, — сказал он. — Езжай в самую гущу, Клэр, спрячься там и укрой лошадь. Я приеду за тобой, как только кончим дело. Не знаю, как долго я буду отсутствовать, но в любом случае я приеду до захода солнца.

— Нет! Я еду с тобой.

Мне казалась невыносимой сама мысль о том, что я буду прятаться в лесу, ничего не зная о происходящем. Я предпочла бы активную опасность, но не ужасные для меня часы ожидания. Ждать, думать Бог знает что. К тому же быть одной.

Джейми сдержал свое нетерпение. Взял меня за плечо.

— Давала ли ты обет повиноваться мне? — спросил он, легонько меня потряхивая.

— Да, но... — Я хотела сказать, что меня вынудили дать такой обет, но Джейми уже повернул голову моей лошади в сторону чащи.

— Это очень опасно, и я не могу взять тебя с собой, Клэр. Я буду занят делом, а если дойдет до схватки, мне придется драться и одновременно защищать тебя.

Встретив мой мятежный взгляд, он потянулся к седельной сумке и начал шарить в ней.

— Что ты там ищешь?

— Веревку. Если ты не сделаешь, как я велю, я привяжу тебя к дереву до моего возвращения.

— Ты не посмеешь!

— Посмею!

Он явно готов был поступить, как обещал. Я отпрянула и невольно потянула лошадь за повод. Джейми нагнулся и поцеловал меня в щеку, готовый ехать.

— Будь осторожна, Саксоночка. Кинжал с тобой? Хорошо. Я приеду, как только смогу. Да, еще одно.

— Что именно? — сердито спросила я.

— Если ты покинешь эту рощу до того, как я приеду за тобой, я выпорю тебя своим ремнем по голому заду. Не очень-то приятно будет идти пешком до самого Баргрэннана. Запомни это, — сказал он и слегка ущипнул меня за щеку, — это не пустая угроза.

Что верно, то верно. Я медленно поехала к роще, то и дело оглядываясь, чтобы видеть, как он скачет прочь, низко пригнувшись в седле, — единое целое с конем, а концы пледа стелются за ним по ветру.

Под деревьями было прохладно. И я и мой конь вздохнули с облегчением, достигнув тени. Это был один из редких в Шотландии дней, когда солнце печет вовсю с выцветшего, словно миткаль, неба, а утренняя дымка улетает уже в восемь часов утра. Роща звенела от птичьих голосов. Стайка синиц добывала себе пропитание в дубняке слева от меня, и мне казалось, что совсем неподалеку распевает дрозд.

Я всегда была восторженной любительницей птиц. Раз уж мне суждено торчать здесь одной, словно на необитаемом острове, столько, сколько понадобится моему невыносимому, деспотичному, упрямому как осел супругу рисковать своей глупой головой, я использую время, чтобы увидеть и узнать побольше.

Я стреножила мерина и пустила его пастись на сочной траве, уверенная, что далеко он не уйдет. Трава кончалась всего в нескольких футах за деревьями — дальше ее забивал вереск.

Рощица состояла из хвойных и лиственных деревьев — главным образом молодых дубков; отличное местечко для наблюдения за птицами. Я бродила по роще, все еще злясь на Джейми, но мало-помалу успокаивалась, слушая, как кричит свое звонкое «ци-и» мухоловка и хрипло болтает дрозд.

Роща кончалась внезапно на краю невысокого обрыва. Я пробралась сквозь молодую дубовую поросль, и сразу же шум бегущей воды заглушил пение птиц. Я остановилась на выступе над небольшим потоком, водопадом сбегавшим по зазубренным камням в скалистый каньон с крутыми стенами; с шумным плеском струи вливались в коричневатые и серебристые водоемы внизу. Я уселась на краю обрыва, спустив ноги и подставив лицо приятным солнечным лучам.

Над головой пролетела ворона, преследуемая двумя горихвостками. Неуклюжее темное тело металось зигзагами из стороны в сторону, стараясь уйти от крохотных пикирующих бомбардировщиков. Я улыбалась, наблюдая, как маленькие разгневанные родители с криком гоняют ворону туда и сюда, и подумала, почему вороны, если они предоставлены сами себе, всегда летят по прямой. Вот и эта, попади она на прямой путь,

пролетела бы...

Я вдруг замерла.

Я так увлеклась спором с Джейми, что мне до этой вот самой минуты не приходило в голову, что я наконец попала в ситуацию, к которой так стремилась два месяца. Я была одна. И знала, где я нахожусь.

Я подняла глаза, и меня ослепили лучи утреннего солнца, пробивавшиеся сквозь листву ясеней на противоположной стороне каньона. Значит, там восток. Мое сердце забилося сильнее. Там восток, а Лаг Круйм, значит, позади меня. От Лаг Круйма до Форт-Уильяма четыре мили на север. А Форт-Уильям расположен не больше чем в трех милях прямо на запад от холма Крэг-на-Дун.

Впервые после встречи с Муртой я знала достаточно точно, где я — не более чем в семи милях от этого чертова холма и ненавистных каменных столбов. От дома. От Фрэнка.

Я повернула было назад в рощу, но тут же изменила свои намерения. Я не смела идти по дороге. Так близко к Форт-Уильяму и окружающим его деревьям... слишком велик риск наткнуться на кого-то. А взять с собой лошадь, если двигаться по обрывистой дороге вдоль ручья, нельзя было никак. Я сомневалась и в том, удастся ли там пройти пешком: в некоторых местах стены ущелья были совершенно отвесными, обрываясь прямо в воды стремительно несущегося пенистого потока. Пробираться в таких случаях пришлось бы только по камням, торчащим там и сям из быстро бегущей воды.

Но это была самая прямая дорога в нужном мне направлении. Я не решилась бы отправиться более кружным путем: я легко могла бы заблудиться в диких зарослях или попасться возвращающимся Дугалу и Джейми.

Я ощутила внезапный спазм в желудке, вспомнив о Джейми. Господи, как я могла? Бросить его без единого слова — объяснения или извинения? Исчезнуть без следа — после того, что он сделал для меня?

В конце концов я решила, что лошадь непременно надо оставить. Тогда он подумает, что я бросила его не по доброй воле: меня растерзали дикие звери — я потрогала кинжал у себя в кармане — или, быть может, похитили разбойники. Не найдя моих следов, он постепенно меня забудет и женится снова. Хотя бы на хорошенькой юной Лаогере, когда вернется в Леох.

Как ни нелепо, но мысль о том, что Джейми станет делить ложе с Лаогерой, уязвила меня почти так же, как мысль о разлуке с ним. Я проклинала себя за идиотизм, но ничего не могла с собой поделать: передо

мной возникало круглое милое личико, пылающее от неудержимой страсти, и большие руки Джейми, зарывшиеся в волосы цвета лунного луча.

Я разжала зубы и решительно вытерла слезы со щек. У меня не было ни времени, ни сил на бесполезные рефлексии. Я должна идти — и прямо сейчас, пока это еще возможно. Это мой наилучший шанс. Я надеялась, что Джейми меня позабудет. Я знала, что сама не забуду его никогда. Но сейчас я должна выбросить его из головы, потому что иначе не сумею сосредоточиться на задуманном деле, и без того достаточно сложном.

Я осторожно спустилась с крутого берега к воде. За шумом потока совсем не стало слышно птиц в роще наверху. Дорога была неровная, но здесь по крайней мере можно, как оказалось, идти по берегу, грязному и утыканному камнями, но все-таки проходимому. Пройдя дальше, я убедилась, что мне предстоит двигаться по воде, переступая с одного ненадежного камня на другой и балансируя над стремительным потоком до тех пор, пока полоска берега не станет достаточно широкой, чтобы можно было на нее вернуться.

Я пустилась в свой мучительный путь, прикинув, сколько же у меня времени в запасе. Джейми только и сказал, что вернется до захода солнца. До Лаг Круйма три или четыре мили, но неизвестно, в каком состоянии дорога и сколько времени отнимет встреча с Хорроксом. Если он вообще там. Скорее всего, там, убеждала я себя, так сказал Хью Мунро, а какой бы диковинной ни была эта гротескная личность, Джейми полностью полагался на Мунро как на источник информации.

Я поскользнулась на первом же камне в потоке, провалилась по колени в ледяную воду и намочила юбку. Вернулась на берег, как можно выше подоткнула юбку и сняла туфли и чулки. Сунула их в подоткнутый подол и снова ступила на камень.

Обнаружила, что, крепко цепляясь пальцами ног за камни, я в состоянии перебираться с одного на другой, не оскользаясь. Но складки поднятого подола мешали видеть, куда ставить ногу, и несколько раз я все же оступалась в воду. Ноги у меня замерзли, а стопы так окоченели, что пальцы цеплялись за камни все хуже.

К счастью, берег вскоре расширился, и я с радостью ступила на землю, в теплую, мягкую грязь. Краткие периоды более или менее удобного шлепанья по этой грязи сменялись гораздо более длительными периодами опасного перепрыгивания с камня на камень по холодным стремнинам, и я, к своему облегчению, заметила, что мне попросту некогда думать о Джейми.

С течением времени у меня выработалась некая рутина. Наступить,

уцепиться, подождать, оглядеться, выбрать следующий камень. Наступить, уцепиться, подождать... и так далее. Должно быть, я почувствовала себя слишком уверенно или просто устала, потому что утратила осторожность. Нога беспомощно соскользнула с ближайшей ко мне стороны подрытого слизью камня. Я беспорядочно замахала руками, попыталась ступить обратно на тот камень, на котором только что стояла, но равновесие было уже полностью нарушено. Со всеми юбками, верхними и нижними, кинжалом и всем прочим я свалилась в воду.

И продолжала погружаться. Ручей был не так уж глубокий, всего около фута или двух, но в нем встречались промоины, выдолбленные бегущей водой в камне. Обломок скалы, на котором закончился мой путь, находился как раз на краю такой промоины, и когда я плюхнулась в воду, то камнем пошла на дно.

Ледяная вода залила мне рот и нос, в ошеломлении я даже не успела вскрикнуть. Серебристые пузырьки воздуха вырвались из моего корсажа и, пролетев мимо лица, поднялись к поверхности. Хлопчатобумажная ткань промокла насквозь почти мгновенно, и от ледяной воды у меня перехватило дыхание.

Я тотчас начала пробиваться к поверхности, но намокшая одежда тянула меня вниз. Я отчаянно дергала завязки корсажа, но не было никакой надежды распутать их до того, как я потону. Я сделала несколько грубых и злобных безмолвных замечаний по поводу портных, женской моды, бессмысленности длинных юбок, пока бешено брыкалась, пытаясь выпутаться из облепивших ноги складок материи.

Вода была кристально прозрачна. Мои пальцы коснулись каменной стены, обросшей темными, блестящими лентами, водорослей.

Разум победил панику. Внезапно я сообразила, что напрасно теряю силы, пробиваясь таким способом к поверхности. Промоина не глубже футов восьми или девяти. Все, что мне нужно, — это расслабиться, опуститься на дно, покрепче упереться ногами и подпрыгнуть. В случае удачи это позволит мне глотнуть воздуха, и даже если я снова опущусь на дно, то смогу продолжать свои попытки до тех пор, пока не подберусь поближе к каменистому краю промоины и ухвачусь за него руками.

Погружение оказалось убийственно медленным. Поскольку я не рвалась к поверхности, юбки всплыли вокруг меня и загородили лицо, я их оттолкнула: лицо должно оставаться свободным. Легкие мои разрывались, перед глазами поплыли черные пятна; и тут я ступила на гладкое дно. Я слегка согнула колени, прижала юбки к телу и оттолкнулась изо всех сил.

Получилось, но лишь отчасти. В результате моего прыжка лицо

оказалось над водой, и я успела сделать несколько живительных глотков воздуха, прежде чем снова опустилась под воду. Но этого было достаточно. Я знала, что смогу сделать это еще раз. Прижала руки к бокам, чтобы стать более обтекаемой и быстрее опуститься на дно. Еще разочек, Бошан, подбодрила я себя. Подогни колени, соберись — прыгай!

Я вылетела из воды с поднятыми над головой руками. Заметила какое-то красное пятно: должно быть, рябина склонилась над водой. Может, мне удастся ухватиться за ветку.

Едва мое лицо показалось на поверхности, что-то ухватило меня за вытянутую руку. Что-то твердое, теплое и, безусловно, крепкое. Чья-то рука.

Кашляя и отплевываясь, я вслепую уцепилась за эту руку, слишком обрадованная спасением, чтобы сожалеть о прерванном побеге. Радовалась я вплоть до той секунды, когда, отбросив волосы с глаз, увидела перед собой мясистое озабоченное ланкаширское лицо молодого капрала Хоукинса.

Глава 21

ВЕСЬМА СКВЕРНЫЕ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА...

Я осторожно сняла длинный стебель все еще влажной водоросли со своего рукава и положила его на промокашку. Заметив чернильницу, снова взяла водоросль, обмакнула в чернила и изобразила нечто на толстой промокательной бумаге, завершив свое произведение искусства грубым словцом. Аккуратно посыпала песком и промокнула, прежде чем прислонить к полке с отделениями для бумаг.

Слегка отступила, полюбовалась эффектом и огляделась в поисках других возможных действий, которые отвлекли бы меня от предстоящего явления капитана Рэндолла.

Не так уж плохо для личного кабинета капитана, подумалось мне, пока я рассматривала картины на стенах, серебряный письменный прибор на столе и толстый ковер на полу. Вернулась на ковер, чтобы влага лучше впитывалась. По дороге в Форт-Уильям верхняя моя одежда отлично высохла, но нижние юбки были еще мокрыми, хоть выжимай.

Я открыла маленький шкафчик позади письменного стола и увидела запасной парик капитана Рэндолла, аккуратно укрепленный на одной из двух металлических распялок, а также оправленное в серебро зеркало и разложенные перед ним в полном порядке щетки и черепаховый гребень. Я поставила распялку с париком на письменный стол, высыпала на парик весь оставшийся в песочнице песок и убрала парик на место.

Я сидела за письменным столом с гребнем в руке и изучала свое отражение в зеркале, когда вошел капитан. Он устремил на меня взгляд, вобравший и мой неприглядный облик, и обысканный шкафчик, и разрисованную промокашку.

Глазом не моргнув, он придвинул стул и уселся наискосок от меня, лениво развалясь и положив ногу на ногу. Плеть для верховой езды свисала с изящной аристократической руки. Я следила глазами за тем, как медленно покачивался черно-красный кончик плети, завязанный узлом.

— Идея имеет свои привлекательные стороны, — заметил он, проследив за направлением моего взгляда. — Но я мог бы придумать и что-нибудь получше, стоит только сосредоточиться на несколько минут.

— Смею считать, что вполне можете, — сказала я, отбрасывая со лба прядь волос, которая лезла в глаза. — Но закон не разрешает вам пороть женщин, не так ли?

— Разрешает при определенных обстоятельствах, — вежливо ответил он. — Ваш случай этим обстоятельствам не удовлетворяет — пока. Кроме того, это слишком публично. А мне вначале хотелось бы поближе познакомиться с вами в приватной обстановке.

И он потянулся к буфету за графином. Мы молча потягивали кларет, глядя друг на друга поверх рюмок.

— Я совсем забыл принести, вам поздравления с вашим замужеством, — неожиданно произнес он. — Простите мою неучтивость.

— Не стоит извинения, — ответила я изысканно-любезным тоном. — Я уверена, что семья моего мужа будет вам чрезвычайно признательна за оказанное мне гостеприимство.

— Я в этом сомневаюсь, — сказал он с обаятельной улыбкой. — К тому же я не собираюсь сообщать им, что вы здесь были.

— А почему вы думаете, что они об этом не узнают? — спросила я, начиная ощущать внутри себя — пугающую пустоту — вопреки принятому мною заранее решению держаться вызывающе.

Я бросила быстрый взгляд на окно, но оно выходило не на ту сторону. Солнца не было видно, но свет казался желтым; возможно, прошла уже половина послеполуденного времени? Сколько понадобилось бы Джейми, чтобы найти мою лошадь? И сколько времени надо, чтобы отыскать мои следы, ведущие к ручью, — и, возможно, там потерять их? В бесследном исчезновении есть свои недостатки. Если Рэндолл не сообщит Дугалу, где я нахожусь, шотландцам никоим образом не удастся узнать, куда я подевалась.

— Если бы они узнали, — заговорил капитан Рэндолл, приподняв элегантно изогнутую бровь, — они бы, несомненно, уже обратились ко мне. Принимая во внимание те прозвания, которые Дугал Макензи давал мне по случаю нашей последней встречи, я вряд ли могу думать, что он считает меня подходящим компаньоном для своей родственницы. А клан Макензи настолько ценит вас, что готов скорее принять вас в лоно семьи, нежели видеть, что вы попали в мои руки. Мне трудно представить, чтобы они оставили вас томиться здесь. — Он посмотрел на меня весьма неодобрительно — и на мое испорченное водой платье, и на нечесанные волосы, и вообще на весь мой непрезентабельный облик. — Черт меня побери, если я понимаю, зачем вы им нужны, — продолжал он. — Или если вы столь ценны для них, то какого дьявола они позволяют вам бродить одной по лесам и полям. Я полагаю, что даже варвары лучше заботятся о своих женщинах, чем они.

В глазах у него внезапно вспыхнул огонек.

— А может быть, вы решили распрощаться с ними? — спросил он и откинулся на стуле, по-видимому, заинтригованный этим новым предположением. — Брачная ночь оказалась более тяжким испытанием, чем вы предполагали? Признаюсь, я был просто поражен тем, что вы предпочли разделить ложе с одним из этих волосатых полуголых дикарей, нежели продолжить беседы со мной. Это свидетельствует о высоком чувстве долга, мадам, и я должен поздравить вашего нанимателя, кем бы он ни был, с тем, что он сумел его вам внушить. Но, — он еще дальше откинулся на спинку стула, удерживая в равновесии на колене стакан с кларетом, — боюсь, я по-прежнему должен настаивать на том, чтобы вы открыли мне имя вашего хозяина. Если вы и в самом деле порвали с Макензи, то вероятнее всего предположить, что вы французский агент. Вот только чей?

Он уставился на меня, как змея, которая надеется зачаровать птичку. К этому времени я выпила уже достаточно кларета, чтобы в какой-то мере заполнить холодную пустоту страха во мне. Я тоже откинулась на спинку стула.

— О, — заговорила я, стараясь выдержать предельно вежливый тон, — так я, оказывается, тоже участвую в разговоре? Я полагала, вам достаточно самого себя. Продолжайте, прошу вас.

Красивая линия его рта слегка поджалась, и глубокая складка возле губ сделалась глубже, но он ничего не сказал. Отставив стакан с вином, он встал, снял парик, подошел к шкафчику и поместил парик на свободную распылку. На минуту остановился, заметив темные песчинки на втором парике, но выражение его лица почти не изменилось.

Волосы у него были темные, густые, тонкие и блестящие. Длинные до плеч и перевязанные сзади голубой шелковой ленточкой, они выглядели потрясающе знакомыми при всем несхождении прически. Он развязал ленточку, взял со стола гребень и распустил волосы, слежавшиеся под париком. Потом снова завязал ленточку. Я подняла и подала ему зеркало, чтобы он мог судить об окончательном эффекте. Он взял у меня зеркало с подчеркнутой любезностью, водворил его на место и почти со стуком закрыл дверцу шкафа.

Не знаю, была ли эта нарочитая медлительность рассчитана на то, чтобы подействовать мне на нервы, — если так, то он вполне преуспел, — или он просто не мог решить, как ему вести себя дальше.

Напряжение уменьшилось с появлением ординарца, принесшего поднос с чаем. Все еще не говоря ни слова, Рэндолл налил и подал мне чашку. Мы отпили понемногу.

— Ничего не говорите мне, — нарушила я молчание. — Позвольте высказать догадку. Это что, новая форма убеждения, придуманная вами, — попытка мочевым пузырем? Вы накачиваете меня напитками в надежде, что я пообещаю вам сообщить нечто в обмен на пять минут наедине с ночным горшком?

Он был так поражен неожиданностью, что засмеялся от души. Смех преобразил его лицо, и мне теперь не составило труда понять, почему так много надушенных конвертов, Надписанных явно женской рукой, скопилось в левом нижнем ящике его письменного стола. Сбросив маску, он не подавил смех, но продолжал смеяться. Кончив, посмотрел на меня с полуулыбкой.

— Кем бы вы ни были, мадам, но с вами не соскучишься, — заметил он.

Потянул за шнур колокольчика, висевший у двери, и, когда появился ординарец, распорядился отконвоировать меня в нужное место.

— Но смотрите не потеряйте ее по дороге, Томпсон, — прибавил он, отворяя передо мной дверь с насмешливым поклоном.

Я в изнеможении прислонилась изнутри к двери уборной, которую мне показали. Избавление от его присутствия было облегчением, но всего лишь кратким. У меня было достаточно возможностей судить о характере Рэндолла как по рассказам, так и на основании личного опыта. Но дьявол их поberi, эти проблески черт Фрэнка из-под жестокой оболочки! Было ошибкой вынудить его рассмеяться, подумала я.

Я уселась, не обращая внимания на вонь и сосредоточившись на собственных проблемах. Бежать отсюда, похоже, не удастся. Бдительный Томпсон снаружи, к тому же офис Рэндолла расположен в окружении других зданий форта. Укрепление обнесено всего лишь частоколом, но частокол этот высотой в десять футов, а двойные ворота охраняются.

Я подумала, не стоит ли прикинуться больной и задержаться в этом убежище, но тотчас отбросила эту мысль — и не только из-за неприглядности того места, где я сейчас находилась. Неприкрашенная правда заключалась в том, что тактика промедления не имела смысла, если для нее нет основательных причин — а их не было. Никто не знает, что я здесь, и Рэндолл никого не собирается ставить об этом в известность. Я находилась у него в руках на то неопределенно долгое время, пока ему угодно играть со мной в кошки-мышки. Один раз я заставила его засмеяться. Садист с чувством юмора особенно опасен.

Лихорадочно перебирая в уме все, что имело отношение к Рэндоллу, я искала нечто, могущее оказаться полезным. И натолкнулась на одно

застрявшее в памяти имя. Услышано оно было вполуха и запомнилось случайно, но я надеялась, что оно мне и нужно. Ничтожно мелкая карта для игры, но другой у меня в запасе не нашлось. Я глубоко втянула в себя воздух, но тотчас поспешила вытолкнуть его назад и вышла из своего укрытия.

Вернувшись в офис, я положила сахар себе в чай и размешала его не торопясь. Теперь добавим сливки. Затянув церемонию насколько могла, я вынуждена была взглянуть наконец на Рэндолла. Он сидел в своей любимой позе, откинувшись на спинку стула, грациозно держа чашку на весу таким образом, чтобы смотреть на меня поверх нее.

— Ну? — заговорила я. — Вам незачем беспокоиться, что вы испортите мне аппетит, потому что у меня его и так нет. Как вы собираетесь поступить со мной?

Он улыбнулся и сделал осторожный глоток очень горячего чая, прежде чем ответить:

— Никак.

— В самом деле? — Я удивленно приподняла брови. — Изобретательность вам изменила?

— Я так не думаю, — сказал он с обычной любезностью, но при этом окинул меня взглядом, весьма далеким от любезного. — Нет, — продолжал он, уставившись на ту часть моего лифа, где заткнутый за него носовой платок оставлял открытой верхнюю часть груди. — Я охотно преподавал бы вам крайне необходимый урок хороших манер, но боюсь, что удовольствие придется отложить на неопределенное время. Я отошлю вас в Эдинбург при следующей же отправке донесений. И я не могу послать вас туда с признаками нанесенных вам повреждений, моим старшим начальникам это не понравилось бы.

— В Эдинбург? — Я не могла скрыть удивления.

— Да. Я полагаю, вы слышали о Толбуте?

Я слышала. Одна из самых зловонных и печально известных тюрем того времени, примечательная своей грязью, преступностью, болезнями и мрачной темнотой. Значительное число заключенных умерло там до того, как предстать перед судом. Я с трудом сделала глоток, отправив обратно в желудок поднявшуюся оттуда горчайшую желчь, которая смешалась со сладким чаем.

А Рэндолл пил чай маленькими глоточками, вполне довольный собой.

— Вы будете чувствовать себя там очень уютно. Как мне кажется, вы предпочитаете откровенное убожество в качестве вашего окружения. И любите сырость. — Он многозначительно поглядел на мокрый подол моей

нижней юбки, свисающий из-под платья. — После замка Леох вы там будете как дома.

Я несколько сомневалась, что кухня в Толбуте на уровне обедов за столом у Колама. И вообще я не могла — никак не могла — позволить ему отправить меня в Эдинбург. Замурованная в Толбуте, я уже никогда бы не попала в круг каменных столбов.

Пришло время разыграть мою карту. Сейчас или никогда. Я подняла свою чашку.

— Как вам угодно, — холодно произнесла я. — А как вы считаете, что сказал бы по этому поводу герцог Сандрингем?

Он опрокинул горячий чай на обтянутое замшей колено и разразился восклицаниями, которые доставили мне большое удовольствие.

— Тц-тц, — посочувствовала я.

Он замолчал, весь вспыхнув. Чашка лежала на полу, ее коричневое содержимое впитывалось в бледно-зеленый ковер, но Рэндолл не позвонил ординарцу. Сбоку на шее у него дергался маленький мускул.

Я уже нашла стопку накрахмаленных носовых платков в левом верхнем ящике письменного стола, рядом с украшенной эмалью табакеркой. Достала один и протянула ему.

— Надеюсь, пятна не останется, — выговорила я сладким голосом.

— Нет, — сказал он, не обращая внимания на платок. — Нет, это невозможно.

— Почему же? — спросила я, изображая полное безразличие и в то же время думая, что именно невозможно.

— Мне бы сообщили. Кроме того, если вы работаете на Сандрингема, то какого дьявола вы вели себя так нелепо?

— Возможно, герцог проверяет вашу лояльность, — высказалась я наобум, приготовившись, если понадобится, вскочить на ноги. Он прижал к бокам стиснутые кулаки, а до брошенной на письменный стол плети легко было дотянуться.

— Это вы испытываете мое легкоеверие. Или мою способность сдерживать гнев. То и другое невелико, уверяю вас, мадам!

Глаза его сузились, оценивая ситуацию, и я сделала стремительное движение. Он бросился на меня, но я отскочила в сторону. Схватила чайник и запустила в него. Он уклонился, и чайник с грохотом ударился в дверь. Ординарец, который дежурил снаружи, просунул в дверь голову.

Тяжело дыша, капитан нетерпеливым жестом поманил его в комнату.

— Хватай ее! — грубо приказал он и метнулся к столу.

Я начала глубоко дышать — чтобы успокоиться, а также запастись

воздухом на тот случай, если через мгновение мне это уже не удастся.

Но вместо того, чтобы ударить меня, он выдвинул правый нижний ящик стола, который я не успела обследовать, и вынул оттуда длинную тонкую веревку.

— Что же это за джентльмены, которые держат веревки в ящиках письменного стола? — с презрением спросила я.

— Предусмотрительные, мадам, — пробормотал он, связывая мне кисти рук за спиной. — Идите, — скомандовал он ординарцу, указывая головой на дверь. — И не суйтесь сюда, что бы вы ни услышали.

Это прозвучало достаточно зловеще, и мое предощущение оправдалось, когда он еще раз полез в ящик стола.

В ножах есть что-то, лишшающее вас присутствия духа. Мужчины, совершенно бесстрашные в рукопашной борьбе, отступают при виде обнаженного лезвия. Отступала и я, пока мои связанные руки не уперлись в стену. Сверкающее острие опустилось и уткнулось в платье на груди.

— А теперь, — весело заговорил он, — вы непременно расскажете мне все, что вы знаете о герцоге Сандрингеме.

Острие надавило сильнее, и на ткани платья появилось углубление.

— Рассказывайте подробно, так долго, как вы хотите, моя дорогая. У меня времени много.

Послышалось негромкое «поп!» — ткань прорвалась. Я почувствовала холодный, как смерть, укол прямо напротив сердца. Рэндолл медленно провел ножом полукруг над моей грудью. Домотканая материя разрезалась легко вместе с белой тканью, сорочки, и грудь выскочила наружу. У Рэндолла явно перехватило дыхание; он медленно выпустил воздух и поглядел мне прямо в глаза.

Я ускользнула от него, но, как говорится, места для маневра было маловато. Я остановилась спиной к письменному столу, ухватившись связанными руками за край. Если он подойдет достаточно близко, я смогу сильнее откинуться на руки и лягнуть его так, чтобы выбить нож из руки. Я не думала, что он намерен меня убить; конечно же, нет, по крайней мере до тех пор, пока точно не узнает, что мне известно о его связях с Сандрингемом. И это соображение было для меня в какой-то мере утешительным.

Он улыбнулся все той же улыбкой, разительно напоминающей Фрэнка; обаятельная улыбка, которая, как я не раз видела, очаровывала студентов и смягчала каменную суровость руководителя колледжа. Возможно, при других обстоятельствах я сочла бы этого человека обаятельным, но теперь... о нет!

Он подбежал ко мне, толкнул колено мне между бедер и сильно надавил мне на плечи обеими руками. Не в состоянии удержать равновесие, я тяжело повалилась на спину и закричала от боли в связанных руках, на которые я налегла всей своей тяжестью. Он втиснулся мне между ног, одной рукой задирая мне юбки, а другой схватив — за обнаженную грудь. Он тискал ее и щипал, я отбивалась неистово, изо всех сил, но юбки мне мешали. Вцепившись рукой в стопу, он, перебирая пальцами, добрался до верхней части ноги, захватил юбки и подол сорочки и затолкал их куда-то мне на талию, а потом опустил руку к своим штанам.

Призрак дезертира Гарри, бешено пронеслось у меня в голове. Куда, во имя Господа, катится британская армия. Славные традиции, как говаривала моя тетушка Фанни.

Призывать криком на помощь в самом сердце английского гарнизона было, по-видимому, бессмысленно, но я набрала воздуха в легкие и сделала попытку — скорее из чувства протеста, чем с иной целью. Я ожидала в ответ пощечины или толчка, чтобы заткнуть мне рот. Но ему — вот уж не ожидала! — это пришлось по вкусу.

— Продолжайте кричать, радость моя, — пробормотал он, занятый своей шириной. — Мне будет только приятней.

Глядя ему прямо в глаза, я выпалила хоть и четко, но бессмысленно:

— Прочь, ничтожество!

Прядь темных волос разметалась у него по лбу в изысканном беспорядке. Он так был похож на своего правнука в шестом колене, что я вдруг испытала мгновенный импульс раздвинуть ноги и покориться ему. Он снова грубо стиснул мне грудь — и импульс столь же мгновенно исчез.

Я была зверски зла, оскорблена, унижена, возмущена, но, как ни странно, не испытывала страха. Я чувствовала тяжелое пульсирующее движение возле своей ноги и вдруг поняла, в чем дело. Он был несостоятелен, пока я не стану кричать — а возможно, и после этого.

— Ах, так вот оно что! — выкрикнула я и немедленно получила здоровую оплеуху.

Я крепко стиснула губы и отвернулась — чтобы удержаться от еще более несвоевременных замечаний. Изнасилует он меня или нет, но в любом случае я могу стать жертвой его необузданного темперамента. Отвернувшись от Рэндолла, я уловила какой-то намек на движение у окна.

— Я буду вам признателен, — произнес холодный, ровный голос, — если вы уберете руки от моей жены.

Рэндолл замер на месте, все еще вцепившись мне в грудь. Джейми стоял, пригнувшись, в оконном проеме; на согнутое левое предплечье

опирался большой пистолет с медной рукояткой.

Рэндолл стоял недвижимо примерно секунду, словно не поверил своим ушам. Он медленно повернул голову к окну, и его правая рука, скрытая от взгляда Джейми, отпустила мою грудь и потянулась к ножу, который валялся на столе рядом с моей головой.

— Что вы сказали? — недоверчиво спросил он. Едва нож оказался у него в руке, он повернул голову, чтобы увидеть, кто говорит. Замер снова на мгновение, уставившись на Джейми, потом начал смеяться.

— Боже помоги, да ведь это молодой шотландский дикий кот! Я считал, что разделался с вами раз и навсегда! Значит, спина зажила? И это, как вы утверждаете, ваша жена? Весьма аппетитная маленькая плутовка, похожа на вашу сестру.

Рука Рэндолла с ножом, все еще скрытая от Джейми, изогнулась и поднесла нож к моему горлу. Я видела Джейми через плечо Рэндолла: он весь напрягся, стоя в окне, словно кот, готовый к прыжку. Дуло пистолета не двигалось, лицо не изменило выражения. Какие чувства его бушуют, можно было понять лишь по тому, насколько потемнел рубец у него на горле: воротник рубашки был расстегнут, и маленький шрам так и пламенел.

Рэндолл почти небрежно повернулся так, чтобы нож, приставленный мне к горлу, стал виден Джейми, к которому Рэндолл стоял теперь вполоборота.

— Может, вы сообразовоите бросить ваш пистолет вот сюда — если вам еще не надоела женатая жизнь. Конечно, если вы предпочитаете остаться вдовцом...

Они впились глазами друг в друга и долгую минуту оба оставались неподвижными. Наконец Джейми стряхнул с себя напряжение. Он глубоко вздохнул, как бы смиряясь с необходимостью, и бросил пистолет на полкомнаты. Он со звоном упал и подкатился почти к самым ногам Рэндолла.

Рэндолл нагнулся и молниеносным движением схватил пистолет. Как только он отвел нож от моего горла, я попыталась сесть, но он сильным толчком в грудь заставил меня снова лечь. Он удерживал меня в таком положении одной рукой, а другой держал Джейми под прицелом. Отброшенный нож, как я думала, лежал на полу возле моих ног. Если бы у меня были цепкие пальцы... Кинжал у меня в кармане так же недоступен, как если бы он находился на Марсе.

Улыбка не покидала лица Рэндолла с самого момента появления Джейми. Теперь она стала шире, открыв острые, как у собаки, зубы.

— Вот так-то оно лучше. — Рука, давившая мне на грудь, опустилась к торчавшей бугром ширинке штанов, — Я был занят, когда вы появились, мой друг. Вы простите меня, если я займусь снова тем, от чего отвлекся ради вас.

Темно-багровый цвет разлился по всему лицу Джейми, но он стоял неподвижно под дулом пистолета. Едва Рэндолл кончил свои маневры, Джейми бросился прямо на это дуло. Я попыталась крикнуть, остановить его, но во рту пересохло от ужаса. Суставы пальцев Рэндолла побелели, когда он нажал на спуск.

Боек щелкнул впустую, а кулак Джейми ударил Рэндолла в живот. Глухой, хрусткий звук — это другой кулак впился офицеру в нос, и мне на платье брызнула тонкая струйка крови. Глаза Рэндолла закатились под лоб, и он рухнул на пол как подкошенный.

Джейми был уже позади меня, перерезая веревки на запястьях.

— Ты решился ворваться сюда с незаряженным пистолетом? — истерически проквакала я.

— Если бы он был заряжен, я бы первым делом пристрелил его! — прошипел Джейми.

По коридору к кабинету приближались шаги. Веревка упала, и Джейми потащил меня к окну. До земли было футов восемь, но шаги раздавались уже у самой двери. Мы прыгнули вместе.

Меня крепко тряхнуло о землю, я упала, запутавшись в своих юбках. Джейми рывком поставил меня на ноги и притиснул к стене дома. Шаги слышались за углом; потом показались шестеро солдат, но они не посмотрели в нашу сторону.

Как только солдаты удалились на безопасное расстояние, Джейми взял меня за руку и повел к другому углу. Мы крались бочком вдоль стены и ненадолго остановились на углу. Я увидела, где мы находимся. Футах в двадцати от нас приставная лестница вела на верх стены, окружающей форт, точнее — на узкую галерею, которая проходила вдоль этой стены со стороны двора. Джейми кивком указал на лестницу: это и была наша цель.

Он приблизил свою голову к моей и прошептал: — Как только услышишь взрыв, беги изо всех сил и подымайся по лестнице. Я за тобой.

Я кивнула: понимаю. Сердце билось, точно молот. Опустив глаза, я увидела, что грудь моя все еще обнажена, но теперь не время было заниматься своим туалетом; я подобрала юбки и приготовилась бежать.

Могучий рев послышался из-за дома — словно выстрел из мортиры. Джейми подтолкнул меня, и я ринулась вперед со всей доступной мне скоростью. Вскочила на лестницу и взобралась по ней, почувствовала, как

треснула ступенька, а лестница затряслась под тяжестью веса Джейми.

Поднявшись на самый верх, я увидела форт с высоты птичьего полета. Черный дым клубами поднимался над маленьким домом у задней части стены, и мужчины бежали туда со всех сторон.

Джейми неожиданно возник рядом со мной. «Туда», — только и произнес он. Пригнувшись, он побежал по галерее, я за ним. Мы остановились возле флагштока, укрепленного на стене. Флаг тяжело колыхался над нами, фал ритмично бился о флагшток. Джейми перегнулся через стену, высматривая что-то.

Я снова посмотрела на двор форта. Солдаты окружили маленький дом целой толпой и что-то кричали. Чуть в стороне я заметила небольшое деревянное возвышение, помост футов трех или четырех высотой; на помост вели ступеньки. В центре помоста возвышался крепкий деревянный столб с поперечной перекладиной, с концов которой свисали веревочные петли.

Джейми свистнул; заглянув через стену, я увидела Руперта верхом на коне, в поводу он держал лошадь Джейми. Руперт оглянулся на свист и подъехал к стене прямо под нами.

Джейми обрезал фал у верхушки флагштока. Тяжелое красно-голубое полотнище поникло и сползло вниз, со свистящим шорохом свернувшись возле меня. Привязав конец веревки к одной из стоек, Джейми сбросил остальную часть вниз.

— Иди сюда! — позвал он. — Крепко перехватывай веревку обеими руками, а ногами переступай по стене. Иди!

Я повиновалась. Тонкий шнур скользил и обжигал ладони. Я ступила на землю рядом с лошадьми и поспешила сесть, верхом. Минутой позже Джейми вскочил в седло позади меня, и мы сразу взяли в галоп.

Мы замедлили аллюр примерно в двух милях от лагеря, когда стало ясно, что нас никто не преследует. После короткого совещания Дугал решил, что лучше всего нам направиться к границе владений Макинтошей, это ближайшая безопасная для нас территория клана.

— До Дунсбери можно добраться к ночи, а там вполне безопасно. Нас начнут разыскивать завтра, но мы успеем пересечь границу, пока туда дойдут слухи.

Прошла уже большая часть второй половины дня; мы двинулись крупной рысью, наша лошадь с двойной ношей немного отставала от других. Что касается моей лошади, то она все еще блаженно щипала травку в рощице, дожидаясь кого-то, кто отведет ее домой, если ему повезет ее найти.

— Как ты меня нашел? — спросила я. Наступила реакция, меня трясло; чтобы унять дрожь, я обхватила себя ладонями за локти. Одежда моя совершенно высохла, но я почувствовала холод, пробиравший меня до костей.

— Я подумал, что и в самом деле не стоит оставлять тебя одну, и послал к тебе человека. Он не видел, как ты ушла, но у брода заметил английских солдат и тебя с ними.

Голос Джейми звучал холодно. Но я не могла, разумеется, упрекать его за это. Зубы у меня начали стучать.

— У-удивительно, ч-что ты не посчитал меня английской шпионкой и не бросил меня там.

Дугал так и хотел поступить. Но человек, который видел тебя с солдатами, сказал, что ты сопротивлялась. Я просто должен был поехать и выяснить, в чем дело. — Он посмотрел на меня сверху вниз, но выражение лица не изменилось. — Твое счастье, что я видел происходившее в той комнате. По крайней мере Дугалу придется признать, что ты не заодно с англичанами.

— Дугалу, вот как? А ты? Что думаешь ты?

Он ничего не сказал, только хмыкнул. Сжалившись в конце концов надо мной, сдернул с себя плед и набросил его мне на плечи, но не обнял при этом и вообще старался не прикасаться ко мне чаще, чем требовала необходимость. Ехал в мрачном молчании, управляясь с поводьями при помощи сердитых рывков, без обычной для него мягкой грации.

Измученная и выбитая из колеи, я больше не в силах была справляться со своим настроением.

— Ну хорошо, в чем, собственно, дело? Что случилось? — нетерпеливо спросила я. — Перестань дуться, Бога ради!

Я выговорила это резче, чем хотела, и почувствовала, что Джейми напрягся еще больше. Внезапно он повернул голову лошади в сторону и остановил ее на обочине. Прежде чем я сообразила, что происходит, он спрыгнул с седла и стащил меня на землю тоже. Я приземлилась неловко и едва не потеряла равновесие.

Дугал и остальные придержали коней, заметив, что мы остановились. Джейми коротким, резким жестом показал им, чтобы они продолжали путь, Дугал махнул в ответ. Крикнул: «Не задерживайтесь надолго!» — и они двинулись дальше.

Джейми подождал, пока они не удалились настолько, чтобы не слышать нас, потом одним махом развернул меня лицом к себе. Он так и пылал негодованием — на грани взрыва. Надо сказать, что и мое

возмущение нарастало: какое право он имеет обращаться со мной подобным образом?

— Дуться? — почти выкрикнул он. — Это называется дуться? Я призываю на помощь все свое самообладание, чтобы не трясти тебя до тех пор, пока у тебя не застучат все зубы, а ты просишь, чтобы я перестал дуться!

— Что такое случилось с тобой, во имя Господа? — спросила я негодуя и попыталась высвободиться из его хватки, но его пальцы впились мне в руки возле плеч, словно зубья капкана.

— Что случилось со мной? Я скажу тебе, если ты так хочешь знать! — процедил он сквозь стиснутые зубы. — Я снова и снова пытаюсь доказывать, что ты не английская шпионка. Я устал следить за тобой каждую минуту в страхе, как бы ты не учинила очередную глупость. И я очень устал от людей, старающихся заставить меня смотреть, как они тебя насилуют! Мне это не доставляет удовольствия!

— А ты полагаешь, что мне это доставляет удовольствие? — завопила я. — Ты считаешь, что это моя вина?

При этих словах он тряхнул меня — но легонько.

— Это твоя вина. Если бы ты сегодня утром оставалась там, где я велел, ничего плохого не случилось бы! Но куда там, ты не желаешь меня слушаться, я всего-навсего твой муж, чего со мной считаться! Ты вбила себе в голову, что можешь вести себя как тебе нравится, и я нахожу тебя лежащей на спине с задранными юбками, а наихудший мерзавец во всей стране собирается изнасиловать тебя у меня на глазах!

Его шотландский акцент, обычно почти незаметный, делался с каждой секундой сильнее, и это свидетельствовало о том, что он выведен из равновесия, — если подобные дополнительные свидетельства были еще нужны.

Мы стояли нос к носу, крича друг другу в лицо. Джейми был весь красный от гнева, да и у меня кровь прилила к лицу.

— Нет, это твоя вина, потому что ты не уважаешь меня и все время подозреваешь! Я сказала тебе правду о том, кто я такая, говорила тебе, что нет никакой опасности, если я поеду с тобой, но ты не пожелал ко мне прислушаться. Разумеется! Ведь я всего лишь женщина, ни к чему обращать внимание на мои слова! Женщины должны делать то, что им говорят, выполнять распоряжения, сидеть тихонько со сложенными ручками и ждать, пока мужчины вернутся и скажут им, что делать.

Он снова тряхнул меня, не в силах владеть собой.

— Если бы ты вела себя именно так, нам не пришлось бы удирать от

целой сотни красных мундиров, преследующих нас по пятам! Господи, женщина, я не знаю, следует ли мне придушить тебя или швырнуть на землю и отмолотить до бесчувствия, но клянусь Иисусом, что-то мне хотелось бы сделать с тобой!

Тут я попыталась дать ему тычка коленкой по яйцам, но он втолкнул свое колено мне между ног, предотвратив тем самым мои дальнейшие попытки.

— Только попробуй еще раз, и я дам тебе такую оплеуху, что в ушах зазвенит!

— Ты жестокая скотина и дурак! — задыхаясь, выговорила я, стараясь высвободить из его хватки свои руки. — Ты что, думаешь, я ушла и попала к ним в плен нарочно?

— Ты сделала это нарочно, хотела отплатить мне за то, что произошло на поляне!

Я застыла с открытым ртом.

— На поляне? С английскими дезертирами?

— Да! Ты считаешь, что я должен был защитить тебя тогда, и ты права. Но я не смог этого сделать, тебе пришлось это делать самой, а теперь ты решила заставить меня заплатить за это и добровольно отдалась в руки человека, который пролил мою кровь, ты, моя жена!

— Твоя жена! Твоя жена! Тебе нет до меня дела! Я просто твоя собственность и значу что-то для тебя лишь постольку, поскольку принадлежу тебе, а ты не можешь перенести, что кто-нибудь посягает на твою собственность!

— Ты и в самом деле принадлежишь мне! — проревел он, вонзая пальцы в мои плечи, точно гвозди. — И ты моя жена, нравится тебе это или нет!

— Не нравится! Нисколько не нравится! Это ничего не значит! Все время, пока я согреваю твою постель, тебе нет дела до того, о чем я думаю и что чувствую! Жена для тебя — просто дырка, в которую ты суешь свой член, когда приходишь в охоту!

При этих словах он побелел как мел и принялся трясти меня всерьез. Голова моя сильно дернулась, зубы клацнули, больно прикусив язык.

— Отпусти меня! — крикнула я. — Отпусти, ты, — и тут я употребила выражение дезертира Гарри, — ты, похотливый ублюдок!

Он отпустил и отступил на шаг; глаза у него так и сверкали.

— Шлюха с поганым языком! Не смей со мной так разговаривать!

— Я буду разговаривать как хочу! Не тебе мной командовать!

— Ясное дело, что не мне! Ты ведешь себя, как тебе угодно, плевать

тебе на то, что от этого страдают другие, упрямая эгоистка!

— Это все твоя проклятая гордость! — крикнула я. — Я спасла нас обоих от дезертиров тогда на поляне, и ты не можешь этого перенести. Что, неправда? Ты там стоял столб столбом! Если бы у меня не оказалось кинжала, мы теперь оба были бы мертвыми.

Пока я не произнесла эти слова, мне и в голову не приходило, что я зла на него, потому что он не защитил меня от дезертиров. В более уравновешенном состоянии я вряд ли подумала бы так. Я сказала бы, что это не его вина. Сказала бы, что, к счастью, у меня был кинжал. Но теперь я осознала, ясно или не слишком, разумно или не очень, что защитить меня была его обязанность, и он с ней не справился. Возможно, и он испытывал то же чувство.

Он стоял и смотрел на меня, обуреваемый эмоциями. Когда он заговорил, голос у него был негромкий и неровный от волнения.

— Ты видела столб во дворе форта?

Я молча кивнула.

— Меня привязали к этому столбу: привязали, как животное, и хлестали плетью до крови. До самой смерти я буду носить эти рубцы. Если бы сегодня днем я не был удачлив, как дьявол, такая порка — самое меньшее, что меня ожидало бы. Скорее всего, меня сначала отхлестали бы, а потом повесили. — Он трудно сглотнул и продолжал: — Я это знал и ни секунды не раздумывал, отправляясь туда за тобой, хоть мне и приходило в голову, что Дугал, возможно, прав. Ты знаешь, как я заполучил оружие ?

Я с трудом покачала головой; гнев мой постепенно слабел.

— Я убил часового у стены. Он успел выстрелить в меня; вот почему пистолет оказался незаряженным. Он промахнулся, и я убил его своим кинжалом и оставил кинжал у него в груди, когда услышал твой крик. Я убил бы дюжину, чтобы спасти тебя, Клэр. — Голос у него дрогнул. — Когда ты закричала, я кинулся к тебе, вооруженный только незаряженным пистолетом и собственными руками. — Джейми говорил теперь немного спокойнее, но в глазах все еще горели боль и гнев.

Я молчала. Выведенная из нормального состояния ужасом моей встречи с капитаном Рэндоллом, я просто не думала о том, какая отчаянная смелость понадобилась Джейми, чтобы прийти в форт за мной.

Он отвернулся, опустив плечи.

— Ты права, — проговорил он тихо. — Да, ты совершенно права.

Гнева в его голосе уже не осталось, он говорил таким тоном, какого я у него ни разу не замечала, даже в моменты физической боли.

— Моя гордость ранена. А гордость — это почти все, что у меня есть.

Он протянул руки и ухватился за покрытый грубой корой ствол сосны. Опустошенно опустил голову на руки. Голос звучал так тихо, что я едва разбираю слова.

— Ты вывернула меня наизнанку, Клэр.

Нечто похожее испытывала и я. Подошла к нему. Он не двинулся, даже когда я обвила его руками за пояс. Прижалась щекой к согнутой спине. Рубашка насквозь промокла от пота, вызванного накалом чувств; он дрожал.

— Прости меня, — сказала я. — Прости, пожалуйста.

Он повернулся ко мне и крепко обнял. Я почувствовала, как дрожь мало-помалу утихает.

— Я прощаю, милая, — пробормотал он, прижавшись губами к моим волосам.

Отстранившись, поглядел на меня сверху вниз, печальный и сдержанный.

— Мне жаль, — сказал он. — Я прошу у тебя прощения за свои слова. Мне было тяжело, и я наговорил лишнего.

Мне уже казалось, что и прощать-то нечего, но я кивнула и сжала его руки.

— Прощаю.

В спокойном молчании мы сели на лошадь. Дорога здесь далеко уходила вперед по прямой, и вдали можно было видеть небольшое облачко пыли, оставленное отрядом с Дугалом во главе.

Джейми снова был позади меня; он придерживал меня одной рукой, и я чувствовала себя в безопасности. Но между нами все еще смутно ощущались боль и несвобода. Мы простили друг другу, но сказанные слова еще теснились в головах, не забытые.

Глава 22

РАСПЛАТА

Мы добрались до Дунсбери, когда уже давно стемнело. Там, к счастью, была довольно большая стоянка карет и при ней гостиница. Дугал страдальчески прикрыл глаза, расплачиваясь с хозяином: пришлось дать несколько лишних серебряных монет и тем купить его молчание.

Серебро тем не менее обеспечило нам добрый ужин с большим количеством эля. Несмотря на обилие, ужин прошел мрачно и был съеден почти в полном молчании. Сидя за столом в своем изодранном платье, на которое во имя скромности была накинута лишняя рубашка Джейми, я чувствовала, что попала в немилость. Все мужчины, кроме Джейми, вели себя так, словно меня тут вообще не было, и даже Джейми ограничивался тем, что время от времени пододвигал мне то хлеб, то мясо. Убраться к себе в комнату воистину оказалось облегчением, хоть она и была маленькой и душной.

Я опустилась на кровать со вздохом, даже не проверив состояние постельного белья.

— Я совсем измоталась. Это был длинный день.

— Да, это верно.

Джейми расстегнул воротник и манжеты, расстегнул и снял ремень, на котором висела сабля, но до конца раздеваться не стал. Освободил ремень от ножен и сложил его вдвое — все это медленно и раздумчиво.

— Ложись в постель, Джейми. Чего ты ждешь? Он подошел и остановился возле кровати, слегка раскачивая из стороны в сторону сложенный ремень.

— Боюсь, милая, что мы должны кое-что уладить перед сном.

Я внезапно ощутила острый укол дурного предчувствия.

— Что именно?

Он ответил не сразу. Не присел на постель рядом со мной, но пододвинул себе стул и уселся напротив.

— Понимаешь ли ты, Клэр, — заговорил он спокойно, — что всех нас могли убить нынче днем?

Мне стало не по себе, и я опустила глаза.

— Да, я знаю. По моей вине. Очень сожалею.

— Ах, так ты знаешь, — сказал он. — А знаешь ли ты, что, если бы кто-то из нас, мужчин, совершил нечто подобное, ему отрезали бы уши или

отхлестали его плетьюми, даже, может, убили?

Услыхав эти слова, я побелела.

— Нет, этого я не знала.

— Я понимаю, что ты не слишком разбираешься в наших делах, и это в какой-то мере тебя извиняет. Тем не менее — я велел тебе сидеть в укрытии, и если бы ты послушалась, ничего бы не произошло. Теперь же англичане станут повсюду разыскивать нас. Нам придется скрываться днем и двигаться только по ночам. — Он помолчал и добавил: — Что касается капитана Рэндолла, это особый разговор.

— Ты имеешь в виду, что теперь он будет разыскивать тебя упорно, узнав, что ты здесь?

Он кивнул с отсутствующим видом, глядя на огонь.

— Да, он... с ним дело сугубо личное, как ты понимаешь.

— Мне ужасно жаль, Джейми, — сказала я, но он только махнул рукой в ответ на мои слова.

— Если бы это касалось только меня, я больше не стал бы об этом разговаривать. Но раз уж мы об этом заговорили... — Он кинул на меня быстрый взгляд. — Я тебе скажу, что чуть не умер, когда увидел, как эта скотина хватает тебя своими лапами. — Он теперь снова смотрел на огонь с мрачным видом — словно заново представляя себе происшедшее днем.

Я хотела было сказать ему о... затруднениях Рэндолла, но побоялась, что так выйдет хуже, а не лучше. Мне отчаянно хотелось обнять Джейми и попросить у него прощения, но я не смела до него дотронуться. После долгого молчания он вздохнул и встал, похлопывая себя ремнем по ноге.

— Ну вот, — сказал он. — Самое лучшее поскорее с этим покончить. Ты причинила серьезные неприятности, не выполнив того, что я тебе велел, и я должен наказать тебя за это, Клэр. Вспомни, что я тебе сказал, когда уезжал сегодня утром.

Я это прекрасно помнила и поспешно отодвинулась по кровати к стене и прижалась к ней спиной.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты отлично знаешь, что я имею в виду, — твердо ответил он. — Встань на колени возле кровати и подними юбки.

— Ничего подобного я не сделаю! — Я вцепилась обеими руками в кроватный столбик и забилась потеснее в угол.

Джейми некоторое время рассматривал меня прищуренными глазами, явно соображая, как быть. Мне пришло в голову, что воспрепятствовать ему сделать со мной, что он намерен, невозможно, он тяжелее меня по крайней мере на пять стонов. Он в конце концов предпочел удержание

действию, отложил в сторону ремень и передвинулся поближе ко мне.

— Послушай, Клэр... — начал он.

— Я же сказала, что сожалею! — перебила я его. — И это в самом деле так. Я больше никогда так не поступлю!

— Это еще вопрос, — медленно выговорил он. — Может, и поступишь, потому что ты не принимаешь всерьез вполне серьезные вещи. Думаю, ты попала сюда оттуда, где жизнь легче. Там нарушение приказа или своеволие не являются вопросом жизни или смерти. В худшем случае ты причинила бы кому-то неудобство или небольшую неприятность, но никого бы из-за этого не убили.

Я смотрела, как он перебирает пальцами коричневатую ткань своего килта — словно бы в одном ритме со своими мыслями.

— Это жестокая правда, что незначительный поступок может в наше время и в наших краях привести к тяжелым последствиям, особенно для такого человека, как я. — Он похлопал меня по плечу, заметив, что я готова заплакать. — Я знаю, что ты сознательно не подвергла бы опасности ни меня, ни кого-то другого. Но ты легко можешь сделать это по беспечности, необдуманно, как сделала сегодня, не поверив до конца моим словам о существующей опасности. Ты привыкла сама решать за себя, — он покосился на меня, — и я знаю, что ты не привыкла подчиняться тому, что велит тебе мужчина, муж. Но ты должна этому научиться во имя нашей общей безопасности.

— Хорошо, — медленно и раздельно произнесла я. — Понимаю. Ты, конечно, прав. Хорошо. Я буду выполнять твои указания, даже если я с ними не согласна.

— Отлично. — Он встал и взял ремень. — Слезай с постели, и покончим с этим делом.

От негодования я широко раскрыла рот.

— Что?! Я же сказала, что стану подчиняться твоим указаниям!

Он вздохнул с отчаянием, потом снова уселся на стул, глядя прямо мне в лицо.

— Ну послушай. Ты говоришь, что понимаешь меня, и я тебе верю. Но согласись, есть разница между тем, чтобы понять, и тем, чтобы по-настоящему уразуметь, глубоко уразуметь, всем существом, а не только рассудком.

Я неохотно кивнула.

— Вот и ладно. Сейчас я должен наказать тебя по двум причинам. Во-первых, для того, чтобы ты и в самом деле уразумела. — Он неожиданно улыбнулся. — Уверю тебя на основании собственного опыта, что хорошая

порка вынуждает тебя смотреть на вещи с более серьезной точки зрения.

Я еще крепче вцепилась в столбик кровати.

— Вторая причина, — продолжал он, — это люди из нашего отряда. Ты заметила, как они обращались с тобой нынче вечером?

Я, разумеется, заметила. За едой мне было настолько неудобно, что я была рада сбежать к себе в комнату.

— Существует такая вещь, как справедливость, Клэр. Ты причинила зло им всем и должна за это пострадать. — Он глубоко вздохнул. — Я твой муж, мой долг наказать тебя, и я это сделаю.

У меня имелись серьезные возражения — разного порядка — против такого решения проблемы. Что касается справедливости, то пусть даже Джейми в этом отношении прав, я должна это признать, но мое самолюбие глубоко возмущалось при одной мысли, что меня будут бить — кто бы это ни делал и по какой причине.

Я воспринимала как предательство, что делать это собирается тот, на кого я полагалась как на друга, мой защитник, мой возлюбленный. А чувство самосохранения внушало мне ужас перед тем, что я отдана на милость человеку, который управляется с тяжелым старинным палашиком так, словно это какой-нибудь веник.

— Я не позволю тебе бить меня, — твердо заявила я, продолжая цепляться за кроватный столбик.

— Ах вот как, не позволишь? — Он поднял светлые брови. — Так я тебе скажу, милая, что об этом не стоит много говорить. Ты моя жена, хочешь ты этого или нет. Пожелай я сломать тебе руку, или держать тебя впроголодь на хлебе и воде, или запереть тебя в шкаф на много дней, я мог бы сделать это, не говоря уж о том, чтобы взгреть тебя по заднице!

— Я стану кричать!

— Вполне вероятно. Если не до того, так во время. Думаю, тебя услышат на соседней ферме, легкие у тебя хорошие.

Он мерзко ухмыльнулся и, перегнувшись через кровать, потянулся ко мне.

С некоторым трудом он отцепил мои пальцы и потащил меня на край постели. Я колотила его ногами по голням, но без всякого успеха, потому что была босая. Что-то натужно мыча, он старался уложить меня на кровать лицом вниз, скрутил мне руки.

— Я должен это сделать, Клэр. Не сопротивляйся, и мы ограничимся дюжиной ударов.

— А если я буду сопротивляться? — прорычала я. Он поднял ремень и хлестнул себя по ноге с противным чавкающим звуком.

— Тогда я поставлю колено тебе на спину и буду бить тебя, пока рука не устанет, и предупреждаю, что ты устанешь куда скорее, чем я.

Я скатилась с кровати и встала перед ним лицом к лицу, стиснув кулаки.

— Ты варвар! Ты... ты садист! — прошипела я со злостью. — Ты это делаешь ради собственного удовольствия! Я тебе этого никогда не прощу!

Джейми слушал молча, поигрывая ремнем. Ответил он мне ровным голосом:

— Я не знаю, что такое садист. И если я простил тебя за сегодняшний день, то, думаю, и ты простишь меня тоже, когда снова сможешь сидеть. Что касается удовольствия... — Губы у него дернулись. — Я говорил, что должен наказать тебя, но не говорил, что это меня радует. — Он поманил меня пальцем. — Иди сюда.

На следующее утро мне не хотелось покидать свое убежище, и я всячески медлила, завязывая и снова распуская тесемки и расчесывая волосы. После вчерашнего вечера я не разговаривала с Джейми, но он заметил мое состояние и посоветовал выйти вместе с ним к завтраку.

— Тебе не надо бояться встречи с другими, Клэр. Они будут подшучивать над тобой, но не очень. Выше голову. — Он приподнял мне подбородок, а я куснула его за пальцы — сильно, но не глубоко.

— Ой! — Он отдернул пальцы. — Поосторожней, милая, ты же не знаешь, где они побывали.

Он оставил меня, посмеиваясь, и ушел завтракать.

У него вполне может быть хорошее настроение, горько подумала я. Если ему хотелось отомстить, он удовлетворил вчера вечером свою месть сполна.

Это был отвратительный вечер. Моя вынужденная уступчивость улетучилась после первого же удара ремнем по телу. Последовала короткая, но яростная борьба, стоившая Джейми разбитого в кровь носа, трех великолепных царапин на щеке и глубоко укушенного запястья. Не удивительно, что после этого он едва не задушил меня засаленными килтами, прижал мне спину коленом и отхлестал как надо.

Но Джейми, проклятие его черной шотландской душе, оказался прав. Мужчины поздоровались со мной сдержанно, однако вполне по-дружески; враждебность и пренебрежение предыдущего вечера исчезли без следа.

Когда я накладывала на тарелку яйца у буфета, ко мне подошел Дугал и отеческим жестом обнял меня за плечи. Его борода кольнула меня в ухо, пока он конфиденциально рокотал:

— Надеюсь, Джейми не был с вами слишком груб прошедшей ночью,

девочка. Крик стоял такой, словно вас убивали.

Я вспыхнула и отвернулась, чтобы он этого не заметил. После противных замечаний Джейми я решила во время трапезы не проронить ни слова.

Дугал обратился к Джейми, который сидел за столом, поглощая хлеб с сыром:

— Послушай, парень, совсем не следовало бить девочку чуть не до полусмерти. Небольшой памятки было бы вполне достаточно.

Он крепко шлепнул меня пониже спины в порядке иллюстрации и я сморщилась от боли, сердито глянув на Дугала.

— Исполосованный зад ни у кого ещё не болел без передышки, — высказался Мурта с набитым хлебом ртом.

— В самом деле, — улыбнулся Нед. — Присаживайтесь, милочка.

— Благодарю вас, я постою, — с достоинством ответила я и вызвала этим громовый хохот всех мужчин. Джейми благоразумно отвел от меня взгляд и с преувеличенным старанием принялся резать сыр.

Добродушные шутки продолжались весь день, и каждый из мужчин нашел повод шлепнуть меня по заднице с полным при этом сочувствием. В общем, все оказалось терпимо, и я невольно вынуждена была признать, что Джейми прав, хотя мне по-прежнему хотелось его придушить.

Поскольку о том, чтобы присесть, не могло быть и речи, я все утро занималась маленькими домашними делами — подшивала подол, пришивала пуговицы и так далее. Делать это можно было на подоконнике под тем предлогом, что для шитья надо побольше света. После ленча, который я съела стоя, мы все разошлись по комнатам отдыхать. Дугал решил, что мы дождемся наступления темноты и тогда двинемся в Баргрэннан — место нашей следующей остановки. Джейми последовал за мной в нашу комнату, но я захлопнула дверь у него перед носом. Пусть поспит на полу.

Прошедшей ночью он повел себя с определенным тактом, надев свой ремень после окончания экзекуции и немедленно удалившись из комнаты. Вернулся он через час, когда я уже погасила лампу и легла в постель, причем у него хватило ума не пытаться лечь рядом со мной. Некоторое время он вглядывался в темноту, где я лежала неподвижно, потом глубоко вздохнул, расстелил свой плед и заснул на полу у двери.

Слишком обозленная, униженная и не имеющая даже чисто физической возможности уснуть, я так и пролежала большую часть ночи без сна, то думая о словах Джейми, то борясь с желанием подойти и лягнуть его в самое чувствительное место.

Если бы я могла быть объективной (а я как раз не могла!), то, наверное, признала бы, что он прав, говоря о моем несерьезном восприятии серьезных вещей. Ошибался он в другом: так получалось не потому, что жизнь там, где я жила — не важно, где именно, — менее опасна. На деле все обстояло как раз наоборот.

Время, в которое я попала, все еще оставалось для меня нереальным во многих отношениях. Нечто вроде пьесы на движущихся подмостках. По сравнению с картинами массовых механизированных военных действий, которые мне пришлось не только видеть, но и пережить, здешние маленькие сражения с небольшим количеством участников, вооруженных саблями и мушкетами, выглядели скорее живописными, нежели угрожающими.

У меня сместился масштаб восприятия вещей. Человек, убитый из мушкета, был так же мертв, как и тот, которого убило снарядом мортиры. Разница состояла в том, что снаряд убивал не одного конкретного человека, а сразу многих, в то время как из мушкета стрелял определенный человек, который мог видеть глаза того, в кого он целится. Как мне представлялось, это было убийство, а не война. Сколько людей принимает участие в войне? Достаточно, вероятно, для того, чтобы каждый из них не видел перед собою каждого. Но ведь и здесь определенно шла война — или по крайней мере серьезное сражение — для Дугала, Джейми, Руперта, Неда. Даже маленький Мурта с его крысиным личиком имел основания быть жестоким независимо от его природных склонностей.

Что же это за основания? Один король предпочтительнее другого? Ганноверы или Стюарты? Для меня это было не больше чем имена в таблице на стене в школе. Что они значили по сравнению с таким немыслимым злом, как гитлеровский рейх? Для тех, кто жил при этих королях, разница, наверное, была существенна, но мне она казалась тривиальной, незначительной. Однако может ли право жить по собственному усмотрению считаться незначительным когда бы то ни было? Разве борьба за выбор собственной судьбы менее значительна, нежели необходимость остановить большое зло?.. Я обеспокоенно задвигалась и осторожно потеряла наболевшие ягодицы. Глянула на Джейми, свернувшегося в клубок возле двери. Он дышал ровно, но неглубоко; возможно, тоже не мог уснуть. Я надеялась, что это так.

Вначале я была склонна воспринимать все это несчастное злоключение как мелодраму; подобные вещи не имеют места в реальной действительности. Я испытала немало потрясений с тех пор, как прошла сквозь камень на холме, но худшее из них испытано мною вчера днем.

Джек Рэндолл, так похожий и так ужасающе непохожий на Фрэнка. Его прикосновение к моей груди внезапно соединило мою прежнюю жизнь и нынешнюю, соединило разделенные реальности словно ударом молнии. И так появился Джейми — его лицо, скованное страхом, в окне комнаты Рэндолла, а потом это же лицо, искаженное гневом, когда мы кричали друг на друга на обочине, потом — сведенное болью после моих слов.

Джейми. Джейми реален, все в порядке, реален как ничто другое для меня, даже Фрэнк и моя жизнь в 1945 году. Джейми, нежный любовник и вероломный негодяй.

Возможно, в этом и заключалась проблема. Джейми заполонил мои чувства настолько, что его окружение казалось почти несущественным. Но я больше не могла пренебрегать этим окружением. Мое безрассудство едва не погубило Джейми, и теперь страх подступил к горлу при мысли о том, что я могла, его потерять. Я села в постели, намереваясь пойти и разбудить его, сказать ему, чтобы он пришел ко мне на кровать. Но едва я всем весом опустилась на результаты его рукоприкладства, как тотчас изменила свое намерение и со злостью перевернулась снова на живот.

Так и прошла ночь в метаниях между приступами ярости и философствованием, совершенно измучив меня. Зато теперь я проспала всю вторую половину дня и полусонная спустилась, чтобы съесть легкий ужин, когда Руперт разбудил меня перед наступлением темноты.

Дугал, без сомнения, скорчил недовольную мину, когда пришлось выложить денежки, но лошадь для меня все же приобрел. Здоровенное животное нескладного сложения, но с добрыми глазами; я немедленно дала своему новому коню кличку Фистл^[34].

Я как-то не подумала заранее, каково это ехать верхом после внушительной порки. Теперь я неуверенно поглядывала на твердое седло на спине у Фистла, осознав, что мне предстоит. Толстый плащ вдруг хлопнулся на седло, и блестящие крысиные глазки Мурты подмигнули мне заговорщически из-за спины коня. Я решила, что по крайней мере стану страдать с гордым молчаливым достоинством, и, стиснув челюсти, взгромоздилась в седло.

Казалось, среди мужчин образовался негласный заговор галантности: они останавливались облегчиться через небольшие промежутки времени, давая мне таким образом возможность ненадолго спешиться и тайком почесать ноющий афедрон. Время от времени кому-то требовалось попить, что также требовало моей остановки, потому что бутылки с водой вез Фистл.

Таким вот манером мы и передвигались некоторое время, но боль

делалась все сильнее, заставляя меня непрерывно ерзать в седле. В конце концов я решила послать к черту полное достоинства страдание: просто необходимо было на время слезть на землю. Я остановила своего скакуна и спешила. Сделала вид, что осматриваю левую переднюю ногу лошади, пока остальные собрались вокруг меня.

— Камень попал в подкову, — соврала я. — Я его вынула, но лошади, пожалуй, стоит пройтись без груза. Не хочется, чтобы она захромала.

— Да, это нам ни к чему, — согласился Дугал. — Ладно, пройдите немного, но кто-нибудь пускай останется с вами. Дорога здесь вроде бы спокойная, но я не хочу, чтобы вы шли одна.

Джейми немедленно прыгнул с седла.

— Я пойду вместе с ней, — сказал он спокойно.

— Хорошо. Только не слишком задерживайтесь, мы должны попасть в Баргреннан до рассвета. Остановимся в «Красном Кабане», хозяин нам друг.

Взмахом руки он подал знак остальным, и они пустились вперед быстрой рысью, обдав нас пылью.

Несколько часов мучений в седле не улучшили моего настроения. Пускай его идет рядом со мной, я буду не я, если заговорю с этим садистом, с этой жестокой скотиной!

Он не выглядел особенно жестоким при свете взошедшего месяца, но я ожесточила свое сердце и ковыляла вперед, стараясь не смотреть на него.

Вначале мои наболевшие мышцы протестовали против нелегкого упражнения, но через полчаса идти стало легче.

— Завтра ты почувствуешь себя лучше, — как бы вскользь заметил Джейми. — Но послезавтра сидеть будет еще неприятно.

— Откуда бы, интересно знать, эти особые познания? — Я метнула в его сторону огненный взгляд. — Тебе часто приходилось пороть людей?

— Никоим образом, — невозмутимо ответил он. — Это я сделал впервые. Просто я имею определенный опыт другого рода.

— Ты? — уставилась я на него, не в состоянии представить себе, что кто-то мог выпороть эту ходячую башню из мышц и сухожилий.

Он рассмеялся моему удивлению.

— Когда я был поменьше, Саксоночка. Ремень гулял по, моей заднице несчетное количество раз, начиная с восьми лет и до тринадцати. К тому времени я перерос отца, и ему стало несподручно нагибать меня над перекладиной забора.

— Твой отец бил тебя?

— Да, частенько. Школьный учитель тоже, конечно, а время от

времени Дугал или еще кто-то из дядьев, в зависимости от того, где я жил и что натворил.

Все это казалось мне весьма интересным, несмотря на мое решение не обращать на него внимания.

— И что же ты такого делал?

В тихом ночном воздухе снова прозвучал его негромкий заразительный смех.

— Ну, всего не упомнишь. В общем, получал я по заслугам. Не помню, чтобы отец выпорол меня хоть раз не за дело.

С минуту он шел молча, задумавшись.

— М-мм, однажды мне попало за то, что я бросал камнями в цыплят, потом за то, что я гонял коров, они перепугались и не давали их доить... Еще раз, помню, за то, что съел варенье с пирогов, а пироги оставил так. Ну, выпустил лошадей из конюшни, забыл запереть ворота. Сжег солому с голубятни — это вышло нечаянно, то есть неумышленно. Терял школьные учебники, это уже умышленно...

Он замолчал и пожал плечами, когда я невольно расхохоталась.

— Самые обычные вещи. Еще чаще мне доставалось за то, что не вовремя раскрывал рот. — Он фыркнул от смеха, вспомнив еще о чем-то. — Один раз моя сестра Дженни разбила кувшин. Это я разозлил ее. Дразнил, она потеряла терпение и запустила в меня кувшином. Отец вошел и спросил, кто это сделал. Дженни испугалась и ничего не сказала, только посмотрела на меня широко раскрытыми испуганными глазами, они у нее голубые, как у меня, но красивее, с густыми черными ресницами. — Джейми снова пожал плечами. — Ну, я и сказал, что кувшин разбил я.

— Это было очень благородно с твоей стороны, — съехидничала я. — Твоя сестра, наверное, была тебе очень благодарна.

— Да, наверное, была бы. Но дело-то в том, что отец все время стоял за приоткрытой дверью и видел, как оно было на самом деле. Он выпорол сестру за разбитый кувшин, а мне досталось вдвое — за то, что дразнил ее, и за то, что соврал.

— Это же несправедливо!

— Наш отец не всегда был ласков, но обычно он был справедлив, — невозмутимо возразил Джейми. — Он сказал, что правда есть правда и люди должны отвечать за свои поступки, а это верно. — Он покосился в мою сторону. — Но он еще добавил, что я поступил по-доброму, приняв на себя вину, поэтому он предлагает мне наказание на выбор — либо вытерпеть порку, либо остаться без ужина. — Джейми снова засмеялся, покачивая головой. — Он меня хорошо знал. Я, разумеется, предпочел порку.

— Да уж, ты не что иное, как ходячий аппетит, — заметила я.

— Да, — согласился он без всякой обиды. — Я всегда этим отличался. Ты тоже, обжора ты этакий, — обратился он к своему коню. — Погоди немного, пока остановимся отдохнуть.

Конь то и дело тянул морду к пучкам травы на обочине, и Джейми дернул повод.

— Да, отец у нас был справедливый, — продолжал он. — И признавал это, хотя в то время я, конечно, этого не понимал. Он не заставлял меня дожидаться наказания, а наказывал сразу после проступка или же как только узнавал о нем. И всегда делал так, чтобы я знал, за что получаю трепку, но разрешал мне при разборе дела поспорить с ним, если я хотел.

Так вот ты какой, подумала я. Этакий обезоруживающий хитрец. Я сомневалась, что ему удастся умиловить меня, вывернувшись при первой возможности наизнанку, но пусть его постарается.

— Удавалось тебе когда-нибудь победить в таком споре? — спросила я.

— Нет. Обычно случай был предельно ясен, и обвиняемый сам свидетельствовал против себя. Но иной раз мне удавалось смягчить приговор. — Он почесал нос. — Я ему один раз сказал, что бить сына — самый непросвещенный способ помочь ему выбрать жизненную дорогу. Он ответил, что разума у меня не больше, чем у столба, возле которого я стою, дай Бог, чтобы столько-то было. Что уважение к родителям — один из краеугольных камней просвещенного поведения и что, пока я этого не усвою, придется мне пялить глаза на пальцы собственных ног, в то время как мой варвар-родитель хлещет меня по заднице.

На этот раз я рассмеялась вместе с ним. Мирно было на дороге, стояла та самая абсолютная тишина, какая бывает, когда находишься вдали от всех людей. Тишина, которой почти не встретишь в мое многолюдное время, когда машины повсюду распространили влияние человека, — ведь один человек в машине производит столько же шума, сколько целая толпа людей. А тут единственные звуки — это шорох травы, редкий вскрик ночной птицы да мягкий топот конских копыт по пыльной дороге.

Теперь, когда наболевшие мышцы расслабились во время движения, идти мне стало уже намного легче. Несколько остыли и расслабились и мои обостренные чувства в то время, как я слушала забавные и беспощадные по отношению к самому себе рассказы Джейми.

— Мне, конечно, не нравилось, когда меня били, но, если у меня оказывался выбор, я предпочитал, чтобы наказывал меня отец, а не школьный учитель, который в школе не порол нас по задку, но хлестал

ремнем по ладони. Отец говорил, что, если он отхлещет меня по ладони, я не смогу управляться с домашней работой, а после порки по заднице мне не придется сидеть и лодырничать. Учителя у нас в школе сменялись что ни год, не выдерживали подолгу и либо начинали фермерствовать, либо уезжали в более богатые края. Платили школьным учителям мало, все они были худые и голодные. Только один был толстый, но я думаю, он был не настоящий школьный учитель. Выглядел он как переодетый священник.

Я припомнила пухлого маленького отца Бэйна и усмехнулась в знак согласия.

— Одного я особенно запомнил, — говорил Джейми, — потому что он ставил тебя перед классом с вытянутой вперед рукой и читал длинную нотацию обо всех твоих провинностях, прежде чем начать, и продолжал ее в промежутках между ударами. Я, бывало, стою перед ним с вытянутой рукой, испытываю жгучую боль и молюсь об одном — чтобы он перестал болтать языком и поскорее закончил дело, пока я не потерял присутствие духа и не заревел.

— Я полагаю, что именно этого он и добивался, — вставила я, испытывая к нему сочувствие вопреки моей воле.

— О да, — отозвался он без колебаний. — Мне понадобилось некоторое время, чтобы это понять, но когда я понял, то по своему обыкновению не удержал язык за зубами. — Он вздохнул.

— И что из этого вышло? — поинтересовалась я уже без всякой внутренней злости.

— Однажды он решил наказать меня за то, что я никак не привыкал писать правой рукой, а все левой. Хлестнул меня три раза, растянул это почти на пять минут, ублюдок, и принялся твердить мне, прежде чем продолжать, что я глупый, ленивый, упрямый мальчишка, неотесанная деревенщина и так далее. Рука у меня горела, потому что он проделывал это уже второй раз за день, и было мне страшно оттого, что дома меня ждет хорошая порка. Такое у нас водилось обыкновение: если мне попадало в школе, то дома мне всыпали сразу, как я приходил; отец считал учение самым важным делом. Словом, как бы там ни было, но я потерял терпение.

Неосознанным движением он обмотал повод вокруг левой руки, словно хотел защитить чувствительную ладонь. Помолчал и глянул на меня.

— Я редко теряю самообладание, Саксоночка, и обычно раскаиваюсь, если это происходит.

Это, пожалуй, уже было близко к извинению.

— Раскаивался ли ты тогда?

— Я тогда сжал кулаки и посмотрел на него снизу вверх — он был высокий сухопарый парень лет, я думаю, двадцати, но мне-то он казался старым — и сказал: «Я вас не боюсь, и плакать вы меня не заставите, бейте как хотите!» — Джейми сделал глубокий вдох, потом выдохнул. — Это, конечно, было ошибкой говорить ему такое, пока он ещё держит в руке ремень.

— Можешь не продолжать, — сказала я. — Он ведь постарался доказать тебе, что ты ошибаешься?

— Вот именно, постарался, — кивнул Джейми, темный силуэт его головы вырисовывался на фоне покрытого облаками неба. Слово «постарался» он выговорил с мрачным удовлетворением.

— Он не добился своего?

Темная голова качнулась из стороны в сторону.

— Нет, не добился. Он не заставил меня заплакать. Зато заставил пожалеть, что я не промолчал.

Он умолк и повернулся лицом ко мне. В эту минуту в облаках появился просвет и лунный луч обвел позолотой контуры его щек и подбородка, как у одного из архангелов Донателло.

— Когда Дугал описывал тебе мой характер, он, возможно, упоминал, что я иногда бываю немного упрям?

Удлиненные глаза сверкнули — скорее как у Люцифера, чем как у архангела Михаила.

— Мягко сказано, — засмеялась я. — Насколько я помню, он говорил, что все Фрэзеры невероятно упорны, а ты самый упорный из всех. Впрочем, — добавила я сухо, — я сама наблюдала кое-что в этом роде.

Он улыбнулся и, прихватив покрепче поводья, стал обводить наших лошадей вокруг большой лужи.

— Мм-ф, ну, я не могу сказать, что Дугал не прав, — заговорил он, преодолев препятствие. — Но если я и упорствую, то совершенно честно. Мой отец был таким же, и время от времени мы с ним вступали в противоречие, преодолеть которое можно было, только применив силу. Тогда-то мне и приходилось перегибаться через перекладину забора.

Внезапно моя лошадь заржала и фыркнула; Джейми быстро протянул руку и ухватил ее под уздцы.

— Хуш! Успокойся... успокойся, животинка!

Его собственный конь, менее пугливый, только дернулся и мотнул головой.

— В чем дело? — Я ничего не видела, хотя пятна лунного света испещряли дорогу и поле. Впереди виднелся сосновый лесок, и лошади

почему-то не склонны были к нему приближаться.

— Не знаю. Постой здесь и не шуми. Садись верхом на свою лошадь и поддержи мою. Если я крикну тебе, отпускай поводья и скачи.

Голос у Джейми был негромкий и ровный, он успокаивал меня так же, как лошадей. Что-то бормотнув лошади и шлепнув ее ладонью по шее, чтобы подогнать поближе ко мне, он с кинжалом в руке нырнул в заросли вереска.

Я насторожила глаза и уши, стараясь распознать, что же все-таки беспокоит лошадей: они то и дело переступали с ноги на ногу, уши торчком, хвосты подергиваются от возбуждения. От облаков к этому времени остались лишь клочья, уносимые ветром; тонкие их нити порой прочерчивали лик сияющего полумесяца. Несмотря на то что было светло, я ничего не сумела разглядеть ни на дороге, ни в зловещей на вид роще.

Час был поздний, а дорога неподходящая для разбойников, если таковые вообще встречались в горной Шотландии: здесь не так много путников, на которых стоило бы устраивать засады.

Роща была темная, но не тихая. Сосны о чем-то перешептывались, миллионы иголок омывались ветром. Сосны — деревья очень древние и такие загадочные в темноте. Голосеменные растения, носители шишек, разбрасыватели крылатых семян, они куда старше и крепче, нежели дубы или осины с их мягкой листвой и ломкими ветвями. Подходящее обиталище для призраков и злых духов, о которых рассказывает Руперт.

Это только ты можешь довести себя до страха перед деревьями, пускай даже их много, ругала я себя. Но куда подевался Джейми, в конце-то концов?

Рука, коснувшаяся моего бедра, заставила меня вскрикнуть, точно перепуганная летучая мышь — тоненьким пискливым голоском, что было вполне объяснимо: горло у меня перехватило от страха. Даже узнав Джейми, я, в неудержимом и бесконтрольном гневе, порожденном безумным страхом, ударила его в грудь.

— Не подкрадывайся ко мне так!

— Тихо, — предостерег он. — Идем со мной.

Бесцеремонно стащил меня с седла, поставил на землю, быстро привязал лошадей — они тревожно заржали, когда он повлек меня за собой в высокую траву.

— Да что там такое? — прошипела я, на каждом шагу спотыкаясь о корни и камни.

— Потихе. Не разговаривай. Смотри себе под ноги, ступай по моим следам и остановись, когда я до тебя дотронусь.

Медленно и более или менее тихо мы пробирались к сосновой роще. Под деревьями было темно, лишь немногие пятна света видны были на подстилке из опавших иголок. Даже Джейми не мог передвигаться совсем бесшумно, но шорох сухих игл под ногами терялся в шуме живых колючих ветвей над головой.

Ковер хвои неожиданно сменился массивным выступом гранита. Джейми пропустил меня вперед и показывал, куда ставить руки и ноги при подъеме на каменный склон. Наверху оказалась ровная небольшая площадка, достаточная, чтобы двоим улечься рядом. Джейми приблизил губы к моему уху:

— Тридцать футов спереди и справа от нас. На полянке. Ты их видишь?

Я их не только увидела, но и отлично слышала. Волки, небольшая стая, животных восемь или десять. Воя не было. Добыча лежала в тени, что-то темное, с торчащей вверх ногой, тощей и вздрагивающей оттого, что зубы теребили тушу. Порой было слышно глухое ворчание, порой таявал детеныш, которого оттеснили от куска, пожираемого взрослым волком, — все это под звуки удовлетворенного чавканья и хруст костей.

Когда глаза мои привыкли к этой сцене, неровно освещаемой месяцем, я разглядела в тени под деревьями распростершиеся на земле косматые тела полностью насытившихся волков. Пятна серой шерсти виднелись там и сям, возле добычи все еще шла возня в поисках оставленного теми, кто наелся в числе первых, вкусного кусочка.

Неожиданно в пятне света появилась широколобая, желтоглазая и остроухая голова. Волк издал негромкий угрожающий звук, нечто среднее между воем и рычанием, и под деревьями тотчас наступила тишина.

Шафрановые глаза, казалось, смотрели прямо на меня. В позе животного не было ни страха, ни любопытства, он просто заметил меня. Джейми дотронулся до моей спины, предупреждая, чтобы я не двигалась, но я и не испытывала желания бежать. Мне думалось, что я могла бы смотреть водку в глаза часами, но она — я была уверена, что это самка, не знаю почему, — только передернула ушами и вернулась к своей трапезе.

Мы еще несколько минут смотрели на животных, таких умиротворенных в рассеянном лунном свете. Потом Джейми, тронув меня за руку, дал понять, что пора уходить.

Он держал меня под руку и поддерживал, пока мы пробирались сквозь деревья к дороге. Впервые после того, как он освободил меня из Форт-Уильяма, я по доброй воле позволила ему дотронуться до меня. Все еще замороженные видом волков, мы почти не разговаривали, но уже

чувствовали себя друг с другом свободно и легко.

Так мы и шли, а я, вспоминая истории, которые он мне рассказывал, не могла не восхищаться проделанной им работой. Без единого слова прямого объяснения или извинения он сообщил мне все, что хотел: я дал тебе такой же урок справедливости, какие получал сам. Я был милосерден, насколько мог. Я не мог избавить тебя от боли и унижения, но я поделился с тобой своими страданиями и унижениями, чтобы тебе легче было перенести твои.

— Ты сильно переживал это? — спросила я. — Я имею в виду, когда тебя били? Или относился к наказанию легко?

Он слегка сжал мою руку, прежде чем отпустить ее.

— Я сразу забывал. В большинстве случаев. За исключением последнего раза. Тут мне понадобилось время.

— Почему?

— Да как тебе сказать? С одной стороны, потому что мне было шестнадцать и я считал себя взрослым. С другой... меня очень жестоко наказали.

— Можешь не рассказывать, если тебе не хочется, — сказала я, заметив его колебания. — Тяжелая история?

— Далеко не такая тяжелая, как сама порка, — засмеялся он. — Нет, я не прочь рассказать. Просто она длинная.

— Но и до Баргрэннана еще далеко.

— Верно. Тогда ладно. Ты помнишь, я тебе говорил, что провел в замке Леох целый год, когда мне было шестнадцать лет? Такая была договоренность между Коламом и моим отцом — чтобы я лучше познакомился с кланом моей матери. Два года я жил у Дугала, а потом поехал на год в замок учиться хорошим манерам, латыни и тому подобным вещам.

— Понятно. А я все думала, как же ты попал туда.

— Да, вот таким путем. Для своего возраста я был рослый и здоровый. Уже тогда хорошо владел мечом и с лошадьми управлялся лучше многих.

— К тому же отличался скромностью, — заметила я.

— Не слишком. Самоуверенный до чертиков и куда более скорый на язык, чем сейчас.

— Разум научит сдержанности, — снова插вила я.

— Все может быть, Саксоночка. Тогда я заметил, что некоторые мои замечания смешат людей, и я стал делать их как можно чаще, не слишком заботясь о том, что я говорю и кому. Иной раз я бывал жесток, особенно со своими ровесниками, и не считал нужным сдерживаться, когда в голову приходило что-нибудь остроумное, как я считал.

Он посмотрел на небо, чтобы определить время. Небо потемнело, потому что луна зашла. Низко над горизонтом я разглядела Орион — и на душе потеплело, словно при виде старого доброго знакомого.

— Но однажды я зашел чересчур далеко. С двумя другими парнишками я шел по коридору и на другом его конце увидел мистрисс Фиц-Джиббонс. Она несла большую корзину, размером чуть ли не с нее самое, и забавно переваливалась на ходу. Ты же знаешь, как она выглядит теперь, тогда она была ненамного меньше. — Он в смущении почесал нос. — Ну, я и сделал несколько замечаний по поводу ее внешности, не слишком любезных, хоть и смешных. Во всяком случае, моих приятелей они развеселили. Я не сообразил, что их могла отлично слышать и мистрисс Фиц.

Я вспомнила внушительную хозяйку замка Леох. Мне доводилось видеть ее только в добром настроении, однако она была не похожа, на человека, который позволит себя задевать безнаказанно.

— Что же она сделала?

— Тогда ничего. Я и не знал, что она слышала мою болтовню, пока на следующий день во время собрания в Холле она не рассказала об этом Коламу.

— О Боже!

Я знала, как высоко ценит Колам свою домоправительницу, и не думала, что он кому бы то ни было мог спустить непочтительность по отношению к ней.

— Ну и что произошло?

— То же самое, что с Лаогерой, или почти то же самое. — Джейми хихикнул. — Я был ужасно какой смелый, встал и заявил, что выбираю наказание кулаками. Я старался держаться спокойно и по-взрослому, но сердце у меня колотилось, как кузнечный молот, и я почувствовал ужасную слабость, когда взглянул на ручки Энгуса. Они у него точно каменные и огромные. В зале кое-кто рассмеялся; я тогда не был такой высокий, как теперь, а весил вдвое меньше. Энгус мог бы мне голову сшибить одним ударом. Как бы то ни было, Колам и Дугал оба нахмурились, но я подумал, им на самом деле приятно, что я смело выступил со своей просьбой. Тут Колам сказал, что нет, раз я вел себя как мальчишка, меня и наказать надо соответственно. Он кивнул, и, прежде чем я рывнулся, Энгус уложил меня себе поперек колена, задрал мне килт и отхлестал своим ремнем при всем честном народе.

— Ох, Джейми!

— Да уж! Ты, наверное, заметила, что Энгус здорово знает свое дело?

Он дал мне пятнадцать горячих, и я до сих пор могу точно показать, по какому месту пришелся каждый удар. — Он передернул плечами при этом воспоминании. — Отметины я носил целую неделю.

Он протянул руку и сорвал с ближайшей сосны пучок иголок. Расправил их веером между большим пальцем и остальными; в воздухе сильно запахло скипидаром.

— К сожалению мне после этого не дали спокойно уйти и позаботиться о своих болячках. Когда Энгус кончил порку, Дугал взял меня за шиворот и отвел в дальний конец Холла. Оттуда я должен был проползти обратно на коленях по каменному полу. Стоя на коленях возле кресла Колама, попросить прощения у мистрисс Фиц, у Колама, извиниться перед всеми собравшимися и, наконец, поблагодарить Энгуса за порку. Я чуть не разревелся, пока делал это, но Энгус отнесся ко мне благородно: подошел и помог мне встать на ноги. После этого мне приказали сесть на стул возле Колама и сидеть так, пока не кончится собрание. — Он понуро опустил плечи. — Это был худший час в моей жизни. Лицо у меня горело, и задница тоже, коленки все ободраны, и я мог смотреть только себе на ноги, но хуже всего было то, что мне ужасно хотелось писать. Я чуть не умер. Я бы скорее лопнул, чем обмочился на глазах у всех, но был близок к тому. Рубаха у меня насквозь промокла от пота.

Я с трудом подавила смех. — Разве ты не мог сказать Коламу, что с тобой?

— Он отлично знал, что происходит, да и все в Холле это заметили, я вертелся на стуле ужом. Люди заключили пари, выдержу я или нет. Колам отпустил бы меня, если бы я попросил, но на меня нашло упрямство. — Он улыбнулся немного застенчиво, на темном лице ярко забелели зубы. — Решил про себя, что лучше умру, чем попрошу. Когда Колам сказал, что я могу идти, я проделал это не в самом Холле, но сразу как из него вышел. Пристроился за какой-то дверью у стены и пустил струю, думал, она никогда не кончится. Вот так, — добавил он, распрямил руки и уронил на землю пучок сосновых иголок. — Теперь я тебе рассказал о самой скверной в моей жизни истории.

Я ничего не могла с собой поделать: хохотала так, что мне пришлось присесть на землю у дороги. Джейми терпеливо ждал целую минуту, потом опустился рядом со мной на колени.

— Чего ты заливаешься? — спросил он. — Это было совсем не смешно.

Но он и сам не удержался от улыбки. Я, все еще смеясь, покачала головой.

— Конечно, не смешно. История ужасная. Просто... я как будто вижу тебя: ты сидишь упрямый, зубы стиснуты, а из ушей пар.

Джейми хмыкнул, но тоже немного посмеялся.

— Не слишком-то легко быть шестнадцатилетним, верно?

— Поэтому ты и помог той девушке, Лаогере, тебе стало ее жаль, — сказала я, обретая спокойствие. — Ты-то знал, каково это.

Он был удивлен.

— Пожалуй, так, — сказал он. — В двадцать три года куда легче вытерпеть мордобой, чем публичную порку в шестнадцать. Раненая гордость причиняет самые большие муки, а в том возрасте особенно.

— Я думаю. Никогда еще не видела, чтобы кто-нибудь с улыбкой ждал удара по физиономии.

— После удара тоже не заулыбаешься.

— М-да. — Я кивнула. — Но я думала... — начала я, но запнулась.

— Что ты думала? А, ты имеешь в виду меня и Лаогеру, — догадался он. — Думала ты, думал Алек, думала и сама Лаогера. Я бы поступил точно так же, если бы она была некрасивой. — Он ткнул меня под ребро. — Но ты мне, конечно, не поверишь.

— Я видела тебя с ней в тот день в алькове, — сказала я в свою защиту. — И кто-то все же научил тебя целоваться.

Джейми в смущении повозил ногами по пыли и виновато понурился.

— Саксоночка, я нисколько не лучше других мужчин. Стараюсь быть лучше, но не всегда получается. Ты, может, помнишь, как говорится у Святого Павла, что лучше жениться, чем сгореть от вожделения. Я тогда именно сгорал от вожделения.

Я рассмеялась — с легким сердцем, словно мне самой было шестнадцать.

— И ты женился на мне, — поддразнила его я, — чтобы не входить в грех соблазна?

— Ага. Тем-то и хорош брак, что делает обязательными те вещи, в которых при других обстоятельствах следует исповедоваться как в грехах.

Я опять закатилась.

— Ох, Джейми, я тебя ужасно люблю!

И тут настал его черед смеяться. Он перегнулся чуть ли не вдвое, потом уселся на обочину, обуреваемый весельем. Медленным движением откинулся назад и улегся на высокую траву, задыхаясь и взвизгивая от смеха.

— Что это с тобой? — уставилась я на него. Отсмеявшись, он сел и вытер глаза. Бурно дыша, тряхнул головой.

— Мурта был прав насчет женщин. Саксоночка, ради тебя я рисковал жизнью, я совершил кражу, поджог и нападение, да еще и убил человека. В награду ты изругала меня, унижая мое мужское достоинство, пнула по яйцам и расцарапала мне лицо. Потом я избил тебя до полусмерти и рассказал тебе о самых унижительных для меня вещах, какие со мной случались, и ты говоришь, что любишь меня.

Он уткнулся головой в колени и снова засмеялся. Наконец он поднялся и протянул мне руку, другой рукой вытирая глаза.

— Не очень-то ты благоразумна, Саксоночка, но ты мне очень нравишься. Идем, нам пора.

Было уже поздно или, если хотите, рано, надо было ехать верхом, иначе мы не успели бы в Баргрэннан до рассвета. Я теперь чувствовала себя настолько хорошо, что могла сидеть в седле, хоть это и было немного болезненно.

Некоторое время мы ехали в доверительном молчании. Погруженная в собственные размышления, я думала о том, что же произойдет, когда и если я найду наконец дорогу к каменным столбам. Выйдя замуж за Джейми по принуждению и полагаясь на него по необходимости, я с течением времени все больше привязывалась к нему.

Возможно, весьма существенное значение приобретали и его чувства по отношению ко мне. Связанный со мною вначале в силу стечения обстоятельств, позднее — узами дружбы, а еще позднее — на удивление сильным физическим влечением, он ни разу, даже случайно или мимоходом, о своих чувствах не обмолвился. И все же.

Он рисковал жизнью ради меня. Быть может, в силу церковного обета: он поклялся защищать меня до последней капли крови, и я верила, что такую клятву он принимал всерьез.

Поэтому я была особенно тронута, когда он внезапно допустил меня в мир своих переживаний и личной жизни. Если его чувства по отношению ко мне были такими, как мне казалось, то как он воспримет мое внезапное исчезновение? Остатки моего физического недомогания отступили в сторону, едва я столкнулась с этими беспокойными мыслями.

Мы были примерно в трех милях от Баргрэннана, когда Джейми нарушил молчание.

— Я не рассказывал тебе, как умер мой отец, — вдруг проговорил он.

— Дугал говорил мне, что у него был удар — я имею в виду апоплексический удар, — сказала я, несколько удивленная.

Мне подумалось, что Джейми, погруженный, как и я, в свои мысли, вспомнил об отце в связи с нашим недавним разговором, но я не могла себе

представить, почему он обратился именно к такому предмету.

— Это верно. Но только... он... — Джейми помолчал, обдумывая, очевидно, с чего начать, потом, передернув плечами, отбросил колебания. Глубоко вздохнул и заговорил: — Ты должна узнать об этом. Оно имеет отношение... к важным для нас вещам.

Дорога здесь была достаточно широка, чтобы ехать рядом; приходилось только очень внимательно следить, как бы не наткнуться на торчащие из земли острые камни, и я испытывала запоздалую благодарность Дугалу за то, что лошадь для меня он явно выбрал с толком.

— Это случилось в том самом форте, — снова заговорил Джейми, объезжая опасный участок дороги, — где мы побывали вчера. Куда Рэндолл и его люди привезли меня из Лаллиброха. Где меня пороли. Через два дня после первой порки Рэндолл велел привести меня к себе в кабинет. Двое солдат забрали меня из тюремной камеры и отвели к нему в комнату, в ту самую, где я нашел тебя, — ведь я же знал туда дорогу. Когда мы вышли во двор, то встретили моего отца. Он узнал, куда меня увезли, и приехал, чтобы попробовать как-нибудь меня выволить — или хотя бы убедиться, что со мной все в порядке.

Джейми легонько подтолкнул своего коня каблуком под ребра и прищелкнул языком, подгоняя его. Еще не было признаков дневного света, но облик ночи уже изменился. До рассвета оставалось не больше часа.

— Только увидев отца, я осознал, насколько был там одинок — и как мне было страшно. Солдаты не хотели оставлять нас наедине, но поздороваться позволили. — Джейми проглотил комок в горле и продолжал: — Я сказал отцу, что прошу прощения — за Дженни и вообще за все происшедшее. Он велел мне замолчать и крепко прижал к себе. Спросил, очень ли мне больно, — он знал, что меня пороли плетью, — и я ответил, что все в порядке. Тут солдаты заявили, что мне пора идти, отец крепко сжал мои руки и напомнил, чтобы я молился. Он сказал, что будет со мной, что бы ни произошло, велел выше держать голову и не терзать себя тяжелыми мыслями. Поцеловал меня в щеку, и солдаты меня увели. Так я видел отца в последний раз.

Голос у Джейми звучал твердо, но глуховато. У меня перехватило горло; я прикоснулась бы к Джейми, но в это время дорога как раз шла по узкой лощине, и я немного отстала. К тому времени, как я снова поравнялась с ним, Джейми уже справился со своим волнением.

— Ну, вот, — продолжал он. — Я вошел в комнату к капитану Рэндоллу. Он выслаз солдат, мы остались одни, и он предложил мне стул. Сказал, что отец посулил залог за мое освобождение, но, поскольку я

совершил серьезное преступление, меня нельзя освободить под залог без особого распоряжения, подписанного лично герцогом Арджиллом, власти которого мы подлежим. Из этого я понял, что мой отец направился к Арджиллу. Тем временем Рэндолл заговорил о повторном бичевании, к которому я был приговорен.

Джейми на минуту прервал свой рассказ, словно бы не зная, как продолжать.

— Мне показалось, — заговорил он снова, — что он как-то странно ведет себя. Очень доброжелательно, но за его сердечностью скрывалось что-то, чего я не мог понять. Он не спускал с меня глаз, будто бы чего-то от меня ожидал, хотя я сидел совершенно неподвижно. Он почти извинился передо мной, сказав, как сожалеет, что наши отношения с самого начала сложились так скверно. Он-де хотел бы, чтобы все было иначе, и так далее... — Джейми покачал головой. — Я представить себе не мог, чем он толкует: всего два дня назад он сделал все от него зависящее, чтобы меня запороли до смерти. Но когда он затем перешел к сути дела, то выражался достаточно прямо.

— Чего же он хотел? — спросила я.

Джейми глянул на меня, потом отвел глаза. Темнота скрывала его черты, но мне казалось, он смущен.

— Меня, — ответил он.

Я остановилась так внезапно, что лошадь мотнула головой и укоризненно заржала. Джейми снова передернул плечами.

— Он заговорил об этом в самых откровенных выражениях. Если я отдамся ему, он отменит вторую порку. Если нет — я пожалею о том, что родился на свет. Так он сказал.

Мне стало дурно.

— А я уже в ту минуту испытывал примерно такое желание, — продолжал Джейми даже с некоторым юмором. — Живот заболел так, словно я наглотался битого стекла, и если бы я не сидел, коленки у меня застучали бы одна о другую.

— Ну и что... — начала было я, но голос прозвучал так хрипло, что пришлось откашляться, прежде чем продолжать. — Что же ты сделал?

— Я не стану лгать тебе, Саксоночка. — Джейми вздохнул. — Я очень призадумался, очень. Рубцы после первой порки были так свежи, что я едва терпел прикосновение рубашки. Когда я вставал на ноги, голова у меня кружилась. Вынести это еще раз... связанный, беспомощный, стоишь и ждешь следующего удара... — Он непроизвольно задрожал. — Я не имел об этом представления, но мне казалось, что мне по крайней мере не будет

больно. Бывало, что люди умирали во время наказания плетью, Саксоночка, и, глядя на его лицо, я понял, что стану одним из таких, если не соглашусь на его предложение. — Джейми снова вздохнул. — Но... я еще чувствовал поцелуй отца на своей щеке, я думал о том, что он мне сказал... нет, я не мог этого сделать, вот и все. Я, конечно, не мог не думать, что может значить для моего отца моя смерть. — Он как-то странно фыркнул, словно во всем этом было нечто забавное. — Но вместе с тем я помнил, что этот человек уже изнасиловал мою сестру, — дьявол его побери, чтобы он заполучил и меня!

Я не находила это забавным — ни в малой мере! Я увидела Джека Рэндолла в новом, еще более отталкивающем свете. Джейми потер себе шею сзади и опустил руку на лук седла.

— И я собрал немногую оставшуюся у меня смелость и сказал «нет». Я произнес это громко, во всю силу легких, и добавил все те прозвания, каких он заслуживал. — Джейми скривился и продолжал: — Я боялся, что перемену решение, если начну над этим раздумывать. Я хотел быть уверенным, что отступать некуда. Впрочем, я не думаю, — добавил он, помолчав, — что существует какой-либо тактичный способ ответить отказом на подобное предложение.

— Вот именно, — согласилась я. — Кроме того, я полагаю, он бы не обрадовался, что бы ты ни сказал.

— Он и не обрадовался. Ударил меня по губам, чтобы заставить замолчать. Я упал — я ведь был еще очень слабый, а он стоял надо мной и смотрел на меня сверху вниз. Я сообразил, что не следует пытаться встать на ноги, и лежал на полу до тех пор, пока он не вызвал солдат, которые отвели меня обратно в тюрьму. А у него даже выражение лица не изменилось. Он только-сказал: «Увидимся в пятницу», словно назначал деловое свидание.

Солдаты отвели Джейми не в ту камеру, где он находился вместе с тремя другими заключенными. Его поместили в маленькую отдельную камеру, где он должен был ждать пятницы в полном одиночестве, если не считать ежедневных посещений гарнизонного врача, который лечил его раны.

— Настоящим-то доктором он не был, — сказал Джейми, — но в доброте ему не откажешь. Когда он пришел на второй день с гусиным жиром и древесным углем, он принес мне маленькую Библию, она осталась после заключенного, который умер. Сказал мне, что хоть я и папист^[35], но независимо от того, принесет ли мне облегчение слово Божие, я могу сравнить мои страдания с муками Иова. — Джейми рассмеялся. — Как ни

странно, это принесло мне утешение. Господь наш тоже был подвергнут бичеванию, но мне по крайней мере не предстояло быть после этого распятым на кресте. С другой стороны, — заметил он рассудительно, — Спаситель не был вынужден выслушивать от Понтия Пилата непристойные предложения.

Джейми сохранил маленькую Библию. Он порылся в седельной сумке, достал книгу и протянул ее мне посмотреть. Это оказался потрепанный том в кожаном переплете, длиной примерно в пять дюймов, напечатанный на такой тонкой бумаге, что буквы на одной стороне листа проступали на другую. На форзаце было написано: «Александр Уильям Родерик Макгрегор. 1733». Чернила выцвели и расплылись, а крышки переплета покоробились, словно книга не один раз побывала в воде.

Я с любопытством рассматривала книгу. Должно быть, для Джейми она представляла ценность, если он пронес ее с собою через все странствия и приключения последних четырех лет. Я вернула ему книгу.

— Никогда не замечала, чтобы ты ее читал.

— Я храню ее не ради этого, — ответил он и убрал Библию на прежнее место, пригладив большим пальцем отставший край истрепанного переплета. — Это долг по отношению к Алексу Макгрегору... Как бы то ни было, — вернулся он к своей истории, — настала наконец и пятница, и я не знаю, был ли я этому рад или нет. Я считал, что страх ожидания хуже самой боли. Но когда время пришло... — Он сделал тот самый странный жест, каким обычно сопровождал воспоминания о перенесенном ужасе, — передернул плечами. — Ладно, ты видела рубцы. Знаешь, что это такое, как оно было.

— Только от Дугала. Он говорил, что был там.

Джейми кивнул: — Точно, он там был. И мой отец тоже, хотя тогда я этого не знал. У меня ничего в голове не умещалось, кроме моих собственных дел.

— Вот оно что, — медленно выговорила я. — И твой отец...

— Ммм... Тогда оно и случилось. Некоторые говорили мне потом, что на половине экзекуции меня посчитали мертвым, и я думаю, мой отец тоже так подумал. — Он помолчал, а когда заговорил снова, голос звучал глухо: — Дугал говорил, что, когда я упал, отец проговорил что-то невнятное и приложил руку к голове. А потом свалился как подкошенный. И больше не встал.

Птицы пробудились в зарослях вереска и начали утреннюю переключку в еще темной листве деревьев. Голова Джейми была опущена, лица не видно.

— Я не знал, что он умер, — произнес он тихо. — Мне сказали только через месяц, когда решили, что я достаточно окреп, чтобы вынести это. Поэтому я не хоронил своего отца, как должен сын. И я не видел его могилу, потому что боялся поехать домой.

— Джейми, — сказала я. — О Джейми, милый... Наступило молчание, показавшееся мне очень долгим.

— Но ты не должен... ты не можешь считать себя ответственным за все, — снова заговорила я. — Ты ничего не мог поделать, и ты не мог поступить иначе.

— Нет? — переспросил он. — Возможно, что и так, хотя иногда я думаю, не выбрал ли бы я другой путь, повторись все это сначала. Я понимаю, но не могу не чувствовать того, что чувствую: я довел его до смерти своими собственными руками.

— Джейми... — начала я и замолчала, ощутив свою полную беспомощность.

Некоторое время он ехал молча, потом выпрямился и расправил плечи.

— Я никому об этом не рассказывал, — произнес он отрывисто. — Но решил, что ты теперь должна это знать — я имею в виду Рэндолла. Ты имеешь право знать, что стоит между им и мной.

«Что стоит между им и мной». Жизнь хорошего человека, честь девушки, грязное вожделение, нашедшее выход в крови и страхе. А теперь, подумала я, ощущая спазм в желудке, к перечню надо добавить еще кое-что. Меня. Я впервые осознала со всей отчетливостью, что пережил он там, на окне комнаты Рэндолла, стоя с незаряженным пистолетом в руке. И я начала прощать ему то, что он сделал со мной.

Словно прочитав мои мысли, он сказал, не глядя на меня:

— Понимаешь ли ты... то есть можешь ли ты понять, почему я должен был побить тебя?

Я ответила не сразу. Понять-то я поняла, но оставалась все же одна загвоздка.

— Я понимаю, — ответила я. — И насколько возможно, прощаю тебя. Одного я простить не могу, — произнесла я громче, чем собиралась, — я не могу простить, что ты бил меня с удовольствием.

Он склонился в седле, вцепившись в переднюю луку, и очень долго смеялся. Он упивался освобождением от напряжения, но наконец откинул голову назад и повернулся ко мне, Небо уже сильно посветлело, и мне было видно его лицо, изнеможенное и одновременно веселое. Царапины на щеке казались черными в сумеречном свете.

— С удовольствием! Саксоночка, — задыхаясь, заговорил он, — ты

даже не представляешь, с каким удовольствием. Ты была такая... О Господи, ты выглядела очень мило. Я был ужасно зол, а ты так бешено колотила меня. Мне было противно причинять тебе боль — и одновременно хотелось этого. Господи Иисусе, — произнес он, и замолчал, чтобы вытереть нос. — Да, я это делал с удовольствием. Но, по правде говоря, ты могла бы поблагодарить меня за сдержанность.

Я снова начинала злиться. Щеки так и вспыхнули, несмотря на прохладный предрассветный воздух.

— Так это была сдержанность, вот оно что! А у меня сложилось впечатление, что ты упражнял свою и без того сильную левую руку. Ты меня чуть не искалечил, ты, заносчивый шотландский ублюдок!

— Если бы я хотел изувечить тебя, Саксоночка, ты бы об этом сразу узнала, — сухо ответил он. — Я имел в виду — после. Я же спал на полу, если ты помнишь.

Сощутив глаза, я в упор смотрела на него, тяжело дыша носом.

— Так вот что ты называешь сдержанностью!

— Да, я решил, что не стоит наваливаться на тебя, когда ты в таком состоянии, но мне ужасно этого хотелось. — Он опять засмеялся. — Тяжкая нагрузка для моих врожденных инстинктов.

— Навалиться на меня? — повторила я — выражение меня позабавило.

— Ну да, нельзя же было в тех обстоятельствах сказать про это «заниматься любовью», верно?

— Можешь называть это как тебе угодно, — сказала я. — Хорошо, что ты не делал попыток, иначе пришлось бы тебе утратить весьма ценные части твоего организма.

— Мне это тоже, приходило в голову.

— И ты считаешь, что заслужил благодарность? За то, что благородно не прибавил к избиению изнасилование? — Я просто задышалась от злости.

Примерно полмили мы проехали в молчании. Потом Джейми тяжело вздохнул:

— Зря я затеял этот разговор. Но я всего-то навсего хотел подготовить тебя к вопросу, разрешишь ли ты снова спать с тобой в одной постели, когда мы приедем в Баргрэннан. На полу холодновато.

Минут пять я ему не отвечала. Когда решила, что и как ему скажу, натянула поводья и поставила лошадь поперек дороги, чтобы Джейми вынужден был остановиться тоже. Баргрэннан был уже совсем близко — в свете раннего утра виднелись верхушки крыш.

Я повернула лошадь так, чтобы она встала рядом с лошадью Джейми,

на расстоянии всего одного фута, не больше. Целую минуту молча смотрела ему прямо в глаза, прежде чем заговорить.

— Сделаете ли вы мне честь разделить со мной ложе, о господин мой и повелитель? — очень вежливо спросила я.

Он смотрел на меня с нескрываемым подозрением. Посмотрел, подумал, потом ответил сдержанно:

— Сделаю. Благодарю вас.

Он хотел было ехать дальше, но я остановила его.

— Есть еще кое-что, повелитель, — сказала я так же вежливо.

— Да?

Я вынула руку из потайного кармана платья, и утренний свет искрами заиграл на лезвии кинжала, который я приставила Джейми к груди.

— Если ты, — процедила я сквозь зубы, — еще когда-нибудь поднимешь на меня руку, Джеймс Фрэзер, я вырежу твое сердце и поджарю его на завтрак!

Наступило долгое молчание, только и было слышно, как переступают с ноги на ногу кони да поскрипывает сбруя. Потом Джейми протянул ко мне руку ладонью вверх.

— Дай мне его. — Я медлила, и он проговорил нетерпеливо: — Я не собираюсь использовать его против тебя. Дай же!

Он взял кинжал за лезвие и поднял так, что восходящее солнце осветило лунный камень на рукоятке, и он засиял. Джейми держал кинжал, словно крест, и что-то говорил речитативом по-гэльски. Я различила некоторые слова, которые звучали в зале замка Леох во время присяги, но Джейми тут же перевел свою речь на английский:

— Я клянусь на кресте Господа моего Иисуса и клянусь священным железом, которое держу в руке, что вручаю тебе свою преданность и обещаю тебе свою верность. Если я когда-либо подниму на тебя руку в гневе или озлоблении, да поразит меня священное железо в самое сердце.

Он поцеловал кинжал в том месте, где лезвие соединялось с рукояткой, и вернул его мне. — Я не делаю пустых угроз, Саксоночка, — сказал он, подняв одну бровь, — и не даю ничего не стоящих обещаний. Ну а теперь можем мы ехать туда, где нас ждет постель?

Глава 23

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛЕОХ

Дугал ждал нас возле входа в «Красный Кабан», нетерпеливо прохаживаясь из стороны в сторону.

— Ну, все уже в порядке? — спросил он, одобрительно глядя на то, как я сходила с седла без посторонней помощи, только слегка пошатнувшись. — Воспитанная барышня — десять миль без единой жалобы. Ложитесь теперь в постель, вы это заслужили. Мы с Джейми поставим лошадей в конюшню.

На прощание он шлепнул меня пониже спины — очень бережно. Я весьма была рада такому его предложению и уснула, едва положив голову на подушку.

Я не почувствовала, как Джейми улегся рядом со мной, но внезапно пробудилась поздним утром с таким ощущением, что забыла нечто важное.

— Хоррокс! — воскликнула я, сев на постели.

— А? — Разбуженный Джейми скатился с кровати на пол и схватил кинжал, который он, раздевшись, оставил сверху на куче одежды. — Что случилось?

Поглядев на него — скорчился на полу, взъерошенные волосы торчат, словно перья, — я невольно засмеялась:

— Ты похож на разозленного петуха.

Он взглянул на меня сердито, встал на ноги и положил кинжал на стул, где лежала одежда.

— Не могла подождать с этим сообщением, пока я проснусь? Решила, что оно произведет более сильное впечатление, если разбудишь, крикнув мне в самое ухо: «Еж!»

— Я вовсе не кричала «еж», я крикнула «Хор-рокс!». Вдруг вспомнила, что забыла спросить тебя о нем. Ты его нашел?

Он сел на кровать и опустил голову на руки. Энергично растер лицо, как бы желая восстановить циркуляцию крови.

— Да, — ответил он сквозь пальцы. — Да, я его нашел.

По тону голоса я поняла, что от дезертира получены не слишком добрые сведения.

— Он не захотел тебе ничего рассказывать? Такая возможность, конечно, была, хотя Джейми взял с собой для предполагаемой уплаты за сведения не только свои деньги, но и некоторую сумму, занятую у Дутала и

Колама, и готов был в крайнем случае пожертвовать кольцом отца.

Джейми улегся на постель рядом со мной и устремил взгляд в потолок.

— Нет, — ответил он. — Он мне все рассказал. И за вполне разумную плату.

Я приподнялась на локте, чтобы заглянуть ему в лицо.

— Ну и?.. Кто же, в конце концов, застрелил старшего сержанта?

Он посмотрел на меня и улыбнулся, но улыбка вышла невеселая.

— Рэндрлл, — ответил он и закрыл глаза.

— Рэндолл? — тупо повторила я. — Но зачем?

— Не знаю, — ответил Джейми, не открывая глаз. — Могу, разумеется, строить догадки, но это уже ни к чему. Никаких возможностей доказать это.

С этим нельзя было не согласиться. Я прилегла на спину возле Джейми и принялась разглядывать темные дубовые балки на низком потолке.

— Что же тебе остается делать? — спросила я. — Уехать во Францию? Или же... — Меня внезапно осенило: — Или же в Америку? Ты мог бы добиться успеха в Новом Свете.

— За океан? — По телу Джейми пробежала мгновенная дрожь. — Нет. Нет, этого я сделать не могу.

— Тогда что же? — спросила я, повернувшись к нему лицом.

Он приоткрыл один глаз лишь настолько, чтобы посмотреть на меня с брюзгливым недовольством.

— Для начала я бы подумал поспать еще часок, — сказал он, — да вот не получается.

Приподнявшись на постели, он затем вытянулся вдоль стены. Я перед сном не проверила кровать, потому что невероятно устала, а теперь вдруг заметила темное пятнышко на одеяле на уровне колена Джейми. Он говорил, а я все следила за этим подозрительным пятнышком.

— Ты права, — согласился Джейми, — мы могли бы уехать во Францию.

Начиная этот разговор, я как-то упустила из виду, что, принимая любое решение, Джейми теперь должен учитывать и меня.

— Но там для меня нет ничего особо привлекательного, — продолжал он. — Только солдатская служба, но ведь для тебя это не жизнь. Можно уехать ко двору короля Якова в Риме. Это уже лучше. Мои дядья Фрэзеры и двоюродные братья тоже там на хорошем счету, они могли бы помочь. У меня нет вкуса к политике, и еще менее я привержен принципам, но, в общем, это возможность реальная. И все-таки я бы предпочел остаться в Шотландии. Самое меньшее осел бы как мелкий фермер во владениях

Фрэзеров, а самое большее и самое приятное — вернулся бы в Лаллиброх.

Лицо у него, затуманилось, и я поняла, что он думает о сестре.

— Самое лучшее для меня, — произнес он тихо, — но я не могу туда поехать, потому что дело не только во мне. — Он посмотрел на меня, улыбнулся и пригладил мне волосы мягким движением. — Я иногда забываю, что теперь со мной ты, Саксоночка.

Я почувствовала себя крайне неудобно. Как самый настоящий предатель. Он был рядом со мной и строил планы, которые должны полностью изменить его жизнь, но он при этом имел в виду и меня, мои интересы и безопасность, а я тем временем думала лишь о том, как избавиться от него, но своими поступками навлекла на него грозную опасность. Я, разумеется, этого не хотела, но факт остается фактом. Даже сейчас я размышляла, как бы мне отговорить его от поездки во Францию, потому что таким образом, то есть уехав с ним, я отдалилась бы от своей цели: круга каменных столбов.

— А есть возможность остаться в Шотландии? — спросила я, не глядя на него. Мне показалось, что темное пятнышко на одеяле двигается, но я не была вполне уверена, что это так. Пригляделась получше. Рука Джейми опустилась с волос мне на шею и начала ее поглаживать.

— Да, — сказал он. — Возможность намечается. За этим-то Дугал меня и дожидался, у него есть новости.

— Правда? Какие?

Я снова повернулась к нему лицом; от этого движения его пальцы натолкнулись на мое ухо и принялись за ним почесывать, отчего мне захотелось выгнуть шею и замурлыкать, словно кошка. Но я подавила такое желание — уж очень мне интересно было узнать, в чем дело.

— От Колама приехал посланный, — заговорил Джейми. — Он не рассчитывал найти нас здесь, но случайно встретился с Дугалом на дороге. Дугал должен немедленно вернуться в Леох, а налоги дособерет Нед Гоуэн. Дугал хочет, чтобы мы поехали с ним.

— Назад в Леох? — Это была не Франция, но немногим лучше. — Зачем?

— Скоро там ждут гостя, английского вельможу, который и прежде имел отношения с Коламом. Это влиятельный человек, и, может быть, удастся уговорить его помочь мне. Ведь я же не был судим и приговорен по обвинению в убийстве. Этот человек мог бы закрыть дело или добиться помилования. Мне претит быть помилованным за то, чего я не совершал, но лучше помилование, чем виселица.

— Да, это верно.

Пятнышко определенно двигалось. Я скосила глаза, пытаюсь следить за ним.

— А кто этот английский вельможа? — спросила я.

— Герцог Сандрингем.

Я подскочила с громким восклицанием.

— Что с тобой, Саксоночка? — встревожился Джейми.

Дрожащим пальцем я показала на темное пятнышко, которое теперь уже переместилось Джейми на ногу и медленно, но настойчиво ползло по ней.

— Что это? — спросила я.

Он пригляделся и небрежно сбросил с себя ползуна ногтем.

— Это? Всего-навсего клоп, Саксоночка. Ничего такого...

Он не договорил, потому что я выскочила из постели. Выпуталась из одеяла молниеносно при слове «клоп» и прижалась к стене как можно дальше от гнезда паразитов, которым я теперь считала наше ложе.

Джейми глядел на меня испытующе.

— Как ты говорила? Разозленный петух, что ли? — Он наклонил голову, продолжая меня изучать. — Ммм, — промычал он и поднял руку, чтобы пригладить свои волосы. — Значит, разозленный? А ты, когда просыпаешься, выглядишь этакой пушистой малюткой, право слово.

Он переместился на край кровати и протянул руку.

— Иди сюда, мой маленький репейник. Мы уедем, отсюда не раньше, чем солнце сядет. Если мы не ляжем спать, то...

В конце концов мы все же немного поспали, устроившись на полу на твердой, но без паразитов постели из моего плаща и пледа Джейми.

Хорошо, что нам удалось поспать, пока была возможность. Дугал во что бы то ни стало хотел вернуться в Леох раньше, чем туда прибудет герцог Сандрингем, и придерживался быстрого темпа езды и жесткого расписания. Без телег, налегке, мы ехали достаточно быстро, несмотря на скверные дороги, но тем не менее Дугал подгонял нас, делая остановки лишь для самого короткого отдыха.

К тому времени, как мы въехали в ворота Леоха, мы были почти такими же грязными, как в тот день, когда я здесь оказалась впервые, и, конечно, столь же усталыми.

Я спешила во дворе, но была вынуждена ухватиться за стремя, чтобы не упасть. Джейми поддержал меня за локоть, но, поняв, что я не в силах стоять на ногах, подхватил меня на руки. Он пронес меня под аркой, оставив лошадей на попечение грумов и конюхов.

— Саксоночка, ты голодна? — спросил он, остановившись в коридоре.

Кухня находилась в одном направлении, а спальня — в противоположном. Я что-то промычала и попыталась открыть глаза. Я, само собой, была голодна, но чувствовала, что упаду лицом в тарелку с супом, если усядусь за еду до сна.

Откуда-то сбоку послышался какой-то шум, я с трудом подняла веки и заметила массивную фигуру мистрисс Фиц-Джиббонс, возникшую словно из тумана.

— Что стряслось с бедной девочкой? — спросила она у Джейми. — Несчастный случай?

— Нет, она только вышла за меня замуж, — ответил Джейми. — Если вы склонны считать это несчастным случаем, воля ваша.

Он шел теперь близко к стене, пробиваясь сквозь толпу служанок, грумов, поваров, садовников, вооруженных стражей и прочих обитателей замка, которых привлекли в коридор громкие расспросы мистрисс Фиц-Джиббонс.

Джейми держался правой стороны, направляясь к лестнице, и по пути отрывисто отвечал на лавину вопросов, сыпавшихся на него отовсюду. Прижавшись к его груди и лупая глазами по-совиному, я могла лишь молча кивать в ответ на поздравления окружающих, на лицах которых светилось доброжелательство, смешанное с любопытством.

Когда мы свернули за угол по проходу, я увидела одно лицо, гораздо более приветливое, чем все другие. Это было лицо Лаогеры, которая прямо-таки засияла при звуке голоса Джейми. Но едва она увидела, что он несет на руках, глаза у нее так и распахнулись, а розовый ротик, похожий на бутончик, раскрылся непозволительно широко с точки зрения приличий.

Но ей не представилась возможность обратиться к Джейми с расспросами, потому что шум и суматоха вокруг нас внезапно оборвались. Джейми остановился. Я приподняла голову и увидела Колама, чье удивленное лицо оказалось как раз на уровне моего собственного.

—Что... —начал Колам.

—Они поженились, — объявила, сияя, мистрисс Фиц. — Какая прелесть! Дайте им своё благословение, сэр, а я пойду приготовлю для них комнату.

Она повернулась и заспешила к лестнице, оставив среди толпы заметную брешь. Я снова увидела Лаогеру, бледную донельзя.

Колам и Джейми говорили друг с другом, вопросы и ответы сталкивались на полпути. Я начала пробуждаться — ведь речь у них шла главным образом обо мне.

— Хорошо, — произнес наконец Колам не слишком обрадованно. —

Поженились так поженились. Я должен потолковать с Дугалом и Недом Гоуэном, следует обсудить кое-какие юридические вопросы. Тебе кое-что полагается после женитьбы по условиям контракта о приданом твоей матери.

Я почувствовала, что Джейми слегка напрягся.

— Поскольку вы об этом упомянули, — произнес он небрежным тоном, — я полагаю, это так и есть. В частности, мне причитается некоторая доля доходов с земель Макензи. Дугал привез с собой то, что он собрал. Быть может, вы сообразоволяете попросить его отложить мою долю, когда он подведет счет? А теперь, дядя, простите меня, пожалуйста, но моя жена очень устала.

И, подхватив меня покрепче, он направился к лестнице.

Я проковыляла по комнате на все еще подгибающихся ногах и с чувством благодарности рухнула на огромную кровать с балдахином, которую нам предоставили по статусу молодоженов. Она была такая мягкая, зовущая и — благодаря заботе вездесущей мистрисс Фиц — чистая. Я подумала, не стоит ли она того, чтобы я сделала над собой усилие и умылась, прежде чем поддамся искушению уснуть.

Едва я подумала, что поднять меня сейчас могла бы разве что труба архангела Гавриила^[36], как вдруг увидела, что Джейми успел не только умыться, но и причесался и направляется к двери.

— Разве ты не собираешься лечь спать? — удивилась я, так как считала, что Джейми устал не меньше моего, разве что сидеть в седле ему не было больно.

— Я ненадолго, Саксоночка. У меня есть небольшое дело. — И он вышел, а я осталась сидеть, уставившись на дубовую дверь, с очень неприятным ощущением где-то в глубине желудка. Я помнила выражение радостного ожидания на лице у Лаогеры, когда она вышла из-за угла, услышав голос Джейми, помнила и сменившее его выражение гневного разочарования, едва она увидела меня у него на руках. Помнила я и то, что Джейми на мгновение сам весь напрягся при виде Лаогеры, — какая досада, что я в тот момент не могла посмотреть ему в лицо! Мне бы очень этого хотелось! Похоже, что теперь он ушел не отдохнув, но зато умывшись и причесавшись, чтобы разыскать Лаогеру и рассказать ей о нашем браке. Если бы тогда в коридоре мне удалось увидеть его выражение, я бы сейчас представляла себе, что именно он ей скажет.

Полностью поглощенная событиями прошедшего месяца, я начисто забыла о девушке и о том, что она могла значить для Джейми, а он для нее. Правда, я подумала о ней, когда встал вопрос о нашем с Джейми

скоропалительном браке, но он ничем не показал, что она может оказаться помехой в каком бы то ни было смысле.

Но, конечно, если ее отец не даст согласия на брак дочери с человеком вне закона, а Джейми нужна жена, чтобы получать свою долю доходов Макензи... ну, в таком случае ему все равно, что одна жена, что другая, он взял бы ту, какая подвернулась. Я считала, что достаточно хорошо узнала Джейми, чтобы представлять себе, насколько глубоко укоренилась в нем практичность: так и должно было произойти с человеком, который последние четыре года, по существу, провел в бегах. Он, принимая решения, не стал бы руководствоваться сантиментами по поводу привлекательности розовых щечек и волос цвета расплавленного золота. Но это не значит, что ни сантиментов, ни привлекательности не существует вообще.

Была же, в конце концов, та маленькая сценка в алькове, свидетельницей которой я стала: Джейми держал девушку на коленях и пылко ее целовал (мне вспомнилось, как он говорил мне, что ему приходилось обнимать женщин и что сердце у него при этом колотилось, а дыхание прерывалось)... Тут я обнаружила, что крепко сжимаю в руках и укладываю в складки край зелено-желтого одеяла. Я бросила это занятие и отерла подолом рубашки руки, только теперь, заметив, какие они у меня грязные, — два дня подряд я не выпускала из них поводья, а умыться возможности не было.

Я встала и подошла к лохани с водой, забыв о своей усталости. К собственному немалому удивлению, я обнаружила, что мне неприятно вспоминать, как Джейми целовал Лаогеру. Он сказал во время нашего разговора по дороге: «Лучше жениться, чем сгорать от возжеления, а я тогда именно сгорал от возжеления». Я и сама почувствовала этот огонь, вспомнив о том, как действовали на меня поцелуи Джейми.

Я плескала воду на пылающие щеки, брызгалась, стараясь охладить свои чувства. Твердо напомнила себе, что у меня не может быть никаких претензий по поводу привязанностей Джейми. Я вышла за него по необходимости. И он женился на мне по своим соображениям, одним из которых было откровенное желание расстаться с девственным состоянием.

Другое соображение тоже ясно: ему нужна была жена, чтобы получать собственное достояние, но сосватать девушку своего круга он не мог. Соображение куда менее приятное, чем первое, чтобы не сказать низменное.

Сон совсем прошел; я не спеша сняла свою грязную дорожную одежду и надела чистую сорочку, предусмотрительно доставленную в комнату—

так же, как кувшин и лохань с водой, — прислужницами мистрисс Фиц. Как она управилась со всеми приготовлениями для двух новобрачных за то короткое время, пока Джейми разговаривал с Коламом, а потом мы поднимались наверх, останется загадкой в веках. Мистрисс Фиц, подумалось мне, управилась бы и с американской гостиницей «Уолдорф Астория», да и с лондонским отелем «Ритц», пожалуй, тоже.

Эта мысль неожиданно пробудила во мне более сильную тоску по моему собственному миру, чем во все предыдущие дни. Что я делаю здесь? — спросила я себя в тысячный раз. Здесь, в этом чужом для меня месте, в недостижимом расстоянии от всего близкого и знакомого, от дома, мужа и друзей, брошенная на произвол судьбы, одинокая среди людей, которые очень похожи на дикарей? Я начала себя чувствовать в безопасности, а порою даже счастливой в последние недели с Джейми. Но сейчас вот я осознала, что счастье это иллюзорно, если и остается безопасность.

Я не сомневалась, что Джейми будет верен принятым на себя обязательствам, он станет защищать меня и в дальнейшем от любых тревог и угроз. Но, возвратившись сюда после нескольких дней, похожих на сон и проведенных в полной обособленности среди диких холмов и на пыльных дорогах, в грязных гостиницах и на благоуханных стогах сена, он, как и я, попадет под обаяние прежних отношений. За месяц нашего брака мы постепенно сближались все сильнее, но в последние напряженные дни эта близость, как я чувствовала, дала трещину, и мне начало казаться, что она может полностью рухнуть после возвращения к обыденной реальности замка Леох.

Я прислонилась головой к каменному косяку окна и стала смотреть во двор. Алек Макмагон и двое его помощников на дальней от меня стороне двора чистили лошадей, на которых мы приехали. Животные, впервые за два дня накормленные и напоенные вдоволь, с явным удовольствием отдавались движениям рук, которые чистили скребницами лоснящиеся бока и оттирали пучками соломы грязь моего плотненького кургузого Фистла, который радостно последовал на заслуженный отдых в стойло.

Я подумала, что вместе с лошадью уходит от меня надежда на близкое бегство и на возвращение домой. О Фрэнк! Я закрыла глаза, и по щеке возле носа поползла крупная слеза. Я открыла глаза пошире, снова глянула на двор, а потом крепко зажмурилась и попробовала вызвать перед собой облик Фрэнка. Но в то мгновение, как я смежила веки, передо мной возник не мой любимый муж, а его предок Джек Рэндолл, полные губы которого искривила злобная усмешка. Испуганное этим образом воображение тотчас

вызвало из глубин памяти облик Джейми, каким я его увидела на окне комнаты Рэндолла — с выражением страха и гнева на лице. Как я ни старалась, я не могла представить себе со всей ясностью, казалось бы, такие знакомые черты Фрэнка.

Внезапно мне сделалось холодно от страха, я обхватила себя ладонями за локти. А что было бы, если бы я сумела убежать и нашла дорогу к каменным столбам? Что было бы потом? Джейми, надеюсь, вскоре бы утешился — хотя бы с той же Лаогерой. Я тогда беспокоилась о том, как он отнесется к моему исчезновению. Но если не считать минутного приступа сожаления, охватившего меня на берегу потока, я, пожалуй, всерьез не задумывалась о том, как подействует на меня разлука с ним.

Задумавшись, я то развязывала, то снова стягивала концы завязки на воротнике моей сорочки. Если я и в самом деле собираюсь отсюда бежать, я должна вести себя так, чтобы связь между мной и Джейми не становилась теснее. Я не должна позволить ему полюбить меня по-настоящему.

Если у него вообще пробуждается нечто подобное, подумала я, снова вспомнив Лаогеру и разговор с Коламом. Если он женился на мне только по расчету — а похоже, что так, — то, скорее всего, его чувства в большей безопасности, чем мои.

Усталая, голодная, полная разочарования и неуверенности, я к этому времени довела себя до такого состояния, что не могла ни уснуть, ни просто посидеть спокойно на месте. Совершенно несчастная, я бесцельно бродила по комнате, хватая какие-то предметы и потом оставляя их где попало.

Ток воздуха из открытой двери нарушил неустойчивое равновесие гребешка, которым я балансировала на кончике пальца, и возвестил возвращение Джейми. Он слегка покраснел и был явно возбужден.

— А, ты не спишь, — сказал он, удивленный и почему-то смущенный тем, что нашел меня бодрствующей.

— Да, — ответствовала я сурово. — А ты надеялся, что я сплю и ты сможешь к ней вернуться?

Он на секунду сдвинул брови, но тут же поднял их вопросительно.

— К ней? Ты имеешь в виду — к Лаогере?

Это имя, произнесенное с типично шотландской певучей растяжкой — Л-ээ-ра, — вызвало во мне необъяснимый гнев.

— Так ты все-таки был с ней! — прорычала я. Джейми смотрел на меня удивленно, с настороженностью и некоторой обидой.

— Да, — сказал он. — Я встретил ее возле лестницы, когда вышел. С тобой все в порядке, Саксоночка? Ты выглядишь немного беспокойно.

Я взяла зеркало, взглянула на себя и обнаружила, что волосы у меня торчат густой нечесаной гривой вокруг головы, а под глазами обозначились темные круги. Я положила зеркало с глухим стуком.

— Со мной все в полнейшем порядке, — заявила я, стараясь взять себя в руки. — А как Лаогера?

— Просто великолепно, — отвечал он, прислонившись спиной к двери, скрестив руки на груди и внимательно меня разглядывая. — Мне кажется, она удивилась, узнав о нашей женитьбе.

— Великолепно, — повторила я и глубоко вздохнула. Подняв глаза, я обнаружила, что Джейми смотрит на меня с усмешкой.

— Тебя почему-то беспокоит эта девчоночка? — спросил он не без иронии. — Она для тебя ничего не значит... и для меня тоже, — добавил он.

— Ах, не значит? Она не захотела бы — или не могла бы выйти за тебя замуж. А ты должен был взять кого-то в жены и взял меня, благо случай подвернулся. Я не вправе упрекать тебя за это, но я...

Он в два прыжка пересек комнату и схватил меня за руки, не дав договорить. Одним пальцем поднял мою голову за подбородок.

— Клэр, — заговорил он ровным голосом, — в свое время я скажу тебе, почему я на тебе женился... или не скажу. Я просил тебя быть честной со мной. Как я честен с тобой. В том числе и сейчас. Эта девушка может претендовать лишь на мою учтивость, не больше. — Он надавил пальцем на мой подбородок. — Но такое право у нее есть, и я его уважаю. — Он ослабил нажим и чуть-чуть потрепал подбородок. — Ты слушаешь меня, Саксоночка?

— Да, я слушаю! — Я высвободилась и возмущенно потерла свой злосчастный подбородок. — Я уверена, что ты был с ней чрезвычайно учтив. Но в следующий раз задергивай занавески алькова, потому что я больше не хочу этого видеть.

Медно-рыжие брови взлетели вверх, а лицо покраснело.

— Ты подозреваешь, что я веду с тобой нечестную игру? — недоверчиво спросил он. — Мы вернулись в замок меньше часа назад, я весь покрылся потом и пылью за два дня в седле, устал до того, что у меня дрожат колени, а ты считаешь, что я прямоком отправился обольщать шестнадцатилетнюю девочку? — Он ошеломленно покачал головой. — Не могу понять, то ли ты хочешь сделать комплимент моим мужским способностям, Саксоночка, то ли порицаешь мою нравственность, но ни то, ни другое меня сейчас не волнует. Мурта предупреждал меня, что женщины нелогичны, но Господи Иисусе! — Он взъерошил волосы, своей

огромной рукой, и они встали дыбом.

— Я совсем не думала, что ты отправился ее обольщать, — сказала я, стараясь, чтобы голос мой звучал как можно спокойнее. — Я всего-навсего имею в виду... — Тут мне пришло в голову, что Фрэнк умел улаживать подобные проблемы куда изящнее, чем это собиралась сделать я, да я к тому же еще злилась. — Я просто хочу сказать, — начала я снова, — что ты женился на мне по своим причинам, и эти причины, разумеется, твое личное дело, — поспешила добавить я, — и у меня нет к тебе никаких претензий. Ты совершенно свободен вести себя, как тебе нравится. Если у тебя... словом, если есть какая-то привязанность где-то... то я не стану тебе мешать, — косноязычно закончила я двою речь.

Щеки у меня горели, и уши тоже. Подняв глаза, я увидела, что и у него уши горят, да и весь он покраснел, начиная от шеи и выше. Даже глаза его, покрасневшие от недосыпания, казалось, слегка пламенели.

— Нет претензий ко мне! — воскликнул он. — А как ты думаешь, милочка, что такое венчание и обеты? Просто разговоры в церкви? — Он с такой силой ударил себя в грудь большим кулаком, что закачался фарфоровый кувшин на столике. — Нет претензий, — пробормотал он как бы про себя. — Свободен вести себя как захочу. И ты не будешь мне мешать?

Он нагнулся, стянул с ног башмаки, потом поднял их и изо всех сил запустил в стену сначала одним, а следом и другим. Я даже вздрагивала, когда каждый из башмаков бухался о камень и отскакивал на пол. Джейми сдернул с себя плед и не глядя отшвырнул его назад. Потом подступил ко мне, сверкая глазами.

— Итак, ты не имеешь на меня никаких прав, Саксоночка? Предоставляешь мне возможность развлекаться, как я пожелаю, да? Так или нет?

— Н-ну да, — ответила я, невольно отступая на шаг назад. — Именно это я имела в виду.

Он сгреб мои руки в свои, такие горячие от волнения, что мне казалось, они обжигают мне кожу, и я попыталась высвободиться.

— Ну если ты не имеешь на меня прав, — продолжал он, — то я имею на тебя по крайней мере одно право. Иди сюда!

Он взял мое лицо в свои ладони и прижался губами к моим губам. В этом поцелуе не было ни нежности, ни просьбы, и я воспротивилась ему, попыталась уклониться.

Джейми нагнулся и подхватил меня одной рукой под колени, не обращая внимания на мое сопротивление. До сих пор я не знала, до какой

степени он силен.

— Отпусти меня! — закричала я. — Что ты собираешься делать?

— Я полагаю, тебе это должно быть совершенно ясно, Саксоночка, — процедил он сквозь стиснутые зубы. Он опустил голову, и глаза его горели передо мной, как раскаленное железо. — Но если ты хочешь, чтобы я сказал, то вот тебе мой ответ: я собираюсь уложить тебя в постель. Сейчас. И буду держать тебя там до тех пор, пока ты не узнаешь, какое право я имею на тебя.

И он еще раз поцеловал меня — намеренно жестко, заглушив мой протест.

— Я не хочу спать с тобой! — заявила я, как только он оставил в покое мои губы.

— Я и не собираюсь спать, Саксоночка, — ответил он спокойно. — По крайней мере теперь.

Он подошел к кровати и бережно уложил меня на затканное розами одеяло.

— Ты отлично знаешь, что я имею в виду, черт тебя побери! — Я повернулась, намереваясь, соскочить по другую сторону кровати, но он остановил меня, крепко ухватив за плечо и повернув лицом к себе. — Я не хочу заниматься с тобой любовью!

Голубые глаза уставились на меня с близкого расстояния, и дыхание застряло у меня в глотке.

— Я тебя не спрашиваю о твоих предпочтениях на этот счет, — проговорил он угрожающе низким голосом. — Ты моя жена, о чем я говорил тебе достаточно часто. Если ты не хотела выходить за меня, у тебя был выбор. Если ты не обратила внимания вовремя, то напоминаю, что твоя часть обета включала слово «повиноваться». Ты моя жена, и я хочу тебя, женщина, и возьму тебя, чтоб черти меня побрали! — Голос его все повышался, и под конец он почти кричал.

Я встала на колени, прижала кулаки к бокам и тоже закричала на него. Страдания последнего часа поставили меня на грань срыва, и я позволила себе взорваться:

— Будь я проклята, если отдамся тебе, ты, наглая свинья! Ты воображаешь, что можешь приказывать мне ложиться с тобой в постель? Употреблять меня как шлюху, как только войдешь в охоту? Не выйдет, ты, затраханый ублюдок! Сделай это, и тогда ты не, лучше твоего драгоценного капитана Рэндолла!

Он смотрел на меня всего мгновение, потом вдруг встал и отошел в сторону.

— Уходи, — сказал он, мотнув головой в сторону двери. — Если ты так думаешь обо мне, то уходи. Я не стану тебя преследовать.

Я замолчала, наблюдая за ним. Зубы у него были стиснуты от гнева, он нависал надо мною, словно Колосс Родосский^[37]. Свой темперамент он на этот раз крепко держал в узде, но разгневан был так же сильно, как на дороге к Дунсбери. Но он сказал что думал. Если бы я предпочла уйти, он бы меня не удерживал.

Я задрала подбородок вверх и стиснула челюсти так же крепко, как и он.

— Нет, — ответила я. — Нет. Я не привыкла спасаться бегством. И я тебя не боюсь.

Его взгляд задержался на Моем горле, где как бешеный колотился пульс.

— Да, я вижу, — произнес он, глядя на меня сверху вниз.

На лице у него постепенно появилось выражение вынужденной уступчивости. Он присел на кровать, подальше от меня, я тоже села — с опаской. Он несколько раз глубоко вздохнул, лицо мало-помалу приняло обычный для него бронзовый оттенок.

— Я тоже не привык убегать, — сказал он ворчливо. — Ладно. Скажи мне, что значит «затраханый».

Мое удивление было столь очевидным, что он поспешил объяснить:

— Если ты непременно должна давать мне прозвания, дело твое. Но я не хочу выслушивать то, на что не могу ответить. Я понимаю, что слово это грязное, судя по тому, как ты его выговорила. Но что оно значит?

Он захватил меня врасплох, и я засмеялась — несколько смущенно.

— Оно значит... ну, оно значит то... что ты хотел сделать со мной.

Одна бровь взлетела вверх, на лице появилась кривая усмешка.

— А, значит, перепихнуться? Я был прав, словечко очень грязное. А что такое садист? Ты меня один раз так назвала.

Я подавила желание рассмеяться.

— Ну, это такой человек, который... э-э... получает сексуальное удовлетворение, причиняя боль.

Лицо у меня побагровело, но сдержать улыбку я так и не смогла. Джейми фыркнул.

— Ты не очень-то мне льстишь, — сказал он, — но я не могу возразить на твои замечания.

Он глубоко вздохнул, откинулся назад и расцепил руки. Расправил пальцы, положил руки ладонями на колени и посмотрел мне в лицо.

— Что же это такое? Почему ты так себя ведешь? Девушка? Я сказал

тебе тогда чистую правду. Но это не повод для доказательства. Это вопрос о том, веришь ли ты мне или нет. Ты веришь мне?

— Да, я тебе верю, — неохотно призналась я. — Но дело не в этом. Или не только в этом, — добавила я в порыве к полной честности. — Я думаю, дело в том... словом, обнаружилось, что ты женился на мне из-за денег, которые ты должен получать. — Опустив глаза, я водила пальцем по узорам на одеяле. — Я знаю, что не имею права жаловаться, ведь я тоже вышла за тебя из эгоистических побуждений, но... — Я прикусила губу и сглотнула, чтобы голос звучал яснее. — Но и у меня ведь есть своя гордость, знаешь ли.

Я бросила на него взгляд исподтишка и обнаружила, что он уставился на меня с выражением полной ошеломленности.

— Деньги? — произнес он пренебрежительно.

— Да, деньги! — Меня возмутила эта его небрежность. — Когда мы вернулись, ты поспешил выложить Коламу, что ты женился и теперь требуешь свою долю из доходов Макензи.

Он некоторое время глядел на меня с открытым ртом, как будто собирался что-то сказать. Вместо этого он начал мотать головой из стороны в сторону, а потом захохотал. Закинул голову назад и закатился, опустил голову на руки и все еще продолжал истерически смеяться. Я в негодовании откинулась на подушку. Что тут смешного?

Все еще мотая головой, он встал, тяжело дыша, и взялся за пряжку поясного ремня. Я невольно вздрогнула, и он это заметил. Гнев и веселье все еще смешивались странным образом у него на лице, но на меня он посмотрел в полном раздражении.

— Нет, — сказал он сухо, — я не собираюсь тебя бить. Я дал тебе слово никогда не повторять этого — вот уж не думал, что пожалею об этом так скоро.

Он положил ремень и начал рыться в прикрепленном к нему спорране.

— Моя доля в доходах Макензи составляет около двадцати фунтов за квартал, Саксоночка, — сказал он, перебирая какие-то непонятные вещицы в сумке из шкуры барсука. — И это шотландские фунты, а не фунты стерлингов. Цена примерно полкоровы.

— И это все? — глупо спросила я. — Но...

— Это все, — подтвердил он. — Все, что я когда-либо смогу получать от Макензи. Ты, должно быть, заметила, что Дугал — человек прижимистый, так вот Колам в два раза прижимистей. Но даже из-за такой огромной суммы, как двадцать фунтов в квартал, вряд ли стоит жениться, думается мне, — добавил он не без сарказма. — Я не стал бы сразу

спрашивать о деньгах, — продолжал он, достав наконец из споррана маленький бумажный пакет, — но они мне были нужны, чтобы купить одну вещь. Вот какое у меня было дело, а с Лаогерой я встретился случайно.

— Какую же вещь ты так сильно хотел купить? — спросила я подозрительно.

Он вздохнул, помедлил — и бросил мне на колени крошечный сверток.

— Обручальное кольцо, Саксоночка, — ответил он. — Я купил его у Юэна-оружейника, он делает такие вещицы в свободное время.

— Ох, — скорее выдохнула чем произнесла я.

— Ну же, — подбодрил меня Джейми чуть погодя. — Разверни его. Оно твое.

Контуры маленького пакета расплылись перед глазами. Я моргала и сопела, но не разворачивала пакет.

— Я очень жалею, — сказала я.

— Пожалуй, так и следует, Саксоночка, — отозвался Джейми, но голос у него уже не был сердитым.

Дотянувшись, он взял пакетик с моих колен и разорвал обертку, вынув из нее широкое серебряное кольцо, выполненное в шотландском стиле — из переплетенных между собою звеньев, причем в центре каждого из них было вырезано крохотное изящное изображение цветка чертополоха.

Я смотрела и смотрела, пока глаза мои не затуманились снова.

Я достала платок и постаралась остановить им поток слез.

— Оно... прекрасно, — откашлявшись, выговорила я.

— Ты будешь носить его, Клэр? — Теперь голос Джейми был нежным, и он назвал меня по имени, что делал либо в случаях официальных, либо с особой лаской, — и едва не довел меня этим снова до слез. — Ты не обязана делать это, — сказал он, серьезно глядя на меня поверх сложенной чашечкой ладони. — Для нас достаточно брачного контракта — он законный. Ты под защитой, ты в безопасности от чего бы то ни было, за исключением правомочных инстанций, но и от них, кстати, тоже, пока ты находишься в замке Леох. Если хочешь, мы можем спать отдельно, наверное, именно это ты имела в виду, когда городила всякую чепуху о Лаогере. Ты можешь не иметь со мной дела, если это твой честный выбор.

Он замолчал и сидел неподвижно, сидел и ждал, прижимая к сердцу крошечный обруч.

Итак, он предоставлял мне выбор, который я намеревалась предложить ему. Связанный со мной в силу обстоятельств, он готов был отказаться от своих прав, если я его отвергну. Была, конечно, и альтернатива: принять кольцо — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Солнце клонилось к закату. Его последние лучи пронизали синий стеклянный графин, который стоял на столе, и бросили на стену сияющий лазурный отблеск. Я почувствовала себя такой же хрупкой и сияющей, как стекло: дотронься до меня — упаду и разобьюсь о пол на блестящие осколки. Если я намеревалась пощадить либо чувства Джейми, либо свои собственные, то, кажется, я несколько запоздала.

Я не могла говорить, но протянула ему свою правую руку, пальцы слегка дрожали. Прохладное и светлое кольцо скользнуло через сустав к самому основанию пальца — оно было мне впору. Джейми взял мою руку, подержал немного, потом вдруг поднес ее к губам. Поднял голову, и я на минуту увидела перед собой его взволнованное лицо, прежде чем он резким движением усадил меня к себе на колени.

Он крепко прижал меня к себе, не говоря ни слова, и я чувствовала, что пульс у него на шее бьется так же сильно и часто, как у меня. Он положил руки на мои обнаженные плечи и отстранил меня от себя; я взглянула снизу вверх на его лицо. Его руки были такие большие и теплые... у меня немного закружилась голова.

— Я хочу тебя, Клэр, — произнес он задыхающимся голосом и ненадолго умолк, словно не знал, что еще сказать. — Я так хочу тебя, что едва могу дышать. А ты... — Он сглотнул, потом откашлялся. — Хочешь ли ты меня?

К этому времени я обрела голос — тоненький и дрожащий, но все-таки голос.

— Да, — ответила я. — Я хочу тебя.

— Я думаю... — начал он, но снова замолчал. Нащупал застёжку килта, поглядел на меня и вдруг опустил руки. Заговорил с трудом, едва справляясь с чем-то таким сильным, что руки дрожали от напряжения. — Я не... я не могу... Клэр, я не смогу быть нежным.

Я успела только кивнуть в знак того, что принимаю условие, как он опрокинул меня и всем своим весом пригвоздил к кровати.

Он даже не разделся до конца. Я чувствовала запах дорожной пыли на его рубаше и ощущала привкус солнца и пота на его коже. Он раскинул мне руки, ухватив за запястья. Одна рука коснулась стены, и я услышала, как одно из обручальных колец слабо чиркнуло по камню. По кольцу на каждую руку, одно золотое, другое серебряное. Тонкие обручи из металла, неожиданно тяжелые, как узы брака, они словно крохотные кандалы приковали меня к постели, распростертую, растянутую между двумя полюсами, прикованную, подобно Прометею на его одинокой скале, терзаемую любовью, которая надрывала мне сердце. Он раздвинул мне

ноги коленом и вошел в меня до корня одним толчком — я задохнулась от такого удара. Он почти застонал и стиснул меня крепче.

— Ты моя, mo dúinne, — тихо произнес он. — Только моя, теперь и навсегда. Моя, хочешь ты этого или нет.

Я попыталась расслабить его объятия, вздохнула и слабо ахнула, когда он вошел в меня еще глубже.

— Да, сегодня я хочу измучить тебя, моя Саксоночка, — шептал он. — Хочу обладать тобой, владеть твоим телом и душой.

Я слабо противилась, но он налег на меня всем телом и неумолимо наносил удар за ударом, каждый из которых проникал до самой матки.

— Я хочу, чтобы ты называла меня хозяином. Я хочу сделать тебя своей. — В его мягком голосе звучала угроза мести за мучения последних минут.

Я вздрагивала и стонала, плоть моя содрогалась в спазмах от болезненных толчков. Они продолжались неумолимо, минута за минутой, поражали меня снова и снова, и каждый раз то была острая грань между страданием и наслаждением. Я словно бы растворилась, я существовала лишь как точка приложения силы, вынуждаемая дойти до самой крайней степени покорности.

— Нет! — выдохнула я. — Остановись, пожалуйста, ты причиняешь мне боль.

Капли пота стекали по его лицу и падали на подушку и мне на грудь. Наши тела сталкивались теперь со звуком удара; бедра мои болели от непрерывных толчков, запястья, казалось, вот-вот переломятся, но хватка его оставалась безжалостной.

— Да, проси меня о милосердии, Саксоночка. Но ты не получишь его, пока ты еще не получишь его.

Его дыхание было горячим и частым, но признаков усталости не ощущалось. Все мое тело напряглось, я обхватила Джейми ногами, чтобы усилить восприятие.

Я чувствовала толчок каждого удара всем животом, я корчилась от них, но в то же время бедра мои предательски принимали их. Он почувствовал мой отклик и усилил напор, надавив теперь мне на плечи, чтобы удержать меня распластанной под ним.

— Да! — крикнула я. — О Джейми, да!

Он схватил меня за волосы и откинул мою голову, чтобы я посмотрела ему в глаза, сверкающие неистовым триумфом.

— Да, Саксоночка, — пробормотал он, отвечая скорее на мои движения, чем на слова. Я вскрикнула, он зажал мне рот губами, но это был

не поцелуй, а еще одно нападение. Я выгнулась под ним, принимая удар за ударом. Я укусила его в губу и ощутила вкус крови.

Потом я почувствовала его зубы на своей шее и вцепилась ногтями ему в спину, провела ими сверху вниз от затылка до ягодиц, заставив его в свою очередь закричать от боли. Мы мучили друг друга в отчаянной потребности, кусались и царапались, стараясь пустить кровь, стараясь — каждый — вобрать в себя другого, терзали плоть в неистовой жажде единения. Мой крик смешался с его криком, и наконец оба мы растворились друг в друге в последний завершающий миг.

Я медленно пришла в себя, лежа головой на груди у Джейми; наши потные тела были еще плотно прижаты одно к другому, бедро к бедру. Возле самого моего уха сердце Джейми билось с той противоестественной разреженностью и силой, какие наступают после кульминации.

Он понял, что я очнулась, и притянул меня к себе, как если бы хотел продлить то единение, которого мы достигли в последние секунды нашего бурного соития. Я прикорнула возле него, обвив его руками.

Он открыл глаза и вздохнул, губы растянулись в улыбке, когда он встретил мой взгляд. Я подняла брови в безмолвном вопросе.

— О да, Саксоночка, — ответил он немного грустно. — Я твой хозяин... и ты моя. Но, кажется, я не могу завладеть твоей душой, не отдав тебе собственную.

Я чувствовала себя разбитой, и каждый мускул меня болел, когда я проснулась на следующее утро. Дотащилась до клозета, потом до лохани с водой. Внутри все переболталось, как в маслбойке. Меня словно долго били тупым предметом, что, впрочем, было близко к истине. Этот самый предмет я и увидела, подойдя к кровати, но выглядел он сейчас сравнительно безобидно. Его обладатель пробудился, когда я села рядом с ним, и поглядел на меня с выражением, которое я охарактеризовала бы как чисто мужское самодовольство.

— Кажется, это были тяжелые скачки, Саксоночка, — сказал он, легонько дотронувшись до синяка на внутренней стороне моего бедра. — Набила седлом, да?

Я прищурилась и показала пальцем на след глубокого укуса у него на плече:

— Ты и сам выглядишь немного потрепанным, паренек.

— Ясное дело, — заговорил он с подчеркнутым шотландским акцентом, — ежели спишь с мегерой, тебе уж точно достанется.

Он протянул руки, обхватил меня за шею и притянул к себе.

— Иди ко мне, моя мегерочка. Покусай меня еще.

— Нет-нет, не надо, — испугалась я. — Ничего не могу, у меня все болит.

Но Джеймс Фрэзер был не из тех мужчин, которым можно сказать «нет» и на этом успокоиться.

— Это будет очень нежно, — улещивал он меня, неумолимо затягивая к себе под одеяло.

И он был таким нежным, какими могут быть лишь очень большие и сильные мужчины, обращался со мной бережно, словно с перепелиным яичком, и эту нежную настойчивость я восприняла как продолжение вчерашнего урока. Он может быть нежным, но отказывать ему нельзя.

Потом, все еще держа меня в объятиях, он потрогал побледневшие синяки, оставленные его пальцами у меня на плечах два дня назад на обочине дороги.

— Ты прости меня за это, *mo duinne*, — сказал он, тихонько целуя их. — Я был не в себе, когда сделал это, но злость не оправдание. Стыдно причинять боль женщине, в себе ты или не в себе. Я больше никогда не буду.

Я засмеялась не без иронии.

— Ты извиняешься за эти вот? А за остальные? Я вся в синяках с головы до ног!

— О? — Он повернулся и окинул меня пристальным взглядом. — За эти, на плечах, я прошу прощения, а за те, — он легонько шлепнул меня пониже спины, — за те нет, ты их заслужила, и я солгал бы, сказав, что сожалею. Что касается этих вот, — он дотронулся до бедра, — я за них тоже не прошу прощения, потому что ты мне отплатила полной мерой. — Он, поморщившись, потер плечо. — Ты мне пустила кровь по меньшей мере дважды, Саксоночка, а спина у меня горит огнем.

— Что поделать, спал с мегерой, — усмехнулась я. — Извинений не дождешься.

Он засмеялся и повалил меня на себя.

— А я и не просил, чтобы ты извинялась. Если я помню правильно, я сказал: «Укуси меня еще разок».

Примечания

Красивый Принц Чарли — одно из прозваний принца Карла Стюарта (1720 — 1788), или Младшего Претендента, возглавлявшего якобитское восстание 1745 — 1746 гг.; якобиты — сторонники короля Якова II (правил в 1685 — 1688) и его наследников. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

Гэльский (иначе гаэльский, шотландский, эрский) язык — один из кельтских языков; распространён в северо-западной Шотландии, По происхождению — диалект ирландского языка.

Юбка (килт) — клетчатая шерстяная юбка до колен, национальное одеяние мужчин в Шотландии.

Друиды — жрецы у древних кельтов.

Клэр имеет в виду сходство увиденного сооружения с упоминаемым далее Стоунхенджем — всемирно известным памятником начала II тысячелетия до н.э., происхождение и предназначение которого обсуждается учеными в течение столетий; вопрос пока остается нерешенным.

Улонг — особый сорт черного китайского чая

Раками (буквально: омарами) шотландцы называли английских солдат за их красные мундиры

Волшебный орех, иначе гамамелис виргинский, — кустарник с желтыми цветами; плоды настаивают на спирту и настойку используют как антисептическое и вяжущее средство.

То есть прикрытой ради меньшего испарения влаги слоем соломы или перегноя.

Тартаны — шерстяные плоды геральдических цветов клана.

Эти строки переведены с английского С.Я. Маршаком; они принадлежат перу Роберта Бёрнса, родившегося в 1759 г. Поскольку действие романа происходит в 1743 г., автором допущен литературный анахронизм.

Галеон — старинный испанский парусный корабль.

Евангелие от Матфея, 6, 34

Анри де Тулуз-Лотрек (1864—1901) — знаменитый французский художник, страдавший врожденным недугом, который описывает героиня романа.

Уэльский (валлийский) язык — один из кельтских языков; распространён в Уэльсе (Великобритания) и в некоторых районах Аргентины.

Дандрегган (Випигедфап) означает в переводе Холм Дракона.

Неграмотные люди вели счет по зарубкам на деревянных палочках; одна зарубка (как мера счета) равнялась двадцати единицам.

Майский шест, или майское дерево, — столб, вокруг которого, украсив его лентами, танцуют 1 мая

Старинная шотландская народная баллада.

Берсерк — скандинавский неустрашимый витязь, доходивший до неистовства в сражении.

Немного больше 57 кг; стон — мера веса, равная 6, 36 кг.

Говорите ли вы по-французски? (фр.)

Отлично (фр.).

Кокни — обитатель лондонских предместий, а также особый говор этих людей; корнуолец — житель полуострова Корнуолл на крайнем западе Англии.

Пиктский крест — то есть установленный пиктами, составлявшими древнее население Шотландии; в IX веке пикты были завоеваны скоттами (шотландцами) и смешались с ними.

В русском переводе Библии это место звучит так: «Иаков сказал Ревекке, матери своей: Исав, брат мой, человек косматый, а я человек гладкий» (Бытие, 26, II).

Ньюкасл — центр угледобычи в Англии, главный город графства Тайн-энд-Уир.

Джигга, рил, стратспей — быстрые шотландские танцы.

Анжу — историческая область во Франции.

Вы говорите очень хорошо (фр.).

31

Этот день отмечается в Англии и Шотландии 31 октября.

Строки Катулла даны в переводе С.В. Шервинского.

Джейми, очевидно, имеет в виду якобитское восстание 1715 г. — как уже происходившее.

Фистл (англ. Thistle) — чертополох; это растение считается символом Шотландии.

То есть правоверный католик, признающий верховную власть Папы Римского.

По Библии, архангел Гавриил должен затрубить, призывая человечество на Страшный Суд.

Огромная статуя античного Бога солнца Гелиоса, установленная в III в. до н. э. у входа в гавань на о. Родос; одно из так называемых семи чудес света.